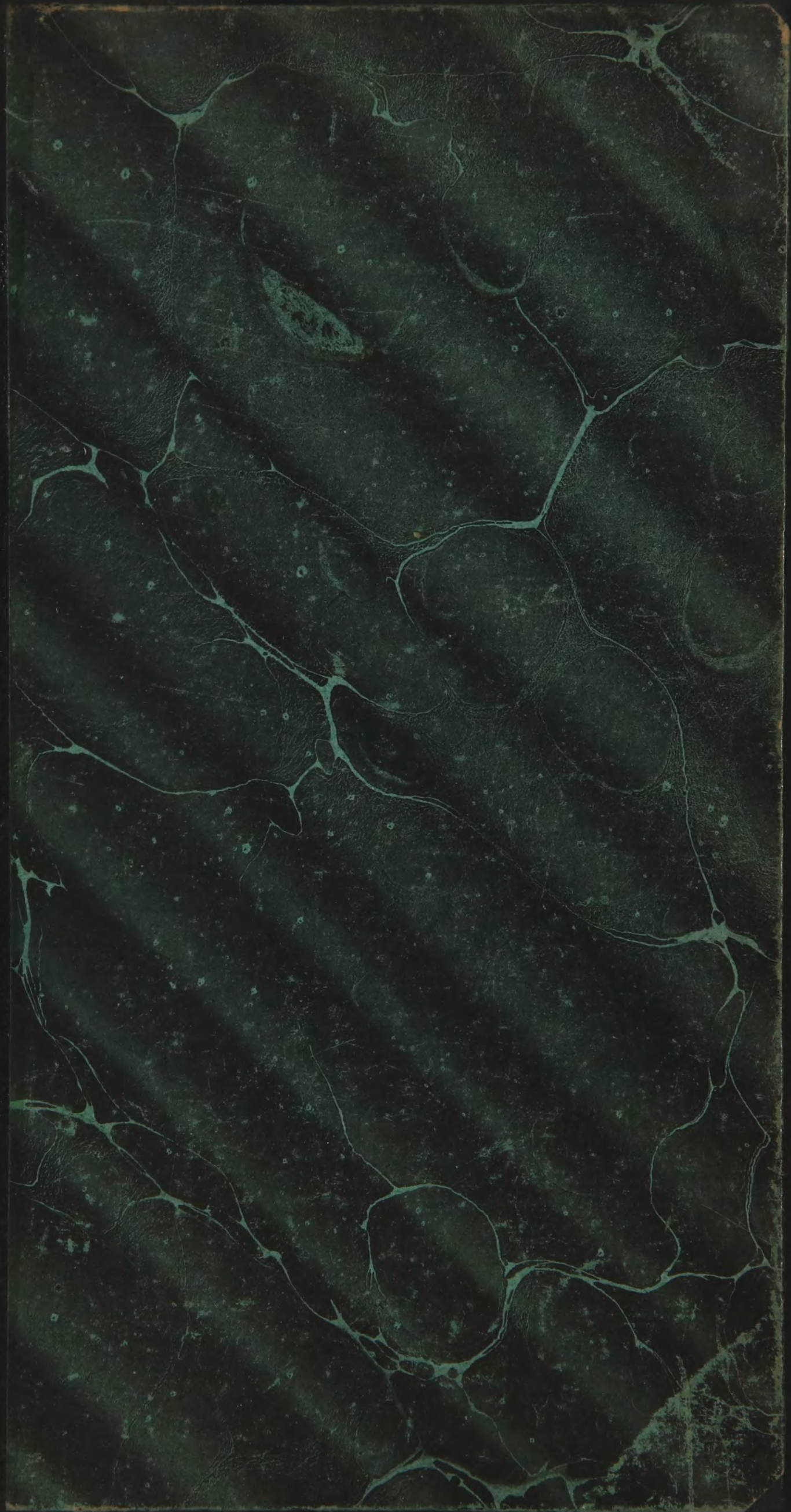

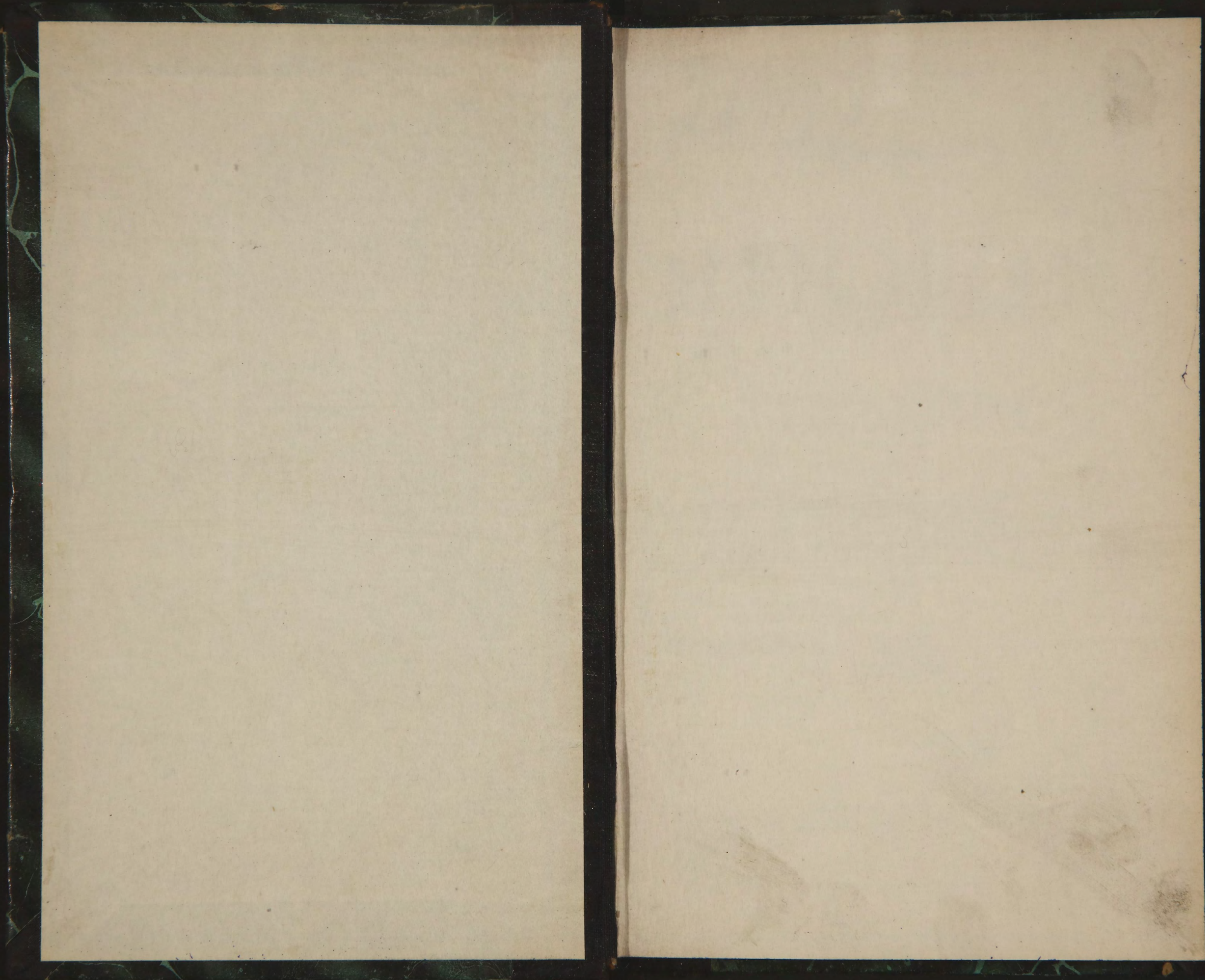
15

1776

1778

1780

21145

ГЕНРИХЪ ДЮМОЛАРЪ

ЯПОНИЯ

94/89

ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТРАНЫ

ФРАНЦУЗСКОЕ ИЗДАНИЕ ЭТОЙ КНИГИ, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ ПЕРУ
БЫВШАГО ПРОФЕССОРА ВЪ ТОКІЙСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, ОДО-
БРЕНО ФРАНЦУЗСКИМЪ МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРО-
СВѢЩЕНІЯ И ДОПУЩЕНО КАКЪ ВЪ УЧИТЕЛЬСКІЯ И ШКОЛЬНЫЯ
БИБЛИОТЕКИ, ТАКЪ И ДЛЯ ВЫДАЧИ ВЪ НАГРАДУ УЧАЩИМСЯ

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ «НОВАГО ЖУРНАЛА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»
(Ю. И. Булгакова)

М. Ф.

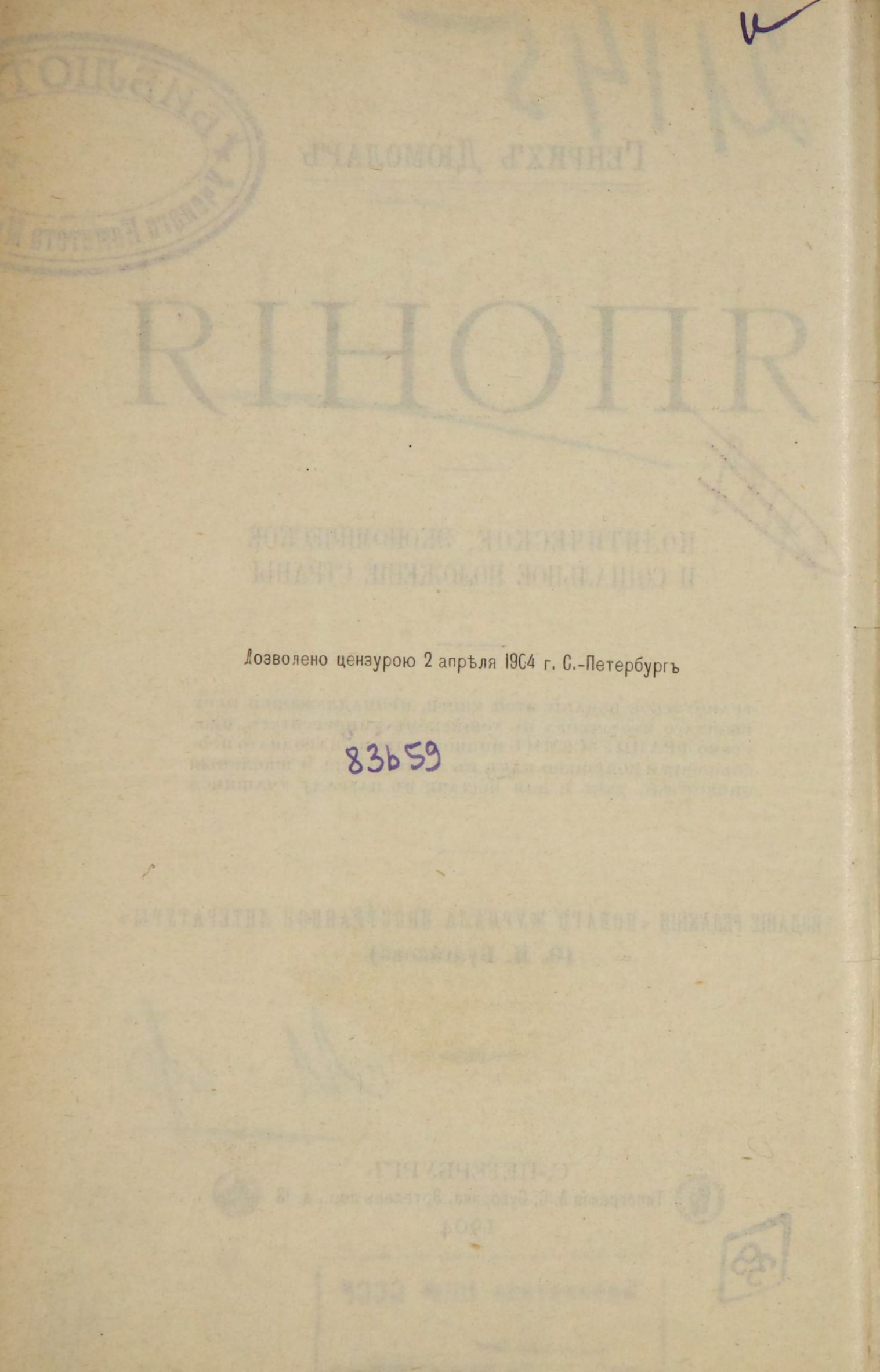
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1904

Библиотека ИИФ СССР

u

ГЕНЕРАЛЪ ДЮМОДАРЪ

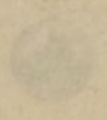
РИНОПР

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СЪОБЩЕНИЕ
И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЪВЪЗНИ

Дозволено цензурою 2 апрѣля 1904 г. С.-Петербургъ

83659

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ - ПЕРВАЯ ЖУРНАЛЬ ИЛИСТРАЦИОНАЯ ЧАСТЬ
ТОМЪ II (1904)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Томъ II, 1904 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Спѣшу предупредить читателей, что эта книга не представляет собою записокъ туриста. Разумѣется, я въ достаточной мѣрѣ цѣню чарующее разнообразіе прелестной страны, которая называется имперіей микадо. Проведя тамъ болѣе трехъ лѣтъ въ разъѣздахъ по всѣмъ направленіямъ, я во время этихъ скитаній наблюдалъ самыя интимныя стороны жизни страны, изучалъ различныя проявленія общественной дѣятельности, и потому, конечно, у меня не было бы недостатка въ матеріалѣ для подробнаго описанія нравовъ, для передачи разныхъ анекдотовъ и личныхъ воспоминаній; но все это уже было неоднократно рассказано съ большимъ талантомъ другими, и мнѣ кажется лишнимъ выступать снова на томъ же поприщѣ. Я думаю, что принесу больше пользы, оставаясь въ предѣлахъ особой, намѣченной мною себѣ задачи.

Мнѣ думается, что теперь явилась настоящая потребность узнать и изучить Японію, но не ту классическую Японію, которая была знакома намъ до сихъ поръ, Японію артистическихъ рисунковъ и бездѣлушекъ, Японію чайныхъ домиковъ, цвѣтовъ и загадочныхъ «мусмэ», а Японію могущественную, эту имперію съ 45 милл. жителей, съ ея уже испытанною

армією, съ ея флотомъ и броненосцами въ 15.000 тоннъ, съ ея современными фабриками и заводами, съ ея университетами, съ ея парламентомъ, съ ея политическими дѣятелями, съ ея прессою. Нынѣ, когда вопросъ о Дальнемъ Востокѣ безусловно становится самою важною проблемой политическаго будущаго, необходимо болѣе, чѣмъ когда-либо, узнать—чего хотеть и на что способна эта загадочная нація, которая вотъ уже тридцать пять лѣтъ стремится къ преобразованіямъ и къ утвержденію своего военного могущества.

Къ этому я долженъ прибавить, что для насъ, французовъ, болѣе, чѣмъ для кого-либо, важно познакомиться съ имперіей микадо, такъ какъ вслѣдствіе послѣднихъ англо-японскихъ и франко-русскихъ соглашеній Японія, по логикѣ вещей, можетъ явиться нашимъ противникомъ. Вотъ почему предлагаемый трудъ я посвящаю обзору различныхъ важнѣйшихъ проявленій политической, экономической и соціальной жизни этой страны, находящейся въ настоящее время въ періодѣ полного превращенія.

Тридцать шесть мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ Японіи и посвященныхъ исключительно изученію перечисленныхъ вопросовъ, а также то оффиціальное положеніе, которое я занималъ по отношенію къ правительству микадо, позволили мнѣ наблюдать такія стороны японской жизни, которыя до сихъ поръ были мало извѣстны, и я думаю, что мои наблюденія могутъ оказаться небезполезными.

Кромѣ того, я долженъ замѣтить, что самыя событія послужили къ тому, чтобы пребываніе мое въ Японіи было особенно интересно. Прибывъ на Дальній Востокъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда матросы адмирала Дидерикса, съ присущею нѣмцамъ развязностью, водружали въ ноябрѣ 1897 года прусскаго орла на побережьи Кіао-Чао, я съ тѣхъ поръ былъ свидѣтелемъ всѣхъ событій, явившихся послѣдствіемъ необычайной дѣятельности японской націи за эти послѣдніе годы. Я имѣлъ возможность, шагъ за шагомъ, прослѣдить, какіе скачки дѣлала по-

литика Японіи по отношенію къ Корей, тѣмъ болѣе, что эту политику я изучалъ на мѣстѣ, въ самомъ Сеулѣ, и въ главнѣйшихъ центрахъ этой несчастной «имперіи тихаго утра». Я былъ также свидѣтелемъ той блестящей роли, которую Японія играла въ послѣднихъ китайскихъ событіяхъ, и я никогда не забуду, что бѣольшую часть безконечныхъ переходовъ къ Пекину по зловоннымъ берегамъ Пэй-Хо я совершилъ въ обществѣ храбрыхъ маленькихъ солдатъ съ острова Ниппона.

Наконецъ, я видѣлъ во всѣхъ подробностяхъ введеніе новаго режима, созданнаго пересмотромъ трактатовъ, заключенныхъ между Японіею и западными державами. Это событіе должно быть отмѣчено, какъ самый рѣшительный историческій моментъ въ жизни Японіи послѣ реставраціи 1868 года. Освобожденная съ этого времени отъ порядка вещей, созданнаго капитуляціями, Японія вступила окончательно въ концертъ великихъ цивилизованныхъ и свободныхъ державъ.

Съ точки зрѣнія событій внутренней японской жизни я находился въ условіяхъ, не менѣе благопріятныхъ для наблюденія. Безпощадная борьба японскихъ политическихъ дѣятелей за идею контроля палатъ надъ дѣятельностью министерствъ; жалкій опытъ этого чисто парламентскаго управленія, произведенный министерствомъ Окумы въ 1898 году; энергичный пересмотръ избирательнаго закона; установленіе золотой монетной единицы; жестокій экономическій кризисъ; возникновеніе соціальнаго вопроса; введеніе въ дѣйствіе новаго законодательства и проч.,—вотъ тѣ, полныя интереса событія въ жизни цѣлаго народа, которыя я могъ наблюдать во время моего пребыванія въ Японіи и которыя я даже самъ отчасти пережилъ.

Я не даю въ этой книгѣ библіографическаго указателя. Фонъ-Венкштернъ въ своей «Bibliography of the Japanese Empire» заполнилъ болѣе 600 страницъ in 8° и все же не исчерпалъ всего матеріала. Понятно, что, оставаясь въ намѣченныхъ себѣ предѣлахъ, я не могу итти по его слѣдамъ. Я ограничиваюсь лишь указаніемъ при соотвѣтствующихъ случаяхъ на тѣ тру-

ды, которыми я преимущественно пользовался. Однако, я здѣсь же отмѣчу одинъ изъ этихъ трудовъ, а именно превосходныя «Things japonese» профессора Basil Hall Chamberlain'a, ибо эта работа, скромная по внѣшности—верхъ совершенства по добросовѣстности и по глубинѣ эрудиціи автора. Немного найдется людей, писавшихъ о Японіи, которые бы не пользовались его трудомъ, но рѣдко кто прямо ссылается на него: я же хотѣлъ на этихъ страницахъ засвидѣтельствовать то превосходное впечатлѣніе, которое на меня произвелъ этотъ трудъ, и то глубокое уваженіе, которое я питаю лично къ его автору.

Авторъ.

ЯПОНІЯ.

Политическое, экономическое и социальное положеніе страны.

I.

Историческій очеркъ.

Изложенію предмета настоящей книги считаю необходимымъ предпослать нѣсколько историческихъ справокъ. Безъ нихъ читателю трудно было бы составить себѣ точное представленіе обо всемъ послѣдующемъ. Справки эти будутъ кратки, тѣмъ болѣе, что и новизна разработки исторіи Японіи научной критикой даетъ возможность установить лишь ограниченное число безспорныхъ фактовъ.

Прежде всего, конечно, рождается вопросъ, къ какой расѣ принадлежать японцы? До настоящаго времени вопросъ этотъ служить для критики объектомъ страстныхъ споровъ. Часть ученыхъ причисляетъ японцевъ къ малайской расѣ. Но кажется скорѣе можно примкнуть къ мнѣнію такихъ авторитетовъ, какъ Бэльцъ и Рейнъ, которые считаютъ, что японцы просто монголы. Дѣйствительно, подданные микадо носятъ на себѣ всѣ отличительные признаки монгольской расы.

Равнымъ образомъ, до сихъ поръ точно не установлена эпоха, въ которую они водворились на островахъ, образующихъ

теперешній Японскій архипелагъ. По мнѣнію современныхъ ученыхъ, эпохой, съ которой начинается японская исторія, слѣдуетъ считать V вѣкъ послѣ Рождества Христова. Въ этомъ вѣкѣ императоры—божественнаго происхожденія, такъ какъ они считаютъ себя потомками Аматеррасы, богини солнца—уже повелѣвали большинствомъ архипелага, и только сѣверная его часть оставалась еще въ рукахъ аборигеновъ страны, ай-носовъ. Въ эту же эпоху, то-есть съ V по VI вѣкъ начинается замѣчаться вліяніе китайской цивилизаціи. Занесли ее впервые, главнымъ образомъ, буддійскіе жрецы, пришедшіе изъ Кореи. Вслѣдъ за симъ начинаются наиболѣе блестящія страницы японской исторіи. Нѣсколько знатныхъ фамилій, подчиняясь наружно божественной власти микадо, захватываютъ постепенно всю власть въ свои руки и являются, въ сущности, въ лицѣ своихъ главъ настоящими хозяевами страны.

Начиная съ XII вѣка императорскій абсолютизмъ уступаетъ мѣсто своего рода феодальному образу правленія, причемъ одинъ изъ феодаловъ Ёримото, глава фамиліи Минамото, захватываетъ въ свои руки управленіе всей страной, присвоивъ себѣ титулъ шогуна, титулъ вполне соотвѣтствующій точному переводу латинскаго слова *imperator*¹⁾.

Таково происхожденіе этого двуликаго правительства съ императоромъ, или микадо, и шогуномъ во главѣ, и эта форма правленія длится до 1868 года. Теоретически, микадо сохранялъ верховную власть, но на дѣлѣ онъ не имѣлъ никакой власти и содержался въ золотомъ плѣну въ глубинѣ своего дворца въ Кіото. «Нашъ императоръ, говоритъ одинъ японскій историкъ, вѣками жилъ за завѣсой, не касаясь никогда ногою земли. Ничто изъ происходившаго во внѣшнемъ мірѣ не достигало его священнаго слуха». Въ то же время шогунъ, опи-

¹⁾ Шогунъ является сокращеніемъ титула *Sei-i-dai-sho-goun*, что въ переводѣ означаетъ «главнокомандующій». Прежде этотъ титулъ присвоивался начальникамъ армій, посылавшихся для подавленія возстаній. Но въ скоромъ времени онъ утратилъ это исключительно военное значеніе. Къ этому добавимъ, что во время переговоровъ, которые велись между Японіей и державами въ періодъ времени съ 1850 по 1868 г., шогуны именовались тайкунами (*Tai-Koun*), что означаетъ въ переводѣ «великій князь» или «вельможа».

раясь на своихъ вассаловъ, свою армію и свою казну, неограниченно управлялъ имперіей, сначала изъ Камакуры, потомъ изъ Іедо, куда въ 1603 году онъ перенесъ свою столицу.

Но при послѣднихъ шогунахъ изъ рода Минамото въ ихъ рукахъ осталась лишь номинальная власть; фактическая же перешла къ ихъ главнымъ вассаламъ—фамиліи Ходжо, такъ что въ теченіе нѣкотораго времени правительство одновременно имѣло три главы.

Періодъ главенства фамиліи Ходжо ознаменовался отраженіемъ монгольскаго флота, посланнаго Кублай-Ханомъ для завоеванія Японіи. Послѣ этого случая Японіи никогда болѣе не приходилось отражать иноземнаго нашествія. Затѣмъ послѣдовалъ родъ шогуновъ изъ фамиліи Ашикага, которые захватили въ свои руки власть, пользуясь слабостью своихъ предшественниковъ. Ашикаги прославились своимъ просвѣщеннымъ покровительствомъ искусствамъ.

Вторая половина XVI вѣка ознаменовалась анархіей, во время которой верховную власть послѣдовательно захватили одинъ за другимъ два выдающихся воина, Нобунага и Хидейоши, не принадлежавшіе къ роду шогуновъ. Хидейоши покорилъ Корею и замышлялъ даже одно время походъ съ цѣлью завоеванія Китая, но смерть, поразившая его въ 1598 году, помѣшала исполненію его намѣреній. Токугава Іеясу, самый главный изъ сподвижниковъ Хидейоши, наслѣдовалъ ему и основалъ династію шогуновъ, которые вершили судьбы Японіи, среди невозмутимаго мира, съ 1603 по 1868 годъ. Къ числу мѣропріятій, которыя наиболѣе способствовали достиженію постоянного мира, слѣдуетъ причислить главнымъ образомъ изгнаніе католическихъ миссіонеровъ и закрытіе страны для иностранной торговли.

Нагасаки былъ единственнымъ пунктомъ имперіи, съ которымъ были допущены внѣпнія сношенія, и притомъ право заходить туда было предоставлено однимъ только голландцамъ.

Наконецъ, въ 1853 году, правительство Соединенныхъ Штатовъ отправило въ Японію флотъ подъ начальствомъ командора Перри, которому поручено было настаивать на прекращеніи политики изолированности. Этотъ актъ вмѣшательства извнѣ

во внутреннюю жизнь страны нанесъ послѣдній ударъ власти шогуновъ, давно уже поколебленной внутренними раздорами. Шогунатъ палъ, увлекаая за собою всю старую Японию.

Въ 1868 году микадо былъ возстановленъ въ неограниченной власти, которая была достояніемъ его предковъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ европейская цивилизація стала все болѣе и болѣе укореняться въ странѣ. Исторія Японіи послѣ возстановленія императорской власти слишкомъ извѣстна, чтобы на ней подробно останавливаться. Поэтому ограничимся перечнемъ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ моментовъ ея въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1870 г. императоръ перенесъ свою резиденцію изъ Кіото въ Іедо, которое съ тѣхъ поръ стало называться Токио. Въ 1871 г. послѣдовало уничтоженіе феодализма. Въ 1872 г. была открыта первая желѣзная дорога, отъ Токио до Йокогамы. Въ 1873 г. было введено времяисчисленіе по Григоріанскому календарю. Въ 1874 г. была снаряжена военная экспедиція противъ населенія острова Формозы. Въ 1876 г. уничтожено послѣднее воспоминаніе о феодализмѣ: воспрещено самурайямъ ношеніе двухъ сабель. Въ 1877 г. правительство подавило возстаніе Сатсумы. Въ 1880 г. былъ опубликованъ впервые сводъ законовъ. Въ 1889 году была провозглашена конституція. Въ 1890 г. впервые былъ созванъ сеймъ. Въ 1894 и 1895 гг. японцы вели съ китайцами войну, которая закончилась Симонсекскимъ трактатомъ. Въ 1897 г. введена золотая валюта. Въ 1898 г. обнародовано новое гражданское уложеніе и съ этого же времени вступаютъ въ силу пересмотрѣнные договоры съ западными державами. Въ 1900 г. Японія принимаетъ блестящее участіе въ извѣстныхъ событіяхъ, разыгравшихся въ Китаѣ. Наконецъ, въ 1902 г. она заключаетъ съ Англіей договоръ, обнародованіе котораго приводитъ французское и русское правительства къ необходимости заключить, въ свою очередь, специальное соглашеніе по вопросамъ, касающимся Дальняго Востока.

Нынѣшній государь, его величество Мутсу Хито, 121-ый императоръ Японіи, родился въ Кіото 3 ноября 1852 г. нов. ст. и былъ вторымъ сыномъ императора Комеи и императрицы Фудживара-Асако. Провозглашенный наслѣдникомъ престола 10-го

ноября 1860 г., онъ вступилъ на престолъ 13-го февраля 1867 г. Его коронованіе происходило въ Кіото 12-го октября 1868 г., а 23-го числа того же мѣсяца эрѣ его царствованія присвоено наименованіе Мейджи ¹⁾).

Императоръ вступилъ 9-го февраля 1869 г. въ бракъ съ принцессой Харуко (Императрица-Весна), родившейся 28-го мая 1850 г., дочерью Ичиджо-Тадаки ²⁾, вельможи изъ знатнѣйшаго рода Японіи. Этотъ брачный союзъ остался безплоднымъ, и императоръ, для продолженія династіи, взялъ, согласно обычаямъ страны, нѣсколькихъ наложницъ (конкубинъ): Хамуро Митсуко, Хашимото Матсуко, Янагивара Аико, Чигуса Тадако, Соно Яшико и др., отъ которыхъ онъ имѣлъ 13 дѣтей. Юши Хито Хару-но-мія, третій сынъ императора (первые два умерли), родившійся 31-го августа 1879, провозглашенъ наслѣдникомъ престола 31-го августа 1887 и кронпринцемъ 3-го ноября 1889 г. Онъ женился 10-го мая 1900 г. на принцессѣ Сада и 29-го апрѣля 1901 г. отъ этого брака родился сынъ.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ, проливающихъ интересный свѣтъ на японскіе нравы, комментировалъ это событіе корреспондентъ «Times'a»:

«Этотъ фактъ имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ можно было бы предполагать. Обыкновенно говорятъ, что тронъ Японіи въ теченіе двадцати пяти вѣковъ занятъ былъ непрерывнымъ рядомъ императоровъ, принадлежавшихъ къ одной и той же династіи; но исторія свидѣтельствуетъ, что весьма часто престолъ переходилъ къ дѣтямъ, происшедшимъ отъ внѣбрачныхъ отношеній. Какъ нація, такъ и императорская фамилія оставались вполне удовлетворенными, если только священные атрибуты переходили къ сыну императора, хотя бы императрица и не была матерью ребенка. Такъ было съ нынѣшнимъ импе-

¹⁾ Хотя японцы и приняли исчисленіе по Григоріанскому календарю съ 1 января 1873 г., но они продолжаютъ считать время также и эрами, ибо въ Японіи, какъ и въ Китаѣ, на этотъ обычай смотрятъ, какъ на отличительный признакъ независимости государства.

²⁾ Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что согласно п. 2 конституціи 1889 г. въ Японіи введены принципы Салическаго закона, и слѣдовательно доступъ къ престолу имѣютъ только потомки императора мужескаго пола.

раторомъ, тоже случилось и съ нынѣшнимъ наслѣднымъ принцемъ... Однако, многіе желали реформы въ этомъ отношеніи и даже тѣ, которые, въ сущности, мало интересовались нравственной стороной вопроса, терзались мыслью, что престижъ императорской фамиліи въ глазахъ западныхъ державъ въ значительной степени умаляется при существованіи такого обычая. Поэтому, когда въ 1898 г. былъ образованъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ маркиза Ито, для выработки положенія объ императорской фамиліи, въ обществѣ зародилась надежда, что будетъ введено измѣненіе въ старый порядокъ вещей. Къ несчастію, настоящее царствованіе наименѣе склонно допустить какую-либо реформу въ этомъ отношеніи. У императора родилось 13 дѣтей, изъ коихъ 8 дѣвочекъ и 5 мальчиковъ, и ни одинъ изъ нихъ не родился отъ императрицы. Всѣ сыновья, за исключеніемъ наслѣднаго принца, умерли. Ему въ настоящее время двадцать два года; но его здоровье всегда было источникомъ опасеній. Въ дѣтствѣ мало было надежды выходить его, и хотя онъ благополучно избѣжалъ всѣхъ опасностей, которыя, казалось, грозили ему, но внѣшній видъ его даже въ зрѣломъ возрастѣ далеко не внушаетъ увѣренности въ его долговѣчности, хотя слѣдуетъ признать, что въ умственномъ отношеніи онъ далеко выше средняго уровня.

«Такимъ образомъ, ни прошлое, ни будущее не даютъ основаній настаивать, особенно въ нынѣшнее царствованіе, на полной отмѣнѣ старинныхъ императорскихъ обычаевъ. Однако, когда первыя правила, выработанныя новымъ комитетомъ, были годъ тому назадъ опубликованы въ официальной газетѣ, то стало несомнѣннымъ, что заключеніе брака будетъ отнынѣ сопровождаться небывалой доселѣ торжественностью. Дѣйствительно, въ прежнія времена японское общество не принимало никакого участія въ церемоніи, сопровождавшей бракосочетаніе императора. По этикету требовалось только официальное объявленіе о бракосочетаніи. О выборѣ соотвѣтственной дамы въ подруги императору объявлялось въ такомъ же порядкѣ, какъ о назначеніи заслуженнаго государственнаго дѣателя на какой-либо высокій постъ. Никакіе религіозные обряды не сопровождали этой церемоніи, и лишнее было бы упоминать, что супруга императора была невидима для толпы, никогда не пере-

ступала порога дворца. По новому же положенію, установлена совершенно особая церемонія. Вотъ, какъ происходила она впервые въ Токио 10-го мая 1900 г. Женихъ и невѣста покинули каждый свою резиденцію рано утромъ и направились различными дорогами ко дворцу императора. Принцесса Сада была одѣта въ стариннаго покроя японское придворное платье, и ея хорошенькое личико было обрамлено той живописной прической, которая до сихъ поръ занимаетъ почетное мѣсто среди японскихъ куафюръ. Она прибыла во дворецъ получасомъ раньше жениха, что слѣдуетъ разсматривать, какъ нѣкую уступку стариннымъ японскимъ традиціямъ относительно подчиненности прекраснаго пола. Принцъ тоже снялъ свой мундиръ европейскаго покроя и одѣлся въ японскій костюмъ, и брачующіеся направились въ кумирню Гробницъ: принца велъ оберъ-церемоніймейстеръ, а за нимъ слѣдовалъ камергеръ, несшій священную саблю; принцессу велъ тоже церемоніймейстеръ въ сопровожденіи двухъ фрейлинъ. Обрядъ, совершенный въ кумирнѣ, былъ весьма простъ: на алтарь были возложены въ жертву вѣчно зеленыя растенія, принцемъ были прочтены установленныя молитвы и выпить кубокъ священнаго саке. Затѣмъ послѣдовало новое переодѣваніе: принцъ надѣлъ придворный костюмъ европейскаго покроя, расшитый золотымъ позументомъ, принцесса тоже надѣла иностранное платье. Оба направились вслѣдъ за симъ къ императору и императрицѣ и, принявъ поздравленія отъ ихъ императорскихъ величествъ, отправились затѣмъ въ свой дворецъ, сидя вдвоемъ въ придворной каретѣ, запряженной четверкой лошадей, и слѣдуя по улицамъ, наполненнымъ восторженной толпою».

Корреспондентъ «Times'a» прибавляетъ, что для народа было бы величайшимъ огорченіемъ, если бы этотъ союзъ не сопровождался рожденіемъ сына и наслѣдника престола—союзъ, совершенно новый «церемоніаль» котораго, публичность, включеніе религіозныхъ обрядовъ и равноправность, предоставленная во время церемоніи супругъ, «имѣли, очевидно, задачей придать императорскимъ бракамъ новый оттѣнокъ священнодѣйствія». Этимъ объясняется, по мнѣнію англійскаго корреспондента, то, что извѣстіе о рожденіи маленькаго принца «повергло народъ въ неистовый восторгъ».

Въ дѣйствительности, вѣроятно, простодушные японцы не заглядывали такъ далеко, и ихъ законная радость была бы не менѣе «неистова», если бы принцъ родился въ такихъ же нерегламентированныхъ условіяхъ, какимъ династія микадо такъ часто и легко подчинялась для обезпеченія непрерывности престолонаслѣдія. Тѣмъ не менѣе, этотъ маленькій эпизодъ заслуживаетъ приведенныхъ подробностей, такъ какъ онъ лишній разъ свидѣтельствуетъ о той эволюціи, которая увлекаетъ по новому пути старую Японію.

Чтобы покончить съ историческимъ очеркомъ, остается упомянуть, что къ императорской фамиліи принадлежатъ также роды: Арисугава, Коматсу, Фушими, Кан-инъ, Ямашима Куни, Киташира-кава, Квачо и Нашимото. Весьма возможно, что если бы наслѣдный принцъ умеръ, не оставивъ по себѣ наслѣдника мужского пола, то престолъ перешелъ бы къ принцу Коматсу Акито, дядѣ императора. Это онъ былъ главнокомандующимъ императорскими войсками во время реставраціи. Если бы его не было въ живыхъ, то корона перешла бы къ младшему брату его, принцу Ёрикито, родившемуся 19-го сентября 1867 г. Принцъ Ёрикито получилъ образованіе во французской морской школѣ и, вернувшись въ Японію въ 1892 г., вступилъ въ ряды морскихъ офицеровъ ¹⁾.

II.

Конституція.

Первой изъ тѣхъ идей, которыя японцы поторопились позаимствовать у Запада, послѣ открытія доступа въ ихъ страну иностранцамъ, была мысль о конституціонной монархіи. Съ момента реставраціи императорской власти въ 1868 году этотъ принципъ уже былъ поставленъ на очередь, и импера-

¹⁾ Положеніе объ императорской фамиліи (§§ 2, 3, 5, 6 и 7) устанавливаетъ слѣдующій порядокъ престолонаслѣдія: 1) старшій сынъ и его потомство; 2) послѣдующіе сыновья и ихъ потомство; 3) братья императора и ихъ потомство; 4) дяди императора и ихъ потомство; 5) ближайшій по родству принцъ.

торъ далъ 14 марта означеннаго года торжественную присягу, коей онъ обѣщался своему народу, что вскорѣ старый режимъ абсолютной власти уступить мѣсто порядку вещей, болѣе соотвѣтствующему новымъ идеямъ.

Вотъ текстъ этого важнаго документа, въ которомъ, по мнѣнію подданныхъ микадо, надо искать начала представительнаго правленія въ Японіи.

«Чтобы произвести реформу, какой никогда не бывало въ исторіи Нашей страны, и опредѣлить основные принципы Нашего царствованія, которое имѣетъ цѣлью обезпечить счастье и благосостояніе Нашихъ подданныхъ, Мы, Императоръ, клянемся:

«1) Что будетъ принята система совѣщательныхъ собраній, и что всѣ мѣропріятія будутъ всегда сообразованы съ общественнымъ мнѣніемъ.

«2) Что проекты реформъ будутъ осуществляться совмѣстными усиліями правящихъ и управляемыхъ.

«3) Что будутъ приложены всѣ усилія, дабы удовлетворить потребности дворянства, военнаго сословія и народа вообще, и вселить въ нихъ предпочтеніе къ новому порядку.

«4) Что предразсудки и предосудительные обычаи стараго времени будутъ оставлены, и что справедливость станетъ единственнымъ руководящимъ началомъ въ будущемъ.

«5) Что новыя идеи будутъ заимствованы со всего свѣта, и что слава имперіи вслѣдствіе того возрастетъ».

Нѣсколько времени спустя, опираясь на смыслъ этой императорской присяги, Итагаки, Гото и нѣкоторые другіе представили императору меморандумъ, коимъ испрашивали учрежденія сейма. Но правительство полагало, что время еще не настало для столь рѣшительной реформы; первоначально надлежало позаботиться о политическомъ воспитаніи націи. Тѣмъ не менѣе, императоръ, желая показать, что онъ отнюдь не намѣревается долго противиться желаніямъ своего народа, рѣшилъ организовать нѣчто въ родѣ зародыша совѣщательнаго собранія. Именно, разъ въ годъ въ Токио стали созываться губернаторы провинцій въ своего рода національный совѣтъ для обсужденія общихъ вопросовъ, касающихся населенія ввѣренныхъ имъ провинцій, и для при-

натыя соотвѣтствующихъ мѣръ. Это собраніе или Шихо-Кан-Квай-ги существуетъ и въ настоящее время, но теперь уже утратило немалую долю своего значенія послѣ того, какъ въ 1878 году были организованы мѣстныя собранія.

Въ 1875 г. былъ сдѣланъ новый важный шагъ впередъ: императоръ рѣшился на учрежденіе сената, члены коего были избраны изъ среды заслуженныхъ лицъ страны, и этому собранію была дана нѣкоторая доля законодательной власти. Но эти робкія уступки не удовлетворяли общественнаго мнѣнія, и ими не могла быть успокоена агитація въ пользу конституціи, которой настойчиво требовала нарождавшаяся пресса.

Въ 1880 году Итагаки организовалъ политическую группу Джію-то, или либеральную партію. Немного спустя графъ Окума, бывшій тогда государственнымъ совѣтникомъ, подалъ въ отставку, чтобы образовать Кайшин-то, или прогрессистскую партію, лидеромъ которой среди разнообразныхъ перипетій онъ состоялъ затѣмъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Наконецъ, образовались Кокумин-Кіюкай, или національная уніонистская партія, и еще одна группа, не долго впрочемъ просуществовавшая—Дайдо-Данкельсу, или великій союзъ, организованный Гото Шоджиро.

Съ этихъ поръ кампанію въ пользу конституціи повели профессиональные политики, и потому она была болѣе методична и оживленна; уже въ октябрѣ 1881 г. императоръ, понимая, что настало время перевести свои обѣщанія на реальную почву, издалъ манифестъ, которымъ извѣщалъ, что имъ создается комитетъ изъ юрисконсультовъ и государственныхъ людей, коему поручается выработать конституцію съ тѣмъ, чтобы провозгласить ее въ 1890 году. Комитетъ кончилъ свою работу на одинъ годъ раньше срока, и японская Хартія была обнародована 11 февраля 1889 г., причемъ событіе это сопровождалось большимъ національнымъ празднествомъ. Первые выборы въ палату депутатовъ происходили въ іюль 1890 г. Сеймъ былъ созванъ 25-го ноября 1890 г., и императоръ лично председательствовалъ на торжествѣ открытія его 29-го ноября.

Таково происхожденіе японской конституціи, котораго не слѣдуетъ упускать изъ виду, чтобы получить ясное представленіе объ этомъ важномъ документѣ.

Описанный способ возникновенія японской конституціи уясняетъ, въ чемъ состоитъ ея главный характеръ.

Очевидно, что страна, жившая испоконъ вѣковъ подъ режимомъ неограниченной монархіи, не могла въ своемъ прошломъ найти національныхъ традицій либерализма; поэтому было бы ошибочно искать въ Хартіи японскаго народа какихъ-либо специальныхъ чертъ, выработанныхъ его исторіей. Будучи продуктомъ умственного труда группы образованныхъ и свѣдущихъ лицъ, японская конституція представляетъ собою добросовѣстную компиляцію аналогичныхъ документовъ западныхъ государствъ, болѣе или менѣе приспособленную къ традиціямъ, идеямъ и правамъ японцевъ. Это довольно ловко составленное переложеніе принциповъ, заимствованныхъ у европейскихъ конституцій, главнымъ образомъ, у конституціи прусской монархіи.

Во всякомъ случаѣ японская конституція можетъ быть поставлена на ряду съ самыми обстоятельными и до мелочей разработанными документами этого рода. Она заключаетъ въ себѣ 76 статей, раздѣленныхъ на 7 главъ. Кстати слѣдуетъ прибавить, что одновременно съ введеніемъ въ дѣйствіе конституціи, въ историческій день 11-го февраля 1889 г., императоръ обнародовалъ законъ объ императорской фамиліи, издалъ императорскій указъ, касающійся палаты пэровъ, законъ о палатѣ депутатовъ, законъ объ избраніи въ палату представителей и законъ о финансахъ. Но эти законы, конечно, не имѣютъ конституціоннаго характера.

Изложивъ вкратцѣ эти общія данныя и соображенія, перейдемъ къ болѣе подробному изслѣдованію тѣхъ положеній, которыя касаются трехъ главныхъ органовъ политической жизни японскаго народа: императора, палатъ и министровъ.

I.

Императоръ.

Терминъ «микадо», который обыкновенно употребляютъ иностранцы для наименованія японскаго императора, въ Японіи примѣняется только въ особо торжественныхъ случаяхъ или въ поэтическихъ произведеніяхъ. Въ текущей же литературѣ

имѣются четыре наименованія для обозначенія императора. Все это китайскія имена: 1) Ten-si (Сынъ Неба); 2) Ko-tei (Князь); 3) Shondjo (Верховный глава) и 4) Ten-po (Божественный императоръ). Въ подлинникѣ конституціи употреблено послѣднее наименованіе. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Японіи никогда не употребляется собственное имя императора, какъ, напримѣръ, у насъ—императоръ Вильгельмъ, король Викторъ-Эммануиль и т. п., а говорятъ просто императоръ.

Посмотримъ теперь, какъ нормирована власть государя японской конституціей. Мы видѣли, съ какой быстротой совершался историческій процессъ политическаго преобразованія страны. При такихъ условіяхъ и принимая во вниманіе, что это преобразование совершилось путемъ добровольной уступки со стороны государя, нельзя, конечно, ожидать, чтобы новая Хартія была актомъ полного отреченія съ его стороны отъ власти. И дѣйствительно, императоръ лично сохранилъ весь тотъ объемъ власти, которымъ онъ пользовался до изданія конституціи, и этимъ актомъ онъ лишь приобщилъ до извѣстной степени нѣкоторые общественные органы къ проявленію своею верховной власти.

«Императоръ есть верховный глава государства, онъ обладаетъ всѣми правами суверенитета и проявляетъ ихъ согласно положеніямъ настоящей конституціи»—въ такихъ выраженіяхъ составленъ п. 4 японской конституціи 11 февраля 1889 г.

Текстомъ этой статьи опредѣляется принципъ политической организаціи страны: полная и неограниченная власть принадлежитъ императору, и притомъ ему одному.

Но тутъ рождается вопросъ: на основаніи какого права императоръ обладаетъ неограниченною властью? Надъ разрѣшеніемъ вопроса о происхожденіи этого права, которымъ облекаютъ себя монархи, много трудилась политическая наука и, въ концѣ концовъ, установились два способа объясненія происхожденія этого права.

По первому изъ нихъ, право это вытекало изъ давности обладанія, изъ концентраціи верховной власти, подъ вліяніемъ историческаго развитія, въ рукахъ одного человѣка или извѣстнаго класса лицъ. На этомъ объясненіи остановились писатели XVI вѣка, находившіеся еще подъ вліяніемъ идей феодализма, когда давность и обычай считались главными источниками права.

По другому же, право это—божественнаго происхожденія. Начиная съ Διοτρεφεις βασιλεϋς гомеровскихъ поэмъ вплоть до Стюартовъ и Бурбоновъ, монархи имѣли притязаніе считать, что они обладаютъ своею властью не по волѣ народа, но получили ее отъ божества.

Этотъ принципъ принять и въ Японіи. По происхожденію своему неограниченная власть императора является божественнымъ правомъ, потому что первый императоръ происходилъ отъ божества. Первый изъ императоровъ Японіи, о которомъ сохранились сказанія, былъ Каму-Ямато-Иваре-Бико и царствовалъ за 660 лѣтъ до Р. Х.; спустя четырнадцать вѣковъ послѣ его кончины ему было дано имя Джимму-Тенно.

Эта древняя легенда приводится здѣсь лишь для памяти, такъ какъ, разумѣется, политическая наука не можетъ удовлетвориться подобнымъ вымысломъ. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что легенды этого характера дороги японскому народу до настоящаго времени, и народъ упорно вѣритъ имъ, не взирая на результаты новѣйшихъ историческихъ изслѣдованій.

Въ дѣйствительности же, въ глазахъ современной критики, болѣе или менѣе достовѣрныя данныя, извѣстныя намъ изъ исторіи Японіи, относятся къ V вѣку послѣ Р. Х., т.-е. къ эпохѣ, когда, какъ выше указано, въ Японію стала проникать черезъ посредство Кореи китайская цивилизація.

Все же происходившее до этой эпохи, о чемъ мы находимъ свѣдѣнія въ двухъ трудахъ VIII вѣка послѣ Р. Х., Коджики и Нихонги, рѣшительно слѣдуетъ отнести къ области легендъ.

На божественность происхожденія императорской власти въ Японіи мы находимъ указанія даже въ самой конституціи въ ст. 1 и 3.

«Ст. 1. Въ Японской имперіи царствуетъ и ею править императоръ, принадлежащій къ единственной и непрерываемой до конца вѣковъ династіи.

«Ст. 3. Особа императора священна и неприкосновенна».

Слѣдуетъ обратить вниманіе на редакцію ст. 1, такъ какъ здѣсь съ умысломъ приведены два слова для опредѣленія функций императора, который «царствуетъ и править». Маркизь Ито, бывшій президентъ совѣта министровъ Японіи, въ своемъ

классическомъ трудѣ о японской конституціи, переводить на англійскій языкъ эту ст. 1-ю въ такихъ выраженіяхъ: «The empire of Japan shall be reigned over and governed by a line of emperors unbroken for ages eternal»; и эту особенность редакціи ст. 1 онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

«Слова «царствуетъ и управляетъ» обозначаютъ, что императоръ на своемъ престолѣ соединяетъ въ себѣ верховную власть надъ государствомъ и управленіе территоріей и своими подданными. Въ одномъ древнемъ свиткѣ приводится слѣдующій декретъ перваго императора: «Страна Прекраснаго Зерна есть государство, въ которомъ властителями станутъ наши потомки. Вы, наши потомки, придите и правьте». И потому государя называютъ Hatsan-Kouni-Shirasou Soumera Mikoto (императоръ, правящій страной въ первый разъ)... Наконецъ, формула Ayashima-Shiroshimesou Soumerata Mikoto (императоръ, царствующій и правящій страной 8 большихъ острововъ) стала обычной формулой императорскихъ рескриптовъ. Слово Shiroshimesou означаетъ царствующій и правящій. Отсюда видно, съ какимъ уваженіемъ относились предки императоровъ къ обязанностямъ, возложеннымъ на нихъ божественностью ихъ власти. Этимъ они указали, что назначеніе монархическаго правленія есть управленіе народомъ, а не удовлетвореніе частныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ и родовъ. Таковы основы настоящей конституціи». Въ сущности, статьей 1-й имѣлось въ виду выразить, хотя маркизъ Ито, вслѣдствіе его азіатскаго способа мышленія, довольно плохо это объяснилъ, что отнынѣ японскіе государи должны и царствовать и управлять фактически, а не быть лишь номинально государями, какъ это практиковали они въ теченіе столькихъ вѣковъ, предоставляя шогуну заботу объ управленіи страной.

Резюмируя вышесказанное, мы приходимъ къ выводу, что императору, и притомъ ему одному, принадлежитъ въ Японіи полнота верховной власти, и что власть эта принадлежитъ ему на основаніи божественнаго права.

Остановимся на болѣе подробномъ разсмотрѣніи вопроса, изъ чего слагается эта власть по духу японской конституціи 11 февраля 1889 г. Но при этомъ слѣдуетъ прежде всего помнить, что эта конституція является вполне добровольной уступ-

кой многократно выраженнымъ желаніямъ націи, снисходя къ коимъ, государь изъявилъ согласіе приобщить въ болѣе или менѣе значительной степени извѣстные общественные органы къ участию въ отпращиваніи принадлежащихъ ему правъ.

Всѣ существующія конституціонныя монархіи можно раздѣлить на два рѣзко отличные одинъ отъ другого типа. Либо предполагается, что верховная власть принадлежитъ націи, и нація приобщаетъ къ этой власти монарха, причемъ, предоставляя ему часть своихъ правъ, она дѣлаетъ ихъ наследственными въ роду монарха. Наболѣе яркій примѣръ такой конституціи представляетъ собою бельгійская конституція 7 февраля 1831 г. (ст. 25, 29, 60). Либо же наоборотъ—монархъ, дотолѣ неограниченный, болѣе или менѣе добровольно приобщаетъ націю къ своей власти, передавая извѣстную часть своихъ правъ собраніямъ представителей народа. Такова была французская Хартія 1814 года, такова нынѣ дѣйствующая прусская конституція 31 января 1850 г. Такова, наконецъ, и японская конституція 11 февраля 1889.

Въ послѣднемъ случаѣ за монархомъ, разумѣется, сохраняются всѣ тѣ прерогативы, отъ коихъ онъ формально не отрекся, между тѣмъ, какъ при конституціяхъ перваго рода, наоборотъ, никакая прерогатива не можетъ принадлежать монарху, если она особо не дарована ему конституціей.

Если разсматривать вопросъ при такомъ освѣщеніи, то при болѣе подробномъ обзорѣннн отдѣльныхъ статей конституціи можно получить точное представленіе о сущности императорской власти, т.-е. о томъ, что обнимаетъ собою власть императора, или, вѣрнѣе, о томъ, чего она въ себѣ не заключаетъ.

Императоръ утверждаетъ законы и издаетъ указы объ ихъ обнародованіи и вступленіи въ силу (ст. 6); такимъ образомъ, какое-либо мѣропріятіе, одобренное даже обѣими палатами, получаетъ силу закона лишь послѣ того, какъ оно одобрено и утверждено императоромъ.

Императоръ созываетъ совѣщательное собраніе, издаетъ указъ о его открытіи, закрытіи и объ отсрочкѣ, а равно о распусценіи народной палаты (ст. 7). Когда совѣщательное собраніе распущено, а также въ случаяхъ неотложной необходимости, когда грозитъ общественная опасность, императоръ

издаетъ императорскіе декреты, имѣющіе силу закона (ст. 8). Императоръ объявляетъ самъ или повелѣваетъ объявлять приказы о примѣненіи законовъ, клонящихся къ поддержанію общественной безопасности и порядка и къ обезпеченію благосостоянія своихъ подданныхъ, соблюдая лишь то условіе, чтобы постановленія эти не противорѣчили дѣйствующимъ законамъ (ст. 9).

По поводу этой статьи слѣдуетъ отмѣтить, что, въ противоположность большинству европейскихъ конституцій, японская конституція не сгранициваетъ права императора только изданіемъ указовъ, повелѣвающихъ исполнять законы.

Императору предоставляется опредѣлять организацію каждой отрасли управленія; онъ опредѣляетъ размѣры содержанія военныхъ и гражданскихъ чиновъ, назначаетъ и увольняетъ ихъ (ст. 10).

Императоръ неограниченно повелѣваетъ сухопутными и морскими силами (ст. 11).

Онъ опредѣляетъ ихъ организацію и постоянный составъ (ст. 12).

Императоръ объявляетъ войну и заключаетъ миръ, а равно всякаго рода трактаты (ст. 13).

Императоръ объявляетъ осадное положеніе (ст. 14).

Императоръ жалуетъ титулы, чины, ордена и другіе знаки отличія (ст. 15). По установленной съ 1869 г. таблицы о рангахъ, въ Японіи существуетъ 9 классовъ почетныхъ чиновъ, а съ 1881 г. установлено пять степеней дворянскихъ титуловъ.

Императору предоставлены права амнистіи, помилованія, ослабленія наказанія и возстановленія правъ (ст. 16).

Въ случаяхъ настоятельной необходимости, если вслѣдствіе внутреннихъ или внѣшнихъ осложненій не представляется возможнымъ созвать совѣщательное собраніе, то для обезпеченія общественной безопасности, императоръ можетъ приказать декретомъ принять необходимыя финансовыя мѣры (ст. 70).

Если въ будущемъ представится необходимость въ измѣненіи положеній настоящей конституціи, то проектъ этихъ измѣненій передается императорскимъ указомъ на обсужденіе сейма (ст. 73).

Наконецъ, на основаніи ст. 31, въ случаѣ войны, или во время народной смуты, дарованныя гражданамъ, на основаніи главы II конституціи, гарантіи утрачиваютъ силу, и императору возвращается неограниченная власть. Таковы права императора, перечисленные въ конституціи; но необходимо имѣть въ виду, что перечень этотъ отнюдь не имѣетъ ограничительнаго характера, такъ какъ, на основаніи ст. 4, императоръ удерживаетъ за собой неограниченную власть и только проявляетъ ее сообразно съ постановленіями конституціи. Однако, ближайшее изслѣдованіе способовъ проявленія императоромъ принадлежащей ему неограниченной власти даетъ возможность убѣдиться, что на дѣлѣ онъ не пользуется этой властью вполнѣ. Такъ, на примѣръ, уже было упомянуто, что, на основаніи ст. 8, императоръ можетъ издавать императорскіе декреты, имѣющіе силу закона, если къ тому представится настоятельная необходимость, и если сеймъ въ это время распущенъ. Но въ ст. 8 находится и разъясненіе, что декреты эти должны быть своевременно представляемы на обсужденіе палатъ въ ближайшую сессію, и если они не будутъ одобрены сеймомъ, то правительство должно объявить объ ихъ отмѣнѣ.

По-поводу декретовъ маркизь Ито затрогиваетъ въ своихъ «Комментаріяхъ къ японской конституціи» нѣсколько интересныхъ вопросовъ, которые онъ разрѣшаетъ слѣдующимъ образомъ:

«1) Должно ли дѣйствіе императорскихъ декретовъ ограничиваться дополненіемъ существующихъ законовъ, или ими можетъ быть приостановлено дѣйствіе этихъ законовъ, а также произведено измѣненіе или отмѣна ихъ? Такъ какъ конституція даетъ этимъ декретамъ силу закона, то, слѣдовательно, они влекутъ за собой тѣ же послѣдствія, что и законъ. Если же сеймъ впослѣдствіи не одобритъ ихъ, то отмѣненный декретами законъ вступаетъ вновь въ силу.

«2) Какія послѣдствія имѣетъ одобреніе сеймомъ декрета? Декретъ продолжаетъ имѣть силу закона и не нуждается въ новомъ обнародованіи его установленнымъ порядкомъ.

«3) Почему, въ случаѣ неодобренія сеймомъ, правительство обязано объявить объ отмѣнѣ декрета? Потому что только путемъ этого объявленія народъ можетъ быть освобожденъ отъ обязанности исполнять содержащееся въ этомъ декретѣ повелѣніе.

«4) Можетъ ли сеймъ, прежде, чѣмъ одобрить декретъ, внести въ него свои поправки? Нѣтъ, ему предоставляется лишь право либо одобрить декретъ, либо отказать въ этомъ одобреніи».

Кромѣ статьи 8-й, нѣкоторое указаніе на утрату императоромъ части неограниченности его власти заключается также въ ст. 10-й. Какъ упомянуто выше, этой статьей императору предоставляется право устанавливать организаціи каждой отдѣльной отрасли администраціи, причемъ онъ же опредѣляетъ размѣръ содержанія военныхъ и гражданскихъ чиновъ и имъ же производится ихъ назначеніе и увольненіе. Но вслѣдъ за симъ въ ст. 10-й находится указаніе, что въ тѣхъ случаяхъ, когда по сему предмету въ конституціи заключаются спеціальныя постановленія, императоръ долженъ сообразоваться съ ними.

И дѣйствительно, въ ст. 57 и 72 конституціи указано, что организація судовъ и государственнаго контроля опредѣляется спеціальными законами. Равнымъ образомъ, ст. 59 предусматриваетъ, что удаленіе судей отъ должности можетъ послѣдовать лишь на основаніи судебного приговора.

Но это не все. Въ ст. 64 конституціи заключается постановленіе, что совѣщательнымъ собраніемъ устанавливается ежегодно бюджетъ расходовъ и доходовъ государства. Точно также ст. 67 опредѣляетъ, что какъ новые налоги, такъ и всякое измѣненіе, касающееся раскладки существующихъ налоговъ, должно быть установлено законодательнымъ порядкомъ. Но какъ въ такомъ случаѣ согласовать приведенныя постановленія со статьями 10, 12 и 13? Дѣйствительно, если сеймъ не предоставитъ императору необходимыхъ суммъ, то какимъ образомъ можетъ онъ осуществить свое право назначать содержаніе чиновникамъ, опредѣлять размѣры арміи и флота и т. п.? Имѣетъ ли онъ, наконецъ, право ставить въ зависимость финансы государства отъ заключаемыхъ имъ договоровъ? Вотъ рядъ противорѣчій, которыя бросаются въ глаза при разсмотрѣніи отдѣльныхъ статей конституціи и разрѣшенія которыхъ въ ней нельзя найти.

Что касается законодательной власти, то изъ ст. 5 усматривается, что императору предоставляется пользоваться этой властью при участіи сейма, состоящаго изъ двухъ палатъ; статья же 37 добавляетъ, что для введенія въ дѣйствіе закона необходимо согласіе обѣихъ палатъ. Съ другой стороны, хотя

въ ст. 7 и находится указаніе, что право созыва сейма, открытія и закрытія, отсрочки, а равно распущенія нижней палаты принадлежитъ императору, но въ то же время ст. 41 и 42 опредѣляется, что сеймъ долженъ созываться каждый годъ, и что сессія его должна длиться три мѣсяца.

Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи власть императора до нѣкоторой степени ограничена.

То же слѣдуетъ сказать и относительно исполнительной власти. Всѣ законы, указы и повелѣнія императора, если они имѣютъ отношеніе къ дѣламъ государственнымъ, должны быть контрастированы соотвѣтствующимъ министромъ (ст. 51).

Особенному же ограниченію подвержена власть императора въ отношеніи отправленія правосудія. Онъ не принимаетъ въ немъ никакого участія, такъ какъ въ ст. 57 находится указаніе, что отправленіе правосудія производится именемъ императора судебными установленіями, устройство же судебныхъ учрежденій опредѣляется закономъ.

II.

Имперскій сеймъ.

Изъ предыдущаго уже можно составить себѣ представленіе о томъ, въ чемъ заключается дѣйствительное назначеніе, предоставляемое конституціей имперскому сейму. При болѣе же подробномъ разсмотрѣніи этого вопроса усматривается, что, хотя палаты и принимаютъ дѣятельное участіе въ законодательствѣ, и хотя онѣ имѣютъ право высказывать сужденіе и давать согласіе на введеніе въ дѣйствіе закона, но онѣ лишены какой бы то ни было инициативы въ дѣлѣ проектированія законовъ. Въ предѣлахъ, поставленныхъ конституціей, палаты производятъ лишь родъ ревизіи предлагаемыхъ ихъ одобренію законовъ; тѣмъ не менѣе, и на отмежеванномъ имъ поприщѣ роль ихъ въ законодательной дѣятельности весьма значительна.

«Сеймъ не только принимаетъ участіе въ законодательной дѣятельности, но косвенно имѣетъ возможность контролировать дѣйствія администраціи. А именно, конституція и законъ объ учрежденіи палатъ предоставляютъ сейму слѣдующія права: 1) право принимать петицію; 2) право подносить адреса

императору; 3) право дѣлать запросы правительству и спрашивать у него объясненій, и 4) право контролировать финансы.

Если сеймомъ руководятъ опытные и практичные люди, и если онъ сумѣетъ разумно воспользоваться предоставленными ему четырьмя приведенными правами, то легко можетъ быть устранена всякая возможность преобладанія законодательной власти надъ исполнительной или наоборотъ, и получится справедливое равновѣсіе и полная гармонія между обѣими властями. При такихъ условіяхъ сеймъ будетъ въ состояніи удовлетворительно выполнить свою роль представительнаго органа народа». (Ито, стр. 62).

Согласно ст. 33, имперскій сеймъ состоитъ изъ двухъ палатъ: палаты пэровъ и палаты депутатовъ. Японцы ни минуты не останавливались на мысли учредить только одну палату, считая это нецѣлесообразнымъ и опаснымъ.

Ст. 34 слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ составъ верхней палаты:—Палата пэровъ, согласно указу, до нея относящемуся, будетъ состоять изъ членовъ императорской фамиліи, изъ дворянъ и членовъ, назначаемыхъ императоромъ.

Ст. 1. императорскаго указа отъ 11 февраля 1889 г., который цитируется въ текстѣ приведенной статьи 34-й, такъ опредѣляетъ составъ палаты пэровъ.

«Палата пэровъ будетъ составлена изъ слѣдующихъ членовъ:

«1) члены императорской фамиліи;

«2) князья и маркизы;

«3) графы, виконты и бароны, которые будутъ выбраны членами соотвѣтственныхъ корпорацій;

«4) лица, спеціально назначенныя императоромъ за оказанныя государству услуги или за ихъ познанія и опытность;

«5) лица, которые избираются по одному отъ cadaго «фу» (города) и «кенъ» (префектуры) изъ среды гражданъ, уплачивающихъ государству наибольшія суммы въ видѣ прямыхъ налоговъ, поземельныхъ, промышленныхъ или торговыхъ пошлинъ, и избраніе коихъ будетъ утверждено правительствомъ. Возрастъ лицъ, принадлежащихъ къ двумъ послѣднимъ категоріямъ пэровъ, опредѣляется не моложе 30 лѣтъ. Что же касается про-

должительности ихъ службы, то для лицъ, имѣющихъ званіе пэровъ по рожденію, а также для назначенныхъ императоромъ званіе пэра является пожизненнымъ, для пэровъ же по избранію оно ограничивается 7-ю годами.

Маркизь Ито, въ своихъ «Комментаріяхъ къ японской конституціи», даетъ слѣдующее объясненіе цѣли, которая преслѣдовалась при регламентаціи такого состава палаты пэровъ.

«Если палата пэровъ будетъ выполнять свое назначеніе, она явится могучимъ орудіемъ для поддержанія равновѣсія между политическими властями, для ослабленія неравномѣрности вліянія отдѣльныхъ партій, для противодѣйствія вредной склонности къ безплоднымъ словопреніямъ и для обезпеченія стойкости конституціи. Она представляетъ собою орудіе, предназначенное для сохраненія гармоніи между правительствомъ и управляемыми и для обезпеченія безопасности страны и счастья народа. Назначеніе палаты пэровъ заключается не только въ томъ, чтобы допустить высшіе классы къ обсужденію законодательныхъ мѣръ, но и въ томъ, чтобы создать представительство народнаго благоразумія, опытности и настойчивости путемъ соединенія людей, оказавшихъ выдающіяся заслуги государству, со знатоками дѣла, а также съ богатымъ классомъ».

Что касается палаты депутатовъ, то, на основаніи ст. 35, она должна состоять изъ членовъ, избранныхъ народомъ сообразно съ указаніями избирательнаго закона. Избирательное право и цензъ опредѣляются статьями 6—17 включительно избирательнаго закона 11 февраля 1889 г. Законъ этотъ примѣнялся при всѣхъ происходившихъ до 1900 года выборахъ.

Чтобы имѣть право избирать требовалось: быть японцемъ, имѣть возрастъ не менѣе 25 лѣтъ, уплачивать прямыхъ налоговъ 15 іенъ (іена немного менѣе 1 р.) и имѣть постоянное мѣсто-жительство въ опредѣленномъ округѣ не менѣе одного года.

Чтобы имѣть право быть выбраннымъ, требовалось: быть японцемъ въ возрастѣ не менѣе 30 лѣтъ и уплачивать прямыхъ налоговъ 15 іенъ.

Несовмѣстимыми со званіемъ депутата считались слѣдующія общественныя положенія: чиновники министерства императорскаго двора, судьи различныхъ судебныхъ инстанцій,

докладчики государственнаго контроля, сборщики податей, полицейскіе агенты и комиссары, прислужники при шинтоистскихъ и буддѣйскихъ храмахъ, проповѣдники и проч. Не могли быть ни избирателями, ни избираемыми: лица принадлежащія къ военному сословію (какъ сухопутному, такъ и морскому), главы фамилій Квазоку (высшее дворянство), несостоятельные должники, лица, лишеныя гражданскихъ правъ и пр.

Но этотъ избирательный законъ подвергался серьезнымъ нападкамъ. Чаще всего высказывалось пожеланіе объ увеличеніи числа избирателей путемъ пониженія предъявляемыхъ къ нимъ требованій. Дѣйствительно, въ такой странѣ, какъ Японія, обязательнымъ по закону цензомъ для избирателя обладаютъ весьма немногія лица. На общее количество населенія Японіи въ 43,270,000 чел., лицъ въ возрастѣ не менѣе 25 лѣтъ приходится немногимъ болѣе 16.000,000 чел.; число же лицъ, платящихъ 15 іенъ налога, составляетъ только 510,000 чел. Если исключить лицъ, не имѣющихъ по разнымъ причинамъ избирательнаго голоса, то приведенное число сократится до 460,000 избирателей; такимъ образомъ, изъ всего населенія Японіи на 1,000 человѣкъ приходится лишь 13 чел., платящихъ требуемый для полученія избирательнаго права налогъ, и изъ этихъ 13 только 11 могутъ быть избирателями. Очевидно, что при такихъ условіяхъ парламентъ является представителемъ ничтожнаго меньшинства націи.

Равнымъ образомъ указывалось на то, что избирательные округа были весьма ограничены территоріально, и что этотъ фактъ, въ связи съ малымъ количествомъ избирателей, открывалъ широкое поле для подкупа. Въмѣстѣ съ тѣмъ городскіе жители жаловались на то, что достающееся на ихъ долю число представителей далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ интересамъ городовъ.

Послѣ многихъ преній на сеймѣ, новый избирательный законъ былъ, наконецъ, вотированъ въ февралѣ 1900 г., и этимъ закономъ было удовлетворено большинство высказанныхъ пожеланій. Во-первыхъ, было увеличено число депутатовъ съ 300 до 369. Затѣмъ, населеніе городовъ, которое до сихъ поръ имѣло на 283 депутата отъ сельскихъ обществъ лишь 17 представителей, или 6% общаго числа депутатовъ,

по новому закону, будетъ имѣть 61 депутата или 20% изъ общаго числа депутатовъ.

Наконецъ, и избирательные округа будутъ расширены и каждый будетъ заключать въ себѣ цѣлую префектуру, чѣмъ несомнѣнно весьма затруднится возможность подкупа. Сверхъ сего, въ тѣхъ же видахъ, по новому закону, принята еще одна мѣра предосторожности, а именно, установлено, что избраніе должно совершаться путемъ закрытой подачи голосовъ, причемъ каждый избиратель имѣетъ только одинъ голосъ.

Но главное, чего коснулась реформа избирательнаго закона, заключается въ пониженіи ценза. Именно, по февральскому закону 1900 г. цензъ избирателей пониженъ съ 15 до 10 іенъ, а право быть избраннымъ не обусловлено никакимъ имущественнымъ цензомъ.

Что касается профессій, къ которымъ принадлежатъ депутаты, то изъ нижеслѣдующей таблицы усматривается, какъ видоизмѣнялся составъ депутатовъ послѣ каждыхъ выборовъ, производившихся на основаніи закона 1889 г. Такъ, какъ со времени введенія новаго закона не было еще ни однихъ всеобщихъ выборовъ, то неизвѣстно, каковы окажутся результаты примѣненія закона въ будущемъ. Пока же приходится ограничиться сообщеніемъ данныхъ объ измѣненіяхъ въ составѣ палаты послѣ каждыхъ выборовъ, произведенныхъ на основаніи конституціи.

	1 выб.	2 выб.	3 выб.	4 выб.	5 выб.	6 выб.
Землевладѣльцы	129	144	137	155	143	145
Купцы	19	25	24	29	32	24
Банкиры	4	3	4	5	4	6
Промышленники.	3	3	3	3	5	7
Врачи	3	3	5	1	4	3
Адвокаты	20	22	28	21	22	24
Нотаріусы	0	0	1	1	1	1
Журналисты	9	14	11	12	8	4
Администраторы разныхъ обществъ	7	7	9	6	15	19
Чиновники	12	6	1	5	1	11
Различныя профессіи. . . .	20	14	0	0	14	5
Лица безъ профессіи . . .	74	59	77	62	47	50
	300	300	300	300	296	299

Маркизь Ито въ своихъ «Комментаріяхъ» стремится установить, что депутаты не получаютъ отъ своихъ избирателей порученія отстаивать ихъ спеціальные интересы, а являются представителями интересовъ всей страны. Эта конституціонная теорія, вполнѣ, впрочемъ, правильная, заимствована изъ весьма удачнаго выраженія французской конституціи 1791 г., которое гласитъ: «Представители, избранные отъ департаментовъ, являются представителями не одного департамента, а всей націи». (Конституція 1791 г., отд. III, гл. I, разд. 3, ст. 7).

Каждую сессію сейма императоръ открываетъ лично, причемъ произноситъ рѣчь, всегда, впрочемъ, очень краткую. Церемонія эта происходитъ не тотчасъ послѣ созыва парламента, такъ какъ палаты обыкновенно тратятъ пять или шесть засѣданій на исполненіе предварительныхъ формальностей, касающихся внутренняго распорядка. Въ первыхъ засѣданіяхъ палаты пэровъ занятія ограничиваются тѣмъ, что производится распредѣленіе членовъ по группамъ и выборы предсѣдателей каждой группы. Въ палатѣ депутатовъ, новоизбранные члены представляютъ удостовѣренія объ ихъ избраніи главному секретарю, исполняющему обязанности предсѣдателя. На слѣдующій день палата собирается, и, подъ предсѣдательствомъ главнаго секретаря, подаются голоса за кандидатовъ на должности предсѣдателя и вице-предсѣдателя, по три на каждую изъ этихъ должностей. Выборъ изъ числа кандидатовъ принадлежитъ императору, но онъ всегда, впрочемъ, соображается съ желаніями палаты и утверждаетъ лицъ, получившихъ наибольшее число голосовъ. Затѣмъ еще одинъ день посвящается распредѣленію депутатовъ на комитеты и группы и на выборы предсѣдателей ихъ. Наконецъ, наступаетъ церемонія офиціального открытія парламента императоромъ, послѣ чего уже начинается настоящая законодательная работа.

Главный трудъ падаетъ на комитеты, которые, собственно, еще болѣе, чѣмъ наши комиссіи, являются истиннымъ рычагомъ законодательной работы. Объясняется это тѣмъ, что современное политическое воспитаніе японскаго народа еще крайне не совершенно, и большинство депутатовъ совершенно несвѣдущи. Въ случаѣ разногласія между обѣими палатами по какому-либо важному проекту, назначается смѣшанный комитетъ, который стремится найти почву для соглашенія.

Вообще слѣдуетъ признать, что японскія палаты работаютъ очень усердно, если судить только по количеству принятыхъ резолюцій. Съ этой точки зрѣнія, особенно замѣчательна сессія, продолжавшаяся при кабинетѣ Ямагаты съ декабря 1898 г. по мартъ 1899 г. Въ этотъ трехмѣсячный промежутокъ времени палата депутатовъ установила положительно рекордъ законодательной работы, вотировавъ не менѣе 284 вопросовъ, или по 4 въ день. Все это были вопросы чрезвычайно серіозные, напр., проекты законовъ, адресъ императору, представленія министрамъ, бюджеты и т. п. По этому колоссальному результату можно судить о быстротѣ, съ которой работаютъ комитеты, но въ то же время возникаетъ сомнѣніе въ серіозности обсужденія законопроектовъ. Даже наиболѣе важная мѣра не вызываетъ никогда большаго количества рѣчей, которыя при томъ по большей части кратки и незначительны. Заключенію комитета палаты всегда рабски подчиняются.

Любопытной особенностью японскихъ палатъ является также почти постоянное отсутствіе въ засѣданіяхъ министровъ, которые вовсе не считаютъ нужнымъ внимательно прислушиваться къ преніямъ и весьма рѣдко появляются въ залѣ засѣданій. Для обсужденія почти всѣхъ законопроектовъ они замѣщаются въ парламентѣ правительственными комиссарами, юрисконсультами и специалистами, которые заготовляли проекты и которымъ поручается совмѣстно съ комитетами выполнять работу, которая собственно должна бы лежать на палатахъ. Слѣдуетъ еще упомянуть, что депутаты не размѣщены въ залѣ засѣданій соотвѣтственно принадлежности ихъ къ той или другой политической группѣ; у нихъ нѣтъ правой, лѣвой, центра и т. д. Мѣста ихъ опредѣляются по жребію, и этотъ порядокъ вещей, конечно, весьма стѣснителенъ для вожаковъ партій, такъ какъ ихъ единомышленники не могутъ сгруппироваться вокругъ нихъ.

Въ ноябрѣ 1899 г., г. Катаока, президентъ палаты депутатовъ, предложилъ новый порядокъ, позволяющій партіямъ группироваться; но притти къ какому-либо соглашенію относительно практическаго осуществленія этой мѣры, однако, не удалось.

III.

Министры.

Теперь остается обратиться къ наиболѣе существенному вопросу японской конституціи — къ выясненію роли, отведенной министрамъ. Ст. 55 опредѣляетъ эту роль слѣдующимъ образомъ: «Министры государства представляютъ императору свои мнѣнія и являются за нихъ отвѣтственными. Всѣ законы, указы и декреты императора, относящіеся до дѣлъ государственныхъ, должны быть скрѣплены подписью подлежащаго министра».

Министры вовсе не отвѣтственны передъ палатами и не обязаны согласовать свою дѣятельность съ ихъ мнѣніями. До тѣхъ поръ, пока они пользуются довѣріемъ императора, они могутъ сохранять свои портфели, каковы бы ни были взаимныя отношенія между кабинетомъ и имперскимъ сеймомъ. Императору предоставлена власть единолично назначать и увольнять министровъ. Палаты не имѣютъ права дѣлать запросы кабинету и вызывать его паденіе выраженіемъ недовѣрія. Маркизъ Ито въ своихъ «Комментаріяхъ» слѣдующимъ образомъ освѣщаетъ этотъ важный пунктъ: «При сравнительномъ изученіи установившейся во всѣхъ странахъ по означенному вопросу практики, оказывается, что изъ всѣхъ конституціонныхъ вопросовъ наименѣе близкимъ къ разрѣшенію является вопросъ объ отвѣтственности министровъ. Съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать этотъ вопросъ, съ теоретической или съ практической, нельзя не признать, что власть, предоставляемая японской конституціей министрамъ, весьма обширна, такъ какъ имъ даровано право дѣлать предложенія императору и, сверхъ того, они обладаютъ широкими административными полномочіями. Ихъ обязанности по отношенію къ императору заключаются не только въ томъ, чтобы поддерживать его полезныя начинанія и дѣлать представленія о нуждахъ и желательныхъ мѣропріятіяхъ, но также и въ томъ, чтобы отсвѣтывать ему принятіе вредныхъ мѣръ и помогать закономѣрному проявленію его власти. Вотъ почему они не могутъ не быть

отвѣтственными. Еслибы министры не были отвѣтственны, то исполнительная власть имѣла бы широкую возможность преступать границы закона, который въ такомъ случаѣ сталъ бы сводомъ чисто формальныхъ предписаній. Отвѣтственность министровъ есть основаніе, на которомъ покоятся конституція и законъ. Но отвѣтственность эта не является уголовной и существуетъ лишь по столько, по сколько дѣйствія министровъ касаются дѣлъ государственныхъ. Если министръ при исполненіи своихъ обязанностей допустить какое-либо нарушеніе, то право опредѣленія его отвѣтственности принадлежитъ главѣ государства; только императоръ можетъ уволить министра, который былъ имъ назначенъ. И кто въ самомъ дѣлѣ, кромѣ монарха, который назначаетъ министра, могъ бы отставить его или подвергнуть какой-либо карѣ? А такъ какъ право назначенія и увольненія министровъ конституціей предоставлено императору, то вполне естественнымъ послѣдствіемъ этого является то обстоятельство, что опредѣленіе отвѣтственности министровъ не можетъ быть предоставлено сейму. Тѣмъ не менѣе, однако, сеймъ можетъ дѣлать запросы министрамъ, а также представлять императору адреса съ выраженіемъ своихъ взглядовъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что хотя императоръ сохранилъ за собой по конституціи право назначать министровъ по собственному выбору, однако, на дѣлѣ, при назначеніяхъ, онъ вынужденъ принимать въ соображеніе желанія націи. Этимъ онъ какъ бы косвенно допускаетъ нѣкоторый надзоръ надъ опредѣленіемъ отвѣтственности министровъ. Такимъ образомъ, изъ положеній нашей конституціи можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

«1) Основная функція министровъ заключается въ представленіи императору законопроектовъ.

«2) Они несутъ прямую отвѣтственность передъ императоромъ и косвенную передъ народомъ.

«3) Императоръ, но не народъ, опредѣляетъ объемъ отвѣтственности министровъ, такъ какъ императоръ обладаетъ правами верховной власти въ государствѣ.

«4) Отвѣтственность министровъ есть отвѣтственность политическая; ее никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ отвѣтственностью гражданской или уголовной, и эти два вида отвѣтствен-

ности не уничтожаютъ взаимно другъ друга. Независимо отъ всѣхъ нарушеній гражданскихъ и уголовныхъ нормъ, которыя подлежатъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ установленій, и промаховъ по вопросамъ административнымъ, которые подлежатъ вѣдѣнію административныхъ судовъ, опредѣленіе политической отвѣтственности министровъ принадлежитъ монарху, и наложеніе взысканія имѣетъ значеніе мѣры дисциплинарной». (Ито, loc. cit., стр 92 и слѣд.). На практикѣ взаимныя отношенія между палатами и правительствомъ, какъ это вытекаетъ изъ постановленій конституціи, регулируются слѣдующимъ образомъ: прежде всего дѣлается запросъ министрамъ; затѣмъ, если они не даютъ объясненій, или если объясненія ихъ признаются недостаточными, имъ передается письменное представленіе. Если и эта мѣра остается безъ результатовъ, то представляютъ адресъ императору, который и является судьей въ спорномъ вопросѣ. Подача адреса должно предшествовать обсужденію его, причемъ самый адресъ долженъ быть представленъ въ письменной формѣ, а возбужденіе обвиненія, заключающагося въ адресѣ, должно быть удостовѣрено подписями не менѣе тридцати членовъ палаты.

Если конфликтъ между депутатами и кабинетомъ обостряется и грозитъ затормозить законодательную работу, императоръ распускаетъ палату. Этимъ правомъ онъ пользуется широко, и со времени созыва перваго сейма въ 1890 г. было уже не менѣе пяти случаевъ распушенія палаты.

Число министровъ въ Японіи достигаетъ десяти, а именно, министры: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, военный, морской, юстиціи, народнаго просвѣщенія, земледѣлія и торговли, путей сообщенія (сюда относится завѣдываніе желѣзными дорогами, почтой, телеграфомъ, маяками и т. п.) и императорскаго двора. Министръ императорскаго двора не участвуетъ въ совѣтѣ министровъ, который состоитъ такимъ образомъ изъ девяти членовъ и иногда еще изъ президента безъ портфеля.

Зданіе, въ которомъ помѣщается совѣтъ, называется Най-какау и является центромъ, гдѣ сосредоточено государственное управленіе. Въ немъ же помѣщаются канцеляріи и служебный персоналъ, находящійся въ вѣдѣніи президента со-

вѣта министровъ. Размѣръ получаемого министрами жалованья составляетъ 6,000 іенъ, т.-е. почти столько же рублей. Наряду съ совѣтомъ министровъ существуетъ тайный совѣтъ, органъ исключительно совѣщательный. Этотъ совѣтъ состоитъ изъ предсѣдателя, вице-предсѣдателя и двадцати пяти членовъ, назначаемыхъ императоромъ, при чемъ министры являются непремѣнными его членами. Этотъ совѣтъ учрежденъ по образцу однородныхъ учреждений, существующихъ въ Вюртембергѣ, Нидерландахъ и въ Португаліи.

Вотъ, въ краткихъ чертахъ, обзоръ государственнаго строя Японіи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вылился изъ рукъ основателей японской конституціи 11-го февраля 1889 г. Теперь остается разсмотрѣть, какъ отразились на этомъ строѣ нѣсколько лѣтъ послѣдовавшей затѣмъ политической борьбы.

III.

Политика и политическія партіи.

Тридцатипятилѣтній опытъ примѣненія въ Японіи конституціоннаго правленія на основаніи Хартіи 1889 г. нельзя назвать удачнымъ. Политическій міръ Японіи не извлекъ изъ новаго порядка вещей той пользы, на которую рассчитывалъ, и партіи оказались неподготовленными къ выпавшей на ихъ долю дѣятельности. Вотъ заключеніе, которое приходится вывести изъ обзора этого періода, состоявшаго изъ безплодныхъ раздоровъ и агитаціи. Различныя группы, на которыя дробятся японскіе политическіе дѣятели, не заслуживаютъ названія партій, такъ какъ имъ не хватаетъ самаго существеннаго признака партій—вполнѣ опредѣленной и общепринятой программы. Исторія партій въ Японіи начинается, въ сущности, гораздо ранѣе провозглашенія конституціи, ибо японскія политическія партіи—только пережитокъ феодализма, ниспровергнутаго въ 1871 году. Если можно было однимъ почеркомъ пера уничтожить феодализмъ, какъ социальную организацію, то не такъ легко было раздѣлаться съ укоренившимися идеями и предрасудками стараго режима. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что и послѣ 1871 года четыре гла-

венствующіе рода—Satsouma, Choshou, Toza и Hizen—сохранили свое преобладающее вліяніе. Ихъ члены и, въ особенности, члены двухъ первыхъ родовъ—такіе люди, какъ Сайго, Ойяма, Матсуката и Кабайяма, принадлежащіе къ роду Satsouma, и Ито, Инуйе, Ямагата, Аоки и др., принадлежащіе къ роду Choshou, на сторонѣ коихъ во время реставраціи былъ перевѣсъ, именно эти люди только и смѣняли другъ друга у власти.

Чтобы понять японскую политику послѣдняго тридцатилѣтія, необходимо усвоить себѣ понятіе объ этихъ пережиткахъ феодальнаго міровоззрѣнія, сохраненныхъ кланами. Какъ бы ни щеголяли политическія партіи своими громкими названіями, какъ бы ни именовали онѣ себя—либеральной, прогрессивной или національно-уніонистской, — все же это лишь искусственно созданныя группы, за спиной которыхъ стоитъ тотъ или другой родъ. Эги же пережитки феодализма обнаруживаются и въ другихъ отправленіяхъ политической жизни страны и особенно ярко выступаютъ въ вопросахъ, касающихся арміи, флота, народнаго просвѣщенія и администраціи ¹⁾.

Въ первое пятилѣтіе по введеніи въ дѣйствіе конституціонныхъ учрежденій, старые государственные люди, на которыхъ императоръ возложилъ управленіе страной, могли дѣйствовать, не считаясь съ политической группировкой партій; но вскорѣ требованія парламентской жизни заставили ихъ входить въ союзъ съ той или другой изъ нихъ. Когда маркизь Ито захотѣлъ, послѣ китайской войны 1895 года, провести свою программу увеличенія военныхъ силъ Японіи, онъ долженъ былъ заключить союзъ съ либералами. Графъ Матсуката сошелся съ прогрессистами, а въ 1898 году Ито вошелъ въ соглашеніе съ либераль-уніонистами и съ либералами.

¹⁾ Партіи могутъ существовать только въ палатѣ депутатовъ, такъ какъ происхожденіе и составъ палаты пэровъ держатъ эту послѣднюю въ сторонѣ отъ текущей политики, и хотя и въ ней есть нѣкоторыя подраздѣленія, какъ, напримѣръ, классъ принцевъ крови, классъ виконтовъ, классъ бароновъ, классъ пэровъ, возведенныхъ въ это достоинство императоромъ, и классъ пэровъ, избранныхъ изъ среды гражданъ, платящихъ наивысшіе налоги, но это только внутреннее дѣленіе, не вліяющее на обычное теченіе политической жизни.

Все эти комбинаціи приводили только къ большей запутанности положенія, такъ какъ члены парламента все громче и громче заявляли свои претензіи на руководящую роль, вопреки даже постановленіямъ конституціи.

Невозможно, въ сущности, согласовать громадныя прерогативы, присвоенныя верховной власти, съ постоянно возрастающимъ и вполне законнымъ стремленіемъ народа къ такому роду управленія страной, при которомъ былъ бы обезпеченъ строгій контроль парламента, и уже давно печать и политическіе дѣятели требуютъ, чтобы палатѣ депутатовъ было предоставлено право контроля надъ общей политикой страны, какъ это установлено во Франціи и въ Англіи. Хотя въ настоящее время старые государственные люди и отказываютъ категоричнѣе, чѣмъ когда-либо, въ удовлетвореніи этихъ желаній, не слѣдуетъ забывать, что былъ моментъ, когда, казалось, наступило благопріятное время, чтобы отвѣтить, наконецъ, на вновь возникшія требованія народа; событія, однако, показали, что первоначальныя опасенія государственныхъ людей имѣли нѣкоторыя основанія и что, положительно, политическій уровень, на которомъ стоятъ японцы, еще недостаточно высокъ для того, чтобы можно было ввести въ дѣйствіе такой нѣжный механизмъ, какъ управленіе чрезъ посредство кабинета. Моментъ, о которомъ мы говоримъ, настолько интересенъ самъ по себѣ и отмѣчаетъ столь любопытную страничку японской политической исторіи, что представится полезнымъ рассказать о немъ подробнѣе.

Кабинетъ Ито, принявшій власть въ началѣ января 1898 года, короткое время пользовался поддержкой либеральной партіи и нѣкоторыхъ другихъ парламентскихъ группъ; но вскорѣ онъ оттолкнулъ отъ себя своихъ сторонниковъ, такъ какъ, опираясь на довѣріе императора, хотѣлъ обойтись безъ парламента въ дѣлѣ управленія страной. Нѣсколько недѣль дѣла шли довольно успѣшно, но когда президентъ совѣта министровъ внесъ программу большихъ финансовыхъ реформъ, включавшую, между прочимъ, и увеличеніе поземельнаго налога, палата почти единогласно отвергла его проектъ. Кабинетъ, убѣжденный въ сираведливости предлагаемой имъ реформы, настаивалъ на своемъ

проектъ и, видя явно непріязненное отношеніе къ нему палаты, не остановился передъ рѣшительною мѣрою—10-го іюня президентъ совѣта прочелъ въ палатѣ императорскій указъ о ея распущеніи.

Результатъ получился самый неожиданный. Двѣ сильныя политическія партіи, партія либераловъ и партія прогрессивовъ, соединенныя на этотъ разъ стремленіемъ противопоставить министерству общую оппозицію, рѣшили слиться во-едино. Такое сліяніе можетъ показаться фантастическимъ и необыкновеннымъ, такъ какъ эти двѣ партіи по нѣкоторымъ важнѣйшимъ вопросамъ были діаметрально противоположныхъ взглядовъ, но въ Японіи не принято останавливаться передъ такими пустяками. Переговоры велись ускореннымъ темпомъ, старыя ссоры были забыты, и 23-го іюня новая партія была окончательно сформирована и получила названіе «Кенсей-то», или конституціонная партія. Основнымъ принципомъ партіи было провозглашено введеніе парламентскаго управленія: имѣть независимый отъ сейма кабинетъ болѣе не желали, и старымъ государственнымъ людямъ была объявлена война.

Тогда президентъ совѣта министровъ рѣшился произвести требуемое преобразование. Но сначала, противъ коалиціи своихъ противниковъ онъ хотѣлъ выставить новую группу, которую еще до ея образованія окрестили именемъ правительственной партіи; въ нее должны были войти нѣкоторые національ-уніонисты и депутаты, избранные подъ именемъ кандидатовъ отъ торговли и промышленности, тѣ и другіе изъ породы людей, которые всегда стоятъ за правительство, каково бы оно ни было. Во дворцѣ былъ собранъ, подъ предсѣдательствомъ императора, совѣтъ, въ который были приглашены нѣкоторые изъ ветерановъ японской политики, извѣстные подъ именемъ старыхъ государственныхъ людей Мейджи, и между прочими маршалъ Ямагата. Маркизъ Ито заявилъ о своей готовности сдѣлать нѣкоторыя уступки, передать власть кому-нибудь изъ своихъ политическихъ друзей, а самому стать во главѣ новой партіи, но старые государственные люди высказались противъ какихъ бы то ни было уступокъ, клонящихся къ измѣненію существующаго порядка управленія страной и нарушающихъ конституціонныя прерогативы императорской власти. Нѣкото-

рые изъ членовъ предложили даже просто на просто отмѣнить конституцію и вернуться къ абсолютизму.

Эта оппозиція побудила президента совѣта сложить съ себя власть, и, подавая императору прошеніе объ отставкѣ кабинета, онъ самъ указалъ своему государю на лидера партіи либераловъ, графа Окума, и на лидера партіи Кенсей-то, какъ на единственныхъ людей, способныхъ сформировать жизнеспособное министерство. Двадцать четыре часа спустя новый кабинетъ былъ составленъ, и во главѣ его сталъ графъ Окума.

Японскіе политиканы могли думать, что достигли желанной цѣли; но они не приняли въ расчетъ партійныхъ раздоровъ, которые и на этотъ разъ испортили дѣло. Соединившіеся во имя общей идеи либералы и прогрессисты все же слишкомъ расходились по многимъ вопросамъ, и ихъ единеніе не могло быть продолжительнымъ. Въ то время, какъ либералы настаивали на выполненіи широкой программы вооруженія страны, выработанной послѣ китайской войны, прогрессисты требовали уменьшенія военныхъ издержекъ; либералы поддерживали выработанный ихъ лидеромъ, графомъ Итагаки, проектъ выкупа всей желѣзнодорожной сѣти, а прогрессисты не хотѣли идти на это предпріятіе. Такимъ образомъ въ средѣ Кенсей-то возникло несогласіе, которое немедленно отозвалось и на самомъ кабинетѣ. Вожаки обѣихъ министерскихъ группъ постоянно противорѣчили другъ другу въ сообщеніяхъ, даваемыхъ ими печати. Японскіе министры любятъ дѣлиться своими мыслями съ публикой, и графъ Окума, сущій кладъ для интервьюеровъ, нерѣдко высказывалъ въ столичной печати свое недовольство либералами и ихъ единомышленниками, графъ же Итагаки, въ свою очередь, напечаталъ за своею подписью въ газетѣ «Tokyo Shimbun», въ номерѣ отъ 26-го августа, статью, въ которой полностью изложилъ свой взглядъ на положеніе вещей. Получилась настоящая анархія. Въ партіи Кенсей-то раздоры быстро разрослись, и она раскололась на массу маленькихъ задорныхъ и крикливыхъ группъ: Doshi-club, Kwanto-club, Johokou-Kaï, Kaga-club, Hokoushin-hasshiou-Kaï, Hokourikou-club, Nihombashi-club, Chiou-gokou-club, Kinki-club, Yéhimé-club, Kioushiou-Kaï, Hyogo-Ken, Dantai и проч., вслѣдствіе чего газеты начали предвѣщать кабинету, который, вначалѣ, огромное большин-

ство привѣтствовало съ такою радостью, неминуемую неудачу черезъ нѣсколько недѣль по его образованіи. Чтобы дать понятіе объ этомъ внезапномъ поворотѣ общественнаго мнѣнія, приведу здѣсь двѣ краткія статьи, взятые мною изъ журналовъ, бывшихъ сперва безусловно настроенными въ пользу кабинета.

«Двумъ графамъ, взявшимъ на себя устройство парламентскаго управленія, — говорила «Nichi-Nichi-Shimboun», — не удалось разрѣшить эту задачу. Ихъ труды не привели ни къ чему, въ особенности, въ области финансовой политики.

«Большую часть своего времени они убиваютъ на устраненіе затрудненій, которыя то и дѣло возникаютъ въ средѣ двухъ группъ, находящихся подъ ихъ главенствомъ. Къ тому же кабинетъ вовсе не независимъ. Онъ рабски исполняетъ приказанія главнаго комитета Кенсей-то, который разъ или два въ недѣлю сообщаетъ министерству свои взгляды и диктуетъ ему, какія мѣры должны быть приняты. Назначеніями и смѣщеніями высшихъ чиновниковъ завѣдуетъ этотъ же комитетъ. Въ такихъ условіяхъ кабинетъ не можетъ называться «правительствомъ».

«Kokoumin Shimboun» высказывался еще болѣе рѣзко:

«Правительство представляетъ собою скорѣе родъ делегатовъ партій, чѣмъ кабинетъ, состоящій изъ государственныхъ министровъ, такъ какъ члены его — покорнѣйшіе слуги политикановъ. Всѣ указанія и распоряженія исходятъ отъ главнаго комитета Кенсей-то, и кабинетъ не можетъ даже собраться безъ разрѣшенія этого комитета. Такой порядокъ вещей бываетъ въ странѣ только наканунѣ революціи».

Во время августовскихъ выборовъ 1898 года либералы и прогрессисты, по старому, вели борьбу между собою, и можно было зачастую наблюдать въ избирательныхъ округахъ любопытное зрѣлище ожесточенной битвы между кандидатами, принадлежащими къ одной и той же партіи Кенсей-то. Тѣмъ не менѣе, ни одна изъ двухъ партій не рѣшалась взять на себя отвѣтственность за окончательный разрывъ, ни одна изъ нихъ не хотѣла предоставить противной сторонѣ всѣхъ преимуществъ своей организаціи, своего названія и своего престижа. Японская печать дала очень удачныя характеристики этому положенію.

«Либералы и прогрессисты — читаемъ мы въ «Osaka Asahi» — точь въ точь два супруга, не сходящіеся характерами, которые безпрестанно ссорятся, но все же не могутъ рѣшиться на разводъ»; «Kokumin» сравниваетъ Кенсей-то со змѣей, разрѣзанной на двое, которая не можетъ ни идти впередъ, ни двинуться назадъ, ни оставаться спокойно на мѣстѣ.

Кризисъ, наконецъ, разрѣшился, благодаря только весьма странному инциденту, вызванному однимъ изъ членовъ прогрессистской партіи.

Озаки, министръ народнаго просвѣщенія, въ рѣчи, обращенной къ главнымъ начальникамъ его вѣдомства, предложилъ учителямъ молодого поколѣнія обращать какъ можно болѣе вниманія на выработку характера ихъ учениковъ. «Нравы портятся, — сказалъ онъ, — и мы видимъ, что съ развитіемъ экономической жизни страны наступаетъ царство денегъ. Нигдѣ деньги не имѣютъ такого гипнотическаго вліянія, какъ у насъ, и возможно, что если Японія черезъ тысячу лѣтъ станетъ республикой, президентомъ будетъ выбранъ какой-нибудь Митсуи или Ивасаки, тогда какъ въ уважающихъ себя демократическихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ, никому не придетъ въ голову избрать президентомъ Астора или Вандербильдта».

Этотъ призракъ республики, появленіе котораго предвидѣлось только въ далекомъ будущемъ, вывелъ изъ себя старояпонцевъ, консерваторовъ и шовинистовъ, и, исказивъ мысль молодого министра, они выставили его рѣчь какъ оскорбленіе величества. Противъ г. Озаки повели горячую кампанію, и его «республиканская рѣчь» сдѣлалась любимымъ конькомъ оппозиціи. Либералы воспользовались случаемъ, чтобы напасть на своихъ союзниковъ, и графъ Итагаки отъ ихъ имени потребовалъ немедленнаго увольненія своего коллеги, министра народнаго просвѣщенія. Этотъ послѣдній, энергично поддержанный своимъ патрономъ, графомъ Окума, долго отражалъ нападки, но нѣсколько недѣль спустя долженъ былъ удалиться со своего поста, ибо, уступая настояніямъ его противниковъ, императоръ потребовалъ его отставки.

Либералы хотѣли передать освободившійся портфель министра кому-нибудь изъ своей партіи, но президентъ совѣта пред-

ложилъ на утвержденіе императора одного изъ прогрессистовъ. Тогда-то возникъ кофликтъ, послужившій поводомъ къ удивительнымъ событіямъ.

Либералы, вынужденные въ дѣлѣ разрыва взять починъ на себя, придумали хитрую комбинацію. Будучи многочисленнѣе прогрессистовъ, они имѣли возможность одни устроить партійное собраніе съ законнымъ числомъ членовъ. Собравшись 30 октября до общаго собранія партіи, назначеннаго на 1-ое ноября, они единогласно постановили распустить Кенсей-то. Затѣмъ, они тутъ же постановили вновь образовать Кенсей-то, исключивъ изъ него прогрессистовъ. Послѣдніе протестовали, ссылаясь на то, что конституціонная партія не могла быть распущена безъ ихъ согласія, и вопросъ былъ разрѣшенъ, нѣсколько часовъ спустя, полиціей. Дѣло въ томъ, что, по закону, каждая вновь образуемая партія должна предъявить полиціи протоколъ объ образованіи, равно какъ и о распадѣніи. Либералы поспѣшили исполнить требованія закона и продѣлали всѣ установленныя формальности, а полиція, принявъ отъ нихъ заявленіе, тѣмъ самымъ признала ихъ постановленіе законно состоявшимся. Тогда либералы заняли бюро партіи и отказались впустить туда прогрессистовъ. Обѣ стороны заручились содѣйствіемъ «соши», какъ называютъ молодыхъ людей, посвятившихъ себя устройству политическихъ скандаловъ, сопровождаемыхъ нерѣдко ударами палокъ и даже ножей. Ихъ насчитывается въ Токио отъ 1,500 до 2,000 человекъ, и они служатъ для политикановъ чѣмъ-то въ родѣ гвардіи. Они работаютъ главнымъ образомъ во время выборовъ, чѣмъ и объясняется масса случаевъ насилій въ выборные періоды. Въ описываемыхъ нами обстоятельствахъ прогрессисты послали «соши» въ атаку противъ занявшихъ бюро членовъ партіи либераловъ, но эти послѣдніе отстояли свою позицію съ помощью другихъ «соши».

На слѣдующій день, когда прогрессисты собирались итти въ ранѣе назначенное общее собраніе, имъ было сообщено распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ (лидера партіи либераловъ!), предлагающее полиціи не допускать состояться собранію бывшей партіи Кенсей-то, на томъ основаніи, что собраніе это не можетъ быть признано законнымъ, такъ какъ Кенсей-то прекратило свое существованіе.

Прогрессисты, вынужденные отступить передъ силою, опубликовали протестъ, въ которомъ очень рѣзко отозвались о своихъ противникахъ, и порѣшили немедленно организовать новую группу подъ названіемъ «Кенсей-хон-то», т.-е. «истинно-конституціонная партія». Получилась, такимъ образомъ, политическая группа, управляемая первымъ министромъ и считавшая въ своихъ рядахъ двухъ другихъ министровъ, и эта группа публично обвиняла другую группу, имѣвшую во главѣ своего министра внутреннихъ дѣлъ, «въ несправедливыхъ, произвольныхъ и незаконныхъ дѣйствіяхъ».

Тѣмъ временемъ либералы, удовлетворивъ вполне своей мстительности по отношенію къ противникамъ, рѣшили прекратить борьбу; графъ Итагаки и двое его сотоварищей подали императору прошенія объ отставкѣ. Графъ Окума, убѣжденный, что въ палатѣ онъ получитъ прогрессистское большинство, хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы образовать однородное по своему составу министерство, и предложилъ императору назначить прогрессистовъ на мѣста подавшихъ въ отставку министровъ. Императоръ, однако, не нашелъ возможнымъ согласиться на это предложеніе, и графъ Окума и всѣ его сотоварищи по кабинету вынуждены были тоже отказаться отъ власти. Такъ печально кончился первый опытъ парламентскаго управленія страной, легкомысленно предпринятый японскими политиками.

Наученный опытомъ императоръ, еще недавно готовый, казалось, склониться передъ общественнымъ мнѣніемъ, поспѣшилъ вернуться къ традиціонному порядку, предписанному конституціей. Онъ поручилъ маршалу Ямагата составить кабинетъ изъ лицъ, не принадлежащихъ ни къ одной изъ партій.

Какъ мы уже говорили, старые государственные люди Мейджи, и въ особенности маршалъ Ямагата, не шли ни на какія уступки и не признавали идеи парламентскаго управленія. Маршалъ Ямагата, твердо рѣшивъ бороться съ палатою, составилъ свое министерство изъ людей энергичныхъ, преданныхъ его взглядамъ и рѣшившихъ не дѣлать партіямъ никакихъ уступокъ; большинство портфелей было распредѣлено между людьми военными, и даже во главѣ министерства народнаго просвѣщенія былъ поставленъ адмиралъ.

Въ сущности, японскіе политиканы были сами виноваты въ неудачѣ, такъ какъ, еслибы ихъ мелкіе личные счеты не сдѣлали нормальное существованіе партій невозможнымъ, парламентскій режимъ былъ бы въ настоящее время уже совершившимся фактомъ въ Японіи. Вызывается это состояніе анархіи въ средѣ политическихъ партій Японіи главнымъ образомъ однимъ обстоятельствомъ: отсутствіемъ вождей. Такъ, напримѣръ, графа Окума, казалось, можно было считать лидеромъ прогрессистской партіи, но на дѣлѣ это было не такъ. Кромѣ того, онъ, какъ и большинство вождей партій, не засѣдалъ даже въ палатѣ и, слѣдовательно, долженъ былъ въ столь важномъ дѣлѣ, какъ руководство партіею въ палатѣ, дѣйствовать черезъ замѣстителей, авторитетъ которыхъ не всегда былъ достаточенъ для поддержанія полного единомыслія между различными фракціями партіи.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что послѣдняя задача въ Японіи не такъ проста, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ, ибо тамъ дробленіе партій на фракціи есть слѣдствіе географическихъ, историческихъ и личныхъ отношеній, основанныхъ все на томъ же родовомъ принципѣ, на который мы ранѣе указывали. Въ самомъ дѣлѣ, политическая партія можетъ рассчитывать на болѣе или менѣе продолжительное существованіе только тогда, когда она тѣсно связана съ какимъ-нибудь изъ извѣстныхъ дѣятелей этихъ родовъ, или клановъ, съ «людьми Мейджи», съ «Genro»¹⁾.

¹⁾ Дѣйствительно, со времени провозглашенія конституціи въ 1889 году всѣ кабинеты насчитывали въ своей средѣ по нѣсколько «людей Meiji», какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

			Люди Мейджи
Кабинетъ	Ямагата . . .	(1890)	6
»	Матсуката . .	(1891)	6
»	Ито.	(1892)	7
»	Матсуката. . .	(1896)	4
»	Ито.	(1898)	3
»	Окума.	(1898)	2
»	Ямагата. . . .	(1899)	4
»	Ито.	(1900)	1
»	Катсура. . . .	(1901)	3

Имена этихъ людей, ихъ испытанное умѣнье и престижъ, основанный на ихъ прежнихъ заслугахъ, не позволяютъ ни государю, ни народу довѣрить управленіе страной правительству, не насчитывающему въ своихъ рядахъ никого изъ этихъ ветерановъ минувшаго боевого времени, а тѣмъ болѣе—враждебному имъ, и, между тѣмъ, несмотря на необходимость единенія, политическіе дѣятели молодого поколѣнія все болѣе и болѣе отдаляются отъ клановъ. Для того, чтобы понять, почему это такъ, необходимо вникнуть въ происхожденіе этихъ молодыхъ дѣятелей.

Японскій политическій дѣятель—созданіе новѣйшаго времени. Вслѣдъ за реставраціей 1868 года, когда въ страну проникли европейскія идеи, многіе молодые люди, сыновья богатыхъ фермеровъ или купцовъ, набросились на изученіе западныхъ новшествъ, и само правительство поддерживало ихъ въ этомъ направленіи. Вмѣстѣ съ поверхностнымъ образованіемъ, они пріобрѣли и ту непомѣрную заносчивость, которой отличаются всѣ японецы, которые хоть чему-нибудь учились. Затѣмъ, когда, окончивъ курсъ науки и получивъ дипломы, они захотѣли посвятить свои познанія на службу государству, они вдругъ увидѣли, что безъ громкаго имени, безъ знатнаго происхожденія и безъ прошлаго они не могутъ надѣяться на достиженіе высшихъ должностей ни въ гражданской администраціи страны, ни на военномъ поприщѣ, такъ какъ эти должности предназначались прежде всего сыновьямъ семействъ, которыя входятъ въ составъ клановъ. Тогда они бросились въ политику, съ цѣлью создать оппозицію и уничтожить могущество клановъ. Когда, въ 1898 году, они отказали въ кредитахъ на постройку военныхъ судовъ, ихъ ораторы заявили, что проектъ усиленія флота самъ по себѣ они находятъ превосходнымъ, и отвергаютъ его только потому, что не имѣютъ довѣрія къ людямъ, стоящимъ во главѣ морского вѣдомства. «Прежде всего,—говорили они,—необходимо оградить морское вѣдомство отъ тиранніи клана Сатсума. Обыкновенному смертному, если онъ не принадлежитъ къ клану Чошу, невозможно достигъ значительнаго поста на гражданской службѣ, а если онъ не принадлежитъ къ Сатсума,—ему недоступенъ высокій чинъ въ арміи или во флотѣ. Этого порядка мы не хотимъ терпѣть долѣе».

И дѣйствительно, несмотря на вліяніе европейскихъ идей на казовую сторону японской жизни, на ходячія идеи и избитыя фразы, страна продолжаетъ находиться подъ вліяніемъ клановъ, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: вѣдь еще тридцать лѣтъ тому назадъ Японіей правили «даймію», т. е. феодальные властители, сдѣлавшіе изъ своего государя нѣмую тѣнь, жившую въ величавомъ уединеніи. Эти двѣсти пятьдесятъ «даймію» владѣли громадными помѣстьями и имѣли къ своимъ услугамъ цѣлыя арміи, и хотя нынѣ такой порядокъ вещей не существуетъ болѣе, но вліяніе клановъ все еще сохранилось, благодаря тому, что гражданская и военная іерархія, основаны на знатности происхожденія. Армія и еще болѣе — флотъ, играющіе такую видную роль въ современной политикѣ Японіи и составляющіе главнѣйшую опору правительства въ его борьбѣ съ разрушительными стремленіями парламентскаго большинства, находятся подъ начальствомъ людей, по большей части принадлежащихъ къ клану Сатсума.

Такимъ образомъ, конфликтъ, фазы развитія котораго мы только что описали, не есть только конфликтъ между политическими и парламентскими партіями; нѣтъ, это японская форма дуэли между могущественной и хорошо дисциплинированной олигархіей съ одной стороны и честолюбивой, но дурно организованной демократіей — съ другой; это борьба Гракховъ съ сенатомъ въ послѣднія времена Римской республики, это борьба, какая велась въ Англіи въ началѣ прошлаго столѣтія противъ такъ называемаго главенства виговъ.

Какъ бы то ни было, изъ разсмотрѣнныхъ нами событій можно смѣло заключить, что мысль объ учрежденіе правительства съ отвѣтственнымъ кабинетомъ въ Японіи сильно скомпрометирована. Маркизь Ито, признавшій было принципъ этотъ, теперь отступился отъ него. 1-го сентября 1899 года онъ заявилъ при одномъ интервью, что необходимо придерживаться основъ, принятыхъ конституціей, такъ какъ парламентское управленіе даже въ Англіи не даетъ хорошихъ результатовъ, особенно въ области внѣшней политики. «Но за то, — прибавилъ этотъ выдающійся государственный дѣятель, — я считаю, что безъ существованія партій дѣла не могутъ итти успѣшно, а такъ какъ въ Японіи партій не имѣется, то является настоя-

тельная необходимость организовать таковыя какъ можно скорѣе». Но и здѣсь маркиза Ито ожидало разочарованіе. Когда послѣ долгихъ усилій, въ августѣ 1900 года, ему удалось, наконецъ, организовать свою партію, «Риккен-Сейю-Кай», или конституціонную политическую ассоціацію, и въ ноябрѣ 1900 года взять, съ ея помощью, въ свои руки бразды правленія, онъ снова увидѣлъ, что раздоръ поселился въ средѣ его политическихъ единомышленниковъ.

Слѣдя за политической жизнью Японіи послѣднихъ лѣтъ, нельзя не отмѣтить того факта, что событія создали совершенно новое положеніе для императора. Микадо, какъ прямой потомокъ боговъ, теоретически, по крайней мѣрѣ, всемогущъ и непогрѣшимъ и, даже при существованіи конституціи 10 февраля 1889 года, онъ, какъ и прежде, является единственнымъ источникомъ власти; верховная власть принадлежитъ только ему, какъ божественное право, которое никто и не думаетъ оспаривать. Слѣдовательно, долгъ его подданныхъ совершенно ясенъ: они должны пассивно повиноваться его приказаніямъ, какъ повелѣніямъ божества.

Между тѣмъ, какая-то разрушительная сила день за днемъ подтачиваетъ всемогущество императора. И, дѣйствительно, микадо, не имѣющій болѣе реальной власти, какъ прежде, рискуетъ еще утратить свой quasi-священный характеръ и то таинственное обаяніе, которое онъ такъ долго сохранялъ въ глазахъ народа. Причина этого явленія очень проста и кроется въ тѣхъ ежедневныхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергается конституція, выбитая изъ колеи съ самаго ея провозглашенія постоянными раздорами въ политической средѣ.

Императоръ единолично назначаетъ и смѣщаетъ министровъ, и палаты не имѣютъ права ни обращаться съ запросами къ кабинету, ни закрывать пренія голосованіемъ, могущимъ повлечь за собою паденіе кабинета. На практикѣ же и согласно постановленіямъ конституціи, въ сношеніяхъ между палатами и министрами установленъ слѣдующій порядокъ: палаты обращаются къ министрамъ съ запросомъ; если отвѣтъ министра признается неудовлетворительнымъ, дѣлается представленіе; если же и эта мѣра не достигаетъ цѣли, подается

адресъ императору, который, такимъ образомъ, становится судьей въ возникшемъ разногласіи.

Пользуясь предоставленнымъ ей правомъ, нижняя палата, въ случаяхъ столкновенія съ правительствомъ, нерѣдко обращалась къ трону съ адресами, и образовавшаяся такимъ образомъ привычка обращаться императора въ апелляціонную инстанцію неминуемо должна была повредить достоинству и обаянію этого послѣдняго, ибо вынуждала его для примиренія партій выходить на сцену. Насколько далеко заходило иногда это вмѣшательство императора въ детали парламентской жизни, можно судить по такому примѣру. Въ февралѣ 1893 года, когда палата отказала правительству въ кредитѣ на флотъ и, относясь враждебно къ кабинету, постановила подать адресъ, императоръ, ознакомившись съ положеніемъ вещей, принялъ слѣдующее рѣшеніе: онъ обратился къ палатѣ съ посланіемъ, въ которомъ порицалъ и министровъ и депутатовъ и увѣдомлялъ о своемъ намѣреніи пожертвовать 10⁰/₀ съ получаемого имъ отъ государства содержанія на образованіе морского фонда. Въ то же время онъ повелѣлъ, чтобы всѣ чиновники государства отчисляли 10⁰/₀ изъ своего жалованья на тотъ же предметъ. Полученная такимъ путемъ сумма составила 6.000.000 франковъ.

Для того, чтобы все это стало понятнымъ, необходимо хорошенько уяснить себѣ то совершенно особое чувство, которое японцы питаютъ ко всему, что касается государя. До настоящаго времени микадо занималъ совершенно исключительное положеніе въ японской политической жизни.

«Японская имперія управляется императоромъ изъ династіи единственной и вѣчной» — говорится въ 1 параграфѣ конституціи, а 3-ій параграфъ гласитъ: «особа императора священна и неприкосновенна». Такимъ образомъ, окруженный обаяніемъ безконечнаго прошлаго и не лишенный еще въ глазахъ толпы ореола божественнаго происхожденія, императоръ, среди тревогъ непрерывной эволюціи молодой Японіи, представляется единственнымъ устойчивымъ элементомъ и служитъ соединительнымъ звеномъ между всѣми партіями. Для японцевъ императоръ является воплощеніемъ того горячаго патріотизма, которымъ японцы, кажется, отличаются отъ всѣхъ прочихъ

восгочныхъ народностей; но можно сказать съ увѣренностью, что какъ бы ни было высоко представленіе, составленное народомъ объ императорскомъ величіи, это представленіе есть только слѣдствіе того, что государь ихъ постоянно держался вдали отъ людей и людскихъ страстей, оставаясь всегда нѣмымъ призракомъ, живущимъ въ величавомъ уединеніи. «Нашъ императоръ, — говоритъ японскій историкъ, — жилъ цѣлыми вѣками за ширмами, и никогда нога его не касалась земли; до священнаго слуха его не доходили отзвуки изъ внѣшняго міра». Несомнѣнно, что сила и безопасность трона всегда обезпечивались его удаленіемъ отъ политической жизни. Поэтому, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, хотя власть императора и была только фикціею, самъ императоръ не терялъ своего обаянія въ глазахъ народа. Его полное тайны существованіе внушало почтительный страхъ. Клань могли драться, побѣждать другъ друга или погибать во взаимной борьбѣ, но обаяніе императора оставалось всегда неизмѣннымъ.

Едва ли впрочемъ возможно, чтобы такой порядокъ продолжался вѣчно. Не слѣдуетъ забывать приведеннаго нами выше случая съ министромъ, допустившимъ въ своей рѣчи возможность того, что Японія черезъ тысячу лѣтъ станетъ республикой. Эти слова повлекли за собою для г-на Озаки потерю порфеля, но все же они даютъ намъ драгоцѣнное указаніе на современное состояніе умовъ. Вѣдь, отъ мысли о республикѣ до «вѣчной династіи» — очень далеко, и подобныя рѣчи въ устахъ министра достаточно хорошо указываютъ на происшедшую во многихъ умахъ эволюцію.

Упадка обаянія императора невозможно отрицать, въ особенности, если вызвать кого-нибудь изъ японцевъ на откровенный разговоръ на эту тему. А вотъ еще два факта, указывающіе на этотъ упадокъ. Долгое время обѣ палаты въ своихъ отвѣтахъ на тронныя рѣчи употребляли одинаковые термины для выраженія своего почтенія къ особѣ императора, но со времени ноябрьской сессіи 1899 года нижняя палата нарушила эту традицію и замѣнила установленную формулу обращенія къ императору: «Yeisei bumbou Tenno» (Ваше достойное Величество, великое въ своей мудрости и силѣ) — другой, упрощенной формулой. Другимъ обстоятельствомъ, подтверж-

дающимъ то же явленіе, служить то, что цензура, не допускавшая до сего времени научнаго изученія міеологическаго періода японской исторіи и отрицанія божественнаго происхожденія императорской фамиліи, перестала, повидимому, придерживаться этого правила, и за послѣднее время въ печати появились сочиненія, трактующія объ этихъ вопросахъ.

Еще болѣе важно въ этомъ отношеніи появленіе совершенно новаго сорта людей, Японіи до сихъ поръ не знакомыхъ. Мы говоримъ о такъ называемыхъ политическихъ дѣятеляхъ. Невѣжественные, тщеславные и развращенные до послѣдней степени, эти господа являются великолѣпными представителями своего времени. Ихъ долго держали въ сторонѣ, и министры мало обращали на нихъ вниманія; а если же они становились черезчуръ назойливыми — палату распускали. Но въ настоящее время, особенно съ тѣхъ поръ, какъ заговорили объ учрежденіи парламентскаго режима и образованіи кабинета, отвѣтственнаго передъ парламентомъ, политиканы все болѣе и болѣе прибираютъ власть къ своимъ рукамъ. Признаніе этого новаго порядка вещей можно усмотрѣть уже изъ того обстоятельства, что маркизь Ямагата, въ бытность свою президентомъ совѣта министровъ, пригласилъ членовъ парламента на большое празднество, устроенное имъ въ честь столичныхъ властей и высокопоставленныхъ иностранцевъ. Такая честь была оказана депутатамъ впервые, и это празднество было не лишено живописныхъ картинъ. Можно было любоваться, какъ бравые японскіе законодатели, имѣющіе очень слабое представленіе о европейскихъ обычаяхъ, влѣзали съ ногами на диваны, или же балансировали, стоя по двое на цвѣточныхъ кадкахъ, съ цѣлью получше разглядѣть танцующихъ. Иные были въ сюртукахъ, другіе — въ охотничьихъ костюмахъ, а женщины щеголяли — кто въ туфляхъ разнаго рода, а кто и просто босикомъ. Надо, впрочемъ, признаться, что попадались и европейцы, ужинавшіе... не снимая шляпъ. Чтобы не дать повода подозрѣвать меня въ преувеличеніи, приведу нѣсколько строкъ изъ отчета объ этомъ празднествѣ, помѣщеннаго въ серіозномъ токійскомъ журналѣ «Măinitchi Shimboun».

«...Костюмы большинства преуморительны. Нашлись между приглашенными такіе, которые даже не позаботились при-

чесаться. Говорили всѣ они громко, провозглашая себя политическими героями. Нѣкоторые становятся грязными сапогами прямо на кресла. Никто не стѣсняется курить при дамахъ. Ихъ поведеніе въ столовой—сущій «Shouga-djo» (одно изъ отдѣленій буддійскаго ада, полное шума и драки). За мѣсто у буфета они дерутся, точно «голодные глотки» (gakki). Они напихиваютъ себѣ полные карманы пирожковъ и расхаживаютъ по залѣ, размахивая ножами и вилками. Шумъ, который они производятъ своимъ жевательнымъ аппаратомъ, напоминаетъ хрюканье свиней».

«Mainitchi» заканчиваетъ свой отчетъ такими словами:

«Многіе изъ нашихъ соотечественниковъ хотятъ непременно перенять, точно обезьяны, всѣ западные обычаи, не давъ даже себѣ труда изучить ихъ серьезно. Прежде, подобныхъ людей никогда не приглашали на празднества, устраиваемыя на европейскій ладъ, теперь же, когда демократія выдвигается впередъ, они появляются на сценѣ, и результатъ получается крайне печальный. Единственная причина ихъ появленія на этихъ празднествахъ — это ихъ принадлежность къ числу политическихъ дѣятелей».

Отличительной чертой японскихъ политикановъ служить подкупность, проявляющаяся безъ всякаго стѣсненія на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Ни для кого не тайна, что даже само правительство въ тѣхъ случаяхъ, когда хочетъ отвязаться отъ докучливой палаты, прибѣгаетъ къ помощи «всемогущаго доллара». Такъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1898, вслѣдъ за подробно описанными нами событіями, маршалъ Ямагата всталъ у кормила правленія и выступилъ въ палатѣ представителей, всѣ члены которой были ему враждебны; однако, въ теченіе этой трехмѣсячной сессіи не было произведено ни одного нападенія на правительство. Это произошло съ помощью умѣлаго распредѣленія нѣсколькихъ тысячъ долларовъ, а также благодаря внесенному правительствомъ и поспѣшно принятому палатой законопроекту, согласно которому было установлено жалованье членамъ парламента въ размѣрѣ отъ 800 до 2.000 іенъ. За то эта 13-ая сессія собранія заслуживаетъ болѣе, чѣмъ какая-либо другая, наименованія «подкупленной», такъ какъ ни одинъ билль не прошелъ въ палатѣ

безъ того, чтобы тотъ или другой депутатъ не былъ открыто обвиненъ въ продажности, а одинъ доблестный депутатъ, г-нъ Кояма-Киunosuke, прямо съ трибуны объявилъ, что взявъ взятку, и это циничное признаніе не вызвало не малѣйшаго признака негодованія среди его сотоварищей ¹⁾).

Одна большая токійская газета «Japan Times» (ведущаяся исключительно японцами, хотя и на англійскомъ языкѣ) высказала по этому вопросу интересныя замѣчанія:

«Отсутствіе благородныхъ порывовъ и наглое стремленіе къ достиженію только своихъ личныхъ выгодъ сдѣлались въ настоящее время отличительнымъ признакомъ большинства нашихъ политическихъ дѣятелей. Атмосфера заражена подкупамъ, и кажется, что все наше политическое тѣло охвачено какъ бы нравственнымъ параличемъ.

«Главнѣйшею причиною этого печальнаго порядка вещей должны считаться тѣ совершенно особыя историческія условія, въ которыхъ прежде велась политическая борьба. Долгое время желанія всѣхъ партій клонились къ тому, чтобы сократить всемогущее вліяніе клановъ на правительство. Для достиженія этой цѣли не останавливались ни передъ какими средствами, и подъ знамена партій сошлись толпы бѣдняковъ сомнительной нравственности и почти безъ образованія, изъ которыхъ большинство было не лучше «соши»; такъ какъ эти господа выставляли себя ярыми защитниками народныхъ стремленій, то много порядочныхъ людей, изъ числа богатыхъ горожанъ или фермеровъ, не задумываясь, выдавали имъ значительныя субсидіи. Этотъ порядокъ вещей существовалъ въ теченіе 15-ти лѣтъ, и поэтому не удивительно, что въ рядахъ политическихъ дѣятелей найдется не мало такихъ, которые не утратили еще привычки получать субсидіи. Ничего нельзя было бы возразить, если бы субсидіи эти производились за счетъ вождей партій; но это не такъ. Въ большинствѣ случаевъ, вожди находили болѣе удобнымъ — пользоваться своимъ политическимъ вліяніемъ для того,

¹⁾ Этотъ же Кояма-Киunosuke, носящій и понынѣ званіе депутата прогрессисткой группы, пошелъ еще дальше и заявилъ въ палатѣ о своемъ намѣреніи преслѣдовать судомъ подкупившее его лицо, такъ какъ это лицо отказалось уплатить ему часть обѣщанной суммы.

чтобы извлекать необходимые ресурсы для удовлетворенія потребностей своихъ друзей; и это зло особенно усилилось благодаря тому, что страна достигла такихъ изумительныхъ успѣховъ въ своемъ экономическомъ развитіи. Въ этомъ развитіи господа политики обрѣли удобную для эксплуатаціи золотоносную жилу, такъ какъ среди всевозможныхъ лицъ, въ родѣ учредителей акціонерныхъ обществъ или жаждущихъ получить правительственную субсидію акціонеровъ, находится не мало охотниковъ обезпечить себѣ вліяніе этихъ паразитовъ, поступившись для этой цѣли нѣкоторой суммой.

«Но все это лишь второстепенныя причины того печальнаго положенія вещей, которое мы переживаемъ. Есть причины болѣе важныя и глубже скрытыя. Признаки, которые мы наблюдаемъ на аренѣ политической жизни страны, суть только видимое выраженіе того нравственнаго измельчанія, которое распространяется на всѣ сферы общественной дѣятельности. Это тяжелый выкупъ, который мы уплачиваемъ за радикальное преобразование, пережитое нашею страной за послѣдніе годы ¹⁾».

Само собою разумѣется, что эти низкіе нравы присущи не только парламенту; мѣстные органы въ этомъ отношеніи ни сколько не отстаютъ отъ палаты представителей. Въ провинціяхъ, въ свою очередь, имѣется цѣлый классъ агитаторовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Юшиша», которые, хотя и дѣйствуютъ въ болѣе узкой сферѣ, однако ни въ чемъ не уступаютъ депутатамъ.

Такова, въ общихъ чертахъ, картина современнаго положенія политической жизни Японіи, и, чтобы сдѣлать ее еще болѣе рельефной, мы должны-бы поближе присмотрѣться къ особенностямъ этой жизни. Тогда мы увидали бы, какъ самыя ничтожныя, личные вопросы становятся иногда вопросами государственными, какъ партіи дѣлятся на группы, группы на под-группы, и какъ всѣ эти господчики только и дѣлаютъ, что вызываютъ одинъ министерскій кризисъ за другимъ. Намъ слѣдовало-бы изучить эволюцію этихъ искусственно созданныхъ политическихъ группировокъ, не имѣющихъ ни связующихъ

¹⁾ «Japan Times», 27 октября 1899 г.

интересовъ, ни общихъ идей, ни установленной общими силами программы, служащихъ только своимъ личнымъ интересамъ, и считающихся только по имени политическими партіями. Но рамки предлагаемаго сочиненія не позволяютъ намъ входить во всѣ эти подробности.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что общественное мнѣніе Японіи, несмотря на все возрастающее стремленіе къ свободѣ, начинаетъ утомляться безплодной агитаціей политиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ только что пережитомъ Дальнимъ Востокомъ тревожномъ періодѣ иностранная политика Японіи дала совершенно отрицательные результаты, и страна не играла въ концертѣ державъ даже и той роли, которой отъ нея ожидали сами иностранцы. Внутреннее ея положеніе тоже далеко не блестяще, какъ съ политической точки зрѣнія, такъ и съ экономической. Идетъ вѣчная борьба между парламентомъ и министерствомъ, нерѣдко заканчивающаяся распушеніемъ палаты. Въ результатѣ—постоянная опасная агитація, сопровождающая всякую избирательную кампанію въ Японіи. Все это отражается на общемъ ходѣ дѣлъ, и парламентъ, постоянно откладывающій свои засѣданія, лишенъ возможности внести въ свою законодательную дѣятельность послѣдовательность и методичность, безъ которыхъ невозможна плодотворная работа. Постоянные раздоры въ средѣ политическихъ дѣятелей не позволили поставить финансы страны на прочный фундаментъ, а вслѣдствіе этого, и торговлю постигаетъ тяжелый экономическій кризисъ, вызванный тѣми рискованными предпріятіями, въ которыя столь легкомысленно толкаютъ страну. Невольно хочется сравнить современное положеніе съ тѣмъ, которое существовало до провозглашенія конституціи, и подвести итоги японскаго парламентаризма. До 1890 года страна сдѣлала громаднѣйшій шагъ впередъ по пути прогресса, и судьба ея была въ рукахъ группы блестящихъ политическихъ дѣятелей, выдвинутыхъ необычайными событіями реставраціи и пріобрѣвшихъ довѣріе народа и государя тѣмъ умѣньемъ, съ какимъ они вышли изъ тяжелаго положенія. Девизомъ этихъ людей былъ прогрессъ, и вся ихъ дѣятельность клонилась исключительно ко благу родины.

А что же было сдѣлано съ 1889 года? Почти ничего. Достигнуто, положимъ, блестящее развитіе арміи и флота, но это было результатомъ плана, выработаннаго въ предыдущій періодъ. вмѣсто же того, чтобы сосредоточить свое вниманіе на тѣхъ великихъ задачахъ, разрѣшеніе которыхъ было важно для страны, нація занималась исключительно борьбою партій.

Сказаннаго достаточно для доказательства того, что Японія немного выиграла отъ своего политическаго преобразованія. Становятся понятными отзывы многихъ людей, указывающіе на рѣзкій контрастъ, существующій между тѣмъ энтузіазмомъ и тѣми широкими надеждами, которыя разгорѣлись 13 лѣтъ тому назадъ при провозглашеніи конституціи, и тою холодно-стью, съ которою какъ власти, такъ и народъ праздновали 11 февраля 1898 года десятилѣтіе ея существованія ¹⁾.

Чувство усталости, охватывающее понемного всю японскую націю по отношенію къ политическимъ вопросамъ, становится понятнымъ, если разобраться въ нѣкоторыхъ, приводимыхъ ниже, статистическихъ данныхъ.

Годы.	Количество собраній.	Число ораторовъ.
1891	6.482	15.526
1892	8.076	21.796
1893	7.076	18.021
1894	5.750	15.223
1895	1.506	3.337
1896	1.272	3.198
1897	1.223	3.013
1898	1.117	2.797

Таблица, указывающая число лицъ, принимавшихъ участіе въ голосованіи и число лицъ, воздержавшихся отъ подачи голоса, наглядно подтверждаетъ это постепенное ослабленіе общественной дѣятельности.

¹⁾ Необыкновенное презрѣніе, которое народъ питаетъ къ политикамъ всякаго рода — депутатамъ, журналистамъ и др. — сказывается иногда въ комической формѣ. Такъ, недавно цѣлая группа столичныхъ торговцевъ опубликовала во всеобщее свѣдѣніе о своемъ намѣреніи ничего не продавать всѣмъ этимъ господамъ.

ВРЕМЯ ВЫБОРОВЪ.	НА СТО ИЗБИРАТЕЛЕЙ.	
	Подали голоса.	Воздержались отъ голосованія.
Юль 1890 г.	92,78 ⁰ / ₀	7,22 ⁰ / ₀
Февраль 1892 г.	91,56 ⁰ / ₀	8,44 ⁰ / ₀
Мартъ 1894 г.	89,06 ⁰ / ₀	10,94 ⁰ / ₀
Сентябрь 1894 г.	85,20 ⁰ / ₀	14,80 ⁰ / ₀
Мартъ 1898 г.	87,39 ⁰ / ₀	12,61 ⁰ / ₀
Августъ 1898 г.	79,35 ⁰ / ₀	20,65 ⁰ / ₀

Японіи угрожаетъ скорое исчезновеніе Genro, людей Мейджи, столь много сдѣлавшихъ для славы своего отечества.

Имена ихъ никогда не будутъ забыты. То же можно сказать и объ императорѣ. Правда Мутсу-Хито, даже по словамъ близкихъ къ нему людей, далеко не геній, но во всякомъ случаѣ вполне порядочный и здравомыслящій правитель, который всегда умѣлъ прислушиваться къ совѣтамъ выдающихся людей, окружавшихъ его. Великія событія, которыми отмѣчено его царствованіе, составятъ самую блестящую страницу японской исторіи, и личность нынѣшняго государя останется навсегда въ глазахъ народа символомъ грандіознаго обновленія Японіи. Что касается наслѣдника престола, то этотъ золотушный, хилый и вѣчно нуждающійся въ докторахъ ребенокъ жилъ всегда въ отдаленіи отъ остального міра, и когда бремя правленія ляжетъ на него, найдетъ ли онъ, невѣдомый своему народу и не имѣющій никакого личнаго обаянія, энергію, необходимую для того, чтобы сдержать могучее демагогическое движеніе, назрѣвающее въ политическихъ сферахъ Японіи?

IV.

Администрація.—Пресса.

I.

Администрація.

До революціи 1868 года Японія была раздѣлена на ханы, во главѣ которыхъ стояли дайміо (феодалыные властители), отвѣтственные, номинально, по крайней мѣрѣ, передъ центральною властью. Такихъ дайміо насчитывалось около 300; самые

небогатые изъ нихъ имѣли не менѣе 10,000 коку (коку составляетъ около 7 четвериковъ) риса ежегоднаго дохода, а самый богатый даймю, изъ Каги, получалъ 1 миллионъ коку риса въ годъ. Когда феодализмъ былъ уничтоженъ въ 1871 году, и даймю отказались отъ своихъ привилегій, старая система провинціального управленія была замѣнена системой бюрократической централизаціи, и вмѣсто хановъ были образованы префектуры (кенъ). Число этихъ префектуръ неоднократно измѣнялось. Первоначально ихъ было 68, затѣмъ въ 1876 году число ихъ сократилось до 35, а въ настоящее время насчитывается 43 префектуры. До 1898 года три императорскіе города (фу), а именно: Токио, Кіото и Осака имѣли каждый свое отдѣльное управленіе. Обязанности мэровъ въ нихъ исполняли губернаторы. Со времени же введенія въ дѣйствіе іюньскаго закона 1898 года, эти три города были подчинены общимъ правиламъ.

Въ Японіи существуетъ еще и другое дѣленіе страны, чисто географическое, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ дѣленіемъ административнымъ. Это дѣленіе на 84 провинціи (куни), изъ которыхъ большинство носитъ по два названія — китайское и японское.

Во главѣ каждой префектуры (кенъ) поставленъ «чиджи», или префектъ, который, какъ и во Франціи, непосредственно подчиненъ министерству внутреннихъ дѣлъ. Наряду съ нимъ существуетъ еще добавочный исполнительный органъ — совѣтъ префектуры (кен-санджи-куай). Наконецъ, въ каждой префектурѣ имѣется свое собраніе (кен-куай), члены котораго избираются самими жителями префектуры.

Префектуры подраздѣляются на города, или городскіе округа ши (shi) и на сельскіе округа — гунъ (gun), а эти послѣдніе, въ свою очередь, подраздѣляются на мелкіе города чо (tcho) и на села — сонъ (son). Сельскіе округа (gun) можно сравнивать съ французскими под-префектурами, и во главѣ ихъ стоитъ гун-чо, т.-е. под-префектъ, находящійся подъ начальствомъ префекта.

Раздѣленіе городовъ на shi (города) и на tcho (маленькіе города) находится въ прямой зависимости отъ количества населенія, и названіе shi дается только городамъ, имѣющимъ болѣе 25,000 жителей. Однако, въ извѣстныхъ случаяхъ, министерство

внутреннихъ дѣлъ можетъ отказать такому городу въ причисленіи его къ разряду ши, пользующемуся болѣе широкимъ самоуправленіемъ, сравнительно съ городами, причисленными къ разряду чо. Въ этихъ послѣднихъ не имѣется исполнительнаго совѣта (санджи-куай), и вся исполнительная власть сосредоточена въ рукахъ мэра.

Японскій законъ, какъ и французскій, признаетъ за городами значеніе юридической личности (коджинъ). Въ японскихъ городахъ имѣются слѣдующіе административные органы: 1) исполнительный совѣтъ (санджи-куай), представляющій собою органъ исполнительной власти и состоящій изъ мэра, или ши-чо, его товарища, или джояку (въ Токио имѣется 3 товарища мэра, въ Киото и Осакѣ — по 2, въ другихъ мѣстностяхъ — по одному) и изъ совѣтниковъ санджиквайинъ, которыхъ, однако, не слѣдуетъ смѣшивать съ французскими муниципальными совѣтниками (*conseillers municipaux*). Такихъ совѣтниковъ въ каждомъ исполнительномъ совѣтѣ имѣется 6, и только въ Токио ихъ 12, а въ Киото и въ Осакѣ по 9; 2) муниципальное собраніе (ши-куай) — органъ совѣщательный.

Мэръ въ Японіи не является главою муниципального управленія. Онъ только высшій сановникъ въ городѣ. Японскій ши-чо это — чиновникъ, состоящій на жалованьи. Онъ назначается на 6 лѣтъ самимъ императоромъ, избирающимъ его изъ числа трехъ кандидатовъ, которыхъ представляетъ ему муниципальное собраніе. Это же муниципальное собраніе опредѣляетъ также и размѣръ жалованья, получаемого мэромъ.

Товарищъ мэра — тоже чиновникъ на жалованьи. Онъ назначается на свою должность, по представленію муниципального собранія, префектомъ.

Мэръ и его товарищъ могутъ быть избраны и не изъ числа мѣстныхъ жителей; члены же исполнительнаго совѣта, исполняющіе свои обязанности бесплатно, избираются изъ среды мѣстныхъ гражданъ, достигшихъ 30-ти лѣтъ.

Мэръ, его товарищъ и члены исполнительнаго совѣта не могутъ занимать другихъ платныхъ должностей.

Японскій мэръ (ши-чо), какъ стоящій во главѣ исполнительной муниципальной власти, завѣдуетъ всею административной дѣятельностью города.

Исполнительный совѣтъ помогаетъ мэру въ исполненіи его обязанностей, подготавливаетъ матеріалы для муниципальнаго собранія и наблюдаетъ за исполненіемъ изданныхъ этимъ послѣднимъ постановленій.

Въ каждомъ городѣ имѣется особый чиновникъ (шунгуяку), завѣдующій городскими финансами. Онъ назначается, по представленію муниципальнаго собранія, исполнительнымъ совѣтомъ и обязанъ внести извѣстный залогъ.

Муниципальное собраніе ши-куай обсуждаетъ и разрѣшаетъ всѣ вопросы, касающіеся интересовъ города. Число членовъ муниципальнаго собранія установлено слѣдующее:

Для городовъ, имѣющихъ 50,000 жителей	30
» » » отъ 50,000 до 100,000 жителей	36
» » » свыше 100,000 жителей еще по 3 члена на каждые 50,000 жителей.	

Члены муниципальнаго собранія избираются мѣстными жителями. Избирательнымъ правомъ пользуются всѣ жители мужского пола, не моложе 25-ти лѣтъ, живущіе въ городѣ не менѣе двухъ лѣтъ, не лишенные своихъ политическихъ правъ (кокен) и платящіе не менѣе двухъ іенъ прямыхъ налоговъ. Отвѣчающіе всѣмъ этимъ условіямъ именуются «шикуманъ», т.-е. гражданами. Право голоса на муниципальных выборахъ предоставляется даже женщинамъ и торговымъ учрежденіямъ, если тѣ и другія состоятъ въ разрядѣ тѣхъ городскихъ плательщиковъ, которые платятъ городу налоги максимальнаго размѣра.

Избиратели дѣлятся на три разряда, соотвѣтственно размѣру уплачиваемыхъ ими прямыхъ городскихъ налоговъ, и каждый разрядъ избираетъ отдѣльно своихъ представителей въ муниципальномъ собраніи.

Для установленія этихъ трехъ избирательныхъ разрядовъ, имена избирателей записываются въ порядкѣ размѣровъ уплачиваемыхъ ими городскихъ налоговъ, начиная съ плательщиковъ наивысшей суммы. Затѣмъ складываютъ суммы, уплачиваемыя избирателями, начиная съ записанныхъ въ списокъ первыми, до тѣхъ поръ, пока сумма слагаемыхъ не составитъ $\frac{1}{3}$ всѣхъ поступленій. Избиратели, коихъ платежи вошли въ

число этихъ первыхъ слагаемыхъ, составляютъ первый разрядъ. Далѣе, подсчитываютъ платежи слѣдующихъ избирателей до тѣхъ поръ, пока не наберется новая $\frac{1}{3}$; такимъ образомъ получаютъ два остальныхъ разряда.

Для того, чтобы быть избраннымъ, не требуется никакого ценза, и каждый обыватель, не лишенный своихъ политическихъ правъ, можетъ быть избранъ членомъ муниципальнаго собранія.

Члены муниципальнаго собранія не получаютъ жалованья и избираются на 6 лѣтъ. Выборы производятся каждые три года, причемъ половина членовъ собранія замѣняется новыми.

Организаціей и порядкомъ выборовъ завѣдуетъ мэръ подъ контролемъ властей префектуры. Возникающіе при выборахъ споры разрѣшаются въ муниципальномъ собраніи съ правомъ апелляціи въ совѣтъ префектуры и въ высшую административную палату, или Gyosei Saibansho, въ Токио.

Въ началѣ cadaго года муниципальное собраніе избираетъ предсѣдателя и вице-предсѣдателя, срокомъ на одинъ годъ. Такимъ образомъ, японскій предсѣдатель муниципальнаго собранія (гичо) не имѣетъ ничего общаго съ мэромъ (ши-чо), который является чиновникомъ на жалованьи. Въ маленькихъ же городахъ и въ деревняхъ (чо и сонъ) обязанности предсѣдателя собранія исполняются мэромъ.

Засѣданія муниципальнаго собранія происходятъ публично. Префекту и министру внутреннихъ дѣлъ принадлежитъ право высшаго контроля надъ муниципалитетами.

Доходъ префектуръ за послѣднія шесть лѣтъ выразился въ слѣдующихъ цифрахъ: 26.095,515 іенъ, 31.814,417 іенъ, 29.564,483 іенъ, 27.596,474 іенъ, 41.033.205 іенъ и 46.039,190 іенъ. Главнѣйшими источниками доходовъ являются: поземельный налогъ, налогъ на постройки, налогъ на патенты и проч.

Расходы за этотъ періодъ возрастали въ той же пропорціи и выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: 23.389,005 іенъ, 24.503,193 іенъ, 26.002,799 іенъ, 24.802,643 іенъ, 31.630,449 іенъ и 40.147,237 іенъ.

Главнѣйшія статьи расходовъ слѣдующія: общественныя работы, полицейская служба, пенитенціарныя учрежденія, учеб-

ныя заведенія, санитарная часть, общественная благотворительность и проч.

Что касается коммунальных бюджетовъ, то тамъ главнѣйшими источниками служатъ: налогъ на дома, мѣстный поземельный налогъ, взимаемый пропорціонально стоимости земельныхъ участковъ, налогъ на патенты и проч. За послѣднія 6 лѣтъ доходы эти выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: 32.686,003 іень, 34.102,566 іень, 36.661,403 іень, 39,921,336 іень, 43.287,693 іень и 45.896,945 іень.

Главнѣйшія расходныя статьи: учебная часть, общественныя работы, санитарная часть и проч. потребовали за тотъ же періодъ слѣдующихъ суммъ: 25.578,369 іень, 26.949,802 іень, 29.859,049 іень, 33.118,239 іень, 37.960,032 іень и 40.607,520 іень.

Въ общемъ японская администрація одна изъ сложнѣйшихъ въ мірѣ, и сложность эта все увеличивается, такъ какъ общее число чиновниковъ изъ года въ годъ возрастаетъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

ГОДЫ:	Число чиновниковъ.	Сумма ихъ окладовъ.
1893	45,508	10.745,358 іень
1894	46,203	14.035,496 »
1895	46,698	11.405,425 »
1896	57,502	14,516,262 »
1897	65,754	17.104,226 »
1898	68,876	18.587,710 »
1899	70,413	20.013,271 »
1900	73,517	22.192,433 »

То же увеличеніе числа чиновниковъ наблюдается и въ мѣстной администраціи:

ГОДЫ:	Число чиновниковъ.
1893	168,614
1894	174,237
1895	176,021
1896	177,409
1897	179,104
1898	182,324
1899	183,913
1900	185,614

Въ отношеніи бюрократическихъ злоупотребленій Японія нисколько не уступаетъ Франціи. Это зло тамъ еще опаснѣе, чѣмъ во Франціи, такъ какъ японскіе чиновники непосредственно связаны съ колебаніями политическаго курса страны. Въ Японіи примѣняется американская «sweeping system», т.-е. при перемѣнѣ министерства мѣняется и большая часть высшихъ чиновниковъ. Въ сущности, въ Японіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, оправдывается знаменитое изреченіе Спенсера: «Правительственная машина неповоротлива, тупа, расточительна и продажна».

Зато нигдѣ нѣтъ администраціи болѣе самодовольной и тщеславной. Можно насчитать въ разныхъ ея отрасляхъ до 930 должностей съ названіями одно великолѣпнѣе другого. Каждый изъ носителей этихъ громкихъ титуловъ, кто бы онъ ни былъ: Хаку, Тайю, Дайсуке, Дайнагонъ, Чонагонъ, Дайгеки и т. п., имѣетъ необыкновенно высокое представленіе о томъ почтеніи, которое обязаны выказывать ему обыкновенные смертные. Каждый такой господинъ проникнутъ сознаніемъ своей исключительной важности, особливо, если онъ побывалъ за границей. Если же онъ видѣлъ Европу, онъ сразу вырастаетъ въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, еще болѣе — въ своихъ собственныхъ. Онъ все знаетъ, все испыталъ, все видѣлъ, западная цивилизація извѣстна ему во всѣхъ подробностяхъ.

Впрочемъ, и самъ народъ въ Японіи относится съ величайшимъ уваженіемъ къ властямъ предержащимъ, и это отразилось на японскомъ языкѣ до такой степени, что, если европейцу трудно быть достаточно вѣжливымъ въ разговорѣ съ простымъ японцемъ, то ужъ при обращеніи къ чиновнику, или при попыткѣ придерживаться канцелярскаго стиля,—это становится окончательно невозможнымъ.

Это происходитъ оттого, что, несмотря на реформы и на уничтоженіе феодализма, кастовый духъ прочно укоренился въ Японіи. На протяженіи всей японской исторіи, начиная съ царствованія Фудживара, Таира, Минамото, Ашикага, Токугава и вплоть до нынѣшняго времени, вопросъ о чинахъ игралъ всегда видную роль въ общественной жизни Японіи, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что титулы существуютъ и понынѣ. Лишь въ теченіе короткаго промежутка времени, съ момента

сверженія феодализма до созданія новыхъ титуловъ, Японія могла казаться настоящей демократической страной. Въ то время дѣйствительно не существовало различныхъ наименований, отличающихъ даймю отъ простолюдина. И это до такой степени оскорбляло общественное мнѣніе, что идея возстановленія аристократіи, подсказанная императору маркизомъ Ито, была всѣми принята съ восторгомъ. 7-го іюня 1884 года императоръ установилъ пять дворянскихъ титуловъ, названія которыхъ, заимствованныя у китайцевъ, ко, ко ¹⁾, хаку, ши и данъ, соотвѣтствуютъ нашимъ титуламъ: герцогъ, маркизь, графъ, виконтъ и баронъ.

Эти титулы были присвоены прежде всего вельможамъ стараго режима—Куге, дворянамъ Кіотскаго двора и даймю, а затѣмъ ихъ стали раздавать людямъ, отличившимся своими талантами или заслугами. Лица, принадлежащія къ привилегированному сословію, получаютъ небольшую пенсію отъ императорскаго двора, но зато они подчиняются извѣстнымъ, ограничительнымъ правиламъ: напримѣръ, они не могутъ вступать въ бракъ безъ оффиціального разрѣшенія.

Японское общество дѣлится въ настоящее время на три класса: 1) высшее дворянство — *kwazoku*; 2) низшее дворянство — *shizoku*, состоящее изъ прежнихъ самураевъ, или воиновъ, окружавшихъ феодальныхъ властителей (даймю); 3) простой народъ—*heimin*. Каждый гражданинъ на дверяхъ своего жилища обязанъ имѣть надпись съ точнымъ указаніемъ своего званія. Почтеніе къ званію самураевъ до такой степени сохранилось и понынѣ, что самурай всегда упоминаетъ о своемъ титулѣ во всѣхъ гражданскихъ актахъ.

Однимъ словомъ, старыя соціальныя отличія упорно сохраняются и по настоящее время, несмотря на новѣйшія реформы, и это особенно относится къ сословію «эта»—прежнихъ паріевъ. Хотя съ 12-го октября 1871 года закономъ уничтожено всякое различіе между эта и остальнымъ простымъ народомъ, предубѣжденіе противъ этихъ несчастныхъ остается во всей силѣ. Эта до сихъ поръ могутъ вступать въ бракъ

¹⁾ Два первыхъ слова произносятся одинаково, но изображаются по-китайски различными знаками.

только въ своей средѣ, а въ маленькихъ городкахъ они ютятся въ своихъ отдѣльныхъ кварталахъ. Они занимаются исключительно тѣми ремеслами, къ которымъ всѣ другіе относятся съ презрѣніемъ, какъ-то, ремеслами: мясника, башмачника, сжигателя труповъ и т. п., и имъ даже дана особая кличка «новый народъ». Наконецъ, они же служатъ всегдашней темой для романистовъ, повѣствующихъ о глубокомъ паденіи дѣвицы, дошедшей до того, что она отдалась какому-нибудь эта, и т. п.

Слѣдующая таблица указываетъ на движеніе японскаго народонаселенія по кастамъ за послѣдніе годы.

Г О Д Ы .	Kwazokou—высшее дворянство.		Shizokou—низшее дворянство.		Heimin—простой народъ.		И Т О Г О .
	Главы семьи.	Члены семьи.	Главы семьи.	Члены семьи.	Главы семьи.	Члены семьи.	
1900 .	706	3,845	439,384	1.666,301	8.179,439	33.471,029	43.760,754
1899 .	695	3,828	437,556	1.651,578	8.043,187	33.092,019	43.228,863
1898 .	681	3,634	433,727	1.634,270	8.008,514	32.627,378	42.708,264
1897 .	644	3,518	432,458	1.617,686	7.948,026	32.268,288	42,270,620
1896 .	607	3,277	432,184	1.607,407	7.919,048	31.850,692	41.813,215
1895 .	599	3,306	432,724	1.591,593	7.875,858	31,484,233	41.388,313

II.

Японская пресса.

Японская періодическая печать—продуктъ новѣйшаго времени. Она впервые появилась вслѣдъ за возстановленіемъ въ 1868 году императорской власти и открытіемъ страны для иностранцевъ. Однако, и прежде было нѣсколько робкихъ попытокъ создать печатный органъ для сообщенія разныхъ свѣдѣній. Такъ, въ 1863 году нѣсколько книгоиздателей изъ Токио выпустили въ свѣтъ нѣчто въ родѣ газеты, подъ названіемъ «Новости Батавіи». Въ этой газеткѣ помѣщались главнымъ образомъ переводы изъ голландскихъ журналовъ, и существованіе ея было очень непродолжительно. Въ слѣдующемъ году нѣкій Іосифъ Хеко основалъ «Иностранныя Извѣстія» (Kaigai Shimboun), выходившія въ теченіе двухъ лѣтъ,

несмотря на тяжелыя финансовыя затрудненія. Этотъ предвѣстникъ японской прессы имѣлъ во все время своего существованія только двухъ подписчиковъ, которые оставались ему вѣрными до конца. Затѣмъ, въ 1867 году появились «Общественныя Извѣстія» («Koko Shimboun») подъ редакціей писателя Геничиро Фукучи, сдѣлавшагося позднѣе однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ журналистовъ въ Токио. Въ то же время возникло еще нѣсколько журналовъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ большого успѣха. Всѣмъ имъ пришлось бороться съ трудностями, происходившими отъ необходимости пользоваться лишь простѣйшими деревянными прессами — единственной типографской машиной, извѣстной тогда въ Японіи. Со времени введенія европейскаго способа печатанія подвижными буквами японская пресса сдѣлала серьезный шагъ впередъ.

Эта новая эра началась въ 1871 году съ появленіемъ «Tokio Yokohama Mainitchi Shimboun», а въ слѣдующіе затѣмъ годы стали выходить «Nitchi Nitchi Shimboun» и «Hotchi». Въ настоящее время эти журналы — старѣйшіе представители токійской прессы. Съ того времени въ столицѣ и въ главнѣйшихъ городахъ имперіи появились малу-по-малу еще нѣсколько періодическихъ изданій.

«Таію» — Токійское «Обозрѣніе» приводитъ въ одной изъ своихъ статей любопытныя свѣдѣнія о первыхъ шагахъ японской прессы.

«Въ настоящее время газеты печатаются ночью, и подписчики получаютъ ихъ при своемъ пробужденіи, но двадцать лѣтъ назадъ о такой быстротѣ не смѣли и мечтать. Обыкновенно газета выходила изъ машины въ полдень, и обыватели получали ее только къ вечеру, тѣмъ болѣе, что разносчики газетъ вмѣсто того, чтобы поспѣшно просунуть нумеръ въ дверь, останавливались чуть не въ каждомъ домѣ, заходили въ кухню и попивали чай, болтая со служанками».

«Однажды, въ 1874 году, нѣкій журналъ достигъ неожиданно такого успѣха, что для своевременной доставки его всѣмъ подписчикамъ не хватило разносчиковъ. Тогда къ исполненію этихъ обязанностей были привлечены всѣ сотрудники и даже самъ издатель; одѣтый въ свой костюмъ самурая, съ

двумя саблями за поясомъ, онъ дѣйствовалъ энергичнѣе всѣхъ и одинъ разносилъ не менѣе 200 нумеровъ.

«Любопытный анекдотъ рассказываютъ также про покойнаго Юкіо Сучиро, бывшаго главнымъ редакторомъ газеты «Акебоно». Однажды онъ занятъ былъ составленіемъ статьи, которую съ нетерпѣніемъ ожидали въ типографіи, и такъ углубился въ свою работу, что не замѣтилъ, какъ наступило время сдавать ее въ печать; а работа еще была далеко не закончена. Раздраженный невозможностью окончить ее во время, бѣдный Сучиро выбросилъ свою наполовину, оконченную, рукопись за окошко, а въ газетѣ, лишенной такимъ образомъ своей передовицы, появилась слѣдующая замѣтка: «Вчера, какъ наши читатели могли замѣтить, дулъ такой сильный вѣтеръ, что только что оконченная нашимъ редакторомъ статья была вырвана у него изъ рукъ. Рукопись улетѣла на улицу и намъ не удалось ее поймать, а такъ какъ время печатанія приближалось, и нашъ редакторъ не успѣлъ бы снова написать свою статью, то наши читатели и лишены удовольствія читать ее сегодня. Убѣдительно просимъ нашего рукописъ доставить ее въ редакцію».

Несмотря, однако, на появленіе постоянно возникавшихъ новыхъ изданій, японская пресса не имѣла ни одного солиднаго съ финансовой точки зрѣнія печатнаго органа, вплоть до китайской войны 1894 года. Издательство газетъ не привлекало капиталистовъ, люди же, не располагавшіе большими средствами, боялись рисковать. Въ тѣ времена ежедневный выпускъ газеты въ количествѣ 10,000 экземпляровъ представлялся уже необыкновеннымъ явленіемъ; но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, и успѣхи, достигнутые Японіей, внесли оживленіе во всѣ дѣла; между прочимъ отразились они и на журналистикѣ, которая воспользовалась этимъ оживленіемъ. Въ настоящее время большая часть изданій въ Токио и въ главнѣйшихъ провинціальныхъ центрахъ печатаются въ количествѣ болѣе, чѣмъ 10,000 экземпляровъ, а нѣкоторые органы, какъ, напримѣръ: «Yorozu Tchoho» въ Токио и «Osaka Asahi» въ Осакѣ расходятся въ 100,000 экземпляровъ.

Въ общей сложности японская пресса ежедневно выпускаетъ отъ 6 до 700.000 экземпляровъ, и хотя, по сравненію

съ Франціей, Англіей и Соединенными Штатами, эта цифра и не представляется большою, но все же для Японіи это результатъ замѣчательный.

Одновременно съ развитіемъ прессы измѣнялось и положеніе журналистовъ. По мѣрѣ притока капиталовъ въ дѣлу изда- нія газетъ и основанія солидныхъ органовъ, матеріальное по- ложеніе журналистовъ постепенно улучшалось. 8 или 10 лѣтъ назадъ журалистъ, получавшій 100 іенъ въ мѣсяцъ, былъ пред- метомъ всеобщей зависти, а г. Такахаша, получавшій 150 іенъ, считался королемъ журналистовъ. Со времени же войны поло- женіе улучшилось, и въ настоящее время г. Кей-Хара, быв- шій товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, по своей долж- ности главнаго редактора «Osaka Mainitchi» получаетъ 500 іенъ въ мѣсяцъ. Насколько такая цифра считается въ Японіи гро- мадною, видно изъ того, что какъ разъ такую же сумму получаютъ въ видѣ жалованья японскіе министры; но все же указанные выше случаи представляютъ исключеніе, и въ Япо- нии, какъ и повсюду, профессія журналиста не можетъ счи- таться доходной, такъ какъ большинство газетныхъ сотрудни- ковъ получаютъ въ среднемъ отъ 50 до 60 іенъ въ мѣсяцъ.

Въ настоящее время въ Японіи насчитывается до 1.500 періодическихъ изданій, изъ нихъ около 400 газетъ. Въ Токио издаются 20 ежедневныхъ газетъ, изъ которыхъ «Japan Times» выходитъ на англійскомъ языкѣ, но пишутъ въ ней исключи- тельно японцы. Такъ какъ въ столицѣ около $1\frac{1}{2}$ милліона жи- телей, то, слѣдовательно, одинъ журналъ приходится на 75,000 жителей, тогда какъ въ Парижѣ одинъ журналъ при- ходится на 15,000 жителей. Но надо замѣтить, что хотя въ Японіи первоначальное обученіе довольно широко распростра- нено, все же лишь немногіе достаточно образованы для того, чтобы читать и понимать газеты, такъ какъ статьи пишутся на «литературномъ языкѣ», который по своему синтаксису и по употребленію словъ, сильно отличается отъ разговорнаго. До тѣхъ же поръ, пока журналы не станутъ выходить на болѣе близкомъ къ народному языкѣ, японская пресса не можетъ сдѣлаться, какъ въ Европѣ, учрежденіемъ чисто демократиче- скимъ.

Вотъ списокъ современныхъ японскихъ столичныхъ газетъ и журналовъ:

«Djidji Shimpō» — «Время».

«Tokyo Nitchi Nitchi Shimboun» — «Токийскія Ежедневныя Вѣдомости».

«Maïnitshi Shimboun» — «Новости Дня».

«Nippon» — «Японія».

«Kokoumin Shimboun» — «Національная Газета».

«Hotchi Shimboun» — «Справочная Газета».

«Chougai Shogyo Shimboun» — «Отечественныя и Иностранныя Коммерческія Извѣстія».

«Kyoka Nippo» — «Столичные Новости».

«Djimmin» — «Народъ».

«Tchouo Shimboun» — «Центральныя Новости».

«Tokyo Asahi Shimboun» — «Токийское Восходящее Солнце».

«Maïseki Shimboun» — «Вечернія Извѣстія».

«Yomiouri».

«Yorozou Tchouo».

«Yamato Shimboun».

«Miyako Shimboun».

«Taihei Shimboun».

«Tchiyoda Shimboun».

«Foudji Shimboun».

«Tchiyoda Nippo».

Первыя восемь изъ перечисленныхъ нами газетъ извѣстны подъ общимъ именемъ «большихъ газетъ» (oshimboun) а остальные — подъ именемъ «малыхъ газетъ» (koshimboun). «Большія газеты» заняты важными политическими и экономическими вопросами, а «малыя газеты» рѣдко ихъ затрогиваютъ, но зато посвящаютъ много мѣста хроникѣ городскихъ сплетенъ; ихъ столбцы заполнены страшными отчетами о совершенныхъ преступленіяхъ и скабрзѣнными анекдотами изъ жизни танцовщицъ и знаменитыхъ актеровъ. Само собою разумѣется, что малыя газеты выходятъ въ гораздо большемъ количествѣ экземпляровъ, чѣмъ ихъ добросовѣстные конкуренты. Такъ, напримѣръ, 4 розовыя странички «Yorozou Tchouo», цѣликомъ посвященныя скандальнымъ разоблаченіямъ, проникаютъ въ самые отдаленныя провинціальныя уголки

и доставляютъ ежедневно большое удовольствіе тысячамъ простаковъ.

Исключая «Djidji Shimpō», въ которомъ отдѣлъ телеграммъ составляется очень хорошо, въ прочія японскія газеты помѣщаютъ обыкновенно извѣстія далеко не первой свѣжести; но такъ какъ въ Японіи время не цѣнится и такъ какъ вамъ достаточно только сдѣлать видъ, что вы куда-нибудь спѣшите, чтобы прослыть сумасшедшимъ, то неудивительно, что читатели не обращаютъ особеннаго вниманія на запоздалость извѣстій.

Другимъ доказательствомъ равнодушнаго отношенія японцевъ къ своевременному полученію телеграфныхъ извѣстій служитъ то, что въ столицѣ государства, Токио, нѣтъ ни одной вечерней газеты, такъ какъ хотя «Maïseki Shimboun» и появляются около 5-ти—6-ти часовъ вечера, но эта газета посвящена исключительно отчетамъ о положеніи фондовой и рисовой биржъ. Этотъ существенный пробѣлъ въ японской прессѣ лишь отчасти заполняется оригинальнымъ нововведеніемъ, такъ называемыми goggaï, или экстренными изданіями, выпускаемыми наскоро, немедленно по полученіи какого-нибудь важнаго извѣстія, и разносимыми по городу расторопными газетчиками, привлекающими вниманіе прохожихъ звономъ въ колокольчики и громкими выкрикиваніями.

Цѣны на газеты установлены очень низкія и колеблются между 20 и 50 сенъ въ мѣсяцъ, то-есть отъ 20 до 50 коп., или по 1 к. за отдѣльный нумеръ въ среднемъ. Объявленія тоже стоятъ не дорого: за строчку взимается обыкновенно отъ 10 до 30 сенъ, но надо сказать, что японская строчка соотвѣтствуетъ 5-ти или 7-ми строчкамъ европейскихъ изданій. За объявленія же въ «Yorozu Tchoho», наиболѣе дорогія, платятъ 45 сенъ за строчку.

Провинціальныя города имѣютъ свои ежедневныя газеты, а въ такихъ портахъ, какъ Нагасаки, Кобе и Йокогама, гдѣ находятся многочисленныя европейскія колоніи, издается еще много англійскихъ газетъ, изъ которыхъ самыя распространенныя «Cobe Chronicle», а въ Йокогамѣ—«Japan Daily Mail», главный редакторъ котораго, капитанъ Brinkley, состоитъ въ то же время корреспондентомъ «Times»'а.

Что же касается такъ называемыхъ толстыхъ журналовъ, то число ихъ огромно. Происходитъ это, косвенно, вслѣдствіе не-удержимаго пристрастія японцевъ ко всевозможнымъ обще-ствамъ. Пристрастіе это образовалось, вѣроятно, изъ стремленія навестать потерянное время, такъ какъ на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ подъ управленіемъ династіи شوгуновъ изъ рода Токугава японцамъ строго воспрещалось собираться въ количествѣ свыше пяти человѣкъ. Зато теперь въ одномъ только Токио всякаго рода общества насчитываются тысячами, начиная съ общества японскаго Краснаго Креста, состоящаго подъ покровительствомъ императрицы и имѣющаго 400.000 членовъ, обществъ поли-тическихъ, научныхъ, литературныхъ, философскихъ, артисти-ческихъ, музыкальныхъ, сельскохозяйственныхъ, медицинскихъ, феминистскихъ, соціологическихъ, антропологическихъ, коло-низаціонныхъ, воспитательныхъ, благотворительныхъ, обществъ трезвости, законовѣдѣнія и проч. и кончая Обществомъ людей, носящихъ усы или Обществомъ рябыхъ. Въ Канагавѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ даже довелось присутствовать на тор-жественномъ празднествѣ въ «Обществѣ совершающихъ путе-шествія по желѣзной дорогѣ отъ Іокогамы до Токио», гдѣ около сотни гейшъ плясали на берегу моря на лужайкахъ Така-шима-яма.

Главная цѣль существованія всѣхъ этихъ обществъ, это стремленіе дать ихъ членамъ возможность собираться вмѣстѣ. На этихъ сборищахъ люди состоятельные задаютъ обѣды тан-цовщицамъ, а тѣ, кто побѣднѣе, довольствуются за своимъ сто-ломъ блюдомъ угрей съ рисомъ и бутылкой саке, купленной въ какомъ-нибудь кабачкѣ.

Большая часть всѣхъ этихъ обществъ стремится къ тому, чтобы имѣть свой собственный печатный органъ, и, вслѣдствіе этого, витрины книготорговцевъ завалены сотнями толстыхъ журналовъ, выходящихъ очень неаккуратно и существующихъ лишь короткое время. Вотъ списокъ толстыхъ журналовъ, бо-лѣе или менѣе заслуживающихъ вниманія:

«Таію»	}	журналы политическіе и литературные.
«Kokumin no Tomo»		
«Sekaï no Nippon»		
«Teikoku Bungei» — чисто литературный журналъ.		
«Maru-Maru Shimbu» — журналъ сатирическій и юмористическій.		
«Nihon-djin» — журналъ съ шовинистскимъ направленіемъ.		

Изъ числа выдающихъ японскихъ журналистовъ можно отмѣтить гг.: Шимада, Токутони, Конга, Асаина, Такегоши, Фукаи и Озаки, бывшего министра народнаго просвѣщенія.

*
* *

Для полноты описанія положенія прессы въ Японіи необходимо дать читателямъ понятіе о томъ любопытномъ зрѣлищѣ, которое открывается глазамъ наблюдателя въ типографіи, гдѣ набирается японская газета. Тогда какъ у себя мы привыкли видѣть въ типографіи нѣсколькихъ наборщиковъ, сосредоточенно склонившихся среди глубокаго молчанія надъ своими кассами и проворно набирающихъ страницу за страницей съ положенной передъ ними рукописи, въ Японіи типографія напоминаетъ жужжащій улей, по которому во всѣ стороны мечется толпа людей, что-то напѣвая. Дѣло въ томъ, что, такъ какъ японскій языкъ передается на письмѣ не буквами, а идеографическими знаками, то количество необходимаго шрифта колоссально. Приходится имѣть не 36 буквъ, а 9 или 10,000 отдѣльныхъ знаковъ, примѣняющихся обыкновенно въ идеографическомъ письмѣ. Такъ какъ необходимо, кромѣ того, имѣть эти знаки различныхъ величинъ, то легко составить себѣ представленіе о томъ, насколько трудно было бы собрать весь необходимый матеріалъ въ кассѣ одного наборщика. Поэтому типографскіе знаки, расположенные по кассамъ въ извѣстной системѣ, разставляются кругомъ вдоль стѣнъ одной большой комнаты, и цѣлыя толпы маленькихъ мальчиковъ съ листкомъ «копін» въ рукѣ бѣгаютъ отъ одной кассы къ другой, проворно отыскивая нужные знаки. А такъ какъ каждый мальчуганъ, по японскому обычаю, непремѣнно напѣваетъ себѣ подъ носъ тѣ знаки, которые онъ разыскиваетъ, то все зданіе типографіи наполняется неописуемымъ гамомъ, который не можетъ не поразить человѣка, привыкшаго къ полной тишинѣ, царящей въ нашихъ типографіяхъ.

Вышеупомянутые 10,000 китайскихъ знаковъ, входящихъ въ составъ общепринятаго японскаго письма, сдѣланы по европейскому образцу изъ металла. Но существуетъ еще 70,000 другихъ идеографическихъ знаковъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь изъ сотрудниковъ примѣнитъ вышедшее изъ упот-

ребленія выраженіе, приходится вырѣзать соотвѣтствующій знакъ изъ дерева. Для всякой газеты было бы конечно чрезвычайно лестно обладать всѣми 80,000 китайскихъ знаковъ, но для ихъ помѣщенія потребовалось бы придать типографіи гигантскіе размѣры.

*
* *

За послѣднее время въ Токио образовалась международная ассоціація, имѣющая цѣлью облегчить взаимныя сношенія между японскими и иностранными журналистами. Что касается законовъ о печати, то они долгое время были очень строги. Въ 1887 году, законы эти, однако, были значительно смягчены, и нынѣ печать пользуется почти такою же свободой, какая предоставлена ей въ большихъ конституціонныхъ государствахъ Европы. Въ былыя времена аресты и штрафы такъ и сыпались на японскихъ журналистовъ, и въ особенности на несчастныхъ отвѣтственныхъ редакторовъ, за спинами которыхъ прятались настоящіе редакторы. Одинъ старый журналистъ распустилъ недавно забавный анекдотъ, дающій ясное понятіе о тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ влачила свое существованіе японская пресса, и о томъ, какъ журналисты умѣли отвѣчать на строгости властей. Дѣло происходило въ 1877 году. Въ то время всѣ столичныя газеты, за исключеніемъ «Nitchi-Nitchi», сильно нападали на правительство и на должностныхъ лицъ, вслѣдствіе чего многіе журналисты были арестованы и понесли наказаніе. Одинъ изъ нихъ, Куро Като, главный редакторъ «Saifou Shimboun», отличавшійся особенной страстностью своихъ нападокъ, былъ присужденъ къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, и его газета, надолго лишенная своего руководителя, была вынуждена прекратиться.

Тогда всѣ собраты Като, не исключая даже и редакторовъ оффиціознаго «Nitchi-Nitchi», желая выразить свой протестъ, рѣшили устроить торжественныя похороны газетъ, приговоренной къ безвременной кончинѣ вслѣдствіе заключенія въ тюрьму ея редактора. На похороны пригласили все населеніе Токио, и церемонія была продѣлана самымъ серьезнымъ образомъ при участіи буддистскихъ жрецовъ изъ храма Дембо въ Асаксѣ. На другой день весь городъ хохоталъ по поводу этого приключенія, и только правительству оно пришлось не по вкусу.

Теперь эти героическія времена японской журналистики миновали, и мало по малу пресса отъ свободы перешла къ печальной распущенности. Въ японской печати отводится слишкомъ много мѣста обсужденію частной жизни людей, въ особенности тѣхъ, которые стоятъ въ сторонѣ отъ общественной дѣятельности. На этомъ поприщѣ главнымъ образомъ отличается «Yorozu Tchoho», помѣщающая на своихъ столбцахъ «разоблаченія», въ которыхъ забавляетъ читателей болѣе или менѣе достовѣрными розказнями о слабостяхъ, свойственныхъ тому или другому извѣстному лицу.

Вотъ, напримѣръ, сюжеты, о которыхъ трактовалось въ японскихъ газетахъ въ бытность мою въ этой странѣ. «Извѣстные люди, имѣющіе любовницъ», «Извѣстные люди, имѣющіе незаконнорожденныхъ дѣтей», «Свѣтскія дамы, у которыхъ живутъ на содержаніи актеры» и т. п.

Надо замѣтить, что послѣднее «разоблаченіе» освѣщаетъ любопытную сторону нравовъ этой страны, стремящейся подражать во всемъ Европѣ. Такъ какъ въ Японіи женщины не допускаются на сцену, и женскія роли исполняются мужчинами, то господа японцы не могутъ разоряться на актрисъ; зато ихъ жены заводятъ любовныя интрижки съ актерами.

V.

Государственные финансы.

Текстъ основного закона, касающагося государственныхъ финансовъ Японіи, помѣщенъ въ самой конституціи, въ главѣ VI, которая цѣликомъ посвящена этому вопросу и заключаетъ въ себѣ нижеслѣдующія статьи:

«Статья 62. Установленіе новаго налога или измѣненіе размѣра ранѣе установленнаго налога должно быть проведено въ законодательномъ порядкѣ. Однако, пошлины и другіе сборы, взимаемые административными органами, хотя бы они и имѣли характеръ налоговъ, не подчиняются вышеприведенному постановленію. Государственные займы и обязательства, которыя отягчаютъ государственное казначейство сверхъ бюджета, подлежатъ утвержденію имперскаго сейма.

«Статья 63. Существующіе въ настоящее время налоги сохраняются въ силѣ впредь до измѣнія ихъ изданіемъ новаго закона.

«Статья 64. Роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ должна ежегодно представляться на утвержденіе имперскаго сейма. Если по какимъ-либо статьямъ росписи будетъ произведенъ перерасходъ, или если будутъ произведены расходы, росписью не предвидѣнные, то таковыя должны быть въ послѣдствіе представлены на одобреніе имперскаго сейма.

«Статья 65. Роспись доходовъ и расходовъ подлежитъ предварительному разсмотрѣнію палаты депутатовъ.

«Статья 66. Суммы, потребныя на содержаніе императорскаго двора, въ предѣлахъ, установленныхъ въ настоящее время, выплачиваются государственнымъ казначействомъ безъ предварительнаго одобренія имперскаго сейма, за исключеніемъ случаевъ, когда потребуется увеличеніе означенныхъ ассигнованій.

«Статья 67. Имперскій сеймъ не можетъ безъ согласія правительства отмѣнить или сократить расходы, установленные конституціонной властью императора, а равно расходы, являющіеся слѣдствіемъ закона или законныхъ обязательствъ правительства.

«Ст. 68. Для удовлетворенія спеціальныхъ нуждъ правительство можетъ испрашивать согласіе имперскаго сейма на производство ежегодныхъ расходовъ на заранѣе опредѣленный послѣдовательный рядъ лѣтъ.

«Ст. 69. Для покрытія неизбѣжнаго недочета бюджетныхъ назначеній или расходовъ, непредвидѣнныхъ росписью, долженъ быть учрежденъ особый резервный фондъ.

«Ст. 70. Въ случаяхъ неотложной необходимости, въ видахъ обезпеченія общественной безопасности, если правительство не будетъ имѣть возможности въ слѣдствіе осложненій во внутреннихъ или внѣшнихъ дѣлахъ созвать имперскій сеймъ, необходимыя финансовыя мѣропріятія могутъ быть осуществлены посредствомъ императорскаго указа. Въ такихъ случаяхъ должно быть испрошено одобреніе сейма въ ближайшую его сессію.

«Ст. 71. Если роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ не получила одобренія имперскаго сейма или не могла

быть представлена на его одобрение, то сохраняется въ силѣ роспись предшествующаго года.

«Ст. 72. Окончательная смѣта государственныхъ доходовъ и расходовъ должна быть провѣрена и утверждена государственнымъ контролемъ, и, при представленіи ея въ имперскій сеймъ, правительство должно приложить объяснительную записку государственнаго контроля. Организация государственнаго контроля и предметъ его вѣдѣнія опредѣляются закономъ».

Независимо отъ приведенныхъ постановленій конституціи, императоромъ одновременно со введеніемъ конституціи 11-го февраля 1889 г. былъ обнародованъ особый законъ о финансахъ, содержащій подробныя указанія относительно способа управленія государственной казной; этотъ законъ опредѣляетъ общія основанія отчетности по исполненію государственной росписи, по подведенію итоговъ и по ревизіи ихъ государственнымъ контролемъ.

Къ числу мѣръ, относящихся до финансовъ страны, слѣдуетъ причислить изданіе оффиціальной статистики Японской имперіи, предпринятое по примѣру европейскихъ державъ вскорѣ послѣ возстановленія императорской власти, а именно въ теченіе 4-го года Мейджи (1871 г.).

Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно въ 1875 г., Японія имѣла уже своихъ представителей на статистическомъ конгрессѣ, за-сѣдавшемъ въ Буда-Пештѣ.

Въ 1881 г. при верховномъ совѣтѣ (Дайо-Кванъ) былъ учрежденъ центральный статистическій комитетъ (Токей-инъ). Когда же верховный совѣтъ въ 1885 г. былъ упраздненъ, за-вѣдываніе статистикой было поручено особому учрежденію Токей-Кіоку, вошедшему въ составъ кабинета министровъ, который унаслѣдовалъ главныя функціи верховнаго совѣта.

Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ, съ 1871 г. по 1880 г., оффиціальные статистическіе труды служили лишь для цѣлей правительства и не подвергались публикованію; лишь съ 1881 г. (14-й годъ Мейджи) статистическимъ комитетомъ сталъ издаваться статистическій ежегодникъ подъ названіемъ «Nippon-Teikoku-Tôkei-nenkan». Статистическія свѣдѣнія въ этомъ ежегодникѣ сгруппированы по департаментамъ (кенъ и фу),

вслѣдствіе чего изданіе было чрезвычайно громоздко и имъ трудно было пользоваться.

Въ виду этого двойного неудобства правительство, начиная съ пятого года изданія ежегодника (1886 г.), стало издавать, тоже ежегодно, сводъ статистическихъ данныхъ (Nippon-Teikoku-Tôkei-Tekiyo), каковой сводъ печатается всегда на французскомъ языкѣ.

*
* *

Исторію японскихъ финансовъ съ начала преобразовательной эпохи (1868 г.) до нашихъ дней можно раздѣлить на три періода.

Первый періодъ, начало котораго совпадаетъ съ возстановленіемъ императорской власти и уничтоженіемъ феодализма, продолжался девять лѣтъ—до времени завершенія внутренняго умиротворенія страны. Въ это смутное время были сдѣланы произвольные выпуски неподлежащихъ размѣну кредитныхъ билетовъ, были пересмотрѣны кадастры, созданы банки и—что составляетъ самую интересную и характерную черту финансовой исторіи Японіи—была произведена финансовая ликвидація феодализма, уничтоженнаго въ 1871 г. Въ этомъ году прежнее дѣленіе на лены (ханы), во главѣ cadaго изъ коихъ стоялъ ленный владѣлецъ (дайміо) и число коихъ достигало 300, было замѣнено дѣленіемъ на кены, или префектуры. Эта мѣра, имѣвшая цѣлью обезпечить сохраненіе единства имперіи, въ то же время налагала на центральную власть трудныя обязанности по отношенію къ финансамъ. Для новаго правительства стало неизбѣжнымъ взять на себя всѣ финансовыя обязательства по отношенію къ третьимъ лицамъ, лежавшія на прежнихъ ленныхъ владѣльцахъ. Первымъ дѣломъ надлежало произвести расчетъ по пассиву клановъ, и это было дѣломъ не легкимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ давнихъ поръ большинство дайміо не соразмѣряли своихъ расходовъ съ доходами. Для покрытія расходовъ они прибѣгали къ займамъ у богатыхъ коммерсантовъ; когда же и этотъ источникъ былъ исчерпанъ, они выпускали бумажныя деньги. Правительству было не безызвѣстно, что общая сумма такихъ обязательствъ достигаетъ весьма крупной цифры; тѣмъ не менѣе, оно не остановилось передъ от-

вѣтственности и приступило къ составленію списка этихъ обязательствъ. Изъ признанныхъ подлежащими оплатѣ обязательствъ часть была погашена наличными деньгами; другая же часть была раздѣлена на двѣ категоріи: на обязательства, заключенныя въ періодъ съ 1844 г. по 1868 г., и на обязательства, заключенныя въ періодъ съ 1868 г. по 1871 г.

Для выкупа какъ той, такъ и другой категоріи обязательствъ были выпущены два займа, причемъ заемъ, предназначенный для выкупа обязательствъ первой категоріи, получилъ названіе «старого займа», другому же, предназначенному для выкупа обязательствъ второй категоріи, было присвоено наименованіе «новаго займа». По старому займу проценты не уплачиваются, а погашеніе его путемъ ежегодныхъ тиражей рассчитано на 50 лѣтъ, начиная съ 1872 г. По второму займу уплачивалось 4⁰/₀, и погашеніе его должно было закончиться въ 1896 г. Первый заемъ былъ выпущенъ на сумму 11 милл. іенъ, второй же на сумму 12,5 милл. іенъ, а всего на сумму 23,5 милл. іенъ.

Что касается бумажныхъ денегъ, то онѣ были изъяты изъ обращенія и замѣнены государственными кредитными билетами, выпущенными на сумму 23 милл. іенъ.

Такимъ образомъ, за прибавленіемъ къ этимъ суммамъ долговыхъ обязательствъ, выкупленныхъ на наличныя деньги, на сумму въ 7,5 милл. іенъ, оказалось, что ликвидація пассива ленныхъ владѣльцевъ обошлась государству не менѣе 53 милл. іенъ. Но это была лишь незначительная часть жертвъ, которыя должно было понести новое правительство изъ-за уничтоженія феодальной системы. На государственное казначейство легла еще и тяжесть уплаты бывшимъ леннымъ владѣльцамъ пенсій въ возмѣщеніе утраченныхъ ими доходовъ съ ихъ бывшихъ леновъ. Графу Окума принадлежитъ честь благополучнаго урегулированія этого важнаго вопроса; ему удалось согласовать путемъ примѣненія весьма остроумнаго способа капитализаціи справедливые интересы частныхъ лицъ съ насущными интересами государства. Заимствую изъ весьма обстоятельнаго труда лорда П. Эврарда изложеніе хода этой замѣчательной финансовой операціи, являющейся однимъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ преобразованія современной Японіи.

Въ Японіи, какъ извѣстно, въ противоположность обычаю другихъ феодальныхъ странъ, ленники, или дворяне, въ награду за свою службу не получали земель въ собственность. Имъ присвоивались лишь содержаніе въ видѣ доходовъ съ опредѣленнаго недвижимаго имущества или пенсіи деньгами или натурой; обыкновенно размѣръ этихъ пенсій точно опредѣлялся, и онѣ являлись наслѣдственными; но существовали и пожизненные пенсіи, причемъ послѣднія въ значительномъ количествѣ были розданы по поводу Реставраціи. Въ моментъ уничтоженія феодальной системы, въ 1871 г., общая сумма пенсій составляла около 40 милл. четвериковъ риса, что, по цѣнамъ того времени, соотвѣтствовало не менѣе 25 милл. іенъ. Сюда входили какъ наслѣдственные, такъ и пожизненные пенсіи самураевъ, пенсіи Куге, или придворныхъ сановниковъ и пенсіи, которыя были дарованы императоромъ дайміо вслѣдъ за отобраніемъ отъ нихъ земельныхъ ленныхъ владѣній. Если до уничтоженія феодальной системы содержаніе это являлось вознагражденіемъ за службу или за отправленіе какихъ-либо должностей, то теперь, когда пенсіонеры не несли болѣе никакихъ обязанностей, уплата имъ пенсій или содержанія являлась тяжелымъ и ничѣмъ не возмѣщаемымъ бременемъ для страны. Такъ какъ пенсіи эти поглощали болѣе половины государственныхъ доходовъ, то остающейся части не хватало ни на уплату жалованья чиновникамъ, ни на содержаніе арміи, ни на удовлетвореніе другихъ насущныхъ потребностей государственнаго хозяйства.

У правительства зарождалось сомнѣніе, слѣдуетъ ли оставлять и впредь на странѣ бремя столь тяжелыхъ обязательствъ, которыя, въ сущности, могли бы быть уничтожены однимъ почеркомъ пера. Но вопросъ этотъ открыто не былъ даже поставленъ. Органамъ правительства представлялось, что предложеніе столь радикальной мѣры было бы актомъ неблагодарности и негуманности по отношенію къ лицамъ, которыя сражались за возстановленіе императорской власти, и нелойальной мѣрой по отношенію къ прежнимъ князьямъ и леннымъ владѣльцамъ. Однако, если правительству претило разорять дворянство, то не менѣе тягостнымъ представлялось ему выжимать послѣдніе соки изъ сельскаго населенія. Поэтому остановились на такой комбинаціи: ликвидировать пенсіи, уплативъ единовременно

лицамъ, имѣющимъ право на оныя, сумму, въ размѣрѣ пенсіоннаго оклада за опредѣленный рядъ лѣтъ. Послѣдствіемъ этой мѣры являлось не только сокращеніе ежегодныхъ повинностей, но черезъ нѣкоторый промежутокъ времени должно было получиться полное исчезновеніе изъ государственнаго бюджета этой статьи расходовъ.

При проведеніи этой мѣры было рѣшено соблюдать извѣстную послѣдовательность, и прежде всего начать съ мелкихъ пенсіонеровъ, т.-е. получавшихъ не свыше 700 четвериковъ риса въ годъ. Редактированный, соотвѣтственно изложенному, законопроектъ получилъ императорскую санкцію въ декабрѣ 1873 г. Этотъ законъ обѣщалъ лицамъ, пожелавшимъ отказаться отъ получаемыхъ ими пенсій, наследственнымъ пенсіонерамъ, — единовременную и немедленную уплату суммы, составляющей шестикратный размѣръ ихъ ежегодныхъ окладовъ, пенсіонерамъ же пожизненнымъ — четырехкратный размѣръ ихъ окладовъ; при этомъ половину этой суммы предположено было выплатить наличными деньгами, половину же рентой, приносящей 8% дохода.

Для того, чтобы удовлетворить требованіямъ, которыя могли быть ему предъявлены, министръ финансовъ озаботился заблаговременно образовать резервный фондъ звонкой монеты путемъ займа въ 2.400.000 ф. стерл., заключеннаго въ Лондонѣ изъ 7% и соотвѣтствовавшаго 11.712.000 іенъ. Едва успѣло послѣдовать обнародованіе этого закона, какъ со всѣхъ сторонъ стали поступать соотвѣтственные заявленія пенсіонеровъ. Видя успѣхъ новаго закона, правительство рѣшило распространить его и на пенсіонеровъ, получающихъ ежегодной пенсіи свыше 700 четвериковъ риса. Наконецъ, въ августѣ 1876 г., послѣдовалъ императорскій указъ, согласно коему капитализація пенсій сдѣлана обязательной, начиная съ 1-го января слѣдующаго года. Для опредѣленія выкупныхъ суммъ была построена особая шкала въ порядкѣ, обратно пропорціональномъ размѣру пенсій; другими словами; число лѣтъ, принимаемыхъ къ учету при капитализаціи пенсіи, было тѣмъ больше, чѣмъ меньше былъ размѣръ ежегодно получаемой пенсіонеромъ пенсіи, и наоборотъ; число это колебалось въ предѣлахъ отъ 5 до 14 лѣтъ. Размѣръ процентовъ былъ опредѣленъ по тому

же правилу: начиная съ 7⁰/о, выплачиваемыхъ самымъ мелкимъ пенсіонерамъ, процентъ этотъ съ увеличеніемъ пенсій, а слѣдовательно и выкупныхъ суммъ, постепенно понижался и для крупныхъ пенсіонеровъ былъ опредѣленъ въ размѣрѣ 5⁰/о. Облигаціи были 8-ми разрядовъ: отъ мелкихъ номинальной цѣною въ 5 іенъ до наиболѣе крупныхъ въ 5,000 іенъ. Дроби этихъ суммъ выплачивались наличными деньгами.

Таблица шкалъ при капитализаціи пенсій.

5 процентная рента.		6 процентная рента.		7 процентная рента.	
Пенсіи.	Число платн. лѣтъ.	Пенсіи.	Число платн. лѣтъ.	Пенсіи.	Число платн. лѣтъ.
Іены		Іены.		Іены.	
70000 и выше	5	1000 до 900	7 ³ / ₄	100 до 75	11 ¹ / ₂
отъ 70000 до 60000	5 ¹ / ₄	900 » 800	8	75 » 50	12
» 60000 » 50000	5 ¹ / ₂	800 » 700	8 ¹ / ₄	50 » 40	12 ¹ / ₂
» 50000 » 40000	5 ³ / ₄	700 » 600	8 ¹ / ₂	40 » 30	13
» 40000 » 30000	6	600 » 500	8 ³ / ₄	30 » 25	13 ¹ / ₂
» 30000 » 20000	6 ¹ / ₄	500 » 450	9	25 и ниже	14
» 20000 » 10000	6 ¹ / ₂	450 » 400	9 ¹ / ₄		
» 10000 » 7500	6 ³ / ₄	400 » 350	9 ¹ / ₂		
» 7500 » 5000	7	350 » 300	9 ³ / ₄		
» 5000 » 2500	7 ¹ / ₄	300 » 250	10		
» 2500 » 1000	7 ¹ / ₂	250 » 200	10 ¹ / ₄		
		200 » 150	10 ¹ / ₂		
		150 » 100	11		

Когда операція была закончена, то оказалось, что для ея производства было выпущено ренты на 190.801,950 іенъ, а именно, для выкупа пенсій:

Самураевъ (1874—1876)	. . . на	16.565,000	изъ	8 ⁰ /о
Даймю (1877)	 »	31.412,405	»	4 ⁰ /о
Даймю и самураевъ (1877)	. . . »	25.003,705	»	6 ⁰ /о
Даймю и самураевъ (1877)	. . . »	108.242,785	»	7 ⁰ /о
Шинтоистскихъ жрецовъ (1877)		334,050	»	8 ⁰ /о
Самураевъ		9.244,005	»	10 ⁰ /о ¹⁾
Всего		190.801,950		

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ кланахъ было разрѣшено отчужденіе пенсій. Право было выкуплено у фактическихъ владѣльцевъ, причемъ имъ однимъ былъ выданъ десятикратный размѣръ ихъ ежегодныхъ полученій и выкупная сумма была уплачена рентой, приносящей 10⁰/о.

Такъ какъ, сверхъ того, было выплачено 20.108,507 іенъ наличными деньгами, то, слѣдовательно, вся операція выкупа пенсій обошлась государству въ 210.910,457 іенъ.

Хотя, вслѣдствіе этого, государственный долгъ Японіи чувствительно увеличился, за то бюджетъ получилъ замѣтное облегченіе, ибо вмѣсто прежнихъ 25 милліоновъ іенъ, которые ежегодно необходимо было тратить на уплату пенсій, теперь, по займамъ, заключеннымъ для капитализаціи пенсій, приходилось расходовать въ обезпеченіе уплаты долга лишь 12 милліоновъ іенъ въ годъ. Конечно, нужно было найти средства на погашеніе долга; но заемъ былъ сдѣланъ долгосрочный и, значитъ, было время обернуться.

Въ теченіе второго періода, который длился съ 1878 до 1894 г., всѣ заботы правительства были направлены на поднятіе курса кредитныхъ денегъ, паденіе котораго служило серьезнымъ препятствіемъ для развитія торговли и промышленности страны. Затѣмъ былъ созданъ Японскій Банкъ; наконецъ, спустя нѣсколько лѣтъ, когда первыя затрудненія были устранены, въ странѣ наступилъ сравнительно спокойный періодъ, чрезвычайно благопріятный для ея экономическаго развитія. Между тѣмъ какъ въ этотъ промежутокъ времени правительство было озабочено производствомъ необходимыхъ общественныхъ работъ, главнымъ образомъ сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ и поощреніемъ сформированія новыхъ обществъ судоходства, частныя лица прилагали старанія къ развитію земледѣлія, торговли и промышленности. Этотъ періодъ, даже если онъ, быть можетъ, и не былъ столь блестящъ, какъ послѣдующій, тѣмъ не менѣе, является однимъ изъ наиболѣе спокойныхъ и счастливыхъ, которые до сихъ поръ переживала имперія микадо.

Съ 1895 года, т.-е. съ японо-китайской войны, начинается третій періодъ, на которомъ намъ слѣдуетъ остановиться подробно, такъ какъ, изучая его, мы получимъ понятіе о современномъ состояніи японскихъ финансовъ. Съ этого момента, имперія микадо покидаетъ скромную роль, которой она дотолѣ ограничивалась, и вмѣстѣ съ развитіемъ ея арміи и флота, вмѣстѣ съ усиленіемъ напряженія ея производительныхъ силъ, наблюдается и ростъ государственныхъ финансовъ, достигаю-

щихъ размѣровъ, до тѣхъ поръ неслыханныхъ въ странѣ. Съ той поры Японія вступила въ эру огромныхъ бюджетовъ, какіе уже давно знакомы военнымъ державамъ стараго континента, и есть всѣ основанія думать, что она не имѣетъ намѣренія покинуть этотъ новый путь. Нижеслѣдующія цифры дадутъ очень ясное представленіе объ этой эволюціи. Вотъ таблица государственныхъ расходовъ Японіи за послѣднія 8 лѣтъ:

Г О Д Ы:	Расходы на администрацію. іены.	Расходы на армію и флотъ. іены.	Проценты по долгамъ. іены.
1893—1894	54.517,387	10.521,686	19.545,999
1894—1895	37.726,618	20.662,090	19.739,935
1895—1896	37.267,569	23.536,204	24.513,407
1896—1897	65.054,110	73.248,282	30.554,116
1897—1898	83.597,631	100.542,522	29.538,691
1898—1899	78.949,233	112.427,555	28.380,780
1899—1900	109,710,256	107.989,188	34.398,602
1900—1901	125.478,807	93.858,865	35.212,146

Этотъ усиленный ростъ государственныхъ долговъ объясняется осуществленіемъ гигантскаго плана развитія страны, выработаннаго правительствомъ по окончаніи враждебныхъ дѣйствій противъ Китая и извѣстнаго подъ названіемъ «Программы послѣ войны» (Programme post bellum). Изъ числа наиболѣе важныхъ статей этого проекта, нынѣ уже осуществленныхъ, слѣдуетъ отмѣтить огромныя затраты на армію и флотъ (постройка фортовъ, покупка военныхъ судовъ и т. д.), расходы на устройство сталелитейнаго завода, на развитіе желѣзнодорожной, телеграфной и телефонной сѣти, на основаніе университета въ Кіото и множества высшихъ учебныхъ заведеній, на учрежденіе японскаго промышленнаго банка, мѣстныхъ промышленныхъ банковъ, банковъ Формозы и Хоккаидо, а также на различныя другія мѣры для содѣйствія торговлѣ, промышленности и земледѣлію. Въ своемъ первоначальномъ видѣ программа эта предусматривала нижеслѣдующіе расходы:

На армію	81.680,827 іень
» флотъ	213.100,959 »
» желѣзныя дороги	107.818,194 »
» другія общественныя работы	28.694,692 »
Итого	431.294,672 іень

Для выполненія этого блестящаго плана предполагалось изъ года въ годъ вносить въ смѣту нижеслѣдующіе расходы. (Для примѣра беру только цифры, покрывающія расширеніе арміи и флота.).

Г О Д Ы.	Армія. іены.	Флотъ. іены.
1896—1897	17.250,152	22.192,709
1897—1898	21.318,653	60.660,965
1898—1899	14.450,288	50.144,834
1899—1900	10.632,216	34.517,397
1900—1901	7.923,867	21.464,692
1901—1902	6.883,440	15.922,018
1902—1903	2.643,206	5.181,409
1903—1904	578,009	2.410,660
1904—1905	—	533,928
1905—1906	—	72,347

Но за недостаткомъ средствъ, въ первые же годы осуществленія этой гигантской программы пришлось въ ней многое сократить.

Одновременно съ составленіемъ росписи расходовъ была составлена и смѣта доходовъ, необходимыхъ на ихъ покрытіе, но съ этой стороны послѣдовало большое разочарованіе. По первоначальнымъ предположеніямъ предвидѣлись нижеслѣдующія поступления:

Военная контрибуція	196.705,938 іень
Внутренніе займы	213.392,022 »
Превышеніе обыкновенныхъ доходовъ	21.196,712 » ,

въ суммѣ, отлично покрывавшіе предположенный расходъ въ 431.294,672 іень.

Но дѣйствительность, повторяю, не оправдала ожиданій. Внутренніе займы на сумму 213.392.022 іены предполагалось реализовать въ двоякой формѣ: въ видѣ займа въ 135 милліоновъ іень на общественныя работы и въ видѣ займа въ 78.392,622 іены на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Выпускъ этихъ займовъ предположено было производить въ нижеслѣдующіе сроки:

Въ 1896—1897	12.874,422
» 1897—1898	67.556,810
» 1898—1899	48.588,145
» 1899—1900	19.206,678
» 1900—1901	15.362,790
» 1901—1902	14.527,209
» 1902—1903	15.631,373
» 1903—1904	7.937,000
» 1904—1905	11.707,635
Итого	213.392,062

Однако, изъ всего этого нація подписалась лишь на незначительную часть, и то лишь въ видѣ займовъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ.

Такова, въ главныхъ чертахъ, обширная программа «послѣ войны», а также результаты, которые она дала въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Теперь интересно остановиться подробнѣе на томъ, какъ отнеслась японская нація къ новому порядку вещей. Очевидно, что столь крупныя расходы должны были неминуемымъ послѣдствіемъ имѣть соответственное увеличеніе налоговъ.

Расходы по исполненію программы *post bellum* были распределены на двѣ категоріи: расходы чисто временныя и расходы, носящіе, наоборотъ, постоянный характеръ. Первая категорія расходовъ подлежала покрытію изъ военнаго вознагражденія, потребованнаго отъ Китая послѣ прекращенія враждебныхъ дѣйствій. Для покрытія расходовъ второй категоріи оказалось абсолютно необходимымъ увеличить налоги, и проектъ въ этомъ смыслѣ безотлагательно былъ представленъ правительствомъ въ парламентъ. Но палата два года не утверждала представленнаго проекта, такъ что для покрытія дефицита казначейства пришлось обратиться къ окольнымъ средствамъ и прибѣгнуть къ такимъ ресурсамъ, какъ, напримѣръ, военное вознагражденіе, имѣвшее совсѣмъ другое назначеніе. Только много времени спустя и послѣ упорной борьбы, было получено согласіе парламента на предоставленіе правительству необходимыхъ средствъ на покрытіе предположенныхъ расходовъ. При этомъ пришлось вырывать у парламента его согласіе не сразу на всю сумму, какъ бы слѣдовало, а по клочкамъ. Проекты правительства требовали двоякаго увеличенія налоговъ: одного

въ 33 $\frac{1}{2}$ милліона іенъ, другого въ 40 $\frac{1}{3}$ милл. іенъ. Первое увеличеніе было вотировано въ 1896 г.; второе-же, состоявшее въ значительномъ увеличеніи поземельнаго налога, по существу весьма справедливымъ, встрѣтило упорное сопротивленіе со стороны палаты. До послѣдняго времени поземельный налогъ въ Японіи взимался единообразно въ размѣрѣ 2 $\frac{1}{2}$ ‰ съ оффиціальной оцѣнки земли, безъ различія между застроенными и незастроенными землями. Однимъ изъ результатовъ этой системы было то, что застроенные участки обложены были крайне слабо и не въ соотвѣтствіи съ ихъ дѣйствительной стоимостью. Наконецъ, нужно сказать, что въ Японіи кадастровая оцѣнка была произведена очень давно, и что измѣненія, происшедшія съ тѣхъ поръ, были весьма значительны. Не выходя изъ рамокъ книги, невозможно подробно изложить проектъ правительства по этому предмету. Здѣсь только отмѣтимъ, что если этотъ проектъ и стремился исправить указанное мною выше неравенство между владѣльцами застроенныхъ и незастроенныхъ земель, то онъ имѣлъ цѣлью въ то же время—и совершенно основательно—увеличить вообще поземельный налогъ для тѣхъ собственниковъ, которые могли бы платить больше. Но правительство дѣлало свои подсчеты, не справившись съ мнѣніемъ депутатовъ. Въ Японіи, какъ и въ другихъ странахъ, мудрый депутатъ всегда побаивается избирателей, а такъ какъ Японія страна преимущественно земледѣльческая, то палата представителей побоялась принять подобный налогъ. Такая политика палаты не была, впрочемъ, новостью. Начиная съ перваго созыва парламента въ 1891 г., стремленіемъ большинства представителей было уменьшеніе поземельнаго налога и жалованья чиновникамъ. Указывалось, что чиновники слишкомъ хорошо вознаграждались по сравненію съ среднимъ заработкомъ въ другихъ профессіяхъ, и что большія жалованья чиновниковъ составляли современное зло. Тутъ же заявлялось, что земледѣльческіе классы стонутъ подъ гнетомъ налоговъ, несравненно болѣе тяжкихъ, нежели у другихъ классовъ населенія. Эти идеи раздѣляются еще и нынѣ большинствомъ политическихъ дѣятелей. Въ дѣйствительности же, всѣми безпристрастными людьми признано, что по уплатѣ податей земледѣльцы поставлены въ привилегированное положеніе по срав-

ненію съ другими плательщиками налоговъ; наоборотъ, чиновники, особенно начинающіе, получаютъ настолько скудное жалованье, что государство съ трудомъ можетъ набирать за это вознагражденіе подходящій персоналъ.

И только послѣ многолѣтней борьбы и усилій со стороны смѣнявшихъ другъ друга министерствъ, правительство, наконецъ, въ 1899 году, достигло утвержденія своего проекта. При этомъ, такъ какъ въ теченіе этого времени приходилось для покрытія дефицитовъ дѣлать заимствованія изъ непредвидѣнныхъ бюджетомъ ресурсовъ, то, въ концѣ концовъ, рѣшено было, для сведенія счетовъ по текущій день, прибѣгнуть къ займу въ суммѣ 100 милл. іенъ, который и былъ заключенъ на лондонской биржѣ въ маѣ 1899 г.

Результатомъ введенія вышеизложенной податной системы было то, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ 1896 г. по 1899 г., японскіе плательщики чувствовали себя обложенными ежегоднымъ налогомъ, на 74 милл. іенъ превышавшимъ прежніе.

*
* *

Для полноты изложенія современнаго состоянія японскихъ финансовъ, считаю полезнымъ проанализировать нѣсколько подробнѣе, напр., бюджетъ 1901—1902 г.

Общія цифры бюджета таковы:

Доходы	254.519.515 іенъ.
Расходы	253.933.420 »

Превышеніе доходовъ надъ расходами 1.586.095 іенъ.

Правительство заявило, что оно намѣрено израсходовать этотъ излишекъ на субсидію желѣзной дорогѣ отъ Сеула до Фузана, постройка которой была предоставлена корейскимъ правительствомъ одной японской компаніи. Расходы и доходы по этому бюджету больше расходовъ и доходовъ предшествовавшего года соотвѣтственно на 428.928 и 904.341 іенъ. Если возьмемъ теперь статью доходовъ и сравнимъ ее съ соотвѣствующими цифрами предыдущаго года, то получимъ:

Годы.	Обыкновенные доходы.	Чрезвычайные расходы.
1901—1902	201.160.469 іенъ.	53.359.046 іенъ.
1900—1901	193.270.949 »	60.819.638 »

Прежде всего бросается въ глаза увеличеніе обыкновенныхъ доходовъ за одинъ годъ на 7,8 милл. іенъ при одновременномъ уменьшеніи на ту же сумму чрезвычайныхъ доходовъ. Обыкновенные доходы суть: налоги 135.652.189, доходы отъ государственныхъ предпріятій—46.437,984, штемпельный и гербовый сборъ 13.699.069 іенъ и проч. Изъ налоговъ, съ общимъ итогомъ въ 135.652.189 іенъ, главнѣйшія статьи:

Налогъ на sake (рисовую водку)	55.001.923 іенъ.
» земельный	46.561.082 »
Таможенный сборъ	15.628.763 »
Патентный сборъ	6.142.517 »
Подходный налогъ	5.618.255 »
Налогъ на сою (родъ соуса)	3.308.780 » и проч.

Изъ государственныхъ предпріятій слѣдуетъ отмѣтить:

Почтовый и телеграфный доходъ	24.665.364 іенъ
Табачная монополія	9.542.588 »
Желѣзнодорожный доходъ	7.317.331 »
Лѣсной доходъ	2.335.713 »
Доходъ отъ арестантскихъ работъ	1.386.872 »
Доходъ отъ національной типографіи	181.319 »

Среди чрезвычайныхъ доходовъ главные суть: государственные займы 29.862.450 іенъ, военная контрибуція 19.315.105, отъ продажи государственныхъ имуществъ 1.068.055, лѣсной резервный фондъ 1.800.000, особые мѣстные сборы 1.006.655 іенъ.

Заканчиваю этотъ разборъ доходовъ указаніемъ на движеніе японскихъ доходовъ въ теченіе 10-ти послѣднихъ отчетныхъ годовъ (въ іенахъ):

Годы	Доходы обыкновенные.	Доходы чрезвычайные.
190 ¹ / ₂	201.160.489	53.359.046
всего	254.519.535	
190 ⁰ / ₁	192.231.594	44.484.585
всего	236.716.179	
18 ⁹⁹ / ₉₀₀	178.588.044	68.394.130
всего	246.983.174	
189 ⁸ / ₉	132.568.433	87.299.897
всего	219.868.330	
189 ⁷ / ₈	124.222.885	102.167.157
всего	226.390.042	
189 ⁶ / ₇	104.904.498	82.144.920
всего	187.049.418	

Годы:	Доходы. обыкновенные.	Доходы: чрезвычайные.
189 ⁵ / ₆	95.444.648	22.988.066
всего	118.432.714	
189 ⁴ / ₅	89.748.451	8.421.572
всего	98.170.023	
189 ³ / ₄	85.883.078	27.886.296
всего	113.769.374	
189 ² / ₃	80.728.016	20.733.890
всего	101.461.906	

Послѣ разсмотрѣнія доходовъ, намъ слѣдуетъ взглянуть на свѣдѣнія о расходахъ. Сравнительныя цифры за 2 послѣдніе года таковы (въ іенахъ):

Годы.	Обыкновенные расходы.	Чрезвычайные расходы.
190 ¹ / ₂	165.431.405	87.502.015
1900/1	152.475.638	100.553.440

Обыкновенные расходы слѣдующимъ образомъ распредѣляются по отдѣльнымъ отраслямъ управленія (въ іенахъ):

	По бюджету 190 ¹ / ₂ гг.	По бюджету 190 ⁰ / ₁ гг.
Расходы по представительному правленію	3.000.000	3.000.000
По министерству иностранныхъ дѣлъ	2.280.000	2.180.000
Внутреннихъ дѣлъ	9.780.000	10.350.000
Финансовъ	50.280.000	46.710.000
Военному	38.030.000	37.300.000
Морскому	20.240.000	18.280.000
Юстиціи	11.350.000	8.050.000
Народнаго просвѣщенія	4.730.000	4.470.000
Земледѣлія и торговли	2.560.000	2.280.000
Путей сообщенія	20.140.000	17.500.000

Цифры распредѣленія чрезвычайныхъ расходовъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ таковы (въ іенахъ):

	По бюджету 190 ¹ / ₂ гг.	По бюджету 190 ⁰ / ₁ гг.
По министерству иностранныхъ дѣлъ	400.000	80.000
Внутреннихъ дѣлъ	12.970.000	14.830.000
Финансовъ	3.160.000	5.120.000
Военному	12.080.000	15.620.000
Морскому	18.080.000	22.640.000
Юстиціи	570.000	510.000
Народнаго просвѣщенія	1.780.000	5.010.000
Земледѣлія и торговли	8.140.000	10.520.000
Путей сообщенія	30.640.000	29.860.000

Среди чрезвычайныхъ расходовъ 190¹/₂ гг. отмѣтимъ: на улучшение тюремъ (200.000 іенъ), на субсидію императорскому сталелитейному заводу (1 милліонъ), на расширеніе телеграфной (2¹/₂ милліона) и телефонной сѣти (1 милліонъ), и особенно на сооруженіе въ военномъ портѣ Куре арсенала, оборудованнаго машинами для фабрикаціи броней для военныхъ судовъ. Ассигнована была на этотъ важный предметъ сумма въ 6.340.093 іенъ, распреѣленная на 5 лѣтъ, и благодаря устройству этого арсенала, отнынѣ Японія получитъ возможность не быть въ зависимости отъ иностранныхъ заводовъ для удовлетворенія потребностей своего флота.

Подобно таблицѣ доходовъ привожу соотвѣтственную таблицу расходовъ за послѣднія 10 отчетныхъ лѣтъ (въ іенахъ):

Годы.	Расходы обыкновенные.	Расходы чрезвычайные.
190 ¹ / ₂	165.431.405	87.502.015
всего	252.933.420	
190 ⁰ / ₁	148.956.642	85.391.554
всего	234.348.196	
1899/900	141.039.927	105.411.734
всего	246.451.661	
189 ⁸ / ₉	116.441.810	103.010.537
всего	219.452.347	
189 ⁷ / ₈	107.047.387	116.631.374
всего	223.678.761	
189 ⁶ / ₇	100.773.182	68.083.224
всего	168.856.406	
189 ⁵ / ₆	67.148.496	18.168.625
всего	85.317.121	
189 ⁴ / ₅	60.421.338	17.707.241
всего	78.128.579	
189 ³ / ₄	64.545.575	20.036.248
всего	84.581.823	
189 ² / ₃	63.818.007	12.916.686
всего	76.734.693	

*
* *

Теперь остановимся на минуту на каждомъ изъ главнѣйшихъ налоговъ, или источниковъ доходовъ.

Самый главный изъ этихъ налоговъ, хотя общій итогъ его ниже налога на саке, это поземельный налогъ (djizo), соста-

вляющій около $46\frac{1}{2}$ милліоновъ іенъ. Это—традиціонный японскій налогъ, такъ какъ до реставраціи 1868 г. въ Японіи кромѣ него не было другихъ налоговъ. Во времена феодализма податью въ Японіи облагалась только земля; впрочемъ, размѣръ этой подати въ разные періоды и въ разныхъ мѣстностяхъ сильно мѣнялся. Иногда этотъ налогъ выражался формулой «4 части казнѣ и 6 частей владѣльцу». Однако, многіе вассалы были изъяты отъ налога. Въ 1871 г., послѣ уничтоженія феодализма, возникла мысль упорядочить эту путаницу въ отношеніи земельной ренты, съ цѣлью установить единообразный земельный налогъ по всей имперіи. Но прежде необходимо было сдѣлать всеобщую оцѣнку земли, что и было предписано императорскимъ рескриптомъ въ іюль 1873 г. Лица, владѣвшія землей на правѣ леннаго владѣнія, были признаны собственниками. Имъ былъ выданъ, въ удостовѣреніе ихъ права на каждый клочекъ земли, документъ, который, впрочемъ, можно было передавать другому лицу и который заключалъ въ себѣ указаніе на количество земли, природныя свойства и кадастровую оцѣнку участка. Поземельный же налогъ подлежалъ взиманію на основаніи этой оцѣнки по однородной таксѣ въ 3% (съ 1878 г. такса эта понижена до $2\frac{1}{2}$ %).

При производствѣ кадастровой оцѣнки поступали слѣдующимъ образомъ. «Предположимъ, что вопросъ касается рисоваго поля. Послѣ измѣренія участка опредѣлялось, сколько риса онъ производитъ ежегодно, причемъ нормальною цѣною риса считалось 30 сенъ за 18 литровъ (сенъ—одна сотая іена; 18 литровъ— $\frac{1}{10}$ коку). Изъ полученной суммы вычитались 15% на обѣмненіе и удобреніе, остатокъ считался чистымъ доходомъ участка, составляющимъ $\frac{1}{10}$ цѣнности послѣдняго. Такъ какъ этотъ чистый доходъ представляетъ, съ одной стороны, трудъ земледержателя, а съ другой—аренду, которую онъ долженъ платить государству, то условились опредѣлить эту аренду въ $\frac{4}{10}$ всего чистаго дохода и предназначить ихъ на расходы: общенародныя ($\frac{3}{10}$) и губернскіе ($\frac{1}{10}$). Вотъ эти-то $\frac{3}{10}$ и послужили основаніемъ для опредѣленія земельного налога въ 3% съ кадастровой оцѣнки. Пояснимъ это на примѣрѣ. Предположимъ, что количество риса, собираемаго съ участка, составляетъ 300 литровъ; цѣна ихъ—по таксѣ 30 сенъ съ 18 лит-

ровъ—будетъ равна 5 іенамъ. Вычитая изъ нихъ 15⁰/₀ (=75 сенъ) на обѣмененіе и удобреніе, получаемъ остатокъ въ 4 іены 25 сенъ чистаго дохода. Часть, причитающаяся на общенародные расходы, составляетъ $\frac{3}{10}$ чистаго дохода, то-есть 1 іенъ 27 сенъ 5 ринъ $\left(\frac{4,25 \times 3}{10}\right)$. Съ другой стороны, такъ какъ чистый доходъ всегда составляетъ $\frac{1}{10}$ цѣны участка, то кадастровая цѣна его будетъ 42,5 іенъ $(4,25 \times 10)$; и при таксъ поземельнаго налога въ 3⁰/₀ самый налогъ составитъ $\frac{42,5 \times 3}{100}$ или 1,275 іенъ,—цифра, найденная нами уже выше» (В. Эврардъ).

Работа по пересмотру кадастра была закончена лишь въ 1881 г. Хотя этотъ пересмотръ былъ произведенъ довольно тщательно и хотя принципъ его, теоретически, по крайней мѣрѣ, былъ превосходенъ, однако, въ дѣйствительности, осталась столь значительная неравномѣрность, что правительство потребовало у палаты необходимые кредиты на производство новой оцѣнки земли. Этотъ дополнительный проектъ былъ присоединенъ къ главному проекту объ увеличеніи поземельнаго налога, представленному палатѣ въ 13-ую сессію парламента. Проектъ о пересмотрѣ кадастра былъ вотированъ, повторяю, какъ слѣдствіе принятія идеи объ увеличеніи земельного налога. Кабинетъ Матсукаты въ своемъ проектѣ предложилъ палатѣ возвысить этотъ налогъ до 4⁰/₀ вмѣсто 2¹/₂⁰/₀. Но палата представителей, по мотивамъ, изложеннымъ выше, не приняла этихъ предложений. Вмѣсто того, чтобы изъ этого увеличенія поземельнаго налога сдѣлать постоянную мѣру, палата рѣшила, что правительство, начиная съ 1899 г., въ теченіе пяти лѣтъ, можетъ взимать дополнительный сборъ въ 2¹/₂⁰/₀ съ земель застроенныхъ и въ 0,8⁰/₀ съ другихъ. Правительство и палата пэровъ приняли эту поправку, и законъ былъ окончательно вотированъ въ 1898 г. Непосредственно за опубликованіемъ закона, приступили къ пересмотру кадастра, явившагося необходимымъ слѣдствіемъ закона. На этотъ разъ дѣло пошло быстро, и пересмотръ, начавшись въ февралѣ 1899 г., былъ законченъ въ августѣ того же года. Дабы лучше понять результаты проведенной реформы, слѣдуетъ вспомнить, что при прежнемъ порядкѣ, до 1898 г., доходы отъ поземельнаго налога распредѣлялись слѣдующимъ образомъ (въ іенахъ):

Доходы съ рисовыхъ полей	22.228.600
» съ обыкновенныхъ земель	5.512.100
» съ застроенныхъ сельск. земель	2.666.300
» съ застроенныхъ городск. земель	866.300
» разныхъ земель	726.800
Всего	32.000.100

Реформа, введенная закономъ 1898 г., дала слѣдующее увеличеніе доходовъ (въ іенахъ):

Съ рисовыхъ полей	8.068.000
Съ обыкновенныхъ земель	1,759.000
Съ застроенныхъ сельскихъ земель	852.700
Съ застроенныхъ городскихъ земель	866.500
Съ разныхъ земель	230.900
Всего	11.777.100

Такимъ образомъ нынѣ поземельный японскій налогъ составляетъ (въ іенахъ):

Съ рисовыхъ полей	30.296.600
Съ обыкновенныхъ земель	7.271.100
Съ застроенныхъ сельскихъ земель	3.519.000
Съ застроенныхъ городскихъ земель	1.732.800
Съ разныхъ земель	957.700
Всего	43.777.200

Какъ видно, для японскаго плательщика получилось весьма серьезное увеличеніе податного бремени, и это не слѣдуетъ упускать изъ виду, при желаніи составить правильное понятіе о современномъ финансовомъ положеніи имперіи микадо.

Подходный налогъ (shotokauzei) былъ введенъ впервые въ Японіи въ 1887 г. императорскимъ указомъ за п° V. Въ 1899 г. онъ былъ установленъ на новыхъ основаніяхъ и реорганизованъ закономъ п° XVII. По дѣйствующему закону, налогу подлежатъ всѣ доходы, за исключеніемъ тѣхъ, которые получаютъ отъ временныхъ занятій. Доходъ cadaго лица опредѣляется по среднему его доходу за 3 предшествовавшіе года. Доходы, размѣръ коихъ менѣе 300 іенъ, не подлежатъ никакому налогу. Подходный налогъ въ Японіи — прогрессивный.

Съ доходовъ отъ	300 до	1.000	иенъ	уплачивается	1 ⁰ / ₀
»	»	1.000 »	10.000	»	1 ¹ / ₂ ⁰ / ₀
»	»	10.000 »	20.000	»	2 ⁰ / ₀
»	»	20.000 »	30.000	»	2 ¹ / ₂ ⁰ / ₀
»	»	30.000 и выше	»	»	3 ⁰ / ₀

Каждое лицо, подлежащее подоходному налогу, должно сдѣлать письменное о семъ заявленіе властямъ до 30 апрѣля cadaго года. Это заявленіе подлежитъ провѣркѣ, и рѣшеніе начальника префектуры по этому предмету безапелляціонно. Подоходный налогъ, результаты котораго превысили бюджетныя предположенія, даетъ въ среднемъ около 5¹/₂ милліоновъ. Налогъ на сакѣ (рисовую водку) составляетъ въ настоящее время самый серіозный источникъ японскихъ доходовъ: онъ опредѣленъ по бюджету на 190¹/₂ гг. въ суммѣ болѣе 55 милл. иенъ; къ этому налогу прибѣгаютъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится затыкать дыру въ бюджетѣ. Такъ, послѣ серіознаго увеличенія этого налога въ 1896 г., онъ былъ въ 1898 г. снова возвышенъ, и, несмотря на это, потребление сакѣ, повидимому, не уменьшается, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Количество ви- нокуренныхъ заводовъ.	Производство въ ведрахъ.
1895	14.720	52.801.601
1896	14.620	56.222.549
1897	14.495	54.408.004
1898	14.575	59.972.891
1899	14.170	69.902.915
1900	17.903	63.665.452

Наряду съ налогомъ на сакѣ (saké) стоитъ налогъ на сою (soy), или японскій соусъ. Въ виду того, что употребленіе этой приправы распространено какъ между богатыми, такъ и между бѣдными классами населенія, правительство долгое время воздерживалось отъ увеличенія налога на сою (soy). Однако оно вынуждено было прибѣгнуть къ этому, когда палата отвергла, какъ мы видѣли выше, проектъ увеличенія поземельнаго налога. Въ видахъ удовлетворенія безотлагательныхъ нуждъ государства тогда было предложено увеличить налогъ на сою. Означенное увеличеніе было принято палатами въ 1899 году.

Въ настоящее время налогъ на сою приноситъ около трехъ съ половиной милліоновъ іенъ.

Гербовый сборъ впервые былъ введенъ въ 1873 году, потомъ подвергся измѣненіямъ въ 1884 году и 1899 годахъ. Этотъ налогъ находится въ прямой связи съ экономической жизнью страны, и потому считаю не безынтереснымъ привести таблицу его прогрессивнаго роста за послѣдніе годы:

Годы.	Гербовый сборъ съ актовъ.	Гербовый сборъ съ % бумагъ.	Гербовый сборъ съ чековъ.	Всего іенъ.
1895 . . .	632.184	25.733	5.597	663.514
1896 . . .	716.908	38.947	5.690	761.545
1897 . . .	737.449	46.667	9.331	793.447
1898 . . .	826.609	63.323	11.066	900.998
1899 . . .	1.005.392	95.102	12.551	1.116.045
1900 . . .	1.060.321	124.337	25.236	1.209.894

Налогъ на патенты (eigyozei) первоначально былъ введенъ закономъ 1896 г., подвергшимся пересмотру въ 1899 году. Въ настоящее время онъ даетъ болѣе пяти съ половиной милліоновъ іенъ дохода.

Теперь намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о двухъ другихъ важныхъ источникахъ дохода для японскаго бюджета: о таможенныхъ и табачной монополіи. Въ таможенномъ законодательствѣ вступленіе въ силу пересмотрѣнныхъ договоровъ съ другими державами въ августѣ 1898 году создало новую эру. До тѣхъ поръ договоры обезпечивали державамъ весьма незначительныя пошлины на ввозимые въ Японію товары. Въ настоящее же время положеніе измѣнилось. Въ «Оффиціальной Газетѣ» Японской имперіи, въ номерѣ отъ 10 сентября 1898 года, появилось извѣщеніе, что правительство микадо, согласно правамъ, обезпеченнымъ ему дѣйствующими договорами, вводитъ съ 1 января 1899 г. въ дѣйствіе новый таможенный тарифъ. Съ этого именно времени и произошло увеличеніе ввозныхъ таможенныхъ пошлинъ. Японскій таможенный тарифъ собственно двоякій: общій, утвержденный сеймомъ въ 1897 году и примѣняемый къ товарамъ державъ, не заключившихъ договоровъ съ Японіей, и конвенціонный, выработанный на основаніи договоровъ съ державами и примѣняемый къ товарамъ странъ,

заключившихъ договоры съ Японіей, за исключеніемъ тѣхъ товаровъ, о которыхъ не упоминается въ этихъ договорахъ и къ которымъ примѣняется общій тарифъ.

Табачная монополія введена съ 1 января 1898 года и нынѣ даетъ около десяти съ половиной милліоновъ іенъ дохода.

Кромѣ вышерассмотрѣнныхъ налоговъ, относящихся къ категоріи налоговъ государственныхъ (*kokuzei*), существуютъ еще областные налоги (*fu kenzei*) и налоги сельскіе (*shitchosonzei*). Впрочемъ обѣ названныя категоріи налоговъ незначительны.

Животрепещущимъ вопросомъ является вопросъ о величинѣ японскаго государственнаго долга. Если основываться на цифрахъ, даваемыхъ бюджетомъ, то величина государственнаго долга Японіи нынѣ (1900—1901 гг.) достигаетъ 500 милліоновъ іенъ. Графъ Матсуката въ своемъ «Report on the post bellum financial administration in Japan» дѣлитъ займы, заключенные японскимъ правительствомъ, на четыре категоріи: 1) займы, выпущенные на нужды, которыя связаны съ уничтоженіемъ феодальной системы; 2) займы, заключенные въ цѣляхъ развитія торговли и промышленности; 3) займы на нужды арміи и флота, и 4) займы, вызванные нѣкоторыми крупными финансовыми мѣропріятіями, какъ, напримѣръ, выпускомъ кредитныхъ бумагъ. Займы первой категоріи составляютъ 226.910.350 іенъ, изъ которыхъ теперь погашено 195.563.701 іенъ, слѣдовательно остается 30.364.649 іенъ. Сумма займовъ второй категоріи достигала 193.817.350 іенъ, но за вычетомъ погашенія въ размѣръ 39.380.000 іенъ, нынѣ остается всего 154.437.350 іенъ. Займовъ на нужды арміи и флота было заключено въ общемъ на 156.855.750 іенъ, изъ которыхъ погашено только 31.542.700, слѣдовательно, этого долга остается теперь до 125.213.050 іенъ. Наконецъ, займовъ послѣдней категоріи заключено всего на сумму 211.599.150 іенъ, изъ нихъ погашено 20.905.550 іенъ, и остается долга 190.693.600 іенъ. Такимъ образомъ, японское правительство со времени введенія новаго режима заключило займовъ на сумму 788.182.600 іенъ и погасило ихъ на сумму 287.481.971 іенъ, стало быть, непогашенныхъ займовъ остается на сумму—500.700.649 іенъ, что и представляетъ величину современнаго государственнаго долга въ Японіи. Что касается амортизаціи займовъ, то опредѣленіе размѣ-

ровъ суммъ, выплачиваемыхъ въ погашеніе каждаго отдѣльнаго долга, предоставлено правительству подъ однимъ условіемъ: все погашеніе займа должно быть произведено къ концу срока, назначеннаго для погашенія. Сроки же эти слѣдующіе: для займовъ консолидированныхъ, военныхъ, желѣзнодорожныхъ и займовъ на общественныя работы окончательные сроки погашенія наступаютъ въ 1938 году, для займовъ на уплату пенсій въ 1906, для старыхъ займовъ въ 1921 году и т. д. Въ настоящее время на годичные платежи по государственнымъ долгамъ расходуется около 40 мил. іенъ, изъ коихъ лишь около одной пятой приходится на погашеніе. Нижеслѣдующія таблицы указываютъ на движеніе денежнаго обращенія въ Японіи за эти послѣдніе годы.

Обращеніе металлической монеты.

ГОДЫ.	М О Н Е Т А				В С Е Г О (іень).
	золотая.	серебряная.	никелевая.	мѣдная.	
1900 . . .	21.385,797	17.000,000	750,000	100,000	39.235,797
1899 . . .	472,603 76.351,708	10.298,085	600,000	—	87.722,396
1898 . . .	952,433	12.927,034	650,000	—	14.529,467
1897 . . .	1.423,750	20,007,377	51,500	—	21.482,627
1896 . . .	1.583,088	28.539,445	350,000	—	30.472,533
1895 . . .	66.146,237	138.786,085	5.487,349	12.418,051	222,837,722
Всего .	168.315,616	227.558,026	7.888,849	12.518,051	416.280,542

Бумажныхъ денегъ въ обращеніи (1895—1900 гг.).

ГОДЫ.	Билеты казначейства.	Билеты національных банковъ.	Dakan-Gin-ken, билеты, выпущенные Японскимъ Банкомъ.	В С Е Г О (іень).
1900 .	5.112,265	1.632,818	179.769,782	186.514,865
1899 .	6.995,374	4.099,370	189,421,770	200.516,514
1898 .	9.045,082	13.610,995	173.473,749	196.129,826
1897 .	10.679,236	20.293,887	149.035,640	180.008,763
1896 .	13.000,517	21.300,375	124.524,590	158.825,482
1895 .	15.704,773	22.285,739	110.493,394	148.483,906

*

* *

Какое должны мы вывести заключеніе изъ этого длиннаго перечня фактовъ? Одинъ изъ нихъ бросается въ глаза прежде всего: это—громадное увеличеніе для японскаго плательщика бремени налоговъ за послѣдніе годы, въ особенности послѣ, китайской войны 1895 г. и послѣдовавшей за ней разработки пресловутаго плана расширенія японскаго вліянія. Ниже приводимая таблица хорошо резюмируетъ финансовыя мѣры, принятыя съ этого времени. Она показываетъ увеличеніе налоговъ въ 1896 и 1899 годахъ, т. е. въ двѣ главнѣйшія эпохи реализаціи программа post bellum.

Увеличеніе на:

НАЛОГИ.	въ 1896 г.	въ 1899 г.	Всего (іенъ).
поземельный	—	8.475.958	8.475.958
подходный	—	1.494.516	1.494.516
налогъ на патенты	7.551.377	—	7.551.377
на сакѣ	9.284.544	22.556.409	31.840.953
на занесеніе въ избира- тельные списки	6.423.993	1.846.759	8.270.752
на сою (soy)	—	1.598.387	1.598.387
банковъ	—	1.159.560	1.159.560
порговъ сборъ	—	237.986	237.986
табачная монополія	10.316.379	2.145.550	12.461.929
на право продажи табака	—	831.750	831.750
Итого	33.576.293	40.346.875	73.923.168

Такимъ образомъ, въ три года японскій народъ выдержалъ увеличеніе налоговъ больше, чѣмъ на 70 милліонъ іенъ. Но, чтобы быть вполне точнымъ, слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что за то же время были значительно увеличены почтовые, телеграфные и телефонные тарифы. На это оптимисты возражаютъ, что японскій плательщикъ налоговъ все-таки еще очень далекъ отъ обложенія его налогами въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ они лежатъ на плательщикахъ другихъ странъ, что подтверждается нижеслѣдующими данными, показывающими въ іенахъ сумму налоговъ, падающихъ на каждого плательщика въ большинствѣ главнѣйшихъ государствъ.

	Вооруженіе.	Содержаніе администр.	Государственный долгъ.
	іены.	іены.	іены.
Англія	9,914	14,962	6,129
Франція	9,091	12,215	12,907
Германія	6,420	5,445	0,686
Россія	4,021	9,350	8,143
Соединенные Штаты .	2,675	7,831	1,211
Италія	4,127	9,902	6,683
Испанія	3,606	6,149	6,940
Голландія	6,429	10,919	5,338
Бельгія	3,183	13,171	6,730
Японія	2,467	1,999	0,771

Къ этому, однако, надо прибавить, что если японскій плательщикъ налоговъ, дѣйствительно, платитъ меньше другихъ, за то онъ же наиболѣе бѣденъ и наименѣе экономенъ. Въ 1899 году въ сберегательныя кассы Японіи положили вклады 2.327.642 лица. Къ концу года ихъ вклады достигали суммы въ 30.042.073 іены, что составитъ на человѣка 12,91 іены, или около 11 рублей. Въ то же время въ почтовыя конторы (4.334 конторы) внесено 22.490.918 іенъ, причемъ въ среднемъ на долю cadaго вкладчика приходилось 17,91 іены, или около 15 рублей. При сравненіи съ европейскими странами и въ особенности съ Франціей ничтожность вкладовъ прямо бросается въ глаза.

Что касается бѣдности страны, то ея показателемъ является экономическій кризисъ, отъ котораго страдаетъ теперь Японія; основная причина этого кризиса — отсутствіе капиталовъ — вполне ясно характеризуетъ намъ финансовую несостоятельность страны. Деньги на столько рѣдки, что въ Японіи учетный процентъ достигаетъ высоты, неслыханной въ другихъ странахъ. Желѣзныя дороги выпускаютъ облигаціи изъ 10⁰/о, города занимаютъ деньги на общественныя работы изъ 6¹/₂⁰/о и наиболѣе солидные банки платятъ по шестимѣсячнымъ вкладамъ 7⁰/о. Все свободное золото уходитъ за границу для покрытія превышенія ввоза надъ вывозомъ, которое, напр., въ 1901 году выражалось въ суммѣ не менѣе 35 милліоновъ рублей. Къ этому лично отъ себя я долженъ замѣтить, что, несмотря на то, что въ Японіи введена еще съ 1897 года золотая монетная единица, я въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, прожитыхъ въ странѣ, никогда не видалъ ни одной золотой монеты.

Между тѣмъ, необходимо найти источники для удовлетворенія постоянно возрастающихъ государственныхъ нуждъ. Нельзя скрывать, что въ этомъ отношеніи предстоятъ большія затрудненія. Опьяненная успѣхомъ, послѣ войны съ Китаемъ, Японія, недостаточно подумавъ о будущемъ, пустилась въ громадныя предпріятія. Была выработана грандіозная смѣта расходовъ, какъ будто въ предположеніи, что китайская контрибуція въ 365.529.067 іенъ будетъ вѣчно неистощимой. Нынѣ отъ этой контрибуціи уже ничего не осталось. Была проектирована, какъ мы упомянули выше, цѣлая серія внутреннихъ займовъ для покрытія расходовъ, но, къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи пришлось разочароваться. Выпустить внутренній заемъ! Объ этомъ смѣшно даже и думать при вышеочерченномъ положеніи страны.

Корреспондентъ «Journal des Débats» въ іюнѣ 1902 года, писалъ изъ Токіо по этому поводу слѣдующее:

«Послѣдній внутренній заемъ въ 10 милліоновъ іенъ, выпущенный въ видѣ билетовъ казначейства, разочаровалъ правительство. До сихъ поръ займы въ такой формѣ не появлялись на рынкѣ, такъ какъ Ниппонъ Живко (Японскій Банкъ) охотно авансировалъ нужныя суммы. Нынѣ же, переполненный правительственными бумагами банкъ, повидимому, отказался отъ реализаціи займа, вслѣдствіе чего пришлось обратиться къ публикѣ. Билеты казначейства на 10 милліоновъ іенъ были предложены къ подпискѣ, причемъ сами подписчики должны были назначить минимальный размѣръ $\frac{0}{100}$ за каждыя 100 іенъ, которыя они подписывали. Весь заемъ былъ подписанъ по $6,57\frac{0}{100}$ — $7,665\frac{0}{100}$ въ годъ, что можно было бы считать удовлетворительнымъ, если бы нѣсколько дней спустя не оказалось, что въ подпискѣ участвовалъ Ниппонъ Живко на значительную сумму (7 милліоновъ, какъ говорили). Японскій Банкъ вмѣшался, чтобы не дать скомпрометировать внѣшнюю сторону этого займа, и взялъ все, чего не выбрала публика; но это вмѣшательство, платоническое, безъ сомнѣнія, не наполнило правительственныя кассы, и, вмѣсто требовавшихся 10 милліоновъ, казначейство получило только 3 милл. Между тѣмъ, такъ или иначе, нужно было возмѣстить текущіе расходы казначейства, и это непріятное положеніе вызвало слухъ, кото-

рый проверить трудно, но который самъ по себѣ очень вѣроятенъ. Говорятъ, что японское правительство наложило руку на сберегательныя кассы, устроенныя здѣсь, какъ и въ Европѣ, при почтовыхъ конторахъ, и замѣнило наличность кассъ билетами внутренняго долга (*al pari*), оставшимися за счетъ послѣдняго японскаго займа въ Лондонѣ. Такимъ образомъ, правительство раздобыло 27.000.000 іенъ на очень выгодныхъ условіяхъ, такъ какъ государство платитъ по своимъ займамъ отъ 6⁰/₀ до 7⁰/₀, а вкладчики кассъ получаютъ по своимъ вкладамъ всего отъ 3⁰/₀ до 4⁰/₀. Темная сторона этой операціи заключается въ томъ, что правительственные займы котируются приблизительно на 10⁰/₀ ниже ихъ номинальной стоимости. Въ случаѣ кризиса вынужденная продажа этихъ бумагъ еще болѣе уронитъ ихъ курсъ, и правительству будетъ весьма трудно удовлетворить требованіямъ лицъ, довѣрившихъ ему свои сбереженія. Затрудненія, которыя теперь переживаетъ Японія, дѣлаютъ все болѣе и болѣе необходимымъ новый внѣшній заемъ. Третій проектъ увеличенія морскихъ силъ былъ недавно опубликованъ; изъ него видно, что проектируется постройка 25 новыхъ судовъ, общей вмѣстимости въ 135.900 тоннъ; единственная неясная сторона проекта состоитъ въ совершенномъ отсутствіи указаній на то, изъ какого источника будутъ покрыты эти расходы. Въ немъ, правда, можно встрѣтить намекъ на увеличеніе налога на недвижимости и введеніе налога на шелковыя ткани; но, въ сущности, Японія вынуждена будетъ обратиться къ своей союзницѣ Англіи. Заемъ въ Лондонѣ можетъ, въ крайнемъ случаѣ имѣть шансы на успѣхъ, потому, что нѣкоторую часть облигацій можно всучить судостроительнымъ фирмамъ, которыя будутъ строить военныя суда для Японіи, но Франція и Германія, вѣроятно, воспротивятся всякой мысли о японскомъ займѣ, пока Японія не подпишетъ нѣкоторыхъ особыхъ условій. Такъ, оффиціальная котировка японскихъ бумагъ на биржахъ Парижа и Берлина будетъ допущена лишь въ томъ случаѣ, если въ Японіи будетъ даровано иностранцамъ право владѣнія землей, и если часть заказовъ будетъ дана французскимъ и нѣмецкимъ заводамъ. Напротивъ, Англія желаетъ получить весь заказъ для себя одной. Такимъ образомъ, Японія стоитъ передъ дилемою: или она передастъ всѣ заказы Англіи,

но тогда заемъ будетъ очень затруднителенъ, такъ какъ биржи Парижа, Берлина, Петербурга и т. д. будутъ для него закрыты, или же она подѣлитъ заказы между разными странами, но въ такомъ случаѣ Англія откажется поддерживать заемъ».

Такимъ образомъ, какъ справедливо указываетъ корреспондентъ «Journal des Débats», успѣхъ займа также и на внѣшнемъ рынкѣ мало вѣроятенъ, какъ на внутреннемъ. Японцы имѣли уже печальный опытъ подобнаго рода съ займомъ, выпущеннымъ въ іюнѣ 1899 г. на сумму въ 250 милл. франковъ на лондонскомъ рынкѣ. Англійскій синдикатъ, взявшійся помѣстить заемъ изъ 4⁰/₀ по 90 за 100, потерпѣлъ полную неудачу, такъ какъ публика приняла облигацій всего на сумму, составляющую едва 12⁰/₀ требуемаго капитала. Слѣдуетъ думать, что предубѣжденіе публики къ японскимъ цѣнностямъ съ тѣхъ поръ только увеличилось, такъ какъ 5⁰/₀ японская рента, нѣсколько лѣтъ тому назадъ котировавшаяся по 105, теперь съ трудомъ находитъ покупателей по 89.

Имѣется только два способа выйти изъ этого тяжелаго положенія. Первый способъ, наиболѣе естественный и разумный, который съ поразительной смѣлостью былъ предложенъ однимъ изъ японскихъ министровъ финансовъ, состоитъ въ томъ, чтобы разъ на всегда покончить съ маніей величія, сократить расходы и заставить націю играть роль, соотвѣтствующую ея экономическимъ силамъ. Тѣ инциденты, которыми сопровождалось это заявленіе г. Ватанабэ, и послѣдовавшее за нимъ, весною 1901 года, распаденіе министерства Ито, достаточно опредѣленно указываютъ на отношеніе громаднаго большинства японскаго народа къ этому вопросу. Другой способъ состоитъ просто въ дальнѣйшемъ повышеніи налоговъ. Но съ этой стороны, кажется, японцамъ придется сознаться ранѣе даже, чѣмъ они думаютъ, что нація идетъ по пути рискованныхъ приключеній, если только послѣдовательное повышеніе налоговъ не будетъ сопровождаться соотвѣтственнымъ ростомъ народнаго богатства.

VI.

Земледѣліе. — Колоніи.

I.

Земледѣліе.

Хотя уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ подданные микадо рѣшительно направились по пути развитія торговли и промышленности, и хотя многіе полагаютъ, что только въ этой области имъ и предстоитъ будущность, тѣмъ не менѣе, Японія и теперь остается страной по преимуществу земледѣльской, и надо думать, что она долго еще сохранитъ этотъ характеръ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно только бросить взглядъ на статистическія цифры.

Дѣйствительно, Японія, съ общей площадью около 24.794 кв. ри (1 кв. ри = 15,423 кв. кил.), т.-е. около 380.000 кв. километровъ, имѣетъ почти 45.000.000 жителей. Между тѣмъ привозъ изъ-за границы питательныхъ продуктовъ весьма незначителенъ. Слѣдовательно, нужно, чтобы страна обходилась почти только своими средствами, и чтобы производительность земли соотвѣтствовала нуждамъ чрезвычайно густого населенія: на 1 кв. километръ приходится въ среднемъ 115 человѣкъ, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ до 200 и даже 300 чел.

Для прокормленія такого населенія Японія обладаетъ въ общемъ лишь незначительнымъ пространствомъ воздѣланной земли, такъ какъ въ этой странѣ холмовъ и горъ можетъ быть обрабатываема едва лишь $\frac{1}{12}$ площади страны, да и эта годная для обработки часть, въ общемъ, не очень плодородна.

По послѣднимъ подсчетамъ занято:

подъ рисомъ . .	2.817.624	квадр. шо	(2.535.862	десятины).	
» ячменемъ . .	659.695	»	»	(593.725	»
» рожью . .	681.364	»	»	(613.228	»
» пшеницею .	465.607	»	»	(419.046	»

Къ этому слѣдуетъ прибавить еще 1.085.875 кв. шо (977.287 десятинъ), занятыхъ подъ горохомъ, азуки (*Phaseolus radiatus*), просомъ, картофелемъ и др.

То обстоятельство, что столь незначительная площадь посѣвовъ является достаточной для пропитанія всего населенія, можно объяснить не иначе, какъ только принявъ въ расчетъ, что культура въ Японіи почти всегда интенсивна, такъ какъ каждый участокъ земли очень небольшой и, за отсутствіемъ, въ большинствѣ случаевъ, домашнего скота японскій крестьянинъ обрабатываетъ землю собственными руками и съ такою же заботливостью и тщательностью, какъ будто это былъ садъ.

Поэтому, средняя производительность неизмѣримо выше, чѣмъ въ странахъ съ крупной земельной собственностью, гдѣ обработка земли совершается болѣе спѣшно и не съ такой тщательностью.

Дѣйствительно, мы имѣемъ слѣдующія данныя объ урожаѣ главнѣйшихъ продуктовъ.

Рисъ . .	47.000.000 коку ¹⁾	(376.000.000 пуд.),	или 148 пуд. на 1 дес.
Ячмень . .	8.913.560 »	(55.264.000 »)	93 » »
Рожь . .	7.366.605 »	(55.272.000 »)	91 » »
Пшеница . .	4.181.888 »	(33.455.000 »)	80 » »

Но, повторяю, такая тщательная и производительная обработка объясняется только чрезвычайной раздробленностью землевладѣнія. Общее пространство всѣхъ обложенныхъ податями участковъ достигаетъ 13.804.724 шо, т.-е. 12.424.250 десятинъ, но обрабатывается изъ нихъ всего лишь 5.025.220 шо, т.-е. 4.522.600 десятинъ, распределенныхъ на 5.500.000 семействъ, изъ которыхъ около 3.000.000 обрабатываютъ собственную землю, а остальные состоятъ арендаторами; такимъ образомъ, на каждое семейство приходится въ общемъ даже менѣе 1 десятины.

Помимо этого, еще одинъ фактъ указываетъ намъ на сравнительную рѣдкость большихъ хозяйствъ: это ограниченное (всего около 500.000) число лицъ, уплачивающихъ болѣе 15

¹⁾ Коку=180 метровъ.

ієнъ (около 14 руб.) прямыхъ налоговъ (цензъ, который до 1899 г. давалъ избирательныя права). А между тѣмъ, эта сумма въ 15 ієнъ, въ отношеніи къ поземельному налогу, т.-е. главнѣйшему изъ прямыхъ налоговъ, соотвѣтствуетъ владѣнію участкомъ въ 1,35 десят., засѣянныхъ рисомъ, и 4,5 десят. пахотныхъ полей.

Японскій крестьянинъ влагаетъ въ свое крошечное хозяйство всю свою заботливость. Онъ копаетъ и перекапываетъ землю, выпалываетъ ее, не жалѣетъ удобреній и устраиваетъ, въ особенности для рисовыхъ полей, цѣлую систему орошенія. Во всѣхъ своихъ работахъ онъ избѣгаетъ всякихъ новшествъ и придерживается старинныхъ традицій, которыя заимствованы нѣсколько вѣковъ тому назадъ отъ Китая, но остаются и нынѣ столь же живыми, какъ и во времена Іеясе. (Іеуасе).

Японскій крестьянинъ, такъ же, какъ и другіе крестьяне во всемъ свѣтѣ, страшный рутинеръ и до такой степени привязанъ къ стариннымъ пріемамъ, что орудія его и теперь почти не отличаются отъ тѣхъ, какіе были въ употребленіи въ Египтѣ во времена фараоновъ.

Подобно крестьянамъ другихъ странъ, японцы очень просты въ своемъ образѣ жизни. Въ то время какъ городскіе жители, даже самые скромные, питаются рисомъ, японскій крестьянинъ довольствуется пшеницею и ячменемъ, считая рисъ роскошью, которую можно позволять себѣ либо въ торжественныхъ случаяхъ, либо по болѣзни.

Я сказалъ, что на 5.500.000 семействъ приходится около 3.000.000 хозяевъ и 2.500.000 арендаторовъ. Въ Японіи существуетъ цѣлыхъ 16 родовъ арендныхъ договоровъ¹⁾, что въ этой путаницѣ почти невозможно разобратья человѣку, который захотѣлъ бы поближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ. Какъ бы то ни было, изъ внимательнаго наблюденія можно вывести заключеніе, что положеніе арендаторовъ такъ же, какъ и рабочихъ въ любой отрасли японской промышленности, имѣетъ наклонность къ ухудшенію, такъ какъ все

¹⁾ Относительно старой Японіи см. «Notes on land tenure and local institutions in Old Japan, by Simmon and Wigmore» въ XIX т., часть I «Asiatic transactions».

чаще и чаще крестьянину приходится имѣть дѣло не съ самимъ хозяиномъ, знакомымъ съ его работами и заинтересованнымъ въ нихъ, а съ управляющимъ или съ представителемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые сами живутъ въ городахъ, вдали отъ своихъ имѣній. Вслѣдствіе этого, арендная плата взыскивается со всею строгостью.

Въ общемъ характерныя черты сельскаго хозяйства въ Японіи сводятся къ слѣдующему: замѣчается чрезвычайное разнообразіе какъ условій арендныхъ договоровъ, такъ и сроковъ, на которые они заключаются; арендная плата довольно высока, въ особенности въ настоящее время, и уплачивается съ рисовыхъ полей рисомъ, а съ другихъ — деньгами.

Здѣсь, мнѣ кажется, будетъ не безынтересно упомянуть и о положеніи крестьянскаго пролетаріата японскихъ деревень. При незначительныхъ размѣрахъ полевыхъ хозяйствъ, большинство работъ производится руками (во всей Японіи насчитывается лишь 1.400.000 головъ рогатаго скота и 1.600.000 лошадей), для чего хозяева или арендаторы держатъ рабочихъ обоюго пола. Мужчины-работчіе (саку-отоко) получаютъ 3 коку (24 пуда) рису въ годъ. За эту плату они работаютъ круглый годъ, имѣя лишь изрѣдка по пол-дня отдыха во время извѣстныхъ праздниковъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ имъ разрѣшается часть января проводить въ своей семьѣ. 1-го февраля они возвращаются къ своему хозяину и называютъ это «вернуться къ чорту въ лапы» (они-но-те-ни-модору).

Женщины и дѣвушки получаютъ обыкновенно вознагражденія 1 или 1^{1/2} коку (8—12 пуд.) рису въ годъ. Кромѣ того, хозяинъ обязанъ выдать имъ семь предметовъ: передникъ, соломенную шляпу, кушакъ, полотенце, пару холщевыхъ рукавовъ для защиты рукъ отъ солнца, перевязь для этихъ рукавовъ и кусокъ холста. Эти несчастныя работницы трудятся круглый годъ и не имѣютъ ни одного дня отдыха.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при такихъ условіяхъ труда сельскихъ рабочихъ и работницъ, наблюдается рѣзкое уменьшеніе населенія японскихъ деревень, вслѣдствіе ухода крестьянъ на фабрики, на которыхъ, если имъ и не лучше живется, за то плата болѣе выгодна.

Заканчивая эти бѣглыя замѣтки о положеніи японскаго земледѣлія, я останавлиюсь немного на разборѣ одного любопытнаго кредитнаго учрежденія, которое существуетъ въ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ провинціяхъ Японіи уже около столѣтія и напоминаетъ собою подобное же учрежденіе въ Европѣ, связанное съ именемъ Raffaïsen'a.¹⁾

Чтобы лучше уловить замѣчательное сходство между обоими этими учрежденіями, основанными и въ разныхъ странахъ и въ разное время и при совершенно разныхъ условіяхъ, слѣдуетъ прежде всего вспомнить, что въ основу сельскихъ кассъ Raffaïsen'a, изъ которыхъ первая была учреждена въ 1849 г., положены слѣдующія три главные правила: 1) Отъ участниковъ кассы не требуется никакихъ предварительныхъ взносовъ; такимъ образомъ, касса учреждается безъ капитала и не производитъ операцій. 2) Участники кассы не получаютъ никакого дивиденда, и вся прибыль присоединяется къ общимъ средствамъ, которыя не подлежатъ раздѣлу. 3) Всѣ участники связаны круговой порукой и отвѣчаютъ своимъ имуществомъ. Эти положенія составляютъ характерную особенность разсматриваемаго учрежденія и въ нихъ заключается его нравственное значеніе; понятно, что, при такихъ условіяхъ, пріемъ въ общество совершается съ особою осмотрительностью.

Посмотримъ теперь, въ чемъ состоитъ японская «Хотокуша», которая и теперь еще въ такомъ почетѣ въ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ провинціяхъ Японіи, въ особенности по сосѣдству съ Токио.

Главный принципъ этого учрежденія—стремленіе къ осуществленію правильныхъ общественныхъ отношеній. Для этой цѣли надо помогать страждущимъ, бѣднымъ и сиротамъ. Надо

¹⁾ См. 1) A japanese credit association, by Garret Droppers, in Transactions of the Asiatic society of Japan, т. XXII, часть I. 2) Note on Ninomiya Santokou, by Joseph H. Longford Esq. въ томъ же журналѣ. На японскомъ языкѣ по этому предмету существуетъ цѣлая литература. Въ особенности слѣдуетъ отмѣтить сочиненіе самого Никоміи—Hotokou-Koun (Идея Хотоку), а также многочисленныя сочиненія его ученика Фукузumi. Наконецъ, слѣдуетъ сказать о специальномъ журналѣ по тому же вопросу «Daï Nippon Teikokou Hotokou», который выходитъ ежемѣсячно съ 1892 г.

вознаграждать тѣхъ, которые своими достойными поступками послужили на пользу общества. Наконецъ, слѣдуетъ стараться смягчать нравы и обычаи и очищать ихъ отъ грубыхъ и эгоистическихъ проявленій.

Таковы главные принципы, о соблюденіи которыхъ мечтали организаторы этихъ учреждений.

Съ болѣе практической и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе осуществимой точки зрѣнія, учрежденіе это задается цѣлью улучшить благосостоянія земледѣльческаго класса, внушая ему принципы простоты жизни и бережливости и оказывая помощь ссудами, выдающимися только на производительныя предпріятія. Такимъ образомъ, учрежденіе это оказываетъ практическую помощь крестьянамъ для постройки разрушенныхъ жилищъ, для удобренія заброшенныхъ земель, для работъ по древонасаженію, орошенію, устройству дорогъ, плотинъ, водопроводовъ. Обо всѣхъ такихъ случаяхъ благодѣянія специально выбранныя обществомъ лица распространяютъ свѣдѣнія даже въ медвѣжьихъ уголкахъ самыхъ отдаленныхъ провинцій, для того, чтобы каждый зналъ, что ему можетъ помочь Хотокуша.

Для образованія общества требуется не менѣе семи лицъ. Въ общество принимаются взрослые лица, за исключеніемъ безбожниковъ, враговъ царствующей династіи, несостоятельныхъ должниковъ и, наконецъ, эгоистовъ, желающихъ работать только ради собственной выгоды.

Умѣренность—основное правило Хотокуши, и излишки доходовъ, не находящіе примѣненія для насущныхъ потребностей дома, должны быть передаваемы въ общество.

Служебный персоналъ Хотокуши состоитъ изъ президента (шачо), вице-президента (фукушачо), комитета (канджи), управляющаго дѣлами комитета (канджичо), инспекторовъ (джункаи-инъ) и особыхъ агентовъ (кіюши), на обязанности которыхъ лежитъ вышеупомянутое распространеніе среди населенія свѣдѣній о благодѣяніяхъ, сдѣланныхъ обществомъ.

Всѣ эти должностныя лица избираются на два года общимъ собраніемъ членовъ общества. Такъ же, какъ и въ кассахъ *Raf-faisen'a*, эти должности только почетныя, безъ всякаго жалованья.

Наконецъ, слѣдуетъ сказать, что собранія общества бываютъ двухъ родовъ: 1) общія собранія (канджи), два раза въ годъ, весною и осенью, на которыя приглашаются всѣ члены, и 2) комитетскія собранія, которыя бываютъ разъ въ мѣсяцъ.

Я уже говорилъ о томъ, какія задачи имѣлись въ виду организаторами Хотокуши, и на какія нужды откликается это общество. Прибавлю, что ссуды выдаются или коллективныя, какъ, напримѣръ, цѣлой деревнѣ, или отдѣльнымъ лицамъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ требуются два поручителя, а иногда и специальное обезпеченіе. Ссуды обыкновенно выплачиваются по частямъ. Но слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что Хотокуша ни уплачиваетъ, и не взимаетъ никакихъ процентовъ. Когда членъ общества возвращаетъ свой долгъ, онъ обыкновенно самъ прибавляетъ къ нему небольшую сумму, которая замѣняетъ процентъ. Ниномійя, создатель этихъ обществъ, прилагалъ, дѣйствительно, всѣ свои усилія, чтобы изгнать изъ Хотокуши всякую мысль о процентахъ и дивидендахъ.

Намъ остается теперь разсмотрѣть, каковы средства общества. Средства эти носятъ названіе «Хотокукинъ» и раздѣляются на двѣ части: 1) имущество ассоціаціи и 2) оборотный капиталъ.

Въ отношеніи имуществъ, принадлежащихъ обществу, слѣдуетъ замѣтить, что именно они-то и обезпечиваютъ прочность и устойчивость самому учрежденію и способствуютъ сліянію интересовъ общества съ интересами той мѣстности, гдѣ его члены имѣютъ свое постоянное жительство.

Фонды общества состояются изъ слѣдующихъ источниковъ:

1) «Додаикинъ»; такъ называется все имущество общества и его запасный капиталъ. Этотъ додаикинъ образуется изъ уступленныхъ обществу правительствомъ земель, изъ авансовъ центральной ассоціаціи Хотокуши и изъ членскихъ взносовъ. Заимствованія изъ «додаикинъ» дѣлаются только тогда, когда весь оборотный капиталъ уже исчерпанъ.

2) Взносы, производимые членами или вообще лицами, которымъ общество оказало услуги. Эгими платежами покрываются текущіе расходы.

3) Общие вклады — каждый член общества участвует в текущих расходах общества и вносит свой вклад в общую кассу. При выходе из общества он имеет право взять обратно этот свой вклад.

4) Специальные вклады — образуются на какое-нибудь определенное время (обыкновенно на шесть лет). Единственная форма капитала, приносящая проценты (5%).

5) Добровольные пожертвования — это обыкновенно та добавочная сумма, которую уплачивают должники общества при возвращении ссуды. На практикѣ, когда ссуда погашается посредствомъ годичныхъ взносовъ, эта сумма равняется обыкновенно одному такому взносу.

Остается добавить, что Хотокүши учреждаются обыкновенно на 60 лет. В случае, если общество распадается раньше этого срока, управление дѣлами переходитъ къ Центральной Ассоціаціи, которая принимаетъ на себя хранение вкладовъ, добровольныхъ взносовъ и проч.

Эти общества, повторяю, и нынѣ процвѣтаютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были основаны, но область распространения ихъ не велика, и можно предвидѣть, что число ихъ будетъ постепенно уменьшаться. При своемъ первоначальномъ основаніи, въ феодальныя времена, они пользовались большимъ успѣхомъ, потому что отвѣчали требованіямъ времени. Но по мѣрѣ того, какъ старая Японія исчезала, а вмѣстѣ съ нею исчезали и старые нравы, обычаи и старый образъ мыслей, взамѣнъ которыхъ насаждались новыя идеи, нѣсколько архаическій складъ этого учрежденія обнаруживается все яснѣе и яснѣе для народа, который отъ старинныхъ воззрѣній сразу перешелъ къ крайнему индивидуализму нашихъ современныхъ обществъ.

Если когда-нибудь Хотокүши совершенно исчезнутъ, объ этомъ можно будетъ только пожалѣть, потому что въ такой странѣ, какъ Японія, онѣ оказываютъ очень серьезныя услуги какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Прежде всего, съ точки зрѣнія практической пользы, присимой ими въ обыденной жизни, очевидно, что Хотокүши оказываютъ большую помощь земледѣльческому населенію тѣмъ, что не допускаютъ попасть крестьянину въ когти ростовщиковъ. Немного на свѣтѣ такихъ странъ, какъ Японія, гдѣ населеніе

подвергается до такой степени риску внезапнаго разоренія; въ ней бывають бѣдствія всевозможныхъ родовъ: и землетрясенія, и наводненія, и пожары, и ураганы и т. п. И когда крестьянинъ видитъ, какъ въ одинъ мигъ опустошаются его поля и разрушается его жилище, ему остается одинъ выходъ для поправленія дѣла—ростовщикъ. И вотъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены Хотокуши, эти общества оказываютъ въ подобныхъ случаяхъ самую существенную поддержку пострадавшему населенію.

Нравственныя благодѣянія, оказываемыя этимъ учрежденіемъ, не менѣе значительны, и, очевидно, эту сторону дѣла въ особенности имѣлъ въ виду основатель ихъ, Ниномійя, при выработкѣ правилъ этихъ обществъ. Онъ стремился къ тому, чтобы Хотокуши были учрежденіемъ кооперативнаго кредита, главнымъ образомъ потому, что вообще признавалъ взаимопомощь необходимымъ условіемъ для осуществленія идеальнаго устройства общества. Не слѣдуетъ, поѣтому, думать, что Хотокуши преслѣдуютъ интересы только экономическаго характера. Конечно, онѣ имѣютъ въ виду справедливое распредѣленіе матеріальныхъ благъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ направлены и къ болѣе благородной цѣли—возвышенію человѣческой личности, и стараются на практикѣ достичь этой цѣли какъ тщательнымъ подборомъ членовъ, такъ и положенными въ основу этихъ обществъ правилами экономіи, простоты жизни и солидарности.

Таковы, дѣйствительно, господствующія идеи, которыя можно найти въ ученіи создателя Хотокушъ. Своеобразную и странную личность представлялъ собою этотъ японскій Тюрго, который, почти въ одно время съ настоящимъ Тюрго, тщетно боровшимся за осуществленія своихъ знаменитыхъ реформъ, создалъ дѣло, которое его вѣрные послѣдователи, сохранивъ благоговѣйно до нашихъ временъ, стараются оградить отъ того страшнаго потрясенія, которое произвелъ во всемъ строѣ японской жизни наплывъ западныхъ идей и предразсудковъ.

Ниномійя Кивджиро, болѣе извѣстный послѣ своей смерти подъ именемъ Ниноміи Сентоку, родился въ 1787 г. во владѣніяхъ дайміо Одавары. Его родители были бѣдные крестьяне, разорившіеся послѣ наводненія рѣки Сакавы и оставившіе послѣ своей смерти спроту-сына въ возрастѣ, въ которомъ онъ

не былъ еще въ состояніи зарабатывать себѣ хлѣбъ. Маленькаго Кинджиро взялъ къ себѣ старый дядя, жадный и скупой человѣкъ, взвалившій на племянника тяжелую работу и попрекавшій его за то, что тотъ жегъ слишкомъ много масла, занимаясь послѣ работы чтеніемъ. Тутъ Кинджиро получилъ первые уроки трудолюбія и бережливости, которыхъ не забылъ.

Рядомъ съ имѣніемъ его дяди находилось заброшенное поле. Ребенокъ выпросилъ себѣ позволеніе заняться его удобреніемъ и упорной работой добился того, что сталъ получать съ него небольшой доходъ. Тогда ему пришла въ голову мысль вернуться въ свою деревню и попытаться привести въ порядокъ отцовское имѣніе, которое такъ и оставалось заброшеннымъ послѣ опустошившаго его нѣкогда наводненія. Накопивъ достаточную сумму, Кинджиро распростился съ дядей и вернулся въ свою деревню. Напрасно мѣстные крестьяне пробовали отговорить его, указывая на всѣ трудности его предпріятія. Ничто не могло поколебать энергіи молодого человѣка, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ упорнаго труда онъ привелъ въ прежній порядокъ все хозяйство. Этимъ Кинджиро сразу завоевалъ себѣ уваженіе своихъ сосѣдей. Женившись затѣмъ на дочери богатаго крестьянина, онъ, вѣроятно, продолжалъ бы вести суровую однообразную жизнь, если бы одинъ случай не выдвинулъ его.

Его ленный господинъ, дайміо Одавары, оказался въ то время въ весьма стѣсненномъ финансовомъ положеніи, и управляющій его финансами ломалъ себѣ голову, придумывая средства для поправленія дѣлъ. Одинъ изъ его друзей, слыхавшій о Ниноміи Кинджиро, о ловкости и энергіи, которую онъ проявилъ при устройствѣ своего хозяйства, посоветовалъ этому управляющему обратиться къ Ниноміѣ, что тотъ и сдѣлалъ. Нѣсколько дней спустя, Кинджиро, оставивъ свое хозяйство на попеченіе жены, принялъ въ свои руки управленіе финансами князя Одавары. Испросивъ себѣ полную свободу дѣйствій, онъ принялся за дѣло и предпринялъ рядъ реформъ, которыя прославили его. Онъ изгналъ роскошь, сократилъ расходы и ввелъ свою систему Бундо-Хо, состоявшую въ томъ, что ежегодно извѣстная часть доходовъ откладывалась въ запасный капиталъ, который, по мѣрѣ надобности, расходовался на общепользные предпріятія.

Но это были все мѣры, касавшіяся лишь будущаго. Между тѣмъ, надо было исправить и ошибки прошлаго, что онъ тоже сдѣлалъ. Всѣ долговыя обязательства были имъ внимательно пересмотрѣны, и, по соглашенію съ кредиторами, онъ добился отсрочки уплаты. Черезъ пять лѣтъ упорнаго труда все было приведено въ порядокъ: не только были уплачены всѣ долги, но впервые, послѣ многихъ лѣтъ, въ распоряженіи даймё оказалась даже свободная наличность.

Довольный результатомъ своихъ трудовъ, Ниномія испросилъ себѣ позволеніе вернуться домой и уѣхалъ, отказавшись отъ заслуженной награды, которою хотѣлъ почтить его благодарный даймё.

Между тѣмъ слава о немъ дошла до самого шогуна, который тотчасъ же потребовалъ въ столицу опытнаго совѣтника. Съ этихъ поръ Ниномія, при всякихъ народныхъ бѣдствіяхъ — голодѣ, наводненіи и т. п. — разѣзжалъ по всей Японіи, вездѣ обнаруживая свои выдающіяся администраторскія способности. Однако, при такой жизни, не дававшей ему ни минуты отдыха, онъ скоро надорвалъ свои силы, здоровье его серьезно пошатнулось, и въ 1856 г. онъ скончался, въ самомъ разгарѣ своей дѣятельности.

Во время этой плодотворной работы своей на пользу государства, Ниномія положилъ основаніе и тому учрежденію, которое пережило его подъ именемъ Хотокуши. Онъ не былъ самъ непосредственнымъ учредителемъ этихъ Хотокушъ, предоставивъ это своимъ ученикамъ, которымъ успѣлъ внушить самые принципы. Всю жизнь Конфуцій былъ его излюбленнымъ авторомъ, и «Даигаку» китайскаго мудреца было его настольною книгой, изъ которой онъ ежедневно прочитывалъ нѣсколько страницъ.

Но истиннымъ его учителемъ, къ которому онъ всегда обращался и съ которымъ совѣщался во всѣхъ трудныхъ случаяхъ, была сама природа.

«Истинное умѣнье жить, — постоянно твердилъ онъ своимъ ученикамъ, — вовсе не такъ трудно найти, и оно вовсе не покрыто такой тайной, какъ это думаютъ обыкновенно люди. Намъ нѣтъ никакой надобности читать кучу книгъ для того, чтобы научиться управлять собою: мы должны только раз-

вить свои способности. Наблюденіе дороже самыхъ лучшихъ книгъ. Если бы люди потрудились открыть глаза, они не ходили бы такъ часто ощупью, точно въ потемкахъ».

Далѣе онъ возвращается опять къ тому же: «Я придаю книгамъ скорѣе малое, чѣмъ большое значеніе. Самая великая и самая серіозная книга — это сама природа, — книга, всегда открытая передъ нами. Она всѣмъ доступна; это безпристрастный учитель, который терпѣливо, безъ шума, поучаетъ все человѣчество. Зачѣмъ пренебрегать этой книгой и предпочитать ей книги людскія».

И онъ заканчиваетъ: «Довѣримся природѣ, и намъ нечего тогда будетъ бояться за нашу страну. Она всегда залѣчитъ наши раны и утѣшитъ въ несчастіи. Мы должны смотрѣть на природу, какъ на нашего всеобщаго отца, и притомъ не такого, какимъ онъ является въ глазахъ лѣниваго ребенка, а такого, какимъ его знаетъ дѣятельный и трудолюбивый сынъ, — строгимъ, когда приходится наказывать, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда готовымъ признать, когда нужно, заслуги своихъ дѣтей».

Я не боюсь упрека въ томъ, что, говоря о земледѣліи въ Японіи, остановился довольно долго на личности Ниноміи Сентоку и попробовалъ вызвать къ жизни его образъ. Онъ не считается самымъ благороднымъ лицомъ въ лѣтописяхъ этой страны. Мѣсто, которое я отвелъ ему здѣсь, вѣроятно, удивитъ японцевъ, если они прочтутъ мою книгу, потому что историки феодальной Японіи расписываютъ намъ очень подробно болѣе или менѣе достовѣрные подвиги извѣстныхъ полководцевъ, но до сихъ поръ не позаботились скрасить однообразіе своихъ воинственныхъ повѣствованій, воздавая справедливую дань обыкновеннымъ гражданамъ, заслуги которыхъ ограничиваются только тѣмъ, что они приносили пользу своей странѣ въ мирное время. Что касается меня, то мнѣ было пріятнѣе воздать справедливость такой великой личности, какъ Ниномія Сентоку, чѣмъ воспѣвать хвастливымъ тономъ бряцаніе оружія японскихъ воиновъ.

II.

Японцы-колонизаторы. — Формоза. — Солдаты-земледѣльцы въ Хоккаидо.

Если бѣ мнѣ нужно было сравнивать колонизаторскіе приемы Японіи съ приемами какой-нибудь другой державы, я, вѣроятно, прежде всего вспомнилъ бы о томъ, что происходило лѣтъ 15—20 тому назадъ во французскихъ колоніяхъ. Какъ въ нихъ тогда, такъ теперь въ Японіи очень часто мѣняется система управленія, а еще чаще смѣняются чиновники, на которыхъ возлагается выполненіе новыхъ плановъ, благодаря чему, результаты получаются, въ концѣ концовъ, или ничтожные, или прямо плачевные, такъ что сами японцы, столь гордые вначалѣ своей новой колоніей, стали находить, что приведеніе Формозы въ хорошее состояніе идетъ слишкомъ медленно, и что вообще это довольно таки дорого стоящая фантазія.

Суть дѣла въ томъ, какъ мы легко замѣчаемъ, что если за 6 лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ Формоза стала японскою колоніей, торговля ея развилась слишкомъ мало, то это, конечно, потому, что въ дѣлахъ управленія островомъ японцы совершали такіе ошибки и промахи, отъ которыхъ и нельзя было ожидать благопріятныхъ результатовъ. Дѣйствительно, всѣ японскіе журналы, во всѣхъ статьяхъ о Формозѣ, не перестаютъ отмѣчать взяточничество, неспособность и всякаго рода ошибки со стороны должностныхъ лицъ, отличающихся своею безсовѣстностью и надменнымъ, грубо-солдатскимъ обращеніемъ.

Въ 1895 г. по Симоносекскому трактату, завершившему войну между Китаемъ и Японіей, Формоза стала японскою колоніей. Съ того времени администрація острова много разъ смѣнялась и, наконецъ, послѣ цѣлаго ряда болѣе или менѣе неудачныхъ опытовъ, въ іюнѣ 1898 г. былъ изданъ законъ, установившій твердыя основанія для управленія островомъ. Но и эта регламентація содержитъ въ себѣ важныя пробѣлы и далеко не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ.

Вообще, уже при самомъ занятіи острова, японцы могли замѣтить, что ихъ новое пріобрѣтеніе доставитъ имъ гораздо

больше хлопотъ, чѣмъ они предполагали. За исключеніемъ туземцевъ, почти совершенно не занимающихся торговлей, все населеніе — китайцы, со всѣми тонкостями китайскаго воспитанія и образа мыслей; и это уже объясняетъ, почему жители Формозы не питаютъ довѣрія къ японскимъ чиновникамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мятежная часть населенія, при своей борьбѣ съ японцами, и подстрекается, и получаетъ поддержку съ китайскаго берега Фукиена.

Эго было до такой степени всѣмъ понятно, что когда, три года тому назадъ, Японіи представился случай урвать какой-нибудь кусокъ отъ Китая, токійская пресса настаивала на томъ, чтобы японское правительство потребовало уступки какого-нибудь порта на берегу Фукиена, на примѣръ, Амой. Но Японія удовлетворилась тогда обѣщаніемъ Китая не уступать этой провинціи никакой другой державѣ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, Японія встрѣчала до сихъ поръ серьезныя препятствія при организаціи управленія на Формозѣ. Но надо сказать, что сама она дѣлала все возможное для того, чтобы возбудить недовольство населенія.

Вводъ во владѣніе островомъ былъ произведенъ съ такими насиліями и грубостью, которыя привели въ ярость самыхъ спокойныхъ, а японскія войска подавляли возмущенія съ такою жестокостью, которая навсегда лишила ихъ симпатіи населенія.

Такое плачевное положеніе вещей было вызвано неумѣlostью людей, которые посылались туда въ самомъ началѣ. Дѣйствительно, довольно долгое время островъ былъ въ распоряженіи солдатъ, жандармовъ и полицейскихъ.

Въ отношеніи гражданскаго устройства также были ошибки, достойныя сожалѣнія. Большимъ затрудненіемъ прежде всего было для японцевъ полное отсутствіе переводчиковъ для сообщенія съ туземцами. Поэтому, они должны были обратиться къ прежнимъ китайскимъ чиновникамъ. А между тѣмъ — и китайцы сами признаютъ это — во всемъ свѣтѣ нѣтъ болѣе жестокихъ, подкупныхъ и низкихъ людей, какъ низшіе китайскіе чиновники — ужасъ населенія. Японцы сдѣлали невообразимую ошибку, принявъ ихъ услуги и довѣрившись имъ. Эти китайцы поспѣшили воспользоваться счастливымъ случаемъ, который

дать имъ возможность поживиться за счетъ предоставленной имъ власти. Они стали вымогать деньги у богатыхъ купцовъ, своихъ же соотечественниковъ, подъ угрозою, въ случаѣ отказа, обвинить ихъ въ сообщничествѣ съ мятежниками; такимъ образомъ, они успѣли совершить массу гнусностей, пока, наконецъ, не было рѣшено отказаться отъ ихъ услугъ. Но у нихъ было довольно времени, чтобы надѣлать много зла и усилить ненависть населенія къ японцамъ.

Площадь, занимаемая Формозой, составляетъ около 25.000 кв. километровъ, а населеніе достигаетъ, по наиболѣе достовѣрнымъ подсчетамъ, до 2.500.000 человѣкъ.

При поверхностномъ взглядѣ на карту Формозы, можетъ показаться, что островъ очень рѣзко раздѣленъ на двѣ почти равныя половины хребтомъ горъ, прорѣзывающимъ его съ сѣвера на югъ. Но это не вѣрно. Въ дѣйствительности, почти $\frac{5}{6}$ всего пространства состоятъ изъ горъ, покрытыхъ роскошными лѣсами. Гористая часть заселена туземными, болѣе или менѣе дикими, племенами. Западная же половина представляетъ собою равнину, которая, полосою отъ 2 до 30 километровъ ширины, тянется между горами и моремъ. Эта часть острова прекрасно воздѣлана предприимчивыми китайцами, живущими въ своихъ маленькихъ деревняхъ.

Но, чтобы лучше понять всѣ трудности колонизаціи острова, надо помнить, что между этой равниной и горами находятся промежуточные округа, болѣе или менѣе холмистые и населенные мятежниками. Эти мятежники — китайцы, живущіе разбоемъ и грабежомъ и не признающіе никакого правительства. Не слѣдуетъ смѣшивать туземцевъ съ этими мятежниками: туземцы въ общемъ, если только ихъ не очень беспокоить въ ихъ горахъ, довольно безобидны. Такимъ образомъ, слѣдовательно, нѣтъ ничего общаго между этими туземцами и китайскими эмигрантами, и желаніе подчинить ихъ дѣйствию общихъ законовъ представляетъ собою совершенно ложный маневръ.

Когда хозяевами острова были китайцы, они придумали странный способъ, спеціально, чтобы подчеркнуть эту разницу. Они приложили всѣ усилія къ тому, чтобы туземцы оставались въ горахъ. Были учреждены военные кордоны со спеціальнымъ порученіемъ мѣшать туземцамъ оставлять ихъ горы.

Японцы поступили иначе. Они объявили, что въ принципъ горные туземцы такъ же свободны, какъ и остальная часть населенія; но большая ихъ ошибка, повторяю, состояла въ томъ, что они не хотѣли дѣлать различія въ управленіи этими разными элементами населенія.

До настоящаго времени управленіе островомъ было организовано слѣдующимъ образомъ: низменная часть была раздѣлена на 6 «префектуръ» (кенъ), а горная часть — на 2 «управленія» (шо). Префектуры подраздѣлялись на 78 исполнительныхъ бюро (бемму-шо), а управленія на 12 колонизаціонныхъ бюро (бонку-шо). Но, въ сущности, несмотря на различныя наименованія, вездѣ была одна и та же система, такъ какъ «управленія» зависѣли прямо отъ «префектуръ».

Чиновники, назначавшіеся на эти должности, имѣли довольно большую свободу дѣйствій, и многое предоставлялось на ихъ личное усмотрѣніе. При крайне плохомъ подборѣ этихъ чиновниковъ, дѣло не обходилось, конечно, безъ значительныхъ злоупотребленій.

Управленіе частью, населенной мятежниками, было такое же самое, только чиновникамъ помогали сильные отряды полиціи и регулярныхъ войскъ.

Главнѣйшее измѣненіе въ системѣ управленія, на основаніи закона, вотированнаго въ іюнѣ 1898 г., состояло въ уменьшеніи числа префектуръ съ 6 до 3 и числа исполнительныхъ бюро съ 78 до 40. Управленія сохранились, но перестали быть въ зависимости отъ префектуръ и подчинены были непосредственному контролю генераль-губернатора колоній. Кажется, тутъ была тенденція къ обособленію обоихъ управленій, но этого недостаточно. Люди, хорошо знакомые съ условіями жизни на островѣ, добиваются у правительства созданія спеціальнаго управленія для туземнаго населенія и для эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ горныхъ округовъ.

Чрезвычайно важно установить добрыя отношенія съ горными жителями. Пока японцы не будутъ жить съ ними въ полномъ согласіи, они не извлекутъ никакой выгоды изъ владѣнія Формозой. Лѣса представляютъ самое главное богатство острова. И если въ производствѣ чая и сахара Формоза должна счи-

таться съ болѣе могущественными конкурентами, то въ отноше-
ніи добычи камфоры она положительно не имѣетъ соперниковъ.

Въ общемъ, законъ 1898 г. внесъ очень мало измѣненій въ
систему управленія островомъ. Сокращеніе числа префектуръ
и исполнительныхъ бюро и подчиненіе полиціи контролю этихъ
послѣднихъ, все это, по правдѣ сказать, реформы очень не-
значительныя; для насущныхъ же потребностей не сдѣлано
ничего: нѣтъ ни дѣйствительно компетентной гражданской адми-
нистраціи ни раціональнаго управленія для туземцевъ.

При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ не удиви-
тельно, что торговля острова, при его новыхъ владѣтеляхъ, не
получила никакого развитія. А между тѣмъ природныя богат-
ства Формозы очень разнообразны и могли бы отлично разра-
батываться. Не даромъ разные народы испоконъ вѣковъ стре-
мились завладѣть этимъ островомъ. Чай, камфора, сахаръ,
плоды и овощи всѣхъ сортовъ произрастаютъ въ большомъ
обилии, а подъ землей имѣются многочисленныя залежи дра-
гоцѣнныхъ металловъ и каменнаго угля. Но не такъ-то легко
воспользоваться этими богатствами, и японцы горькимъ опы-
томъ убѣждаются, что для этого необходимо выполнить еще
очень трудныя предварительныя работы.

Совершенное отсутствіе благоустроенныхъ внутреннихъ пу-
тей сообщенія и недостаточная безопасность—два большихъ
препятствія, противъ которыхъ японское правительство далеко
еще не приняло всѣхъ мѣръ. Нѣсколько хорошихъ шоссе уже
устроено, но желѣзныхъ дорогъ слишкомъ мало. Это объяс-
няется тѣмъ, что на Формозѣ еще сильнѣе, чѣмъ въ самой Япо-
ніи, наблюдается абсолютный недостатокъ капиталовъ и неже-
ланіе допускать къ участию въ дѣлахъ иностранныхъ капита-
листовъ. Чтобы дать понятіе о жалкомъ положеніи денежныхъ
средствъ самого острова, достаточно будетъ сказать слѣдую-
щее: нѣкоторыя японскіе банки выдаютъ ссуды изъ 18—20%,
тогда какъ на Формозѣ такія же ссуды выдаются съ уплатою
процентовъ въ размѣрѣ по 30 сенъ на 100 іенъ въ сутки, т. е.
около 110% годовыхъ (іенъ = 100 сенъ = 96 к.).

На Формозѣ очень мало портовъ, и заходящія суда должны
оставаться на открытомъ рейдѣ при всякой погодѣ. Лучшій
портъ—Келунгъ, рейдъ котораго образованъ губой, углубляю-

пейся далеко въ скалистый берегъ. Японцы защитили ее молемъ, который, дѣйствительно, оказался очень полезнымъ. Это единственный портъ на островѣ, куда могутъ приставать большія суда.

Порты, открытые для иностранной торговли, — тѣ же, какіе были и до японскаго владычества: Тамсуи, Келунгъ, Ампингъ и Токао. Есть еще два порта, предназначенные для японскихъ джонокъ. Эти джонки поддерживаютъ оживленное сообщеніе съ китайскимъ берегомъ и принадлежатъ китайцамъ, которые, какъ жители Формозы, приняли японское подданство. Поэтому, имъ разрѣшается заходить въ порты, предназначенные исключительно для японцевъ. Съ другой стороны, когда они пристають къ китайскому берегу, ихъ считаютъ за китайцевъ и позволяютъ заходить въ порты, не открытые для иностранной торговли. Такимъ образомъ, они пользуются двойною выгодною и держатъ въ своихъ рукахъ всю торговлю, сравнительно довольно крупную.

Изъ статистическихъ данныхъ видно, что бѣольшая часть ввѣшней торговли Формозы какъ по ввозу, такъ и по вывозу ведется съ Китаемъ. Такъ, по послѣднимъ, имѣющимся въ моемъ распоряженіи, даннымъ за 1900 г., ввозъ и вывозъ составляли:

В В О З Ъ.

Китай	на 16.183,613 іенъ.
Гонконгъ	» 2.524,414 »
Англійская Индія	» 2.013,000 »
Французская Индія	» 1.000,000 »
Англія	» 3.400,000 »
Франція	» 30,000 »
Германія	» 500,000 »
Соедин. Штаты Сѣв. Америки .	» 2.000,006 »

В Ы В О З Ъ.

Китай	на 17.000,000 іенъ.
Гонконгъ	» 4.000,000 »
Соедин. Штаты Сѣв. Америки .	» 1.000,000 »

Прибавлю въ заключеніе, что европейская торговля съ Формозою, за исключеніемъ двухъ-трехъ германскихъ фирмъ, находится почти всецѣло въ рукахъ англичанъ.

Съ финансовой точки зрѣнія, Формоза представляетъ тяжелое бремя для японцевъ. Оффиціальныя статистическія данныя показываютъ, что за время съ 1896 г. по отчетный 1900—1901 г. доходы острова составляли въ круглыхъ цифрахъ 33.000,000 іенъ при расходѣ въ 116.000,000 іенъ, такъ что Японіи пришлось доложить изъ своего кармана 83.000,000 іенъ. Вотъ данныя за каждый годъ отдѣльно:

	1896—1897	1897—1898	1898—1899	1899—1900	1900—1901
Расходы . . .	30.642,576	21.825,808	23.314,188	18.961,525	21.188,841
Доходы . . .	935,679	6.736,110	8.121,504	8.121,523	9.067,244
Превышеніе расходовъ	29.706,897	15.089,698	15.192,684	10.840,002	12.121,597

Въ общемъ, замѣтно, правда, незначительное уменьшеніе расходовъ и незначительное увеличеніе доходовъ, но все это идетъ очень медленно.

Такое печальное положеніе финансовъ происходитъ, главнымъ образомъ, отъ расходовъ на военныя потребности, вызываемыя борьбою съ мятежниками и необходимостью защиты острова.

Расходы эти достигли въ 1900—1901 г. 8.769,111 іенъ на армію и 352,485 іенъ на флотъ, итого 9.121,596 іенъ, такъ что одни только военные расходы превысили всю общую сумму доходовъ.

Расходами болѣе производительными—на желѣзныя дороги, шоссе и т. п.—до сихъ поръ совершенно пренебрегали, а теперь хотятъ сдѣлать для этой цѣли заемъ въ 52.000,000.

Напомню, наконецъ, что японцы ввели на Формозѣ три правительственныя монополіи --- на камфору, отданную на откупъ англичанамъ, а именно торговому дому Самуэль Самуэль и К^о, на опиумъ и на соль. Однако, достигнутые результаты не вполне оправдали надежду, возлагавшуюся на эти монополіи.

Заканчивая эти бѣглые очерки колонизаторской дѣятельности японцевъ, не могу не сказать два слова о куріозной попыткѣ образованія военной колоніи въ Хоккаидо.

Хоккаидо — это провинція, расположенная въ сѣверной части Японіи и состоящая изъ острова Іезо и нѣсколькихъ со-

сѣднихъ небольшихъ острововъ. Несмотря на то, что она лежитъ на одной широтѣ со Средней Италіей, климатъ Хоккаидо замѣчательно холодный, земля покрыта снѣгомъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ, а туземцы часто охотятся на медвѣдей.

Этотъ островъ Іезо весьма любопытенъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Прежде всего громадная глубина пролива Тсугару, который отдѣляетъ его отъ остальной части имперіи, ясно доказываетъ, что этотъ островъ никогда не составлялъ одного цѣлаго съ Японіей. При томъ и фауна его совершенно иная, и ископаемая по обѣимъ сторонамъ пролива тоже не одинаковы.

Не менѣе интересны съ научной точки зрѣнія и постоянные жители этого острова.

До XVIII столѣтія японцы совершенно не интересовались Хоккаидо. Наконецъ, шогунъ Іеясе отдалъ его въ удѣлъ нѣкому Матсумаэ Іошихиро, въ роду котораго это владѣніе оставалось до уничтоженія феодальной системы въ 1871 г. Матсумаэ Іошихиро и его наслѣдники обращались съ населеніемъ очень жестоко и сдѣлали съ своей стороны все возможное, чтобы удержать этихъ бѣдняковъ въ состояніи полной дикости; подъ страхомъ самаго строгаго наказанія было запрещено знакомить ихъ съ понятіями о цивилизованной жизни. Въ результатъ населеніе острова стало уменьшаться съ поразительной быстротой. Нынѣшнее правительство, наоборотъ, вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы улучшить судьбу этихъ бѣдняковъ.

Туземцы эти, называемые айнусами¹⁾, совершенно особенная раса, удалившаяся на островъ Іезо и притомъ уже вымирающая, такъ какъ представителей ея насчитываютъ теперь не болѣе 12—15,000 человѣкъ. Прежде они обитали во всей Японіи, но когда изъ Кореи и Китая пришли японцы, айнусы были оттѣснены къ сѣверу.

Эти айнусы несомнѣнно самая волосатая раса въ свѣтѣ, и со своими длинными бородами и косматой шевелюрой они представляютъ замѣчательный контрастъ съ безбородыми японцами.

¹⁾ Объ айнусахъ см. «The Ainu of Japan» by Rev. J. Batchelor.

Сложены они очень крѣпко и отличаются только сплюснутостью нѣкоторыхъ костей рукъ и ногъ (humerus и tibia), особенность, которая наблюдалась только на скелетахъ пещерныхъ людей, нѣкогда населявшихъ Европу. Женщины татуируютъ себѣ на верхней губѣ усы. Оба пола по натурѣ своей очень кротки, но имѣютъ сильную склонность къ пьянству.

До послѣдняго времени айнусы жили, какъ настоящіе дикари, охотой и рыбной ловлей. Но съ тѣхъ поръ, какъ японцы занялись колонизаціей острова, оба эти источника жизни сократились, и бѣдные айнусы, неспособные примѣниться къ условіямъ новой жизни, быстро вымираютъ.

Нѣсколько времени тому назадъ японское правительство, сознавая важное значеніе Хоккаидо, какъ въ стратегическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, прилагало всѣ усилія, чтобъ поднять его благосостояніе. Здѣсь, такъ же, какъ и на Формозѣ, долгое время производились разные эксперименты, но безъ всякихъ успѣшныхъ результатовъ. Начали прежде всего съ учрежденія спеціальнаго министерства — Кайтакуши, и такъ какъ, въ зависимости отъ климата, приходилось примѣнять совершенно новые для Японіи методы обработки почвы, то на службу были приглашены американцы, которымъ и поручили осуществленіе реформы. Были произведены значительныя затраты на общественныя работы и устройство образцовыхъ фермъ, но, несмотря на всѣ усилія, процвѣтаніе этой мѣстности туго подвигалось впередъ. Острову недоставало колонистовъ, такъ какъ сами айнусы оказались неспособными воспринять тѣ прекрасные методы, которые пробовали вводить спеціально для нихъ.

Въ 1881 г. Кайтакуши было упразднено, и, такъ какъ переселеніе совершалось очень слабо, было рѣшено прибѣгнуть къ образованію военной колоніи или Тонденхеи. Солдатъ расселили по деревнямъ и заставили заниматься земледѣліемъ. Но и этотъ опытъ оказался нелучше другихъ, и еще недавно большой независимый журналъ въ Токио «Yomiuri Shimbun» съ грустью отмѣчалъ этотъ фактъ: «Мысль соединить обязанности солдата съ трудомъ земледѣльца, — говоритъ онъ, — казалась прекрасною въ теоріи, но практическіе результаты не оправдали надеждъ. Получались и солдаты худшаго качества,

чѣмъ ихъ товарищи въ арміи, и крестьяне, менѣе полезные, чѣмъ переселенцы, иммигрировавшіе въ Хоккаидо. Поэтому, вмѣсто того, чтобы продолжать такіе опыты, намъ слѣдуетъ лучше постараться облегчить всѣми средствами иммиграцію». «Yomiuri» замѣчаетъ также, что настоящее тревожное положеніе Дальняго Востока требуетъ серіозной организаціи обороны Хоккаидо, а потому солдатъ-земледѣльцевъ необходимо замѣнить обыкновенными войсками.

Дѣйствительно, японцы не перестаютъ опасаться нападенія Россіи на Хоккаидо. Это предположеніе, однако, имѣетъ мало вѣроятія, въ особенности теперь, когда Россія нашла въ Портъ-Артурѣ столь желанный незамерзающій портъ для своего восточнаго флота.

Въ настоящее время оборона острова возложена вмѣсто прежнихъ солдатъ-земледѣльцевъ на седьмой армейскій корпусъ.

По послѣднимъ статистическимъ даннымъ, японскаго населенія въ Хоккаидо насчитывается около 800,000 человѣкъ. А между тѣмъ, при нормальныхъ условіяхъ, его должно было бы быть около 6.000,000. Очевидно, такимъ образомъ, что здѣсь имѣется широкій просторъ для переселенія. Японцы, однако, очень неохотно идутъ въ эту землю, гдѣ условія жизни такъ отличны отъ условій остальной части имперіи. Вотъ цифры переселенческаго движенія японцевъ съ 1868 г.

			Число жителей.				Число жителей.
въ	1868		58,467	въ	1895		678,215
»	1872		111,196	»	1896		715,172
»	1877		191,172	»	1897		786,211
»	1882		239,632	»	1898		853,239
»	1887		321,208	»	1899		803,413
»	1892		509,609	»	1900		810,111
»	1893		559,959	»	1901		800,102
»	1894		616,650				

Въ заключеніе заимствую изъ недавно появившейся статьи въ газетѣ «Tokyo Keizai Zasshi» («Токійскій Экономистъ») нѣсколько интересныхъ цифръ, относящихся къ Хоккаидо.

	Ежегодный приростъ семействъ.	Ежегодный приростъ населенія.
въ 1897	11,205	50,350
» 1898	13,928	56,591
» 1899	11,748	51,565
» 1900	12,280	36,957
» 1901	15,268	71,039

Возрастаніе числа семействъ крестьянъ и рыбаковъ проис-
ходило въ слѣдующей прогрессіи:

	Крестьянъ.	Рыбаковъ.
въ 1886	14,559	19,115
» 1895	26,075	25,779
» 1901	54,328	33,260

Количество пахотной земли увеличивалось слѣдующимъ
образомъ:

	Земли еже- годно удо- бренной.	Общее коли- чество обра- батываемыхъ земель къ концу года.
въ 1897	8,691 шо ¹⁾	67,677 шо
» 1898	15,899 »	82,111 »
» 1899	15,677 »	97,806 »
» 1900	19,597 »	115,538 »
» 1901	25,383 »	142,985 »

Продуктовъ земледѣлія и морскихъ промысловъ за то же
время было собрано:

	Продуктовъ земли.	Продуктовъ моря.
въ 1897	на 1.741,310 іенъ ¹⁾	на 8.763,176 іенъ
» 1898	» 3.233,459 »	» 8.429,361 »
» 1899	» 3.323,147 »	» 8.395.867 »
» 1900	» 4.834,521 »	» 11.241,473 »
» 1901	» 7.158,795 »	» 13.942,949 »

Шелководство, несмотря на всѣ старанія правительства,
находится еще въ младенческомъ состояніи:

	Весеннихъ коконовъ.	Лѣтнихъ коконовъ.
въ 1898	на 1,564 іенъ	на 153 іенъ
» 1899	» 1,427 »	» 301 »
» 1900	» 1,917 »	» 206 »
» 1901	» 2,513 »	» 168 »

¹⁾ Шо = 0,9 десятины; іенъ = 95 коп.

Относительно эксплуатаціи рудниковъ находимъ слѣдующія цифры:

	Добыто кам. угля.
въ 1897	552,586 тоннъ
» 1898	549,287 »
» 1899	767,557 »
» 1900	768,047 »
» 1901	1.001,608 »

Торговля собственно съ Японіей:

	Ввозъ.	Вывозъ.
въ 1897 на	700,108 іенъ	на 24,332 іенъ
» 1898 »	896,719 »	» 61,525 »
» 1899 »	1.063,255 »	» 114,329 »
» 1900 »	1.414,504 »	» 339,252 »
» 1901 »	2.400,656 »	» 443,790 »

Финансовое положеніе острова, несмотря на развитіе источниковъ дохода, остается плохимъ. Доходъ составлялъ:

въ 1896—1897	501,419 іенъ
» 1897—1898	495,956 »
» 1898—1899	547,033 »
» 1899—1900	533,477 »
» 1900—1901	819,205 »

а расходы:

	Обыкновенные.	Чрезвычайные.
въ 1897—1898	993,023 іенъ	743,925 іенъ
» 1898—1899	1.014,914 »	920,816 »
» 1899—1900	1.337,066 »	1.988,671 »
» 1900—1901	1.440,813 »	1.651,021 »

VII.

Торговое и промышленное развитіе Японіи и пресловутая желтая опасность ¹⁾.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ любимую темою нѣкоторыхъ экономистовъ, не питающихъ боязни къ гиперболамъ, слу-

¹⁾ Смотри Seiin-sensei rokoudjounen-shi, Токио, 1900. Эта книга, принадлежащая перу авторитетнаго писателя Сакатани, служащаго въ министерствѣ финансовъ, и нѣсколькихъ другихъ членовъ экономического общества, Riyo-men-sha, содержитъ массу драгоцѣнныхъ свѣдѣній объ экономическомъ развитіи Японіи за эти послѣдніе годы.

жить шумное заявленіе о страшной опасности, грозящей Старому Свѣту отъ сильнаго экономического развитія, достигнутаго Японіей со времени войны съ Китаемъ. Послѣ одной желтой опасности, уже ранѣе предсказанной намъ историками, грозившими нашествіемъ страшной китайской расы, внезапно преобразованной, теперь намъ возвѣщаютъ о другой желтой опасности, еще болѣе ужасной, потому что она неизбежна, о захватѣ нашихъ рынковъ продуктами японской промышленности. Спѣшу предупредить читателя, что ему нечего объ этомъ беспокоиться, какъ онъ, впрочемъ, и самъ увидитъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

Конечно, японцы достигли огромныхъ результатовъ: въ нѣсколько лѣтъ они обратили страну, имѣвшую только кустарное производство, въ мануфактурную страну, съ огромной промышленностью и новѣйшими машинами; но эта блестящая наружность, при ближайшемъ разсмотрѣніи, какъ и вообще большая часть новѣйшихъ японскихъ предпріятій, оказывается искусственной и непрочной.

Развитіе торговли и промышленности этой страны произошло, въ самомъ дѣлѣ, съ такою быстротой, что нація не имѣла времени примѣниться къ новому порядку вещей. Такъ, напримѣръ, здѣсь недостаетъ первокласныхъ работниковъ, необходимыхъ для управленія усовершенствованными машинами, и лицъ съ техническимъ образованіемъ, способныхъ управлять большими предпріятіями. Вѣроятно, потребуется не одно поколѣніе для того, чтобы японскій народъ вполне приспособился къ потребностямъ, которыя до сихъ поръ были ему совершенно неизвѣстны. Цѣлая масса соціальныхъ условій и недостатковъ расы противодѣйствуетъ этому экономическому развитію, предохраняя насъ, если и не навсегда, то на очень долгое время отъ желтой опасности, предсказывать которую многимъ доставляетъ такое удовольствіе.

Однако, даже если отбросить преувеличенія, несомнѣнно то, что успѣхи, достигнутые Японіей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, имѣютъ серіозное значеніе, и можно смѣло сказать, что наибольшую долю успѣха слѣдуетъ приписать усиліямъ правительства, со стороны котораго постоянно оказывается поощреніе и финансовая поддержка.

Всѣ отрасли японской администраціи, дѣйствительно, стремятся всѣми силами расширять, прямо или косвенно, промышленныя познанія народа и развивать внѣшнюю торговлю. Главнымъ образомъ, это дѣло сосредоточено въ министерствѣ земледѣлія и торговли, но и другія вѣдомства тоже не упускаютъ случая быть полезными въ этомъ направленіи.

Такъ, министерство иностранныхъ дѣлъ публикуетъ многочисленныя консульскія донесенія о положеніи рынковъ другихъ народовъ; эксперты-спеціалисты часто посылаются за границу на счетъ правительства; въ большинствѣ городовъ имѣются торговыя палаты, субсидируемыя правительствомъ, и вообще всякое общество, предполагающее эксплуатировать новую отрасль промышленности, довольно легко получаетъ правительственную субсидію. Японское правительство придерживается мнѣнія, что именно благодаря коммерческому развитію Японія создастъ себѣ выдающееся міровое положеніе, а потому главной его заботой является усовершенствованіе промышленности въ странѣ. Поэтому, принимаются всѣ мѣры къ облегченію перевозки по путямъ сообщенія всякаго рода, какъ по водѣ, такъ и по желѣзнымъ дорогамъ; почтовое и телеграфное сообщенія правильны и дешевы; наконецъ, часто устраиваются промышленныя выставки, также субсидируемыя правительствомъ.

Вообще, правительство широко понимаетъ свои обязанности, и если, несмотря на это, японцы еще далеки отъ достиженія цѣли ихъ честолюбія, то въ этомъ они должны винить самихъ себя и свои собственные недостатки, которые дѣлаютъ изъ нихъ почти всегда плохихъ работниковъ, неумѣлыхъ организаторовъ и сомнительныхъ коммерсантовъ.

*
* * *

Прежде, чѣмъ итти дальше, мнѣ кажется, полезно будетъ привести болѣе подробныя цифры о развитіи путей и способовъ сообщенія. Просмотримъ ихъ бѣгло одни за другими.

Первая желѣзнодорожная линія, построенная въ Японіи, была отъ Токио до Йокогамы, протяженіемъ въ 18 миль, и открытая въ 1872 г. Затѣмъ, сѣтъ японскихъ желѣзныхъ дорогъ начала ежегодно разрастаться, причемъ дороги строились болѣе

въ стратегическихъ, чѣмъ въ экономическихъ цѣляхъ. Слѣдующая таблица показываетъ послѣдовательное развитіе желѣзнодорожнаго строительства въ Японіи, начиная съ открытія первой дороги въ 1872 г. вплоть до настоящаго времени:

ГОДА.	Протяженіе открытыхъ дорогъ въ англійскихъ миляхъ ⁽¹⁾ .	Число станцій.	Число локомо- тивовъ.	Число пассаж. ваго- новъ.	Число товар- ныхъ ва- гоновъ.
1872—1873 . .	18	6	10	58	75
1873—1874 . .	18	6	10	58	75
1874—1875 . .	38	12	22	144	157
1875—1876 . .	38	13	32	146	203
1876—1877 . .	65	13	34	156	255
1877—1878 . .	65	19	38	160	320
1878—1879 . .	65	19	38	166	390
1879—1880 . .	73	23	38	173	413
1880—1881 . .	98	25	39	178	445
1881—1882 . .	122	38	45	203	527
1882—1883 . .	170	40	47	240	603
1883—1884 . .	244	53	55	346	727
1884—1885 . .	262	62	58	373	801
1885—1886 . .	358	79	66	390	922
1886—1887 . .	430	92	72	435	1.003
1887—1888 . .	593	114	83	451	1.251
1888—1889 . .	911	174	128	669	1.732
1889—1890 . .	1.135	225	176	887	2.562
1890—1891 . .	1.399	290	254	1.217	3.387
1891—1892 . .	1.716	347	293	1.302	4.130
1892—1893 . .	1.870	365	318	1.369	4.572
1893—1894 . .	1.938	394	353	1.453	5.316
1894—1895 . .	2.118	467	440	1.646	6.413
1895—1896 . .	2.290	528	522	1.943	7.390
1896—1897 . .	2.507	538	612	2.271	8.900
1897—1898 . .	2.948	746	894	2.900	10.471
1898—1899 . .	3.420	802	1.103	3.811	14.134
1899—1900 . .	3.520	850	1.201	4.017	15.216
1900—1901 . .	3.604	880	1.250	5.000	16.023

Въ началѣ 1900 г. въ Японіи было 58 желѣзнодорожныхъ обществъ съ общимъ капиталамъ въ 238.775.000 іенъ по нарицательной стоимости и въ 158.181.389 іенъ по дѣйствительной. Изъ этихъ 58 обществъ у 42 обществъ линіи были уже открыты, а у остальныхъ еще строились.

(1) Англійская миля—около 1¹/₂ версты.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на одну интересную особенность, съ которой намъ еще придется встрѣчаться при обзорѣ другихъ отраслей экономической дѣятельности японцевъ, и которая обнаруживаетъ очевидную слабость Японіи,—это преобладаніе мелкихъ обществъ. Изъ 42 желѣзнодорожныхъ обществъ, эксплуатирующихъ въ настоящее время свои линіи, только 5 обществъ владѣютъ дорогами, длина которыхъ превышаетъ 100 миль.

Слѣдующая таблица показываетъ постепенное развитіе правительственныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ:

ГОДА.	Протяженіе правител. ж. д.	Протяженіе частныхъ ж. д.	Общее протя- женіе въ англ. миляхъ.
1872—1873	18	—	18
1873—1874	18	—	18
1874—1875	38	—	38
1875—1876	38	—	38
1876—1877	65	—	65
1877—1878	65	—	65
1878—1879	65	—	65
1879—1880	73	—	73
1880—1881	98	—	98
1881—1882	122	—	122
1882—1883	170	—	170
1883—1884	181	63	244
1884—1885	181	80	261
1885—1886	223	134	357
1886—1887	264	165	429
1887—1888	300	293	593
1888—1889	505	406	911
1889—1890	550	585	1.135
1890—1891	550	848	1.398
1891—1892	550	1.165	1.715
1892—1893	550	1.320	1.870
1893—1894	557	1.381	1.938
1894—1895	580	1.537	2.337
1895—1896	593	1.697	2.290
1896—1897	631	1.875	2.506
1897—1898	661	2.287	2.948
1898—1899	768	2.652	3.420
1899—1900	768	2.752	3.520
1900—1901	803	2.801	3.604

Слѣдуетъ отмѣтить, что на японскихъ желѣзныхъ дорогахъ наблюдается весьма значительное число несчастныхъ случаевъ.

Этотъ фактъ, какъ нельзя лучше, доказываетъ, насколько далеки еще подданные микадо отъ того, чтобы стать на одинъ уровень съ Западной Европой, у которой, по ихъ слишкомъ самоувѣренному мнѣнію, имъ уже нечему учиться. Вотъ цифры за послѣдніе годы:

Годы.	Убитыхъ.	Раненыхъ.
1895	318	233
1896	365	345
1897	705	446
1898	465	417
1899	895	645
1900	894	848
1901	903	1.030

Если сравнить эти данныя съ соотвѣтствующими цифрами любой европейской страны, легко можно замѣтить громадную разницу между ними.

Я не хочу закончить этихъ краткихъ указаній, не упомянувъ о томъ, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ извѣстное число политическихъ дѣятелей въ Японіи ратуетъ за выкупъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну. Они видятъ въ этомъ средство выхода изъ того экономическаго кризиса, въ которомъ находится теперь Японія и самая характерная черта котораго — отсутствіе капиталовъ. Правительству пришлось бы сдѣлать для этого значительный внѣшній заемъ, съ помощью котораго оно и выкупило-бы всѣ частныя желѣзнодорожныя линіи. Частныя лица, у которыхъ такимъ образомъ очутились бы на рукахъ деньги, могли бы тогда доставить промышленности нужные ей капиталы, которыхъ та не можетъ получить у себя дома.

Въ январскую сессію 1900 г. японское правительство сочло даже своимъ долгомъ представить сейму составленный въ такомъ смыслѣ проектъ, но парламентъ не имѣлъ случая высказаться о немъ. Можно предполагать, что, поразмысливъ, государственные дѣятели Японіи поймутъ опасности авантюры, въ которую они пускаются, предпринимая такую важную и вмѣстѣ съ тѣмъ такую сомнительную операцію, какъ эта націонализація всѣхъ желѣзныхъ дорогъ.

Коммерческій флотъ Японіи развился колоссально, въ особенности послѣ войны съ Китаемъ. До 1894 г. общая вмѣсти-

мость японскихъ пароходовъ не превышала 150.000 тоннъ ¹⁾, теперь она доходитъ до 500.000 тоннъ. Въ этомъ дѣлѣ правительство приложило всѣ свои усилія, чтобы поддержать и поощрить частную иниціативу, и широко помогало разнымъ обществамъ въ расширеніи арены ихъ дѣятельности. Главное судоходное общество «Nippon Yusen Kaisha» увеличило свой капиталъ за это время съ 8 до 22 милліоновъ іенъ и открыло правильные рейсы съ Европой, Америкой, Австраліей и Индіей. По полученіи новыхъ пароходовъ, заказанныхъ имъ въ Европѣ, его флотъ будетъ состоять изъ 80 паровыхъ судовъ, изъ которыхъ 50 вмѣстимостью свыше 2.000 тоннъ.

Но и здѣсь преуспѣяніе только наружное. Правительство вынуждено давать громадную субсидію, чтобы поддержать нѣкоторые рейсы, которые не окупаютъ своихъ расходовъ. Такъ, на примѣръ, каждый рейсъ въ Европу приноситъ обществу «Nippon Yusen Kaisha» 83.000 іенъ убытку, а въ Америку—50.000 іенъ убытку.

Японскія суда пользуются плачевной репутаціей у иностранцевъ въ отношеніи перевозки какъ пассажировъ, такъ и товаровъ. Японскіе капитаны, которыми постепенно замѣняютъ командовавшихъ до сихъ поръ иностранныхъ капитановъ, не внушаютъ довѣрія, вслѣдствіе своей неопытности; экипажи не дисциплинированы; наконецъ, слышатся постоянныя жалобы на небрежность, съ какой совершается перевозка товаровъ.

Почта, телеграфъ и телефоны организованы довольно хорошо и дѣйствуютъ исправно, и въ этомъ отношеніи я могу ограничиться лишь самыми краткими указаніями.

Вотъ, прежде всего, общее количество почтовыхъ посылокъ, отправленныхъ за послѣдніе годы, и среднее число этихъ посылокъ, приходящееся на каждого жителя:

ГОДЫ.	Общее количество.	Въ среднемъ на 1 жителя.
1893—1894	321.630.508	7,66
1894—1895	393.725.311	9,30
1895—1896	448.071.687	10,43
1896—1897	506.096.820	11,63
1897—1898	561.931.551	12,77
1898—1899	617.835.680	13,20
1899—1900	683.734.422	14,07
1900—1901	701.425.321	14,33

¹⁾ Тонна—около 61 пуда.

За то же время длина телеграфныхъ линій и число телеграммъ увеличивались слѣдующимъ образомъ:

ГОДЫ.	Длина телегр. лин. въ верст.	Общее число телеграммъ.	Число теле- граммъ на 1 жителя.
1893—1894	13.553	6.444.463	15,32
1894—1895	14.053	8.120.962	19,24
1895—1896	14.181	9.097.102	21,13
1896—1897	17.247	10.857.653	24,96
1897—1898	18.778	13.979.872	31,79
1898—1899	19.348	15.342.535	32,75
1899—1900	20.905	16.980.123	33,04
1900—1901	21.935	17.432.322	34,01

О телефонахъ мы находимъ слѣдующія данныя:

ГОДЫ.	Длина линій въ верстахъ.	Число абонентовъ.
1893—1894	603	2.672
1894—1895	643	2.843
1895—1896	647	2.858
1896—1897	799	3.232
1897—1898	1151	5.326
1898—1899	2339	8.083
1899—1900	2976	10.121
1900—1901	3329	13.145

Доходы и расходы почты, телеграфа и телефоновъ развивались слѣдующимъ образомъ.

Г О Д Ы.	Расходы. іенъ.	Доходы іенъ.
1893—1894	4.499,027	5.518,913
1894—1895	5.087,047	6.487,688
1895—1896	5.811,060	8.381,049
1896—1897	5.433,825	8.341,042
1897—1898	6.737,834	9.372,277
1898—1899	8.133,696	11.025,412
1899—1900	10.213,425	13.423,415
1900—1901	11.427,311	14.325,142

Этотъ бѣглый очеркъ положенія путей и средствъ сообщенія въ Японіи даетъ не только полезныя свѣдѣнія объ экономическомъ развитіи этой страны, но указываетъ и на готовность правительства итти навстрѣчу новымъ потребностямъ. Такая правительственная поддержка успѣла принести свои плоды, и въ теченіе тридцати лѣтъ, съ конца феодальнаго ре-

жима до послѣдняго времени, оборотъ внѣшней торговли Японіи возросъ съ 45 милліоновъ іенъ до 500 милліоновъ. Вотъ, между прочимъ, каково было прогрессивное развитіе ввоза и вывоза за эти послѣдніе годы.

Г О Д Ы.	Ввозъ. іены.	Вывозъ. іены.	Итогъ. іены.
1875	29.332,444	17.967,957	47.300,371
1876	23.478,307	27.225,153	50.703,460
1877	27.062,794	22.976,413	50.039,207
1878	32.563,862	25 524,567	58.088,429
1879	32.508,367	27.388,958	59.897,325
1880	36.176,084	27.413,157	63.589,241
1881	30.797,466	30.218,441	61.016,907
1882	29.168,038	37.235,774	66.403,812
1883	27.973,528	35.693,519	63.667,047
1884	28.821,024	33.016,248	61.837,272
1885	38.327,571	36.108,357	64.465,928
1886	31.226,558	47.934,777	79.161,335
1887	43.416,052	51.059,202	94.475,254
1888	65.416,235	64.891,682	130.307,917
1889	66.103,766	70.060,706	136.164,472
1890	81.728,581	56.603,506	138.332,087
1891	62.927,268	79.527,272	142.454,540
1892	71.324,776	91.102,750	152.427,526
1893	88.257,172	89.712,865	177.970,037
1894	117.431,955	113.246,086	230.728,041
1895	129.260,578	136,112,178	265.372,756
1896	171.674,474	117.842,761	289.517,237
1897	219.300,771	163.135,078	382.435,849
1898	227.502,156	165.735,753	443.237,909
1899	324.601,123	182.311,615	506.912,738
1900	330.221,232	180.113,411	510.334,643
1901	327.435,401	181.123,214	508.558,615

Хотя съ августа 1898 г., т.-е. со времени вступленія въ силу пересмотрѣнныхъ договоровъ съ державами, Японія вполне открыта для иностранцевъ, торговля ея продолжаетъ производиться по стариннымъ методамъ.

Иностранные товары, прибывшіе въ портъ, поступаютъ во внутрь страны обыкновенно не прежде, чѣмъ когда ихъ купить какой-нибудь японскій купецъ, и я долженъ сказать, что эта система перехода товаровъ отъ иностранныхъ импортеровъ къ японскимъ потребителямъ никуда не годится. Въ большинствѣ случаевъ, понятно, товаръ привозится лишь послѣ предвари-

тельнаго заключенія условія съ какимъ-нибудь японцемъ, который обязуется принять товаръ по опредѣленной цѣнѣ; но если въ моментъ прихода товара рыночная цѣна его упала, то японскій купецъ обыкновенно отказывается отъ заключенной сдѣлки, и потому, въ особенности теперь, когда капиталы въ странѣ крайне рѣдки, склады иностранныхъ импортеровъ переполнены проданными японцамъ товарами, которыхъ тѣ не принимаютъ.

И приходится отказаться отъ всякой мысли принудить этихъ недобросовѣстныхъ коммерсантовъ къ выполненію заключеннаго условія. Нѣкоторые изъ иностранныхъ купцовъ пробовали было обращаться въ судъ, но должны были, несмотря на то, что судебное рѣшеніе было въ ихъ пользу, уступать подъ угрозой «бойкотированія» со стороны японскаго купечества, что могло бы уже окончательно разорить ихъ фирмы.

Желаніе нѣкоторой части японскаго купечества, постоянно поддерживаемое и правительствомъ, заключается въ томъ, чтобы вести внутреннюю торговлю совершенно безъ всякаго участія иностранцевъ, въ видахъ сохраненія самимъ себѣ барышей, получаемыхъ теперь этими посредниками, ибо въ настоящее время при посредствѣ самихъ японцевъ идетъ только 20% вывоза и 30% ввоза. Но надежда эта совершенно несбыточная. Японцы забываютъ, что ихъ торговля никогда не сдѣлала бы такихъ наглядныхъ успѣховъ, если бы они не открыли своихъ портовъ иностранцамъ; то, что оказалось справедливымъ для прошлаго времени, останется справедливымъ и для будущаго. Теперь у японцевъ нѣтъ никакого кредита; ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ нѣтъ ни одного серіознаго торговаго дома, который съ полнымъ довѣріемъ сталъ бы вести дѣло съ японской фирмой. И до тѣхъ поръ, пока японскіе негоціанты не докажутъ, что они не стоятъ болѣе той репутаціи, которою заслуженно пользуются теперь, они должны будутъ въ своихъ сношеніяхъ съ Европою или Америкою пользоваться иностранными посредниками.

Теперь, бросивъ общій взглядъ на японскую торговлю, перейдемъ къ положенію японской промышленности.

Усилія, приложенныя Японіей въ этой области, имѣли наибольшій успѣхъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, можно

ясно замѣтить, что не слѣдуетъ ослѣпляться краснорѣчіемъ громадныхъ цифръ и болѣе или менѣе блестящимъ, на первый взглядъ, положеніемъ вещей.

Несомнѣнно, что Японія все время стремится сдѣлаться страной по преимуществу промышленной. Съ каждымъ годомъ увеличивается количество сырыхъ матеріаловъ, ввозимыхъ въ Японію, и ежегодно увеличивается вывозъ готовыхъ издѣлій. Въ 1872 г. общая стоимость вывоза изъ Японіи фабричныхъ издѣлій составляла всего лишь 500.000 іенъ; въ настоящее же время она достигаетъ свыше 50.000.000 іенъ. Слѣдующая таблица показываетъ процентное отношеніе вывоза японскихъ издѣлій ко всему вывозу за послѣдніе годы:

	%		%
1890	67	1896	74
1891	55	1897	78
1892	67	1898	80
1893	71	1899	80
1894	75	1900	79
1895	77	1901	78

Такимъ образомъ, вывозъ японскихъ издѣлій, составлявшій въ 1890 г. 67% всего вывоза страны, въ настоящее время достигъ почти 80%. Прямымъ слѣдствіемъ такого развитія японской промышленности является соотвѣтственное уменьшеніе ввоза въ Японію иностранныхъ издѣлій, составлявшаго въ 1890 г. 87% всего ввоза и постоянно уменьшавшагося съ тѣхъ поръ, согласно слѣдующей таблицѣ:

	%		%
въ 1891	86	въ 1897	71
» 1892	73	» 1898	71
» 1893	73	» 1899	60
» 1894	72	» 1900	63
» 1895	76	» 1901	62
» 1896	67		

Вообще, японцы прямо создали у себя всѣ виды крупной промышленности за послѣднія десять лѣтъ. Начиная съ 1888 г., ими было куплено въ Европѣ и Америкѣ разныхъ машинъ не менѣе, чѣмъ на 35 милліоновъ іенъ, да, кромѣ того, очень много машинъ было изготовлено ими и у себя дома, по заграничнымъ образцамъ.

Наиболѣе поразительный примѣръ такого быстрого расцвѣта новыхъ производствъ, возникшихъ и развившихся въ странѣ, которая раньше не имѣла о нихъ никакого понятія, представляютъ бумагопрядильныя фабрики, построенныя въ Японіи съ примѣненіемъ усовершенствованій самаго послѣдняго времени и составляющія наиболѣе мощный элементъ молодой японской промышленности. Развитие ихъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Г О Д Ы.	Число обществъ.	Число веретенъ.	Количество спряденнаго хлопка въ пудахъ.	Число паров. лошад. силъ.	Потребленіе угля (въ тоннахъ).
1893	40	381,781	2.442,684	8,110	84,660
1894	45	530,074	3.349,000	12,439	132,120
1895	47	580,945	4.216,140	14,781	156,616
1896	63	757,195	4.796,033	19,244	216,142
1897	74	970,567	6.081,207	26,301	241,791
1898	72	1.146,749	7.727,930	31,854	365,576
1899	70	1.137,823	7.055,977	30,422	360,424
1900	70	1.146,521	7.705,875	31,524	365,101
1901	70	1.148,545	7.951,593	32,122	390,102

Довольно распространено мнѣніе, будто эта новая промышленность уже превзошла, по своимъ результатамъ, старинныя японскія производства. Но это—положительная ошибка, такъ какъ, несмотря на все свое необычайное развитіе, новая промышленность отнюдь еще не заняла первенствующаго мѣста въ экономической жизни страны, и произведенія старинной мѣстной промышленности все еще составляютъ почти 80°/о общаго производства, заимствованныя же съ Запада—только 20°/о.

Съ точки зрѣнія взаимныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, эти два рода промышленности представляютъ громадную разницу. Въ новыхъ отрасляхъ промышленности эти отношенія почти уже приближаются къ существующимъ у насъ, въ старинныхъ же, чисто японскихъ производствахъ сохраняются еще, хотя съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже, нравы и обычаи добраго стараго времени. Къ этой сторонѣ дѣла мнѣ придется еще вернуться; тогда я укажу всѣ вытекающіе изъ нея выводы.

При дальнѣйшемъ изученіи причинъ столь быстраго развитія японской промышленности слѣдуетъ признать, что измѣненія, которыя внесло въ жизнь японцевъ это развитіе, отвѣчаютъ насущной потребности страны.

Населеніе Японіи быстро увеличивается, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы.

Г О Д Ы.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
1889	20.246,336	19.825,684	40.072,020
1890	20.441,097	20.022,364	40,453,461
1891	20.563,416	20.155,261	40.718,677
1892	20.752,366	20.337,574	41.089,940
1893	20.906,465	20.481,848	41.388,313
1894	21.122,899	20.690,316	41.813,215
1895	21.345,750	20.924,870	42.270,620
1896	21.561,023	21.147,241	42.708,264
1897	21.823,651	21.405,212	43.228,863
1898	22,072,605	21.688,149	43.760,754
1899	22.320,610	21.912,009	44.232,619
1900	23.129,140	22.003,402	45.132,542
1901	23.330,320	22.214,621	45.544,941

Такимъ образомъ, страна, которая двадцать лѣтъ тому назадъ насчитывала едва 35 милліоновъ жителей, имѣетъ теперь уже болѣе 45 милліоновъ. А по своей природѣ Японія не земледѣльческая страна, и жители ея должны снискивать себѣ средства къ жизни скорѣе фабричнымъ, чѣмъ земледѣльческимъ трудомъ. Эта мысль проводится постоянно и прессою и правительствомъ, издающимъ законы, направленные къ тому, чтобы изъ чисто земледѣльской страны, каковой она была до сихъ поръ, сдѣлать Японію страной промышленной. Разберемъ этотъ вопросъ болѣе подробно.

Со временъ революціи 1868 г., возстановившей для микадо его верховныя права, Японія стала доступной, по крайней мѣрѣ отчасти, для міровой торговли. Съ этого времени начинается ея правильное развитіе, достигшее, однако, полного напряженія только послѣ войны съ Китаемъ.

До 1868 г. промышленность, строго говоря, была почти совершенно неизвѣстна. Были только отдѣльныя семейства кустарей, работавшихъ у себя и на собственные средства. Слѣдующія статистическія данныя показываютъ намъ, какъ ничтожно было число промышленныхъ обществъ до 1868 г.:

съ 1804 по 1813 г.	такихъ обществъ было	. . . 18
» 1814 » 1823 »	» » »	. . . 29
» 1824 » 1833 »	» » »	. . . 24
» 1834 » 1843 »	» » »	. . . 15
» 1844 » 1853 »	» » »	. . . 32
» 1854 » 1868 »	» » »	. . . 37

Еще долгое время послѣ японской реставраціи экономическое положеніе страны оставалось въ прежнемъ видѣ. Наконецъ, благодаря усиліямъ правительства, направленнымъ къ проведенію въ жизнь плодотворнаго принципа капиталистической ассоціаціи, возникла и промышленность, достойная этого наименованія.

Г О Д Ы.	Число обществъ вообще.	Капиталъ (въ іенахъ).	Число промы- шленныхъ обществъ.	Капиталъ (въ іенахъ).
1884	1,412	26.958,000	379	5.048,000
1885	1,302	53.661,000	499	7.771,000
1886	1,655	50.487,000	1,097	14.725,000
1887	2,038	67.855,000	1,361	20.123,000
1888	2,593	117.423,000	1,694	39.032,000
1889	4,067	183.325,000	2,259	70.144,000
1890	4,306	325.413,000	4,284	77.759,000
1891	4,310	199.182,000	2,480	70.810,000
1892	4,517	198.237,000	2,744	69.417,000
1893	4,223	201.124,000	2,657	69.625,000

Эти цифры указываютъ на громаднѣйшій успѣхъ, достигнутый при просвѣщенномъ содѣйствіи и поддержкѣ правительства. Промышленность создана; оставалось сдѣлать еще шагъ: и вотъ мы видимъ, какъ она превращается въ крупную промышленность, и это произошло, какъ можно видѣть изъ нижеслѣдующей таблицы, путемъ уменьшенія числа обществъ, при одновременномъ увеличеніи ихъ капиталовъ.

Г О Д Ы.	Число обществъ вообще.	Капиталъ (въ іенахъ).	Число промы- шленныхъ обществъ.	Капиталъ (въ іенахъ).
1894	1,119	113.024,000	465	59.000,000
1895	1,217	133.145,000	519	74.000,000
1896	1,250	215.430,000	1,000	107.000,000
1897	2,180	314.127,000	1,006	168.000,000
1898	2,173	337.820,000	1,200	201.000,000
1899	2,190	340.321,000	1,213	254.000,000
1900	2,185	338.434,000	1,199	247.000,000
1901	2,169	340.123,000	1,180	250.000,000

Число промышленныхъ обществъ, какъ мы видимъ, чрезвычайно уменьшилось, но дѣятельность ихъ получила болѣе широкое развитіе, такъ какъ капиталы ихъ въ нѣсколько лѣтъ увеличились въ пять разъ.

Таково нынѣшнее положеніе японской промышленности, съ виду очень блестящее. Но при болѣе глубокомъ изслѣдованіи вопроса дѣло мѣняется.

Слѣдуетъ остерегаться измѣрять экономическій успѣхъ имперіи микадо числомъ вновь образованныхъ обществъ и размѣромъ ихъ капиталовъ. Дутыя аферы и проблематичныя предприятия очень распространены въ Японіи, и многія общества, объ учрежденіи которыхъ объявлялось съ большимъ шумомъ, прекращали свою дѣятельность до поступленія перваго взноса. Одно время въ Токио всѣ положительно обезумѣли; въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ публика кидалась на самыя разнообразныя акціи, спекулировала на предприятия, существовавшія только въ воображеніи нѣсколькихъ мошенниковъ, и играла безъ всякой мѣры. Все это привело къ искусственному оживленію, отъ котораго теперь нѣсколько опомнились, но которое ввело въ заблужденіе нѣкоторыхъ поверхностныхъ наблюдателей относительно дѣйствительнаго экономическаго развитія Японіи и заставило ихъ видѣть въ этомъ развитіи опаснаго конкурента для всѣхъ промышленныхъ предприятий Стараго Свѣта. Но, повторяю, реакція не замедлила послѣдовать, и теперь Японія переживаетъ тяжелый кризисъ, причиненный, конечно, этою предпринимательскою лихорадкою, которой поддавались безъ всякаго размышленія.

Самою характерною чертой нынѣшней бѣды является, какъ уже сказано, недостатокъ капиталовъ. Изъ статистическихъ данныхъ легко можно видѣть, что у громаднаго большинства обществъ капиталы, вложенные въ предприятия, составляютъ едва половину номинальныхъ капиталовъ, что служитъ, понятно, плохимъ показателемъ солидности этихъ предприятий. Вотъ общія цифры, показывающія капиталъ не однихъ промышленныхъ обществъ, но вообще всякаго рода промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ предприятий за послѣдніе годы.

Г О Д Ы.	Номинальный капиталъ. іень.	Дѣйствитель- но внесенный капиталъ. іень.
1894	329.018,000	236.137,000
1895	404.415,000	285.134,000
1896	669.713,000	383.247,000
1897	967.324,000	513.618,000
1898	1.144.417,000	637.922,000
1899	1.123.544,000	628.103,000
1900	1.813.877,000	635.025,000
1901	2.112.413,000	943.124,000

Что касается промышленности, то положеніе сводится къ слѣдующему: большинство обществъ съ самаго начала тратятъ весь капиталъ, которымъ они располагали, на оборудованіе фабрикъ, на покупку матеріаловъ и т. п., и ко дню открытія фабрики и начала работъ бываютъ вынуждены прибѣгать къ займамъ для полученія оборотныхъ средствъ, необходимыхъ для правильнаго хода дѣла. Но займы эти за недостаткомъ капиталовъ заключаются на крайне тяжелыхъ условіяхъ. Банки, которые платятъ по вкладамъ 7—8⁰/о, взимаютъ по ссудамъ 10, 12, 15 и даже 18⁰/о! Неудивительно, что при подобныхъ условіяхъ большинство предпріятій сводятъ свой годовой балансъ съ убыткомъ, какъ показываетъ, напр., слѣдующая дѣятельность бумагопрядильныхъ фабрикъ:

Г О Д Ы.	Число компаній.	Компаній, получающія прибыль.	Компаній, получающихъ убытокъ.
1893	40	29	11
1894	45	28	17
1895	47	41	6
1896	73	41	22
1897	74	33	41
1898	72	42	30
1899	70	30	40
1900	70	27	43
1901	70	25	45

Слѣдуетъ замѣтить, что особенный недостатокъ капиталовъ наблюдается въ чисто японскихъ отрасляхъ промышленности. Поразительный примѣръ этого представляетъ торговля особаго

рода шелкомъ—habutaye—сосредоточенная въ Фукуи. Кушцы этого города вывозятъ шелка болѣе, чѣмъ на 8 милліоновъ іенъ, а между тѣмъ весь имѣющійся въ ихъ распоряженіи капиталъ не достигаетъ и 1 милліона іенъ; часто, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, эти негоціанты дѣлаютъ займы изъ 15 и даже 20⁰/₀ и только изрѣдка могутъ вести свою торговлю въ совершенно благопріятныхъ условіяхъ.

Чтобы объяснить себѣ этотъ всеобщій недостатокъ капиталовъ, надо помнить, что Японія страна не богатая, и что всѣ свободныя средства вложены въ многочисленные внутренніе займы, выпущенные правительствомъ послѣ войны 1895 г., и что бюджетныя затрудненія не даютъ возможности погасить эти долги такъ скоро, какъ бы желательно. Кромѣ того, при громадномъ превышеніи ввоза надъ вывозомъ, все свободное золото уходитъ за границу.

Кстати—два слова по поводу серіознаго вопроса о привлеченіи въ Японію иностранныхъ капиталовъ. Почему, скажутъ, въ самомъ дѣлѣ, не обратиться къ иностранцамъ? Да потому, что нужны японцамъ средства, которыя они не могутъ отыскать у себя дома, они не получаютъ и отъ европейскихъ капиталистовъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока иностранцы не перестанутъ встрѣчать со стороны японскаго законодательства тѣхъ препятствій, какія существуютъ при дѣйствующихъ законахъ.

Не безъ труда, къ тому же, японцы приходятъ къ мысли о необходимости обратиться къ иностранцамъ, чтобы выйти изъ своего труднаго положенія. Еще не такъ давно девизъ «Японія для японцевъ» заставлялъ отвергать совершенно такую мысль; но теперь тяжесть положенія заставила ихъ примириться съ нею, и вопросъ сводится лишь къ способу ея осуществленія.

Нѣкоторые мечтаютъ о крупномъ внѣшнемъ займѣ, съ помощью котораго можно было бы погасить разные внутренніе займы, главнымъ образомъ тѣ, которые были сдѣланы во время войны съ Китаемъ. Думаютъ, что японскіе капиталисты, получивъ, такимъ образомъ, обратно свои деньги, могутъ употребить ихъ на пользу промышленности и торговли. Но, прежде всего, это средство довольно ненадежно, такъ какъ совершенно невѣроятно, чтобы правительство, у котораго нужда въ день-

гахъ не менѣе велика, чѣмъ у частныхъ лицъ, не обратило большей части полученныхъ отъ такого займа средствъ на государственные расходы и не употребило ихъ на еще болѣе грандіозное развитіе своего флота и арміи.

Либеральная партія предлагаетъ другой проектъ, въ основѣ котораго лежитъ также крупный внѣшній заемъ. Я уже говорилъ о немъ два слова выше. Японскіе либералы, въ особенности глава ихъ, графъ Итайяки, мечтаютъ о полной націонализациі всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну. На деньги, полученные отъ иностраннаго займа, должны быть выкуплены всѣ многочисленныя линіи частныхъ обществъ, и тогда для торговли и промышленности освободили бы огромныя суммы.

Можно бы было привести еще нѣсколько болѣе или менѣе фантастическихъ проектовъ, для привлеченія иностранныхъ капиталовъ, но всѣ эти проекты отличаются своей искусственностью и, впутывая въ эти дѣла государство, могли бы скорѣе усложнить, чѣмъ облегчить положеніе.

Возможно лишь единственное разрѣшеніе вопроса: это допустить, чтобы иностранные капиталисты, негоціанты и промышленники, сами вносили свои деньги для того, чтобы принять непосредственное участіе въ дѣлахъ или вмѣстѣ съ японцами, или вполнѣ самостоятельно. Но въ какихъ условіяхъ можетъ осуществиться такая идея? Условія совершенно не благоприятствуютъ иностранцамъ, если принять во вниманіе препятствія, воздвигнутыя японскими законами. Иностранецъ не можетъ пріобрѣсти земельную собственность въ Японіи. А владѣлецъ акцій какого-нибудь предпріятія является вмѣстѣ съ тѣмъ и собственникомъ извѣстной части недвижимости, принадлежащей обществу. Какъ же допустить, чтобы иностранные капиталисты оказались настолько глупыми, чтобы строить фабрику на землѣ, не имѣя права стать владѣльцами этой земли? Абсолютное равенство предъ закономъ для всѣхъ—какъ для японцевъ, такъ и для иностранцевъ—вотъ единственный возможный принципъ.

Къ этому серіозному вопросу придется еще возвратиться при разсмотрѣніи далѣе положенія, предоставленнаго иностранцамъ по новому закону 1898 года.

Теперь же перейдемъ къ другой слабой сторонѣ японской промышленности—къ вопросу о рабочихъ рукахъ. Можетъ быть,

именно по этому вопросу наичаще всего впадаютъ въ заблужденіе при разговорѣ объ экономическомъ развитіи современной Японіи. По общепринятому въ Европѣ мнѣнію, Японія, съ этой стороны пользуется громаднымъ преимуществомъ передъ западными націями, такъ какъ имѣетъ необыкновенно дешевыя рабочія руки. Чтобы походить больше на истину, это утвержденіе нуждается въ двухъ поправкахъ. Прежде всего, хотя и вполне вѣрно, что плата рабочимъ очень низка, нельзя, тѣмъ не менѣе, не признать, что со времени войны съ Китаемъ эта плата имѣетъ постоянную тенденцію къ повышенію. Такъ, съ 1894 года заработная плата почти удвоилась, и тенденція къ повышенію съ каждымъ годомъ сказывается все сильнѣе, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

Поденная плата.

ПРОФЕССИИ.	1901 сень ¹⁾ .	1900 сень.	1899 сень.	1898 сень.
Плотники.	49	43	36	35
Штукатуры.	50	43	37	35
Каменотесы.	55	47	42	40
Пильщики	50	42	37	35
Кровельщики—тесомъ и соломой.	48	41	34	33
Кровельщики—черепицею. . . .	54	47	38	38
Кирпичники.	56	46	47	44
Цыновщики.	44	38	35	33
Столяры	45	39	35	33
Бочары.	38	35	30	29
Мастера дерев. сапогъ, галошъ	38	33	30	20
Сапожники и башмачники	46	41	39	39
Сѣдельщики и шорники	46	40	36	35
Каретники.	41	36	33	32
Портные—японск. платья. . . .	37	36	31	31
Портные—европейскаго платья .	58	57	51	50
Красильщики.	35	31	29	28
Кузнецы	48	42	35	36
Ювелиры.	42	38	37	33
Мастера лакированныхъ издѣлій	45	38	35	35
Работники на бумажныхъ фабр.	35	26	22	22
Наборщики.	36	34	33	29
Корабельные плотники.	50	44	38	36

¹⁾ 1 сень = $\frac{1}{100}$ іена, т. е. соотвѣтствуетъ приблизительно 1 коп.

ПРОФЕССИИ.	1901 сень.	1900 сень.	1899 сень.	1898 сень.
Садовники.	47	38	34	34
Поденщики земледѣльцы.	30	25	22	21
Поденщицы земледѣльцы.	19	16	14	13
Разводчики шелковичн. червей .	33	27	24	22
Разводчицы шелковичн. червей .	21	18	15	14
Прядильщики шелка.	23	21	18	17
Ткачи	27	24	22	21
Ткачихи	19	16	15	14
Рабочіе на чайныхъ плантаціяхъ.	45	42	37	34
Рыбаки.	39	33	29	26
Рудокопы.	48	39	38	34
Поденщики	34	30	26	24

Еще важнѣе этого стремленія къ повышенію заработной платы — плохое качество рабочихъ рукъ. Излишне пояснять значеніе этого фактора.

Вообще, можно сказать, что японецъ плохой работникъ, малосильный и не трудолюбивый. Какъ всѣ азіаты, онъ тяготеетъ усидчивымъ трудомъ; поработавъ нѣсколько минутъ, онъ принимается отдыхать—закуриваетъ свою крошечную трубку, пьетъ чай, болтаетъ. Наконецъ, японскій рабочій очень любитъ брать иногда на нѣсколько дней отпускъ, чтобы полюбоваться красотами природы. Подобныя привычки, конечно, совершенно не подходятъ къ требованіямъ современныхъ фабрикъ. Одинъ крупный промышленникъ въ Кіото сообщилъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ редактору журнала «Questions diplomatiques et coloniales» любопытныя замѣчанія по этому поводу. Приведу здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній, важныхъ въ особенности потому, что ихъ дѣлаетъ самъ японецъ. Сказавъ, что рабочіе въ его странѣ не трудолюбивы, разсѣяны и любятъ удовольствія, этотъ промышленникъ продолжалъ такъ: «Ко всѣмъ недостаткамъ японскихъ рабочихъ, о которыхъ я упомянулъ и которые извѣстны всѣмъ европейцамъ, присоединяется еще отсутствіе дисциплины. Мы больше не имѣемъ на нихъ вліянія, насъ и нашихъ мастеровъ больше не слушаются. Европейскія идеи, наши новѣйшія учрежденія, скопированныя съ вашихъ довольно неискусно и безъ достаточнаго изученія, внесли въ страну новый духъ, духъ анархіи, который разростается все больше и больше. Нами управляютъ студенты,

рабски подражающіе во всемъ Европѣ и издающіе законы, которыхъ японцы не могутъ ни понять, ни исполнить. Завели безъ толку пенсіонныя кассы, которыя мы должны содержать; оказываютъ, наконецъ, поддержку рабочимъ, или считаютъ, что оказываютъ ее, всякими способами, но не обращаютъ вниманія на права хозяевъ. При малѣйшемъ несчастномъ случаѣ на работѣ рабочій бросаетъ фабрику, вытребовавъ себѣ одобрительный аттестатъ, и мы должны оплачивать его лѣность. Отсутствие дисциплины стало правиломъ. Прочтите недавній циркуляръ министра народнаго просвѣщенія правительственнымъ школамъ. Этотъ документъ дастъ вамъ полное понятіе о порядкахъ, господствующихъ въ учебныхъ заведеніяхъ: учитель, по требованію учениковъ, долженъ оставить свое мѣсто, и директоръ, сознавая свое безсиліе, принужденъ согласиться на его увольненіе. То же самое происходитъ и на фабрикахъ. Французскій рабочій, какъ я и самъ могъ убѣдиться во время своей поѣздки съ образовательной цѣлью по вашей странѣ, если иногда и устраиваетъ стачки, то у него есть, по крайней мѣрѣ, сознаніе отвѣтственности; есть у него и извѣстная профессиональная гордость: получивъ какую-нибудь работу, онъ исполняетъ ее добросовѣстно. Намъ далеко до этого. Японскому рабочему, на примѣръ, никогда не придетъ въ голову самому вычистить свою машину, держать ее въ порядкѣ и провѣрять, правильно ли она дѣйствуетъ. Напротивъ, онъ предпочтетъ сломать ее, если будетъ увѣренъ, что его никто не видитъ, хотя бы изъ-за этого онъ могъ лишиться работы, а слѣдовательно и куска хлѣба. У него нѣтъ никакой инициативы—онъ исполняетъ только заданную работу и при малѣйшемъ недосмотрѣ за нимъ, каждую минуту готовъ ее бросить. Самолюбія у него также нѣтъ никакого: была бы сдѣлана работа, а хорошо или худо—ему все равно. Сломавъ что-нибудь, онъ остается совершенно равнодушнымъ къ этому, покажетъ вамъ съ улыбкою сломанную вещь и на всѣ ваши справедливыя замѣчанія отвѣтитъ неизбѣжнымъ «shikata ga nai» ¹⁾, слова, которыми въ Японіи любятъ все улаживать. Я плачу своимъ рабочимъ въ среднемъ 35 сенъ въ день; столько же они получаютъ

¹⁾ «Ничего не подѣлаешь!»

и на другихъ японскихъ фабрикахъ. Въ Европѣ тѣ же рабочіе получаютъ втрое болѣе, но за то и работаютъ въ десять разъ больше. Такъ что успокойтесь: эта «желтая опасность», о которой говорятъ ваши журналы, просто — химера, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Японіи».

При такомъ положеніи дѣла нѣтъ ничего удивительнаго, что въ японской промышленности, для выполненія извѣстнаго количества работы, требуется втрое больше рабочихъ, чѣмъ, напримѣръ, во Франціи; по качеству же японская работа на 30% хуже. Въ этомъ отношеніи японцы переходятъ изъ одной крайности въ другую. Въ старое время, когда работа производилась дома, въ кругу семьи, сработать хорошую вещь было вопросомъ чести для мастера. Теперь работаютъ легкомысленно и спустя рукава, подъ надзоромъ управляющихъ и подмастерьевъ, которые и сами въ большинствѣ случаевъ смыслятъ въ дѣлѣ не многимъ лучше послѣдняго рабочаго. Въ промышленности, да и во всемъ, японцы воображаютъ, что достаточно небольшого теоретическаго образованія для веденія дѣла, а потому слишкомъ рано отпускаютъ иностранныхъ инструкторовъ, не пріобрѣтая подъ ихъ надзоромъ достаточнаго техническаго навыка. Вообще, на ихъ фабрикахъ нѣтъ опытныхъ ни директоровъ, ни подмастерьевъ, ни рабочихъ. А длинный рабочій день въ 14 часовъ и дешевизна рабочихъ рукъ не могутъ возмѣстить японской промышленности потерь, причиняемыхъ недостаткомъ опытности всего рабочаго персонала.

Поразительный примѣръ такого почти полного отсутствія искусныхъ рабочихъ представляютъ бумагопрядильныя фабрики. Эти мануфактуры пользуются преимущественно женскимъ трудомъ, ибо женщина болѣе приспособлена, чѣмъ мужчина къ этой тонкой работѣ. Но понятно, что, несмотря на природныя преимущества своего пола, этимъ женщинамъ, для того, чтобы сдѣлаться хорошими работницами, нужно довольно долго обучаться дѣлу; но фабрикантамъ не удается удержать ихъ настолько долго, чтобы онѣ успѣли изучить свое мастерство. Въ большинствѣ случаевъ это крестьянки, не имѣющія вовсе желанія прожить всю жизнь въ мастерской. Онѣ идутъ туда, привлекаемые платою, но какъ только успѣютъ скопить немного денегъ, черезъ годъ или два, т.-е. именно тогда, когда

приобрѣли нѣкоторую профессиональную опытность, онѣ спѣшатъ вернуться домой, въ деревню. Всего лишь 25⁰/₀ ихъ остается на фабрикахъ свыше двухъ лѣтъ, и хозяевамъ приходится постоянно имѣть дѣло съ новичками.

Въ 1901 г. на бумагопрядильныхъ фабрикахъ было:

прослужившихъ менѣе 1 года	32,000	работницъ.
» » 1—2 лѣтъ	14,000	»
» » 2—3 »	9,000	»
» » 3—4 »	4,000	»
» » 4—5 »	3,300	»
» » 6—7 »	2,400	»
» » 8—9 »	800	»
» » свыше 10 »	163	»

Вычислено, что ежемѣсячно 10⁰/₀ рабочихъ покидаютъ бумагопрядильни, такъ что каждые 10 мѣсяцевъ хозяевамъ приходится имѣть дѣла съ совершенно обновленнымъ составомъ рабочихъ.

Все было перепробовано, чтобы устранить такое печальное положеніе вещей и удержать работницъ: одни придумывали систему повышенной платы, пропорціонально числу лѣтъ, проведенныхъ на фабрикѣ; другіе учреждали рабочія пенсіонныя кассы, приносящія большіе проценты, — но ничто не помогало. Въ виду такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ рѣшено было учредить спеціальныя агентства для вербовки работницъ. Вотъ одинъ любопытный случай столкновенія, произошедшаго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ между цѣлымъ союзомъ фабрикантовъ и однимъ независимымъ мануфактуристомъ какъ разъ по поводу рабочихъ; случай этотъ не только можетъ служить къ полному освѣщенію вопроса, но и даетъ понятіе о японскихъ нравахъ.

Одно изъ правилъ союза мануфактуристовъ воспрещаетъ хозяевамъ принимать на службу работницъ, которыя ушли съ другой фабрики. Правило это, понятно, имѣетъ главной цѣлью удержать низкій уровень заработной платы. Одинъ независимый мануфактуристъ совершенно не считался съ этимъ правиломъ; и такъ какъ онъ платилъ за работу дороже и былъ извѣстенъ, какъ хорошій хозяинъ, то всѣ работницы, уходившія съ другихъ фабрикъ, стекались къ нему. Тогда другіе

мануфактуристы немедленно вооружились противъ него и не отступали ни передъ какими средствами, чтобы удержать у себя ненадежный персоналъ. Борьба продолжалась нѣсколько недѣль и ознаменовалась чисто эпическими сценами, въ которыхъ работницы явились, конечно, первыми жертвами. Былъ учрежденъ надзоръ за толпой этихъ несчастныхъ въ цѣляхъ всѣми возможными мѣрами препятствовать ихъ переходу къ мануфактуристу-отступнику. Какъ только какой-нибудь работницѣ удавалось ускользнуть изъ-подъ надзора, по ея слѣдамъ пускалась цѣлая толпа негодяевъ, которые сейчасъ же заставляли ее вернуться назадъ. Почти мѣсяцъ полиція позволяла хозяевамъ дѣйствовать по ихъ произволу.

Когда, наконецъ, рѣшились вмѣшаться судебныя власти, борьба приняла другой оборотъ. Противъ независимаго мануфактуриста былъ начатъ правильный «бойктъ». Союзъ объявилъ, что онъ прекратитъ всякія дѣла съ тѣмъ, кто будетъ имѣть сношенія съ непокорнымъ мануфактуристомъ. Но тотъ имѣлъ, къ счастью, возможность сопротивляться, такъ какъ былъ однимъ изъ первыхъ банкировъ въ Осакѣ. На вызовъ со стороны членовъ союза онъ отвѣтилъ такою мѣрою, которая смутила ихъ всѣхъ. Онъ потребовалъ немедленной уплаты авансовъ, выданныхъ его банкомъ разнымъ мануфактуристамъ, и объявилъ, что закрываетъ имъ кредитъ на будущее время. Предъ такимъ неопровержимымъ аргументомъ противники его должны были отступить.

На ряду съ тѣмъ серіознымъ недостаткомъ, который истекаетъ отъ плохого качества рабочихъ рукъ, приходится поставить еще и другой, о которомъ мы уже говорили въ двухъ словахъ выше, — это необычайная разбросанность экономическихъ силъ. Банковыя, желѣзнодорожныя, страховыя и всякаго рода промышленныя, торговыя или земледѣльческія общества, несмотря на все ихъ громадное развитіе за послѣдніе годы, основаны на принципѣ очень ограниченныхъ, такъ сказать, семейныхъ, ассоціацій, которыя въ продолженіе столь долгаго времени составляли отличительную черту соціальной и экономической жизни старой Японіи. Такъ, напримѣръ, въ 1901 году существовало болѣе 10 желѣзнодорожныхъ обществъ, эксплуатировавшихъ линіи, длиною каждая не болѣе 20-ти

версть. Послѣ большого пожара въ Іокогамѣ въ 1899 году страховыя общества отъ одного этого несчастнаго случая потеряли 200—300% своихъ капиталовъ; но у многихъ изъ этихъ обществъ весь капиталъ не превышалъ 20,000 рублей. Такое положеніе вещей въ особенности характерно для банковаго дѣла. Это даетъ намъ случай сказать нѣсколько словъ о разныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ въ Японіи.

Въ имперіи микадо, въ теченіе вотъ ужъ нѣсколькихъ лѣтъ, имѣется національный банкъ, аналогичный таковому же французскому — Японскій Банкъ (Nippon Ginko). Это финансовое учрежденіе — частное и производитъ свои операціи на свой собственный рискъ; но оно пользуется нѣкоторыми привилегіями, а потому подчинено контролю правительства, которое назначаетъ директора; въ свою очередь, оно должно оказывать правительству извѣстныя услуги и играть роль какъ бы казначейства — выдаетъ ему авансы, получаетъ его вклады, беретъ на себя полученіе и уплату платежей и освобождаетъ, такимъ образомъ, правительство отъ необходимости имѣть особыхъ сборщиковъ и казначеевъ, служба которыхъ оплачивается всегда дорого, а польза сомнительна.

Главная привилегія Японскаго Банка, какъ Французскаго, это выпускъ кредитныхъ билетовъ (Дакан-Гинкенъ) въ опредѣленномъ количествѣ. Эти билеты подлежатъ размѣну на серебро по предъявленіи. Количество выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ обезпечивается соотвѣтственнымъ количествомъ звонкой монеты и всею кассою Банка, т.-е. торговыми векселями, принятыми къ учету.

Есть въ Японіи еще другой большой банкъ, менѣе оффиціального характера, чѣмъ Японскій Банкъ, и не производящій выпуска кредитныхъ билетовъ, но пользующійся также нѣкоторыми привилегіями, взамѣнъ извѣстныхъ обязательствъ. Это Фондовый банкъ (Shokin Ginko). Высокое покровительство, оказанное ему при его учрежденіи, великолѣпная администрація, его отдѣленія за границей (Ліонъ, Лондонъ, Нью-Йоркъ, Санъ-Франциско, Гавай, Шанхай и пр.) дѣлаютъ изъ него первоклассное финансовое учрежденіе, производящее крупныя операціи съ заграничными фирмами.

До этихъ двухъ банковъ, въ первые годы Мейджи, существовало 150 такъ называемыхъ «національныхъ» банковъ, имѣвшихъ право выпускать кредитные билеты, подлежащіе размѣну только по истеченіи срока концессіи, причемъ этотъ размѣнъ обезпечивался государственнымъ казначействомъ. Затѣмъ, когда былъ учрежденъ Японскій Банкъ, выпустившій свои кредитные билеты, размѣниваемые по предъявленіи, взаимно государственныхъ кредитныхъ билетовъ (которые, въ свою очередь, были выпущены вмѣсто старыхъ ассигнацій временъ правленія шогуновъ и даймію), между этимъ банкомъ и національными банками состоялось соглашеніе, по которому кредитные билеты этихъ послѣднихъ банковъ стали размѣниваться, какъ и «Дакав-Гинкенъ», по предъявленіи, и быстро вышли изъ обращенія, такъ какъ, по поступленіи въ кассу Японскаго Банка, назадъ уже не выпускались.

Эти національные банки обозначались номерами по порядку. Самые важные и наиболѣе крупные были: первый, третій, пятнадцатый (Дворянскій Банкъ) и сотый. Всѣ они прекратили свое существованіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Наконецъ, есть въ Японіи банки совершенно частные, изъ коихъ нѣкоторые пользуются большимъ и заслуженнымъ довѣріемъ и внутри страны и за границей, какъ, напримѣръ, банкъ Митсуи, который принадлежитъ этой фамиліи почти уже два столѣтія.

Далеко не въ такомъ положеніи находится громадное большинство кредитныхъ учрежденій въ Японіи, очень многія изъ которыхъ имѣютъ основной капиталъ, прямо смѣшной по своимъ размѣрамъ. Такъ, въ концѣ 1901 г., общее число всѣхъ банковъ въ имперіи микадо составляло:

Банковъ съ капиталомъ менѣе	10,000 іенъ . . .	133
» » » 30,000 » . . .	242	
» » 50,000 — 100,000 » . . .	565	
» » 100,000 — 300,000 » . . .	58	
» » 300,000 — 500,000 » . . .	120	
» » 500,000 — 1.000,000 » . . .	120	
» » свыше 1.000,000 » . . .	78	

Не трудно понять, къ какой тратѣ денегъ и энергіи приводить подобная система. Кажется, впрочемъ, что подъ вліяніемъ

горячей проповѣди нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ людей, между которыми на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить графа Инуйе, начинаютъ понимать, наконецъ, дѣйствительное неудобство системы, которой такъ долго держались, и преимущества, которыми представляютъ учрежденіе солидныхъ обществъ съ крупными капиталами. Послѣ 1900 года образовалось даже нѣсколько трѣстовъ, но все это еще очень рѣдкія исключенія.

Вообще, изъ всего сказаннаго можно сдѣлать выводъ, что японская промышленность, повидимому, неспособна къ серіозной конкуренціи на европейскихъ рынкахъ съ нашими фабриками. Японіи остается только одно средство добиться чего-нибудь путнаго — это сохранить для европейскихъ и американскихъ рынковъ спеціальныя свои произведенія, которыми она отличается, какъ, напримѣръ, шелковыя матеріи, мелкія произведенія искусства, т.-е. вещи ручной работы, въ которыхъ все дѣло въ искусствѣ пальцевъ. Въ этомъ отношеніи Японія можетъ много поработать для цивилизованныхъ странъ; но она не должна мечтать о конкуренціи съ европейскими націями мануфактурными издѣліями, несмотря даже на свое преимущество въ видѣ болѣе дешевыхъ рабочихъ рукъ. Въ остальной же промышленности она будетъ только плохо подражать европейскимъ образцамъ и снабжать ими по дешевой цѣнѣ азіатскіе рынки.

Хотя, дѣйствительно, благодаря своей геніальной способности къ подражанію, японцы, пользуясь безъ всякаго зазрѣнія совѣсти плодами западныхъ изобрѣтеній, производятъ понемножку все, начиная съ велосипеда и кончая локомотивомъ, все-таки ихъ работа не будетъ имѣть серіознаго значенія. Одинъ огромный недостатокъ будетъ всегда препятствовать Японіи стать настоящей мануфактурной страной: какъ только какая-нибудь вещь, или по своимъ внутреннимъ качествамъ, или по своей дешевизнѣ, начинаетъ пользоваться большимъ спросомъ, японцы не могутъ удержаться отъ производства плохой имитаціи ея. Можно найти хорошіе примѣры этому въ такихъ важныхъ отрасляхъ промышленности, какъ, напри-
мѣръ, шелковое производство, спичечное и т. п. Желая поскорѣе нажиться на плохомъ товарѣ, они уже сильно скомпрометировали себя въ глазахъ громаднаго круга покупателей. Недавно японскій консулъ въ Тянь-Цзинѣ описывалъ съ боль-

шимъ сокращеніемъ такое положеніе вещей въ своемъ официальномъ донесеніи правительству. Онъ обращалъ вниманіе на то, что китайцы начинаютъ недоверчиво относиться къ японскимъ произведеніямъ. Тяньцзинскіе купцы жалуются, что получаемый отъ японцевъ товаръ никогда не соотвѣтствуетъ своему пробному образцу, и потому японскій консулъ выражалъ сожалѣніе, что его соотечественники до такой степени склонны къ нарушенію безъ всякаго стыда своихъ обязательствъ. Въ заключеніе, онъ говоритъ, что недобросовѣстность японцевъ обратилась въ Китаѣ въ пословицу.

Въ отношеніи коммерческой честности между Китаемъ и Японіей замѣчается громадная разница. Иностранные купцы, относящіеся съ большимъ довѣріемъ къ честности китайцевъ, прямо указываютъ на контрастъ въ этомъ отношеніи между обѣими народностями. Отправляя, на примѣръ, изъ Китая въ Европу или Америку цѣлые тюки товаровъ, ихъ никогда не провѣряютъ передъ отправкою. Изъ Японіи—наоборотъ: каждая партія передъ отправленіемъ подвергается самому тщательному осмотру.

Японское правительство прекрасно сознаетъ этотъ недостатокъ добросовѣстности мѣстныхъ коммерсантовъ и старается всѣми силами его исправить. Министръ земледѣлія и торговли не колебался заявить въ палатѣ, что японская торговля «изуродована» плохимъ производствомъ предметовъ вывоза и что торговый кредитъ націи совершенно подорванъ такими недостойными приѣмами. Поэтому, онъ проектировалъ законъ объ учрежденіи официальныхъ инспекторовъ, на обязанности которыхъ лежалъ бы осмотръ всѣхъ товаровъ, предназначенныхъ къ вывозу, въ цѣляхъ задержки негодныхъ грузовъ. Но на практикѣ такая мѣра довольно трудно выполнима.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, какъ очень характерную черту, недавнее учрежденіе въ высшей торговой школѣ въ Токио кафедры коммерческой нравственности.

Итакъ, на основаніи нашего очерка, можно притти къ заключенію, что японскій народъ, какъ въ промышленномъ, такъ и другихъ отношеніяхъ, за 15—20 лѣтъ проявилъ замѣчательное напряженіе силъ; но не слѣдуетъ, однако, преувеличивать достигнутые результаты и говорить о грозящей желтой опасности въ видѣ наводненія европейскихъ рынковъ японскими про-

изведеніями. У японской промышленности только одинъ активъ—дешевыя рабочія руки. Но и въ этомъ отношеніи надо считаться съ тѣмъ, что заработная плата, уже удвоившаяся за три—четыре послѣднихъ года, будетъ продолжать увеличиваться и впредь, вмѣстѣ съ общимъ усиленіемъ дороговизны, которая становится съ каждымъ днемъ тяжелѣе.

Коммерческій пассивъ японской промышленности въ несравненно худшемъ положеніи; она страдаетъ отсутствіемъ капиталовъ, отвратительными торговыми обычаями, плохимъ качествомъ рабочихъ, недостаткомъ технической опытности у заправиль дѣла, и т. д. Всего этого болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы успокоить напрасные страхи производителей Европы и Америки.

О желтой опасности можно бы было говорить только въ томъ случаѣ, если бы мы могли констатировать подобное стремленіе къ прогрессу со стороны настоящей коммерческой націи, какъ, на примѣръ, со стороны китайцевъ. Китайцы — тѣ, дѣйствительно, и честны, и добросовѣстны, и настоящіе дѣловые люди, чего нельзя сказать о японцахъ. Если бы китайцы обладали такими же орудіями производства, какъ японцы, и если бы ихъ правительство предоставило имъ свободно развиваться и получать образованіе, то эти сыны Небесной Имперіи могли бы безъ сомнѣнія оказаться для насъ опасными конкурентами.

Но пусть нашъ Старый Свѣтъ успокоится: если бы китайцы вышли изъ своего многовѣковаго оцѣпенѣнія и послушались голоса прогресса, они перестали бы быть китайцами!

VIII.

Рабочій вопросъ и пауперизмъ.

Выше, излагая исторію развитія торговли и промышленности въ Японіи, мы уже констатировали тотъ фактъ, что японо-китайская война 1894—1895 гг. является въ исторіи экономической жизни Японіи чрезвычайно важнымъ событіемъ, которое, какъ это мы увидимъ ниже, дало между прочимъ рѣшительный толчокъ и развитію общественной жизни японцевъ.

Дѣйствительно, съ этого времени предпринимательская горячка охватила всю націю, которая сразу же пустилась въ крупныя предпріятія, не убѣдившись предварительно въ томъ, хватитъ ли въ послѣдствіи капиталовъ, необходимыхъ для поддержанія такихъ предпріятій. Отсюда острый кризисъ, надолго разстроившій торговые дѣла Японіи, кризисъ, ближайшія послѣдствія котораго оказались, однако, менѣе серьезными, нежели тотъ переломъ въ жизни рабочихъ, который произошелъ въ слѣдствіе полного переворота въ прежнихъ способахъ производства.

Въ самомъ дѣлѣ, рѣзкій переходъ отъ кустарной промышленности, которою населеніе занималось въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, къ крайнему развитію фабрично-заводскаго производства неизбежно долженъ былъ вызвать значительное измѣненіе въ соціальной жизни Японіи. Появленіе машинъ съ ихъ широкимъ, доведеннымъ до крайнихъ предѣловъ, раздѣленіемъ труда, не только обрекло на гибель ручныя ремесла, составлявшія въ теченіе столь долгаго времени гордость древняго Ниппона, но и совершенно видоизмѣнило самыя условія производства. Прежній японскій ремесленникъ, влюбленный въ свое ремесло, съ благоговѣніемъ передаваемое изъ рода въ родъ, — подтвержденіемъ чего можетъ служить существующая и понынѣ въ маленькомъ городѣ Токонаме цѣлая семья горшечниковъ, родъ которой въ теченіе десяти вѣковъ занимается своимъ ремесломъ по установившейся традиціи, — этотъ ремесленникъ уступилъ мѣсто новому пришельцу: рабочему классу. Въ этомъ отношеніи Японія можетъ гордиться и не завидовать нашей западной цивилизаціи; имперія микадо насчитываетъ у себя въ настоящее время свыше 500.000 рабочихъ.

Огромное значеніе той эволюціи въ промышленной жизни Японіи, которая совершилась, такимъ образомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выступаетъ особенно рельефно, если бросить взглядъ на самую жизнь прежняго японскаго ремесленника.

По справедливому замѣчанію John Henry Wigmore¹⁾, во всей торговой жизни древней Японіи всегда доминировала одна глав-

¹⁾ John Henry Wigmore, «Materials for the study of private law in old Japan», in Transactions of the Asiatic Society of Japan, томъ XX, страница 126.

ная идея, это—идея семейнаго труда. Какъ и всюду, эта идея, несмотря на свою узость, весьма, впрочемъ, подходящую къ условіямъ того времени, имѣла за собой не мало безспорныхъ преимуществъ, матеріальныхъ и нравственныхъ.

Нигдѣ, можетъ быть, идея семейнаго труда не выступала такъ опредѣленно и ясно, какъ въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими. Тѣ и другіе жили подъ однимъ кровомъ; каждый ученикъ «deshi» получалъ отъ своего патрона «shoudjin» все необходимое, въ смыслѣ одежды, помѣшенія и пищи. Кромѣ того, хозяинъ долженъ былъ обучать своихъ учениковъ чтенію, письму и счету. Платье, которое носили ученики, очень походило на дѣтское, и въ теченіе первыхъ лѣтъ службы они преимущественно состояли на посылкахъ у своихъ хозяевъ и занимались уборкой дома, магазина или мастерской. Никто изъ учениковъ не могъ освободиться отъ исполненія этихъ обязанностей, и каждый ученикъ, хотя бы принадлежавшій къ богатой семьѣ, долженъ былъ подчиняться своему хозяину: такого рода служба считалась необходимой, чтобы приучить молодыхъ людей къ порядку, чистотѣ и послушанію.

Въ 13 лѣтъ ученикъ становился тѣмъ, что по-японски называется «hannin-taue», т.-е. «получеловѣкомъ»: какъ показывается самое названіе, онъ не считался еще настоящимъ работникомъ или подмастерьемъ; продолжая заниматься домашнимъ хозяйствомъ со своими болѣе юными товарищами, онъ въ то же время, однако, начиналъ изучать и ремесло.

Во всякомъ ремеслѣ ученикъ становился настоящимъ рабочимъ лишь послѣ того, какъ онъ давалъ доказательство своего профессиональнаго искусства, представивъ такое произведеніе своихъ рукъ, которое удовлетворяло извѣстнымъ требованіямъ; это напоминало объ экзаменахъ, нѣкогда производившихся прежними европейскими цеховыми корпораціями для признанія представленнаго произведенія образцомъ искусства.

Въ торговыхъ же домахъ «hannin» въ 18—19 лѣтъ, если только онъ не былъ дурного поведенія, становился приказчикомъ, или «tedai», причемъ между нимъ и его патрономъ заключался новый контрактъ. Затѣмъ «tedai» могъ сдѣлаться помощникомъ управляющаго, или «banto»; изъ среды этихъ послѣднихъ избирался глава даннаго торговаго предпріятія, такъ называемый

«shihai-nin», или директоръ, на котораго возлагалось веденіе всѣхъ дѣлъ предпріятія.

Существованіе этой должности, shihai-nin, какъ нельзя лучше подтверждаетъ высказанную выше мысль, что идея семейнаго труда доминировала во всей торговой жизни древней Японіи. Дѣйствительно, будучи обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ исключительно собственному искусству, честности и преданности интересамъ торговаго предпріятія, shihai-nin былъ не только главою этого предпріятія, но имѣлъ также право голоса въ семейномъ совѣтѣ родственниковъ патрона при обсужденіи семейныхъ дѣлъ, хотя бы и самыхъ интимныхъ.

Вполнѣ понятно, что при такой организаціи торговыхъ предпріятій, допускавшей только ограниченное количество работниковъ, взаимныя отношенія между этими послѣдними и ихъ хозяевами были крайне просты и гуманны. Воспитываясь съ молодыхъ лѣтъ въ семьѣ своего хозяина, вмѣстѣ съ дѣтьми этого послѣдняго, и занимая положеніе какъ бы члена семьи, работникъ или приказчикъ естественно интересовался дѣлами даннаго торговаго предпріятія, котораго, какъ это часто случалось, онъ уже никогда не покидалъ.

Излишне прибавлять, что этотъ золотой вѣкъ давно миновалъ.

Учрежденіе крупныхъ акціонерныхъ обществъ съ огромными анонимными капиталами, постройка большихъ заводовъ и фабрикъ, на которыхъ тысячи рабочихъ подчинены уже не лицу, знающему лично cadaго изъ нихъ, а директору, получающему опредѣленное жалованіе, представляющему въ своемъ лицѣ интересы акціонеровъ и старающемуся соблюдать ихъ выгоды, — особенно рѣзко измѣнили прежнее положеніе вещей. И какъ историческія явленія постоянно повторяются во всѣ времена и подъ всѣми широтами, то въ Японіи происходятъ тѣ самыя явленія, которыхъ свидѣтельницами Европа была уже сто лѣтъ тому назадъ, когда фабрично-заводская промышленность и машинное производство смѣняли кустарные промыслы, какъ это было, напримѣръ, въ Англіи и во Франціи.

Съ появленіемъ въ Японіи класса рабочихъ поднимается цѣлый рядъ жгучихъ вопросовъ, обусловливаемыхъ всюду отношеніями между хозяевами и рабочими.

Возникновеніе крупной промышленности сопровождается безсовѣстной эксплоатаціей рабочихъ. Заработная плата, хотя и удвоившаяся за послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ, тѣмъ не менѣе еще очень низка; продолжительность рабочаго дня—самое меньшее 12—14 часовъ, даже для женщинъ и дѣтей; наконецъ, условія гигиеническія и моральныя совсѣмъ плачевны, въ особенности, на мануфактурахъ, гдѣ работницы имѣютъ помѣщеніе и получаютъ пищу. Что же касается тѣхъ несчастныхъ, которые избѣжали работы на фабрикахъ, то sweating system (система выжиманія) ихъ въ конецъ разоряетъ.

Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что прежнія добрыя отношенія между корпораціей хозяевъ и корпораціей рабочихъ быстро уступили свое мѣсто спорамъ и забастовкамъ, которые неизбѣжно разрастаются по мѣрѣ того, какъ рабочіе сознательнѣе относятся къ своему печальному положенію. Отовсюду раздаются голоса о правахъ рабочихъ, — симптомъ важный, когда рѣчь идетъ о такой странѣ, какъ Японія. Дѣйствительно, до сихъ поръ для всѣхъ рабочихъ, какъ и, вообще, для всѣхъ подданныхъ микадо, лозунгомъ было не право, а обязанность. Совершающееся преобразование должно было открыть глаза даже наиболѣе близорукимъ. Законодателю наскоро пришлось приспособляться къ совершившимся на новой почвѣ событіямъ, и въ настоящее время на разсмотрѣніе палаты внесенъ уже новый законопроектъ, имѣющій цѣлью восполнить тѣ пробѣлы, пополненіе которыхъ до настоящаго времени всецѣло было предоставлено произволу полиціи и муниципалитета.

Не останавливаясь теперь на разсмотрѣніи этого законопроекта, къ которому я еще вернусь немного ниже, я хочу, однако, здѣсь же указать на то, что со словъ японскаго министра торговли, съ которымъ я имѣлъ случай бесѣдовать въ Токио нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, упомянутый законопроектъ, весьма впрочемъ непослѣдовательный, не имѣетъ никакихъ шансовъ быть принятымъ ранѣе, чѣмъ черезъ 5—6 лѣтъ. А между тѣмъ, вмѣшательство законодателя нигдѣ не могло бы быть болѣе уместнымъ, какъ здѣсь, такъ какъ японская промышленность изобилуетъ всякаго рода злоупотребленіями. Чтобы дать о нихъ представленіе, мнѣ стоило бы только перелистать замѣтки, сдѣланныя мною во время многочислен-

ныхъ моихъ посѣщеній японскихъ фабрикъ и заводовъ. Но уступимъ лучше слово японскому чиновнику, на котораго было возложено специальное порученіе изучить разбираемый вопросъ.

Авторъ начинаетъ съ того, что даетъ истинную оцѣнку доводамъ противниковъ рабочаго закона, утверждающихъ, что въ Японіи такой законъ является совершенно лишнимъ, такъ какъ, вслѣдствіе мягкости мѣстныхъ нравовъ, отношенія между хозяевами и рабочими продолжаютъ сохранять прежнюю простоту и гуманность. «Во время моихъ посѣщеній разныхъ промышленныхъ заведеній, — говоритъ авторъ, — мнѣ ни разу не пришлось убѣдиться на практикѣ въ существованіи тѣхъ добрыхъ и простыхъ отношеній между хозяевами и рабочими, о которыхъ намъ рассказываютъ».

Не менѣе категорично отзывается авторъ и о тѣхъ ужасныхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся на фабрикахъ рабочіе и работницы: «Я осматривалъ фабрики въ серединѣ лѣта. Взрослыя работницы прядильныхъ фабрикъ были съ головы до ногъ покрыты сыпью, работницы же въ возрастѣ до 12 лѣтъ обливались потомъ и имѣли крайне изнуренный видъ, благодаря жарѣ въ 111° Ф. (около 50° Р.). Я тоже былъ покрытъ потомъ, хотя только прошелъ по мастерскимъ. Очевидно, эта фабрика не имѣетъ достаточнаго количества оконъ для надлежащаго провѣтриванія». Далѣе авторъ замѣчаетъ: «въ нѣкоторыхъ изъ посѣщенныхъ мною фабрикъ я видѣлъ, какъ пищевые продукты покрыты были зелеными мухами, переносящими микробы. Что же касается питанія рабочихъ, то оно было крайне недостаточно; пища ихъ состоитъ лишь изъ двухъ сортовъ овощей, рыбу же даютъ крайне рѣдко. Я часто видѣлъ работницъ, которыя откладывали отъ своего завтрака, и безъ того скуднаго, часть зелени для обѣда» ¹⁾.

Одинъ знатный американецъ, посѣтившій разомъ тюрьмы въ Токио и всѣ заводы и фабрики этого города, заявилъ однажды, что первыя, по его мнѣнію, болѣе симпатичны и имѣютъ

¹⁾ «La protection ouvrière au Japon», стр. 18, 52, 98, соч. Saito Kashiro (помощникъ японскаго комиссара на всемирной выставкѣ въ Парижѣ въ 1900 г., уполномоченный отъ отдѣла промышленности министерства земледѣлія и торговли), Парижъ, Л. Ларозъ, 1900 г.

лучшій видъ, нежели вторыя; большая же и независимая газета «Djidji Shimpo» въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей называетъ прядильныя фабрики «адомъ».

Такое положеніе вещей является тѣмъ болѣе достойнымъ сожалѣнія, что большинство работающихъ на фабрикахъ и заводахъ составляютъ женщины и дѣти.

Въ Осакѣ, центрѣ мануфактурнаго производства или, какъ его тамъ называютъ, Манчестерѣ Японіи, на общее количество рабочихъ въ 58,000 человекъ приходится 13,000 дѣтей въ возрастѣ моложе 14 лѣтъ. На нѣкоторыхъ же фабрикахъ, какъ, напримѣръ, спичечныхъ, а въ особенности, на цыновочныхъ, работаютъ почти исключительно дѣти въ возрастѣ отъ 7 до 8 лѣтъ и, притомъ, въ теченіе 12 часовъ въ день. Что же касается взрослыхъ женщинъ, то изъ нихъ состоитъ почти весь рабочій персоналъ на фабрикахъ шелковыхъ и хлопчато-бумажныхъ издѣлій. Эти—женщины все молодыя крестьянки, которыхъ особые комиссіонеры вербуютъ въ отдаленныхъ деревняхъ, соблазняя рассказами о преимуществахъ фабричной жизни. Съ ними заключаютъ контракты, по которымъ онѣ обязываются работать въ двѣ смѣны, днемъ и ночью, по 12 или 14 часовъ въ сутки, не исключая и воскресенья, съ двухдневнымъ отдыхомъ въ теченіе мѣсяца. Онѣ получаютъ 10 сенъ въ день, изъ которыхъ 8 удерживаются на ѣду, такъ что за недѣлю чистый заработокъ составляетъ всего только 14 сенъ! Фабрика, на которой проходитъ вся ихъ жизнь, совершенно ихъ изолируетъ отъ внѣшняго міра, и выйти изъ нея онѣ могутъ только съ особаго разрѣшенія ¹⁾).

¹⁾ Въ январѣ 1900 года на одной ткацкой фабрикѣ въ Ко-мюджи, на которой, между прочимъ, работало 50 молодыхъ дѣвушекъ, произошелъ ночью пожаръ. Тридцать одна изъ этихъ несчастныхъ за-живо сгорѣли вслѣдствіе невозможности выйти изъ спальной комнаты, въ которой онѣ были заперты. Слѣдующій случай также характеризуетъ необыкновенные порядки японской промышленности. Въ іюнѣ 1899 года въ рудникахъ Нокосоу-Фукопока произошелъ взрывъ, при которомъ погибло 222 человека, но ни одна изъ этихъ жертвъ не была найдена даже спустя 6 дней послѣ катастрофы, вслѣдствіе полного отсутствія организациі спасенія; когда, наконецъ, онѣ были найдены, то оказалось, что рудокопы для увеличенія заработка

Авторъ книги «Protection ouvrière au Japon» такъ рассказываетъ о вербовкѣ работницъ: «Я спрашивалъ одну давнишнюю работницу на бумагопрядильной фабрикѣ Канегафучи въ Токио, которая мнѣ рассказала, что комиссіонеръ, состоящій при администраціи фабрики, побуждая ее оставить деревню, говорилъ, что работа на фабрикѣ не трудная, что жалованье достаточное, что прежде, нежели приняться за работу, она можетъ совершать прогулки по всему городу (Токио), что можно посѣщать театры, концерты, рестораны, словомъ проводить время по своему усмотрѣнію. Такъ какъ большинство работницъ—наивныя и невѣжественныя крестьянки, то онѣ легко соглашались бѣжать изъ деревни для одного только удовольствія видѣть разныя диковинки большого города.

«Наша работница также не могла устоять передъ соблазномъ. Однако, съ того дня, какъ она покинула деревню съ комиссіонеромъ, послѣдній давалъ ей на завтракъ и на обѣдъ только зелень и рисъ; при этомъ путевые расходы были отнесены на ея счетъ. Когда, наконецъ, она пріѣхала въ Токио, то тамъ ей дѣйствительно показывали главнѣйшія части города и водили обѣдать въ ресторанъ, но съ отнесеніемъ при этомъ всѣхъ расходовъ на ея счетъ. Такъ какъ, однако, у нея не оказалось достаточнаго количества денегъ, чтобы заплатить за проѣздъ и за прогулку по городу, то изъ ея жалованья ежемѣсячно стали удерживать извѣстную часть. Такимъ образомъ, жалованье оказалось недостаточнымъ и несоотвѣтствующимъ довольно таки тяжелой работѣ; оно ограничивалось 20-ю копѣйками въ день, изъ которыхъ, къ тому же, производился еще упомянутый вычетъ. Не будучи болѣе въ состояніи выносить такихъ тяжелыхъ условій, работница однажды вечеромъ исчезла съ фабрики подъ предлогомъ прогулки. Такъ вотъ что рассказала мнѣ одна работница; низкій обманъ, жертвой котораго она сдѣлалась, отнюдь не исключительный случай. Напротивъ, такіе случаи на каждой фабрикѣ довольно заурядное явленіе».

приводили съ собой своихъ женъ и, такимъ образомъ, на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ подъ землею были найдены также и трупы матерей съ малолѣтними дѣтьми, привязанными къ спинѣ. Но даже и передъ такими ужасными происшествіями японскія власти продолжаютъ сохранять полное равнодушіе.

Въ виду такихъ фактовъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые японцы стали, наконецъ, искать лѣкарства противъ столь плачевнаго положенія: Изъ этой-то мысли и возникъ новый законопроектъ, о которомъ я уже сказалъ нѣсколько словъ, и который внесенъ на одобреніе палаты. Вотъ бѣглый обзоръ его.

Прежде всего, этотъ законъ имѣетъ въ виду исключительно большіе фабрики и заводы, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствіе его предполагается распространить на мелкія мастерскія.

Законъ воспрещаетъ пользоваться трудомъ дѣтей, имѣющихъ отъ роду менѣе 10 лѣтъ; для дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ продолжительность рабочаго времени сокращается до 10 часовъ въ день, взрослымъ же гарантированъ отдыхъ не менѣе двухъ дней въ мѣсяцъ и одного часа ежедневно. Кромѣ того, согласно означенному законопроекту, должно быть организовано обязательное обученіе тѣхъ рабочихъ въ возрастѣ до 14 лѣтъ, которые до поступленія на фабрику или заводъ не прошли курса въ начальныхъ школахъ.

Въ случаѣ смерти рабочаго при исполненіи имъ своихъ обязанностей или полученія имъ увѣчій, владѣлецъ фабрики или завода, согласно новому законопроекту, обязанъ—въ первомъ случаѣ принять похороны рабочаго на свой счетъ, во второмъ — выдать увѣчному или его семейству соотвѣтственное вознагражденіе. Наконецъ, законопроектъ устанавливаетъ штрафъ въ размѣрѣ около 200 рублей за подстрекательство рабочихъ къ забастовкамъ.

Проектированный законъ весьма безсвязный, дажеесли не вдаваться въ его детали; при болѣе же близкомъ ознакомленіи съ нимъ, онъ можетъ показаться просто шуткой. Повидимому, авторы его, испугавшись собственной смѣлости, поспѣшили парализовать все его значеніе, дополнивъ каждую статью его рядомъ злополучныхъ «но», которыя дѣлаютъ примѣненіе закона совершенно призрачнымъ.

Такъ, статья 9 воспрещаетъ эксплуатировать для работы на фабрикахъ и заводахъ дѣтей въ возрастѣ моложе 10 лѣтъ, но съ оговоркой, что изъ этого общаго правила могутъ быть,

путемъ особаго декрета, сдѣланы исключенія. Статья 10 устанавливаетъ максимальную норму продолжительности рабочаго времени (10 часовъ въ сутки) для дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ, но опять-таки съ оговоркой, что съ разрѣшенія подлежащей власти могутъ быть сдѣланы отступленія отъ этой нормы. Наконецъ, требуя въ статьѣ 11-ой предоставленія рабочимъ отдыха не менѣе двухъ дней въ мѣсяцъ и одного часа ежедневно, законодатель въ то же время спѣшитъ оговориться, что если нѣтъ возможности подчиниться этому правилу, то можетъ быть получено разрѣшенія на изъятіе изъ него.

Очевидно, все это не серьезно. Не такими средствами слѣдовало бы лѣчить столь большое зло.

Какъ бы то ни было, но, чтобы составить себѣ вполнѣ точное представленіе объ истинномъ положеніи вещей, слѣдуетъ помнить, что въ Японіи въ настоящее время дѣти, подростки, женщины, дѣвушки и пожилые люди—все работаютъ одинаковое количество часовъ въ день, и никакого въ этомъ отношеніи ограниченія, которое было бы опредѣлено закономъ, не существуетъ. Фактически же минимальная продолжительность рабочаго дня — 8 часовъ, максимальная—17 часовъ, что въ среднемъ составляетъ 12 часовъ. Норма въ 17 часовъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ шелковыхъ издѣлій, на примѣръ, въ провинціи Шиншюу, далеко не рѣдкость.

Что касается ночныхъ работъ, то первоначальный проектъ упомянутаго закона воспрещалъ такія работы женщинамъ и дѣтямъ, не достигшимъ 14-лѣтняго возраста; но нынѣшній законопроектъ, исключивъ это постановленіе, вовсе умалчиваетъ о ночныхъ работахъ. Между тѣмъ, ночныя работы существуютъ на всѣхъ бумагопрядильныхъ фабрикахъ, причемъ изъ 75,000 человѣхъ, работающихъ на этихъ фабрикахъ, 55,000 чел.—женщины и дѣти.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о договорахъ о наймѣ въ Японіи.

Сводъ законовъ гражданскихъ 1898 года содержитъ въ статьяхъ 626, 627 и 628 слѣдующія общія положенія по этому предмету:

«Статья 626. — Если срокъ дѣйствія договора о наймѣ превышаетъ 5 лѣтъ, или если договоръ долженъ дѣйствовать до смерти одной изъ договаривающихся сторонъ или третьяго лица, то каждая сторона по истеченіи п я т и лѣтъ имѣетъ право во всякое время его расторгнуть. По отношенію къ лицамъ, находящимся въ обученіи въ какомъ-либо торговомъ или промышленномъ предпріятіи, вмѣсто означеннаго пятилѣтняго срока, принимается десятилѣтній срокъ.

«Сторона, пожелавшая расторгнуть договоръ въ силу права, предоставленнаго ей настоящею статьею, обязана о таковомъ своемъ желаніи увѣдомить другую сторону за т р и мѣсяца».

«Статья 627. — Если срокъ дѣйствія договора о наймѣ не опредѣленъ сторонами, то каждая изъ нихъ во всякое время имѣетъ право отказаться отъ дальнѣйшаго выполненія договорныхъ условій. Въ этомъ случаѣ дѣйствіе договора прекращается по истеченіи д в у хъ недѣль послѣ отказа одной изъ сторонъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда жалованье по договору должно уплачиваться въ періодическіе сроки, то каждая изъ сторонъ имѣетъ право расторгнуть договоръ лишь въ отношеніи предстоящихъ періодовъ; поэтому, въ подобныхъ случаяхъ отказъ одной изъ сторонъ отъ дальнѣйшаго выполненія договорныхъ обязательствъ можетъ послѣдовать только въ теченіе первой половины текущаго періода.

«Если уплата фиксирована на періодическіе сроки продолжительностью каждый не менѣе 6 мѣсяцевъ, то отказъ одной стороны отъ дальнѣйшаго выполненія договорныхъ условій долженъ быть объявленъ другой сторонѣ за т р и мѣсяца впередъ».

«Статья 628. — Каждая изъ участвующихъ въ договорѣ сторонъ имѣетъ право, въ случаѣ необходимости, немедленно расторгнуть договоръ даже и въ томъ случаѣ, если срокъ дѣйствія договора точно опредѣленъ. Если необходимость въ расторженіи договора вызвана по винѣ одной изъ сторонъ, то виновная сторона несетъ передъ другой отвѣтственность за вредъ и убытки».

Однако, всѣ эти великолѣпные принципы на практикѣ остаются безъ примѣненія и самые договоры о наймѣ заключаются не въ формѣ соглашеній, связующихъ двухъ лицъ, а являются со стороны рабочаго одностороннимъ обязатель-

ствомъ абсолютнаго подчиненія нанимателю, въ интересахъ котораго и создаются, вообще, подобные акты.

Все вышеизложенное не исчерпываетъ, однако, вопроса о нынѣшнемъ экономическомъ положеніи Японіи. Вліяніе новыхъ экономическихъ условій отразилось не только на рабочемъ классѣ, но и на всѣхъ слояхъ общества. Эти экономическія условія рѣзко нарушили сохранявшееся въ теченіе многихъ вѣковъ равновѣсіе въ распредѣленіи имуществъ. Такъ, нѣкоторымъ посчастливилось въ короткое время стать владѣльцами неслыханныхъ до тѣхъ поръ состояній, но матеріальное положеніе большинства населенія постоянно падаетъ и ухудшается. Такимъ образомъ, земля, принадлежавшая мелкимъ землевладѣльцамъ, переходя постепенно изъ рукъ въ руки, въ концѣ концовъ, сосредоточивается въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, и число лицъ, уплачивающихъ поземельный налогъ въ размѣрѣ, дающемъ право на участіе въ выборахъ, съ каждымъ днемъ уменьшается.

Изъ всѣхъ сложныхъ вопросовъ, неожиданно возникшихъ теперь въ Японіи и совершенно не извѣстныхъ ей раньше, настоятельнѣе всего требуетъ разрѣшенія вопросъ о пауперизмѣ.

Повторяю, этотъ вопросъ является въ Японіи совершенно новымъ, такъ какъ въ прежнее время жизненныя условія японцевъ сами по себѣ дѣлали невозможнымъ возникновеніе подобнаго вопроса, и разница между богатыми и бѣдными не была тогда такъ ощутительна, какъ въ другихъ странахъ. Прежде въ Японіи, съ ея простой и беззаботной жизнью, почти все населеніе было бѣдное, но никто не нищенствовалъ, и такъ какъ людей богатыхъ было мало, то не было ни той неравномѣрности въ распредѣленіи имущественныхъ благъ, ни тѣхъ противорѣчій въ условіяхъ жизни, которыя можно наблюдать въ современной Японіи.

Напротивъ, въ настоящее время, вопросъ о пауперизмѣ выступаетъ вполне опредѣленно. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ низшій классъ населенія впалъ въ безпросвѣтную нищету.

Въ Токио нѣкоторыя улицы, а именно: Shinami, Chodjamatchi и Samégashi славятся своими убогими лачугами, въ которыхъ царятъ голодъ и нищета. Обитатели этихъ улицъ въ огромномъ большинствѣ нищенствуютъ или промышляютъ воров-

ствомъ. Впрочемъ, не одни только обитатели названныхъ улицъ впали въ нищету. Не мало есть бѣдныхъ и честныхъ людей, которымъ также пришлось посчитаться со всѣми тягостями новыхъ жизненныхъ условій, и въ настоящее время ежегодно около 40 тысячъ человѣкъ, не будучи въ состояніи платить за квартиру, остаются безъ крова.

Если принять во вниманіе, что упомянутая плата составляетъ всего какихъ-нибудь 20 сенъ съ человѣка, то картина обнищанія низшаго класса населенія станетъ еще болѣе ясной.

Воспоминанія о подробномъ осмотрѣ мною улицы Shinami въ кварталѣ Shiba, могутъ быть отнесены къ числу самыхъ печальныхъ и жалкихъ, какія только сохранились въ моей памяти о пребываніи въ Японіи. Они ассоціируются лишь съ представленіемъ о самыхъ отталкивающихъ картинахъ, видѣнныхъ мною въ бѣднѣйшихъ кварталахъ Сеула и Пекина. Представьте себѣ рядъ домовъ въ количествѣ 400 или 500, полуразвалившихся и неописуемо грязныхъ, текущіе со всѣхъ сторонъ ручьи какой-то клейкой и зловонной жидкости, гниющіе трупы крысъ и блуждающія среди такой обстановки тощія фигуры несчастныхъ людей, которые въ этихъ лачугахъ находятъ себѣ единственное пристанище. На пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ футовъ, покрытомъ грязной и рваной соломенной циновкой, на которой возятся маленькія дѣти, ютится цѣлое семейство! Такъ называемое «хибачи», въ которомъ тлѣютъ нѣсколько углей, и неизмѣнный во всѣхъ подобныхъ конурахъ «бутсуданъ» — маленькій, возвышающійся надъ дверью, буддистскій алтарь, къ которому въ тяжелыя минуты обращаются взоры несчастныхъ, — вотъ и вся обстановка этихъ лачугъ.

Всѣ дома описываемаго квартала принадлежатъ капиталистамъ, которые умудряются еще извлекать изъ нихъ довольно значительный доходъ. Эго прежде всего объясняется тѣмъ, что ни одна пядь земли не пропадаетъ даромъ, переулки представляютъ собою отвратительные узкіе проходы, въ которыхъ съ трудомъ могутъ разойтись два человѣка. Затѣмъ, квартиронаниматели никогда не могутъ задолжать за квартиру домовладѣльцамъ, такъ какъ послѣдніе предусмотрительно взыскиваютъ квартирную плату поденно, и при томъ впередъ. Такимъ образомъ, должность управляющаго до-

момъ въ улицѣ Shinami далеко не синекура. Что касается размѣра самой квартирной платы, то она колеблется между 4 и 1¹/₂ сенъ въ день. Самыя убогія помѣщенія устроены въ такъ называемыхъ «нагайя» — длинныхъ деревянныхъ домахъ, имѣющихъ рядъ отдѣленій, въ родѣ того, какъ въ вагонахъ. Въ каждомъ такомъ отдѣленіи помѣщается цѣлая семья, причемъ отдѣленія эти настолько тѣсны, что всѣ работы по хозяйству приходится во всякое время года исполнять на дворѣ.

Джинрикши, тряпичники, чинильщики трубокъ, чинильщики посуды, всевозможные нищіе — таковы обитатели описываемаго квартала. Но, несмотря на всю свою нищету, они всегда остаются вѣрными себѣ японцами, и если у нихъ не хватаетъ иной разъ нѣсколькихъ сенъ на покупку риса, то всегда найдется нѣсколько ринъ для «saémon katari» — или странствующихъ рассказчиковъ, и ихъ конкурентовъ «tsoudji goshakou» уличныхъ чтецовъ, читающихъ народу чудныя страницы древнихъ лѣтописей. Но царями въ этомъ царствѣ нищеты являются «hinashi-kashi» и «mondjinko» — ростовщики, заимодавцы краткосрочныхъ ссудъ подъ залогъ вещей, содержатели тайныхъ ломбардовъ. Насколько выгодна ихъ профессія, можно судить по внѣшнему виду ихъ жилищъ: среди грязныхъ лачугъ улицы Shinami-tcho вы вдругъ замѣчаете маленькій чистый и уютный домъ съ каменнымъ павильономъ, хорошо защищеннымъ отъ пожара; это — домъ мѣстнаго ростовщика. На дверяхъ, на стѣнахъ, словомъ, вездѣ — заостренные желѣзные и бамбуковые прутья «shinobi gageshi», или «пугало для негодяевъ», ограждающіе недвижимое имущество этихъ честнѣйшихъ гражданъ отъ всякихъ покушеній на кражу или взломъ.

Въ Японіи, гдѣ все кончается не пѣсенкой, какъ во Франціи, а какимъ-нибудь сказаніемъ, существованіе только что описанныхъ домовъ ассоціируется съ воспоминаніемъ объ одной старинной легендѣ Дальняго Востока. Нѣкогда въ морѣ возвышалась магнитная гора, вершина которой высоко поднималась надъ бушующими волнами; если, къ своему несчастью, корабль проходилъ не вдалекѣ отъ этой горы, то притянутый страшной силой магнита, онъ разбивался въ дребезги о скалы этой зловѣщей горы, обогащавшейся за счетъ погибшихъ.

Въ улицахъ Shinami-tcho, Samégashi, Manen-tcho и Mikawa-tcho, въ этомъ морѣ нищеты, дома ростовщиковъ являются, именно, такимъ магнитомъ, притягивающимъ и увлекающимъ бѣдноту.

Изъ всѣхъ ростовщиковъ успѣшнѣе всего оперируютъ тѣ, которые выдаютъ ссуды подъ залогъ вещей. Если принять во вниманіе, съ какими кліентами имъ приходится имѣть дѣло, то не трудно себѣ представить, каковы должны быть вещи, подъ которыя дается ссуда. «Shiroushi banten» — родъ блузы, которую носятъ японскіе поденщики, съ крупно отпечатаннымъ на спинѣ именемъ фирмы, гдѣ они работаютъ, тюфяки, занавѣски отъ москитовъ, кухонная утварь, зонтики, обувь и т. п. — таковы вещи, чаще всего предлагаемыя въ залогъ. Но въ случаяхъ крайней нужды не останавливаются даже передъ закладомъ деревянныхъ дощечекъ, на которыхъ записаны имена умершихъ предковъ. Впрочемъ, ростовщики принимаютъ въ закладъ всякую вещь, лишь бы цѣнность ея была не ниже 10 сенъ.

Законъ разрѣшаетъ взимать по ссудамъ не болѣе $2\frac{1}{2}\%$ въ мѣсяцъ; но въ дѣйствительности проценты взимаются въ значительно болѣшемъ размѣрѣ, а именно, никогда не ниже 100% годовыхъ.

Зимою, во время сильныхъ холодовъ, пользуются большимъ успѣхомъ особаго рода предпріятія, состоящія въ отдачѣ на прокатъ теплой одежды и одѣялъ. Такихъ предпріятій въ улицѣ Shinami-tcho насчитываютъ три; за 1 коп. можно получить одѣяло на одну ночь.

Если принять во вниманіе, что этотъ міръ нищеты, который мы только что окинули бѣглымъ взглядомъ, наблюдается не только въ столицѣ Японіи, но также почти во всѣхъ другихъ крупныхъ городахъ имперіи микадо, то станетъ вполне очевиднымъ, что и въ этомъ отношеніи современная Японія смѣло можетъ конкурировать съ самыми обездоленными странами Запада.

По истинѣ, въ наше время нигдѣ общество и частныя лица не относятся такъ равнодушно къ такой ужасной соціальной язвѣ, къ такой безвыходной нуждѣ своихъ собратій, какъ въ Японіи. Перемѣна въ соціальномъ положеніи, сопровождавшая матеріальный и нравственный переворотъ, который совершился

40 лѣтъ тому назадъ, была такъ внезапна, что японское общество не успѣло предупредить возникновеніе новыхъ нуждъ и приготовиться къ удовлетворенію новыхъ потребностей.

И вотъ, въ то время, какъ переворотъ въ экономической жизни Японіи вызвалъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ полное оскуденіе низшаго класса населенія, вогнавъ его въ крайнюю нищету, неизвѣстную даже въ самыя худшія времена исторіи Японіи, общественная благотворительность, призрѣніе и взаимопомощь не подвинулись ни на шагъ впередъ. На все народонаселеніе Японіи, достигающее 50 милліоновъ жителей, въ настоящее время имѣется всего лишь 480 больницъ, изъ коихъ 372 — частныхъ, 106 — окружныхъ или общинныхъ и только 3 принадлежатъ государству.

Что касается законоположеній, регламентирующихъ общественное призрѣніе, то таковыхъ въ Японіи очень немного, и только три изъ нихъ, какъ мнѣ кажется, заслуживаютъ упоминанія, а именно:

1) Императорскій указъ за № 138, шестого года Мейджи (1872 году), возлагающій на государство обязанность кормить (и, конечно, содержать) подкидышей (*soute go*) до 13 лѣтняго возраста; согласно этому указу на прокормленіе каждаго ребенка отпускается 7 то рису въ годъ (то равенъ 20 литрамъ).

Возрастъ ихъ опредѣляется старшиною той мѣстности, въ которой найденъ подкидышъ. Расходы по призрѣнію подкидышей распредѣляются и контролируются департаментомъ.

Чаще всего такихъ дѣтей добровольно призрѣваютъ частныя лица, получающія за это опредѣленную плату, причемъ такія лица находятся подъ извѣстнымъ контролемъ для предупрежденія возможныхъ съ ихъ стороны злоупотребленій, въ смыслѣ чрезмѣрной эксплоатаціи дѣтскаго труда и употребленія получаемой на нихъ платы для постороннихъ цѣлей.

2) Императорскій указъ за № 162, седьмого года Мейджи (1873 года), относящійся вообще къ неимущему классу (*himmin*). Онъ возлагаетъ на каждый округъ обязанность приходить на помощь всѣмъ неимущимъ «немедленно и сообразуясь съ обстоятельствами». Этотъ указъ содержитъ въ себѣ нѣсколько основныхъ правилъ, требующихъ, чтобы было обращено вниманіе на то, имѣетъ ли бѣднякъ родственниковъ, которые могли

бы ему помочь, или нѣтъ, и способенъ ли онъ къ труду, и если нѣтъ, то по какой именно причинѣ, т.-е. по возрасту, болѣзни или слабости. Пособіе, получаемое бѣдными, должно состоять изъ 1 коку и 8 то рису въ годъ (280 литровъ))—для взрослыхъ и изъ 7 то рису въ годъ —для дѣтей въ возрастѣ менѣе 15 лѣтъ. Это пособіе выплачивается деньгами помѣсячно. Этотъ способъ уплаты не даетъ увѣренности, что пособіе дѣйствительно пойдетъ на пищу, кромѣ же того, неудобенъ еще и потому, что относитъ на счетъ пожертвованной для бѣдныхъ суммы доходъ розничнаго торговца рисомъ.

3) Приказъ министра внутреннихъ дѣлъ, седьмого мѣсяца шестого года Мейджи (1883 года), возлагающій на каждый округъ обязанность призрѣвать находящихся въ его районѣ бѣдныхъ, пораженныхъ заразительною болѣзною (den-sen-byo).

Въ Японіи, какъ и въ другихъ странахъ, всѣ наиболѣе выдающіяся благотворительныя учрежденія возникаютъ по частной инициативѣ. Самое своеобразное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое древнее изъ нихъ, это благотворительное общество Акита, прозванное Капон-ко и замѣчательное своею древностью, средствами и организаціей.

Своимъ происхожденіемъ оно обязано нѣкому Nava-Saburôemon Skénari, банкиру древняго княжескаго рода Акита. Въ 12-мъ году эры Бунзей (1830) князь Акита, Satake Yoshihiro, желая учредить фондъ для призрѣнія сиротъ, стариковъ и другихъ несчастныхъ, велѣлъ своимъ приближеннымъ разработать проектъ организаціи задуманнаго имъ дѣла. Послѣдніе обратились за совѣтомъ къ Nava Saburôemon, дѣлавшему еще ранѣе нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи и теперь охотно присоединившемуся къ мысли своего князя. Посовѣтовавъ дому Акита выдѣлить участокъ земли, доходы съ котораго предназначались бы на помощь бѣднымъ, Nava Saburôemon съ своей стороны внесъ 1,000 rios, пожертвованныя частью имъ самимъ, частью, по его инициативѣ, другими благотворителями. Домъ Акита, принявъ эту сумму, прибавилъ къ ней отъ себя еще 1,000 rios и, какъ совѣтовалъ ему Nava Saburôemon, выдѣлилъ участокъ земли, приносящій въ годъ 230 коку риса. Таково происхожденіе этого благотворительнаго общества.

Съ тѣхъ поръ завѣдующіе дѣлами общества (nen ban), по предварительномъ совѣщаніи между собою и руководствуясь наказами и инструкціями дома князей Акита, выработали порядокъ выдачи пособій.

Въ эру Темпо (1835) вышло постановленіе, въ силу котораго имущество названнаго благотворительнаго общества не составляетъ собственности ни мѣстныхъ властей, ни его основателей, а принадлежитъ самому обществу, какъ юридическому лицу. Это постановленіе было принято домомъ князей Акита. Съ тѣхъ поръ, имущество названнаго общества непрестанно увеличивалось, благодаря пожертвованіямъ новыхъ благотворителей, а въ особенности благодаря поддержкѣ князей Yoshi-chika и Yoshitaka.

Послѣ реставраціи и уничтоженія феодальной системы, земельная собственность общества была присоединена къ государственнымъ имуществамъ. Но предсѣдатель общества Nava Saburôemon Skénari и другія лица, стоявшія во главѣ общества, приложили всѣ усилія къ тому, чтобы доказать правительству совершенно особый характеръ и значеніе отобраннаго имущества, и дѣйствительно имъ удалось получить отъ правительства соотвѣтственное возмѣщеніе въ видѣ 5,500 іенъ въ седьмомъ году Мейджи (1875) и 42,200 іенъ въ четырнадцатомъ (1882).

Къ этому именно времени и относится возрожденіе названнаго общества.

Со дня учрежденія общества до настоящаго времени число лицъ, получившихъ отъ него помощь, достигаетъ 4 милліон.

Въ 12-мъ году Мейджи (1880) сенатору Sasaki, производившему инспекторскій смотръ сѣверо-восточной части Японіи, пришлось ознакомиться съ дѣятельностью названнаго общества, и онъ далъ о немъ императору крайне благопріятный отзывъ. Затѣмъ, въ 1882 году, во время поѣздки императора въ ту же мѣстность, его величеству было снова доложено объ успѣшной дѣятельности общества. По приказанію императора, Sanghi Oghi Tokato осмотрѣлъ учрежденія общества, а внукъ Nava Saburôemon удостоился чести быть представленнымъ императору и получить отъ него похвалу обществу.

Наконецъ, въ мартѣ 22-го года Мейджи (1890), императорскій дворъ, въ видахъ обезпеченія дальнѣйшаго процвѣтанія

общества, снова пожертвовалъ 300 іенъ. Съ этихъ поръ существованіе общества было обезпечено навсегда.

До этого времени названное общество не имѣло писанаго устава. Въмѣсто устава существовали строго соблюдаемыя правила, основанныя на обычаяхъ и благовѣйно передаваемыя изъ рода въ родъ. Но подобная система имѣла настолько существенныя неудобства, что лица, управлявшія дѣлами общества, въ концѣ концовъ, рѣшили установить разъ на всегда извѣстныя правила и изложить ихъ письменно. Такимъ образомъ, 4-го апрѣля 1892 года былъ опубликованъ уставъ общества Канон-ко, точно опредѣляющій кругъ дѣятельности этого учрежденія.

Вотъ главнѣйшія статьи означеннаго устава.

«Статья 1-ая. Общество Канон-ко есть признанное правительствомъ юридическое лицо, имущество котораго состоитъ изъ пожертвованій императорскаго дома и другихъ благотворителей, а также изъ суммъ, собранныхъ по подпискѣ учредителями общества и другими жертвователями.

«Статья 2-ая. Общество имѣетъ единственной цѣлью помогать бѣднымъ. Цѣль эта преслѣдуется обществомъ непрерывно, на основаніи правилъ, опредѣленныхъ въ слѣдующей главѣ. Общество не имѣетъ права уклоняться отъ указанной цѣли и направлять свою дѣятельность къ достиженію какой-либо иной цѣли, хотя бы и имѣющей въ виду общественную пользу.

«Статья 3-ья. Общество, находившееся первоначально подъ надзоромъ княжескаго дома Акита, со времени отмѣны феодальной системы находится въ завѣдываніи административной власти.

«Статья 4-ая. Правленіе общества должно находиться въ городѣ Акито.

«Статья 5-ая. Услугами общества могутъ пользоваться только бѣдные, постоянно проживающіе въ той части города Акито, которая прежде находилась въ завѣдываніи городского префекта (Matchibaghiô) княжескаго дома Акита.

«Статья 6-ая. Бѣдными, имѣющими право обращаться за помощью въ общество, признаются тѣ, которые, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію и никакой поддержки со стороны, могутъ быть отнесены къ одной изъ слѣдующихъ категорій:

- «1) вдовцы, вдовы, сироты и старики;
- «2) больные, сумасшедшіе и слабоумные;
- «3) бѣдные, имѣющіе нѣсколькихъ очень молодыхъ или престарѣлыхъ родственниковъ.

«Статья 7-ая. Бѣдные, удовлетворяющіе условіямъ предъидущей статьи, получаютъ отъ общества по $2\frac{1}{6}$ го очищеннаго риса въ день на человѣка, безъ различія пола; дѣти моложе 7-ми лѣтъ получаютъ половину указаннаго количества.

«Бѣдные, страдающіе какими-нибудь болѣзнями, могутъ бесплатно получать лѣкарства и пользоваться медицинскимъ уходомъ. Обществу предоставляется право временно размѣщать больныхъ и дряхлыхъ по больницамъ и богадѣльнямъ Кен'а.

«Статья 8-ая. Нормальная продолжительность времени, въ теченіе котораго каждый бѣдный можетъ пользоваться помощью общества, одинъ, два и три мѣсяца, если это не идетъ въ ущербъ помощи въ томъ же размѣрѣ новымъ нуждающимся.

«Статья 9-ая. Выдача пособій рисомъ производится два раза въ мѣсяцъ.

«Статья 10-ая. Тѣмъ бѣднымъ, которые въ зимнее время не имѣютъ возможности укрыться отъ холода, общество выдаетъ теплую одежду, дрова, уголь и т. п.

«Статья 11-ая. Общество снабжаетъ необходимыми для той или иной работы инструментами и денежными средствами тѣхъ бѣдныхъ, которые, будучи обременены семействомъ или подвліяніемъ какой-либо другой уважительной причины, все болѣе и болѣе впадаютъ въ нищету.

«Статья 12-ая. Директора общества, поощряя къ работѣ тѣхъ бѣдныхъ, которымъ общество оказало помощь, принимаютъ на себя заботы по пріисканію этимъ бѣднымъ какого-либо занятія, предупреждая, при этомъ, тѣхъ, которые впали въ нищету вслѣдствіе лѣни, что въ другой разъ они не найдутъ больше поддержки со стороны общества; если подобное предупрежденіе будетъ оставлено безъ должнаго вниманія, то дальнѣйшее оказаніе помощи такимъ бѣднымъ—прекращается.

«Статья 13-ая. При оказаніи помощи, какъ временной, такъ и чрезвычайной, пострадавшимъ отъ голода, холода, болѣзни, ранъ, несчастныхъ случаевъ, стихійныхъ бѣдствій и неурожая, общество имѣетъ право, съ надлежащаго разрѣшенія прави-

тельства, дѣйствовать, не подчиняясь требованіямъ статей 6-ой и послѣдующихъ настоящаго устава.

«Статья 14-ая. Управление дѣлами общества возложено: 1) на директоровъ (nep ban) числомъ не менѣе 3-хъ и не болѣе 7-ми, 2) на управляющихъ (yôgakarî) числомъ не болѣе 3-хъ и 3) на помощниковъ управляющихъ (skitayaku), въ количествѣ не болѣе 7-ми.

*
* *
*

Другое слѣдствіе происшедшаго въ теченіе послѣднихъ лѣтъ переворота въ соціальной жизни Японіи выразилось въ томъ, что цѣлая нація, жившая въ теченіе многихъ столѣтій подъ гнетомъ феодализма, внезапно превратилась въ государство съ современной западно-европейской организаціей.

Такимъ образомъ, одно и то же поколѣніе познало двѣ совершенно противоположныхъ жизни: одну жизнь до реставраціи 1868 года—простую, однообразную, но спокойную и полную довольства, другую жизнь послѣ указанной реставраціи, т.-е. нынѣшнюю—лихорадочную, полную новыхъ заботъ и потребностей, съ ея страстями, эгоизмомъ и необузданнымъ озлобленіемъ, и если «воспоминанія о счастливыхъ временахъ есть самое мучительное страданіе», какъ сказалъ Данте, то не трудно себѣ представить, каково должно быть недовольство и озлобленіе тѣхъ парій японской промышленности, нищету и страданія которыхъ я попытался изобразить выше!

Въ то же время въ среднемъ и высшемъ классахъ населенія развилась непомѣрная роскошь; отсюда разрастающееся изо дня въ день неравенство и постоянно увеличивающаяся пропасть, раздѣляющая разные классы общества. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ тяжелыхъ перемѣнъ, мягкость въ характерѣ народа постепенно исчезаетъ. Въ своемъ родѣ классическая учтивость и вѣжливое обращеніе уступаютъ мѣсто западно-европейскимъ замашкамъ, борьба же за существованіе способствуетъ, впрочемъ, какъ и вездѣ, развитію эгоизма и жестокости. Отсюда недовольство, все глубже проникающее въ общую массу населенія, которое, естественно, принуждено искать средства для утоленія своихъ страданій въ ученіи социалистовъ, подобно тому, какъ это замѣчается и у другихъ народовъ, переживающихъ аналогическое состояніе.

Соціалізмъ, нѣкогда ограничивавшійся небольшою партіей агитаторовъ, вожаки которой нашли болѣе благоразумнымъ основаться вдали отъ Японіи, а именно въ Санъ-Франциско, — въ настоящее время водворился въ самой имперіи микадо. Возвратившіеся изъ Европы студенты съ апломбомъ разсуждаютъ о немъ въ своемъ «обществѣ изученія соціализма», и такіе люди инициативы, какъ М. Катайама, директоръ Kingsley Hall Association и издатель выходящаго два раза въ мѣсяцъ журнала «The labour World» (съ одной страничкой по-англійски), прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы провести идеи соціализма въ жизнь. Я припоминаю свое посѣщеніе этого проповѣдника женской эмансипаціи и поднятія нравственнаго уровня рабочаго класса, въ его маленькомъ домѣ, въ Кандѣ (Misakitcho Kanda—Sanchome, № 1); я засталъ его въ ту минуту, когда онъ наблюдалъ въ кухнѣ за приготовленіемъ европейскихъ кушаній. Пока въ двухъ шагахъ отъ насъ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ были поглощены приготовленіемъ разныхъ рагу на европейскій ладъ или старались вникнуть въ тайны chicken cutlet, Катайама разсказалъ мнѣ о своихъ первыхъ крайне трудныхъ попыткахъ объединить рабочихъ, о борьбѣ, которую ему пришлось вынести по этому поводу, и о той радости, которую ему пришлось испытать при видѣ успѣха, увѣнчавшаго эти попытки, когда всѣ машинисты богатаго общества японскихъ желѣзныхъ дорогъ, сплотившись въ одно цѣлое и проникшись духомъ солидарности, тяжелой борьбою добились удовлетворенія своихъ справедливыхъ требованій.

Въ настоящее время даже распространеннѣйшія увеселительныя заведенія, Yose, служатъ мѣстами провозглашенія новыхъ доктринъ. Во многихъ изъ подобныхъ заведеній, куда въ прежнее время ремесленникъ или лавочникъ заходили подъ вечеръ послушать разсказъ о какомъ-нибудь романическомъ походе или о какомъ-нибудь удивительномъ приключеніи изъ легендарныхъ войнъ Минамото и Таиро, покуривая при этомъ трубку и попивая изъ маленькихъ чашекъ чай, теперь hanashi-ка излагаютъ не блестящія поэзіи, холодныя разсужденія Генри Джорджа или Карла Маркса.

Движеніе, такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ все усиливается: образуются ассоціаціи рабочихъ, появляется на

свѣтъ и завоевываетъ себѣ почву принциповъ коопераціи, открываются всюду конторы по приисканію мѣстъ для самыхъ разнообразныхъ классовъ пролетаріата. Въ одномъ только Токио такихъ конторъ сотни, и я самъ насчиталъ четыре конторы для банщиковъ, три для парикмахеровъ и, не помню, сколько для поваровъ.

Для женщинъ подобныхъ конторъ существуетъ не меньше, чѣмъ для мужчинъ, и рядомъ съ такими, которыя приискиваютъ мѣста прислугѣ и работницамъ на бумагопрядильныхъ фабрикахъ, можно найти и такія, которыя, предоставляютъ мѣста танцовщицамъ, пѣвицамъ, содержанкамъ и проституткамъ въ дома терпимости.

Съ точки зрѣнія законодательной, вопросъ объ условіяхъ существованія корпорацій въ Японіи въ настоящее время является однимъ изъ самыхъ сложныхъ и наименѣе изученныхъ. Только относительно корпорацій хозяевъ имѣются нѣкоторыя историческія свѣдѣнія.

Матцуцаки Кутаносукэ, считающійся первымъ авторитетомъ въ этой области, составилъ очень интересную коллекцію уставовъ прежнихъ корпорацій въ Осакѣ. Но, какъ замѣчаетъ Wigmore въ концѣ своей статьи, здѣсь нѣтъ никакихъ матеріаловъ о рабочихъ корпораціяхъ.

Строго говоря, такихъ корпорацій никогда и не было, по крайней мѣрѣ, законныхъ. Что же касается нынѣшняго порядка, то законы 1885 и 1897 гг. не разрѣшаютъ учрежденія въ одной и той же отрасли промышленности двухъ отдѣльныхъ корпорацій: одной—для хозяевъ, другой—для рабочихъ. Эти послѣдніе пользуются только правомъ присоединиться къ корпораціи хозяевъ. Въ этомъ случаѣ *wakaté* или корпорація рабочихъ является лишь секціей общей группы. Примѣромъ тому служитъ одна изъ главнѣйшихъ корпорацій, а именно корпорація плотниковъ въ Токио, насчитывающая въ себѣ 1.300 рабочихъ и 300 хозяевъ.

То же самое относится и къ корпораціямъ парикмахеровъ, типографщиковъ, джигриншей и т. п. При этой системѣ согласованіе противоположныхъ интересовъ обѣихъ партій лежитъ на обязанности соединеннаго совѣта этихъ партій.

Въ настоящее время въ Японіи существуетъ тенденція побуждать рабочихъ къ образованію автономныхъ корпорацій, и въ этомъ родѣ уже учреждены двѣ ассоціаціи, а именно «Ассоціація машинистовъ общества желѣзныхъ дорогъ въ Японіи» и «Ассоціація рабочихъ желѣзодѣлательныхъ мастерскихъ въ Іокогамѣ». Не слѣдуетъ, однако, забывать, что въ то время, какъ корпораціи хозяевъ разсматриваются, какъ юридическія лица, и по закону 1897 года могутъ пріобрѣтать недвижимость, въ то же время тѣ немногія ассоціаціи рабочихъ, которыя боязливо теперь возникаютъ, не имѣютъ этихъ правъ, будучи незаконными и только терпимыми правительствомъ. Впрочемъ, такая терпимость существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока подобныя ассоціаціи не заставляютъ о себѣ говорить; при первомъ же столкновеніи, на сцену снова выступаетъ полицейская власть съ ея произволомъ. Это особенно вѣрно со времени введенія въ дѣйствія закона объ общей безопасности, вотиrowаннаго сеймомъ въ январѣ 1900 года.

Все это, конечно, не долго будетъ въ состояніи удовлетворять законнымъ стремленіямъ японскаго пролетаріата.

Всякое предусмотрительное правительство при подобныхъ обстоятельствахъ должно дѣйствовать крайне осторожно, непрерывно слѣдя за каждымъ движеніемъ въ народѣ, но въ то же время отнюдь не загораживая ему дороги. Благодаря своему необыкновенно живому темпераменту и стремленію не останавливаться на полдорогѣ, японскій народъ быстро приближается къ такому политическому и соціальному режиму, при которомъ во всѣхъ дѣлахъ послѣднее слово должно принадлежать народу, какъ въ нашихъ западныхъ республикахъ. Игнорированіе нуждъ и справедливыхъ стремленій народной массы становится опаснымъ и совершенно бесполезнымъ, такъ какъ этимъ можно только раздражить толпу, ни въ чемъ ея не убѣдивши. И какой ужасный взрывъ можетъ произойти въ тотъ день, когда въ такой странѣ, какъ Японія, внезапно вспыхнутъ долго сдерживаемыя народныя страсти! Возьмемъ хотя-бы бѣднѣйшую корпорацію джинрикшей, насчитывающую въ одномъ только Токио 60.000 человекъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, 50.000 ежедневно наводняютъ улицы... Попробуйте себѣ представить, что можетъ, въ случаѣ возмущенія,

сдѣлать съ этой арміей дисциплинированныхъ и закаленныхъ въ трудѣ людей вожакъ, которому удастся снискать довѣріе всѣхъ этихъ несчастныхъ, внушить имъ мысль сбросить съ себя тяжкое иго и повести ихъ въ борьбу за достиженіе ихъ стремленій.

Среди безчисленныхъ вопросовъ, требующихъ отъ японскаго правительства быстрого разрѣшенія, самыми неотложными, наиболѣе достойными вниманія и наиболѣе важными по своимъ послѣдствіямъ являются тѣ, именно, вопросы, которые я пытался затронуть въ этомъ краткомъ очеркѣ; но къ нимъ правительство относится съ непонятнымъ равнодушіемъ.

IX.

Народное образованіе.

Образованіе въ Японіи во всѣ времена стояло на довольно высокомъ уровнѣ и было достояніемъ не только высшихъ классовъ, но и большинства населенія. Учебная программа, очень не сложная, была для всѣхъ одинакова, такъ какъ большинство довольствовалось элементарными знаніями, необходимыми въ жизни, пополняя ихъ кое-какими нравственными понятіями, почернутыми, смотря по эпохѣ, то изъ ученія Будды, то изъ ученія Конфуція. Въ этомъ отношеніи, въ теченіе средневѣкового періода исторіи Японіи, т.-е. приблизительно съ 600 по 1600 годъ, перевѣсъ былъ безусловно на сторонѣ буддизма. Перейдя изъ Китая черезъ Корею, новая религія утвердилась въ Японіи съ необыкновенной силой и въ очень короткое время пролила въ сознаніе японцевъ какъ бы струю животворнаго источника, все оживляющаго и преобразующаго. Буддизмъ произвелъ полный переворотъ въ искусствѣ, наукахъ, въ особенности, въ медицинѣ, поэзіи и политикѣ, положивъ на все свой могучій отпечатокъ.

Народное образованіе не могло, конечно, избѣжать этого неотразимаго вліянія, и, дѣйствительно, буддистскіе жрецы, превращавшіе храмы въ школы, были въ теченіе 10 вѣковъ воспитателями японскаго народа. Но потомъ вліяніе буддизма сразу вдругъ ослабло. Великій шогунъ Іеясе, ревностный по-

слѣдователь Конфуція, сталъ распространять его ученіе, и такимъ образомъ конфуціанство, появившееся въ Японіи одновременно съ китайской цивилизаціей, т.-е. за 15 столѣтій до описываемой эпохи, но находившееся до тѣхъ поръ въ тѣни, оцѣненное лишь немногими избранными умами, стало вдругъ въ 1650 году основнымъ элементомъ въ воспитаніи каждаго образованнаго японца.

Это ученіе съ его принципами практической морали, основанными на абсолютномъ подчиненіи родителямъ, учителямъ и главѣ государства, въ общемъ, какъ нельзя лучше подходило къ феодальному строю старой Японіи и, въ теченіе двухъ столѣтій, въ періодъ господства династіи شوгуновъ Токугава вплоть до революціи 1868 года, «Четыре книги» и «Пять правилъ», Shi-Sho и Go-Kio, считались классическими произведеніями, которыя молодежь заучивала наизусть. Іеясе провелъ духъ этого ученія даже въ законодательствѣ, которое онъ далъ народу; такъ, въ «Книгѣ о 100 законахъ» онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Каждый вѣрноподданный долженъ быть готовъ принести въ жертву императору всѣ свои силы, знанія и имущество; каждый ребенокъ долженъ пожертвовать тѣмъ же для своихъ родителей, ученикъ для своего учителя, ибо императору мы обязаны пропитаніемъ, родителямъ—нашею жизнью, учителямъ—нашимъ образованіемъ, а безъ этихъ трехъ благъ существованіе наше было бы невозможно».

Нѣсколько историческихъ и литературныхъ свѣдѣній дополнили запасъ знаній обыкновеннаго школьника. Къ этому времени относится начало вліянія западно-европейской культуры, вліянія, возникшаго благодаря сношеніямъ незначительной части населенія съ голландцами, основавшими въ Нагасаки. Такъ какъ усвоеніе европейской культуры было строго воспрещено правительствомъ, то лишь очень немногимъ, рисковавшимъ своей жизнью, удалось изучить голландскій языкъ на столько, чтобы имѣть возможность читать книги и понимать прочитанное. Революція 1868 года и открытіе доступа въ Японію иностранцамъ произвели полный переворотъ въ старой системѣ воспитанія. Съ этого времени всѣ реформы, предпринятыя имперіей микадо, были направлены къ тому, чтобы поставить японскій народъ на одинъ уровень съ европейскими націями въ отношеніи общей культуры, знаній и даже образа мыслей. Поэтому, раздѣленіе учеб-

ныхъ заведеній на различные разряды, методъ преподаванія, учебные планы и пр.—все это было въ широкихъ размѣрахъ заимствовано изъ западно-европейской системы воспитанія, благодаря чему народное образованіе въ Японіи сдѣлало рѣшительный шагъ впередъ. Въ 1871 году, въ видахъ централизаціи различныхъ учебныхъ органовъ, было учреждено министерство народнаго просвѣщенія.

Такъ какъ съ тѣхъ поръ движеніе Японіи по пути прогресса изъ года въ годъ постепенно ускоряется, то въ настоящее время Японія обладаетъ такой организаціей учебнаго дѣла, которая если и не можетъ быть признана совершенной, то, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о значительномъ успѣхѣ Японіи въ дѣлѣ народнаго образованія. Начальное образованіе прочно утвердилось даже въ глухихъ деревняхъ самыхъ отдаленныхъ провинцій; вездѣ существуютъ учительскія семинаріи для приготовленія педагогическаго состава, въ крупныхъ же центрахъ есть нѣсколько спеціальныхъ школъ, а именно: техническія училища, открытыя въ видахъ удовлетворенія требованій, предъявляемыхъ промышленностью, училища для слѣпыхъ, глухо-нѣмыхъ и т. д. Наконецъ, все зданіе народнаго образованія увѣнчано императорскимъ университетомъ въ Токио, учрежденнымъ въ 1877 году, и его младшимъ братомъ—университетомъ въ Кіото, учрежденнымъ всего только три года тому назадъ.

Здѣсь будетъ умѣстно привести нѣсколько цифровыхъ данныхъ, заимствованныхъ изъ официальной статистики; данные эти довольно точно иллюстрируютъ развитіе народнаго образованія въ Японіи за послѣдніе годы.

Въ первой изъ помѣщаемыхъ здѣсь таблицъ приведены данныя относительно количества учебныхъ заведеній:

ШКОЛЫ.

Годы.	Находящіяся въ непосред- ственномъ вѣдѣніи пра- вительства.	Находящіяся въ вѣдѣніи мѣстныхъ управленій.	Частныя.	Общій итогъ.
1897 . . .	19	23.216	2.140	25.375
1898 . . .	18	23.555	2.021	25.594
1899 . . .	20	23.669	1.950	25.639
1900 . . .	21	26.328	1.379	27.728
1901 . . .	21	26.621	1.762	28.404

Слѣдующая таблица заключаетъ въ себѣ данныя о количествѣ учащихся въ школахъ:

Годы.	ШКОЛЫ.			Общій итогъ.
	Правитель- ственные.	Мѣстныя.	Частныя.	
1897 . . .	7.918	3.132.412	145.380	3.285.710
1898 . . .	8.192	3.318.013	139.595	3.455.790
1899 . . .	8.448	3.476.505	137.863	3.622.811
1900 . . .	8.876	3.654.008	139.299	3.812.183
1901 . . .	9.321	3.872.794	148.858	4.030.973

Въ заключеніе, привожу послѣднюю таблицу, содержащую въ себѣ процентное отношеніе между числомъ дѣтей, учащихся въ школахъ, и общимъ числомъ дѣтей школьнаго возраста во всей имперіи.

Годы.	УЧАЩІЕСЯ.		Тѣ и другія вмѣстѣ.
	Мальчики.	Дѣвочки.	
1897 . . .	71,66 ⁰ / ₀	36,46 ⁰ / ₀	55,14 ⁰ / ₀
1898 . . .	74,76 ⁰ / ₀	40,59 ⁰ / ₀	58,73 ⁰ / ₀
1899 . . .	77,14 ⁰ / ₀	44,67 ⁰ / ₀	61,72 ⁰ / ₀
1900 . . .	76,65 ⁰ / ₀	43,87 ⁰ / ₀	61,24 ⁰ / ₀
1901 . . .	79,00 ⁰ / ₀	47,54 ⁰ / ₀	64,22 ⁰ / ₀

За послѣднія двадцать лѣтъ приведенное процентное отношеніе возросло: для мальчиковъ—съ 40⁰/₀ до 79⁰/₀ и для дѣвочекъ—съ 15,5⁰/₀ до 47,54⁰/₀, а въ общемъ—съ 28,5⁰/₀ до 64,22⁰/₀.

Тѣсныя рамки настоящаго труда не позволяютъ входить во всѣ детали тѣхъ замѣчательныхъ мѣропріятій, которыя были предприняты Японіей въ видахъ развитія народнаго образованія. Поэтому, ограничусь лишь слѣдующими замѣчаніями.

Прежде всего, въ глаза бросается интересная организація техническихъ училищъ, возникновеніе которыхъ неразрывно связано съ быстрымъ ростомъ промышленности, потребовавшей немедленно значительнаго числа подмастерьевъ и опытныхъ мастеровыхъ, способныхъ руководить массой рабочихъ, въ рукахъ которыхъ оказались совершенно неизвѣстныя имъ дотолѣ орудія и инструменты.

Высшее образованіе, какъ я уже сказалъ, сосредоточено въ двухъ университетахъ—въ Токио и Кіото.

Первый изъ этихъ университетовъ имѣетъ 6 факультетовъ, а именно: юридическій, медицинскій, словесный, общеобразовательный, сельскохозяйственный и инженерныхъ наукъ. До настоящаго времени преподаваніе на медицинскомъ факультетѣ оставалось исключительно въ рукахъ нѣмецкихъ профессоровъ, но другіе факультеты имѣютъ достаточное количество японскихъ профессоровъ, хотя на ряду съ ними есть не мало профессоровъ и другихъ національностей.

Въ 1901 году университетъ въ Токио былъ въ полномъ расцвѣтѣ, имѣя 175 профессоровъ и свыше 2000 студентовъ, изъ которыхъ 308 окончили въ означенномъ году курсъ съ ученою степенью (97 по юридическому факультету, 23—по медицинскому, 50 по словесному, 18 по общеобразовательному, 40 по сельскохозяйственному и 80 со званіемъ инженера).

Въ заключеніе нужно сказать, что, по приглашенію японскаго правительства, въ различныхъ школахъ преподають около 200 иностранцевъ, большинству которыхъ поручено преподаваніе иностранныхъ языковъ. Въ университетѣ такіе спеціальные предметы, какъ право, медицина, философія и т. п., преподаются исключительно иностранными профессорами.

Бюджетъ на народное образованіе въ Японіи чрезвычайно ограниченъ и составляетъ слабое мѣсто ея государственной росписи. Чтобы дать объ этомъ болѣе ясное представленіе, я позволю себѣ напомнить, что, согласно послѣднему балансу государственныхъ финансовъ, на начальное образованіе было затрачено 15.526.101 іенъ, на каковую сумму воспитывалось 3.872.794 дѣтей обоего пола.

Дойти до подобной экономіи правительству удалось путемъ уменьшенія числа учителей и назначенія имъ ничтожныхъ окладовъ; такимъ образомъ, на указанное выше количество учениковъ (3.872.794) приходится всего лишь 58.256 учителей, и, слѣдовательно, на cadaго учителя приходится въ среднемъ по 66 учениковъ—цифра огромная.

Что же касается окладовъ, то они невѣроятно малы. Такъ, средній мѣсячный окладъ учителя начальной школы соста-

вляеть 9¹/₂ іенъ, нѣкоторые же учителя получаютъ всего 3¹/₂ іена. Понятно, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о сколько-нибудь порядочномъ подборѣ учителей. Оклады преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній также ничтожны, и самый большой окладъ, который можетъ получить въ университетѣ японскій профессоръ, составляетъ всего 1.200 іенъ въ годъ.

Вопросъ о вознагражденіи учебнаго персонала является въ настоящее время вопросомъ весьма существеннымъ, такъ какъ, въ виду значительнаго повышенія жалованья въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, молодые люди съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тяготеютъ къ коммерческому дѣлу; поэтому, правительству приходится вербовать преподавателей съ большимъ трудомъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣдствіи это будетъ еще труднѣе, если только размѣръ учительскаго жалованья, которое не удовлетворило бы даже токійскаго дживрикшу, останется прежній.

Въ дополненіе къ этому краткому очерку организаціи учебнаго дѣла въ Японіи, замѣчу, что женское образованіе также не забыто, и что въ настоящее время существуетъ значительное количество женскихъ учебныхъ заведеній различныхъ разрядовъ, т.-е. начальныя, среднія школы, учительскія семинаріи и, наконецъ, женскій университетъ Nippon Joshi Daï Gakko, учрежденный въ Токио по инициативѣ нѣсколькихъ знатныхъ японцевъ: графа Окума, графа Иджиката, барона Шибусава, капиталиста Сумитоме и другихъ, и открытый 20-го апрѣля 1901 года Ректоромъ его состоитъ г. Нарусе.

Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что учебное дѣло во всѣхъ своихъ стадіяхъ немало обязано частной инициативѣ, блестящимъ примѣромъ которой, какъ мы только что видѣли, является учрежденіе женскаго университета въ Токио. Частная инициатива много содѣйствовала исполненію тѣхъ пробѣловъ въ организаціи учебнаго дѣла, которые оставались въ немъ за малыми размѣрами средствъ, ассигнованныхъ на народное образованіе правительствомъ.

Среди учебныхъ заведеній, возникшихъ по частной инициативѣ, заслуживаютъ особаго вниманія: школа Васеда въ Токио, обязанная своимъ учрежденіемъ просвѣщенной щедрости графа Окума, одного изъ первыхъ государственныхъ людей

имперіи, и коллегія Кейо-Гиджiku въ Токио, учрежденная по инициативѣ г. Фукузава, руководившаго ею лично до самой смерти.

Basil Hall Chamberlain въ своей книгѣ «Things japonese», слѣдующимъ образомъ характеризуетъ личность г. Фукузава: «Писатель, необыкновенно ясно излагающій свои мысли, издатель одной очень распространенной газеты, зорко слѣдящій за потребностями минуты, вчерашній сторонникъ христіанскаго ученія, поскольку принятіе его могло бы быть полезно для Японіи въ ея сношеніяхъ съ западными государствами, сегодня ревностный проповѣдникъ буддизма, ученіе котораго какъ нельзя болѣе подходитъ къ идеямъ прогресса и эволюціи, то благосклонно расположенный къ иностранцамъ, то враждебно настроенный къ нимъ, чарующій, умный, иногда увлекающійся, этотъ великій воспитатель, который долженъ былъ бы быть министромъ народнаго просвѣщенія, но который, однако, всегда избѣгалъ почестей, является духовнымъ отцомъ большинства лицъ, управляющихъ въ настоящее время странюю».

Въ общемъ, какъ мы видимъ, за послѣднія 40 лѣтъ въ области народнаго образованія, какъ и въ другихъ областяхъ, Японія сдѣлала очень много. Впрочемъ, чтобы дать себѣ вполне ясное представленіе объ истинномъ положеніи учебнаго дѣла въ Японіи, не слѣдуетъ слишкомъ довѣряться первому впечатлѣнію.

Всякій, кто, поживи въ Японіи, давалъ себѣ трудъ хотя сколько-нибудь ознакомиться съ настоящимъ вопросомъ, навѣрно былъ пораженъ тою анархіей и безпорядкомъ, которые царятъ въ высшихъ сферахъ японскаго министерства народнаго просвѣщенія. Въ этой странѣ, гдѣ во всѣхъ дѣлахъ разрѣшеніе принципиальныхъ вопросовъ сводится къ произволу отдѣльныхъ личностей, министерство народнаго просвѣщенія (Mombousho) особенно отличается своими низкими интригами. Всѣ чиновники этого министерства классифицируются не только по принадлежности къ тому или иному изъ четырехъ политическихъ клановъ, но еще и сообразно учебнымъ заведеніямъ, въ которыхъ они получили свое образованіе. Поэтому, на примѣръ, если нужно назначить какого-нибудь чиновника на болѣе или менѣе высшую должность, то затрудненіе вызываетъ не столько вопросъ о необходимыхъ для занятія такой должности качествахъ и знаніяхъ, сколько вопросъ о томъ, который изъ кла-

новъ, Сатсума или Чошу, протежируетъ вновь назначаемому и гдѣ получилъ послѣдній свое образованіе, въ университетѣ или въ учительской семинаріи.

Само собой разумѣется, что едва только одинъ кланъ низложить другой, какъ все созданное этимъ послѣднимъ немедленно идетъ на смарку. Высшія должностныя лица постоянно подвергаются перетасовкѣ, учебныя программы вѣчно мѣняются и — японская версія стараго спора между классицизмомъ и реализмомъ — одни стоятъ за китайскій, другіе — за европейскіе языки. Въ концѣ концовъ, какъ прежде, такъ и теперь результаты, если не жалки, то, во всякомъ случаѣ, не велики.

Спѣшу оговориться, что все это лишь одна изъ самыхъ незначительныхъ причинъ печальныхъ результатовъ, которые всякій безпристрастный наблюдатель можетъ констатировать въ учебномъ дѣлѣ Японіи вообще и въ высшемъ образованіи, гдѣ гнѣздится наибольшее зло, въ особенности.

Главные же причины кроются въ другомъ.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ, которая замѣчается не только въ области воспитанія, но и во многихъ другихъ, — непомѣрная національная спесь, которая безспорно является самымъ разрушительнымъ элементомъ, съ одинаковой силой властвующимъ мыслями и поступками какъ частныхъ, такъ и правящихъ лицъ. Этою закоренѣлою и необузданною спесью объясняется, между прочимъ, обнаружившееся въ Японіи за послѣдніе годы консервативное и ретроградное направленіе. И этотъ спесивый націонализмъ, какъ это ни странно, находитъ себѣ самыхъ горячихъ и убѣжденныхъ сторонниковъ, главнымъ образомъ, среди наиболѣе образованныхъ людей. Напримѣръ, изъ всѣхъ государственныхъ учрежденій самымъ шовинистскимъ и ретрограднымъ является высшій совѣтъ министерства народнаго просвѣщенія. Нѣтъ другого учрежденія съ болѣе узкими и ограниченными взглядами. Эволюція общественнаго мнѣнія въ направленіи навсегда останется однимъ изъ наиболѣе интересныхъ фазисовъ въ области общаго преобразованія, совершающагося въ Японіи въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ.

Около 1870 года большинство населенія восторженно относилось къ водворенію въ Японіи европейской культуры; на все, что шло съ Запада, смотрѣли съ изумленіемъ, смѣшаннымъ

съ уваженіемъ, и все, приходившее изъ Европы или Америки, казалось достойнымъ подражанія. Одно время можно было даже думать, что Японія совершенно утратитъ свою индивидуальность и станетъ плохою копіей любой изъ западно-европейскихъ націй.

Для иностранцевъ это время было по-истинѣ золотымъ вѣкомъ. На нихъ смотрѣли, какъ на непогрѣшимыхъ и всезнающихъ полу-боговъ; какого-нибудь служащаго на пароходѣ метръ-д-отеля или бывшаго кучера японцы, не задумываясь, приглашали на кафедру профессора философіи или на какую-нибудь другую ученую должность. Въ эту эпоху одинъ мясникъ изъ Іокогамы былъ назначенъ профессоромъ университета, а одинъ нѣмецъ, бывший парикмахеромъ въ Нью-Йоркѣ, откуда разныя злословія заставили его удалиться, былъ назначенъ главнымъ хирургомъ въ войска, отправленные на островъ Формозу для усмиренія мятежа.

Но въ 1874 году наступила реакція, достигшая своего полного развитія около 1880 года.

Новое направленіе въ области воспитанія было отмѣчено слѣдующими двумя событіями: установленіемъ системы экзаменовъ съ цѣлью выясненія знаній иностранцевъ, желавшихъ получить мѣсто профессора въ какомъ-нибудь изъ вновь открытыхъ учебныхъ заведеній, и новымъ включеніемъ въ учебныя программы нравственнаго ученія Конфуція. Слѣдуетъ прибавить, что первое изъ указанныхъ мѣропріятій объясняется до нѣкоторой степени странностью кандидатовъ, изъяснявшихъ претензію на профессуру; такъ, на первыхъ же экзаменахъ можно было видѣть кандидата на кафедру англійской литературы въ первой японской коллегіи (Kaiseigakko), который при перечисленіи своихъ правъ именовалъ себя Saled in a steam yott. Другой, желавшій преподавать математику въ университетѣ, смѣло предлагалъ, для опредѣленія степени его познаній, задать ему задачу на уравненіе второй степени!

Что касается конфуціанства, то только въ 1880 году оно заняло въ воспитаніи японцевъ то высокое положеніе, которое оно потеряло за 13 лѣтъ передъ тѣмъ. Переворотъ въ народномъ образованіи оказался на столько полнымъ, что съ того времени все рѣшительно въ области образованія, начиная съ книгъ для

первоначальнаго обученія и кончая самыми важными уставами, было пропитано духомъ древней китайской философіи.

Такое положеніе вещей продолжалось до 1885 года.

Затѣмъ въ теченіе другого трехлѣтняго періода увлеченіе европейской культурой, какъ будто, снова возвратилось. Эта перемѣна произошла послѣ возвращенія маркиза Ито, который ѣздилъ въ Европу для теоретическаго и практическаго изученія конституціоннаго образа правленія. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ маркизь Ито и графъ Инуѣ сосредоточили все вниманіе на умственной сторонѣ жизни народа. Но надо думать, что ихъ взгляды были слишкомъ преждевременны, ибо еще разъ все пошло вспять, и реакція снова стала полною, когда въ 1887 году виконтъ Тани выступилъ со своими знаменитыми мемуарами, въ которыхъ сконцентрированъ весь консерватизмъ той эпохи¹⁾.

Къ этому времени и относится появленіе на свѣтъ эклектическаго консерватизма (*Kokousoniu hozon*). Партія реакціонеровъ стала громко протестовать противъ новыхъ законовъ, заимствованныхъ изъ европейскихъ законодательствъ, противъ принятія христіанства, противъ приглашенія иностранцевъ правительствомъ и вообще противъ всего иностраннаго.

На время Японія нѣсколько было охладѣла къ консервативному направленію, вслѣдствіе сильнаго желанія страны быть принятой въ международную конференцію по пересмотру трактатовъ. Но въ 1893 году, когда стало ясно, что эта цѣль не будетъ достигнута, былъ принятъ новый лозунгъ—соблюдать старые трактаты съ особою строгостью, чтобы тѣмъ самымъ заставить ихъ пересмотрѣть. Къ счастью, благодаря вмѣшательству либеральной партіи, полному осуществленію этого плана удалось помѣшать, но въ результатѣ всетаки созданъ особый взглядъ, искажающій японскую политику—это предубѣжденіе противъ пріобрѣтенія иностранцами земельной собственности въ Японіи.

Такое положеніе вещей продолжается и понынѣ, хотя на основаніи пересмотрѣнныхъ въ 1898 году новыхъ трактатовъ,

¹⁾ Японскій парламентъ, между прочимъ, отклонилъ въ это время принятіе метрической системы, усматривая въ ней посягательство на національную честь, торговая же палата въ Токио по той же причинѣ требовала уничтоженія римскихъ цифръ на монетахъ страны!

европейскія государства признали за Японіей то, чего та тщетно ранѣе добивалась: упраздненіе капитуляцій.

Это реакціонное движеніе ни въ чемъ не обнаруживается, такъ ярко, какъ въ измѣненіи отношенія властей къ иностранцамъ, принятымъ на службу правительствомъ микадо. Я уже сказалъ, что въ началѣ на иностранцевъ смотрѣли, какъ на какихъ-то полубоговъ; теперь ихъ пытаются третировать какъ холоповъ, и въ этой перемѣнѣ отношеній столько же безтактности, сколько и неблагодарности.

Когда рѣчь заходитъ о необыкновенномъ превращеніи современной Японіи, то подданные микадо никогда не упоминаютъ о томъ, что главными сподвижниками въ этомъ удивительномъ переворотѣ были преимущественно иностранцы,—обстоятельство, котораго японцамъ никогда не слѣдовало бы забывать. Происшедшей метаморфозой Японія обязана главнымъ образомъ «служащимъ иностранцамъ»¹⁾, какъ ихъ называютъ тамъ не безъ презрѣнія: профессорамъ, инженерамъ и офицерамъ западныхъ государствъ. Они именно дали Японіи ея армію, флотъ, промышленность, общественныя работы, законодательство; а Чемберлэны, Сатовы, Астоны, Флоренцы и др. создали изъ отдѣльныхъ обрывковъ ея философію и нѣсколько освѣтили національную исторію Японіи.

Даже болѣе, стремясь освободить себя отъ услугъ иностранцевъ, Японія будетъ со дня на день все больше замѣчать, насколько она имъ обязана и насколько они ей еще необходимы. Но національная спесь не позволитъ ей въ этомъ сознаться, и въ настоящее время японцы хотятъ во что бы то ни стало освободиться изъ-подъ опеки этихъ пришельцевъ, не столько обременительныхъ для казны, сколько досадныхъ для національнаго самолюбія.

Эта слѣпая спесь заставляетъ, напр., замѣщать командующихъ японскими пароходами офицеровъ изъ иностранцевъ туземцами, хотя всѣмъ хорошо извѣстно, что никто не будетъ довѣрять—и вполнѣ основательно—экипажу, которымъ коман-

¹⁾ Чтобы лучше отмѣтить современныя тенденціи, я могу прибавить, что въ заключенныхъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ договорахъ о поступленіи на службу встрѣчаются термины, выражающіе еще большее презрѣніе къ иностранцамъ.

дуетъ не европейецъ. Та же самая спесь заставляетъ увольнять необходимыхъ въ промышленности иностранцевъ-техниковъ, хотя своихъ техниковъ у Японіи еще очень мало. Наконецъ, благодаря все той же спеси, японское правительство считаетъ, безъ сомнѣнія, ниже своего достоинства отдавать публикуемыя имъ многочисленныя изданія на европейскихъ языкахъ компетентнымъ лицамъ для составленія или, по крайней мѣрѣ, просмотра; иначе трудно было бы себѣ объяснить существованіе въ официальныхъ документахъ такихъ литературныхъ перловъ, какъ, напримѣръ, слѣдующее мѣсто: «...не считая нѣсколькихъ быковъ (boeufs), полъ которыхъ неизвѣстенъ»¹⁾. Это направленіе умовъ, достигшее теперь своего пароксизма, тѣмъ не менѣе существовало всегда; и оно же, мнѣ кажется, очень опредѣленно сказалось въ слѣдующей забавной исторіи прибытія въ Кобе 35 или 40 лѣтъ тому назадъ перваго японскаго парохода, купленнаго у англичанъ. Лишь только пароходъ бросилъ на рейдѣ якорь, какъ новые его хозяева немедленно взобрались на него и удалили на берегъ всю сопровождавшую его англійскую команду, присутствіе которой было признано ими, послѣ полученія отъ нея нѣкоторыхъ бѣглыхъ инструкцій, совершенно ненужнымъ. И вотъ наши маленькіе японцы, освѣдомившись лишь о томъ, какъ пустить въ ходъ машину, на всѣхъ парахъ направились къ порту. Они забыли справиться о бездѣлицѣ—какъ остановить машину. Опасаясь быть выброшенными на берегъ, они принуждены были въ теченіе нѣсколькихъ часовъ описывать круги по гавани, до тѣхъ поръ, пока въ топкѣ не потухъ огонь; на берегу же въ это время серіозные англичане надрывались отъ хохота. Въ этой исторіи сказался весь характеръ японцевъ: иностранцами изобрѣтены тысячи чудесныхъ вещей; японцы ихъ приобрѣтаютъ, имъ подражаютъ, переобезъяниваютъ, если нельзя сдѣлать ихъ лучше; но самихъ иностранцевъ, ихъ нужно держать въ черномъ тѣлѣ.

¹⁾ См. «Resumé statistique de l'Empire du Japon», изданное на французскомъ языкѣ императорскимъ кабинетомъ, 1894 г., стр. 22. Рекомендую также прочесть сообщеніе по японской философіи, сдѣланное въ 1897 году на конгрессѣ ориенталистовъ въ Парижѣ профессоромъ Токійскаго университета Инуи. Это нѣчто неподражаемое.

Словомъ, легко замѣтить, что, подъ личиною прогресса и цивилизаціи, въ Японіи во всемъ царить, если взглянуть поглубже, старый національный духъ, со всѣми его недостатками.

Въ настоящее время, къ тому же, въ странѣ очень распространены узкій и партійный консерватизмъ дурного тона. Направленіе это сосредоточено главнымъ образомъ въ одной партіи подъ названіемъ Nippon Shougi-to или «Японская партія», въ числѣ вождей которой находятся: Фурусавъ Урао, Кимура Такатаро, Такаяма Ринджиро, и особенности Инуйе Тетсуджиро, экстраординарный профессоръ философіи въ Токийскомъ университетѣ.

Несомнѣнно, патріотизмъ и лояльность по отношенію къ трону—качества очень почтенныя, но они перестаютъ быть таковыми, когда ими начинаютъ злоупотреблять; въ Японіи же эти два слова особенно легко становятся синонимами національной обособленности и пустого шовинизма. Въ политикѣ нѣтъ худшихъ совѣтчиковъ. Эти идеи вызвали господствующее въ Японіи непріязненное отношеніе ко всему иностранному. Отсюда же и обыкновеніе обозначать особою краскою на картахъ, предназначенныхъ для учениковъ, Ляодунскій полуостровъ. Къ сожалѣнію, это націоналистское направленіе не ограничивается только партіей Nippon Shougi-to, оно господствуетъ теперь повсюду и пропагандируется преимущественно школьными учителями. Послѣдніе, впрочемъ, лишь слѣпо исполняютъ внушенія, идущія свыше. Профессоръ Инуйе произнесъ 5-го ноября 1898 года, передъ огромной аудиторіей рѣчь, порицавшуюся всею либеральною прессою; будучи по формѣ просто консервативной, она, въ сущности, была направлена противъ иностранцевъ. Онъ излагалъ самыя смѣшныя теоріи относительно происхожденія японскаго народа. Профессоръ восклицалъ: «Во всѣхъ другихъ странахъ монархъ выходитъ изъ народа, но въ Японіи народъ имѣетъ честь происходить отъ императора (*Koshitson atté djimmin ya dékita*), въ свою очередь происходящаго отъ боговъ. Равнымъ образомъ, сыновняя любовь и патріотизмъ извѣстны также и всѣмъ другимъ народамъ, но эта любовь и патріотизмъ далеко не таковы, какъ въ Японіи» и т. д. А между тѣмъ, профессоръ Инуйе, посвятившій 25 лѣтъ изученію европейскихъ литературъ, считается од-

нимъ изъ наиболѣе видныхъ воспитателей своей страны. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должна была произвести подобная рѣчь, произнесенная человѣкомъ съ такимъ положеніемъ. Неужели онъ воображаетъ, что выраженный имъ тезисъ имѣетъ хотя бы тѣнь здраваго смысла? Да, наконецъ, даже если онъ и серіозно убѣжденъ въ превосходствѣ японцевъ надъ другими народами въ нравственномъ отношеніи, благодаря ихъ, якобы, божественному происхожденію, то и тогда нѣтъ никакой необходимости излагать подобное убѣжденіе въ догматической формѣ передъ дѣтьми. Національное тщеславіе подданныхъ микадо и безъ того очень велико и вовсе не нуждается въ возбужденіяхъ со стороны Инуйе, чтобы стать въ конецъ превеличеннымъ. Этотъ же самый г. Инуйе издалъ брошюру, комментирующую извѣстный императорскій рескриптъ о воспитаніи, и совершенно ложно истолковывающую этотъ документъ. Вредныя послѣдствія, вызванныя этой брошюрой, которая признается среди школьныхъ учителей классическою, неисчислимы, и ей въ наибольшей долѣ должно приписать возникновеніе проявляемаго населеніемъ за послѣдніе годы непріязненнаго отношенія къ иностранцамъ.

Вполнѣ естественно, что ребенокъ, получившій воспитаніе въ такомъ духѣ, считаетъ своимъ долгомъ при встрѣчѣ съ иностранцемъ оскорблять его. Поэтому, нѣтъ основаній упрекать школьниковъ, студентовъ и чернь въ грубомъ обращеніи съ иностранцами, такъ какъ они лишь примѣняютъ на практикѣ то, чему ихъ научили въ школѣ. Сами воспитатели — не главные виновники, это — люди бѣдные, скудно вознаграждаемые за свой трудъ, ни отъ кого не получающіе добраго совѣта и, естественно, усвоивающіе взгляды высшаго начальства. На это послѣднее и падаетъ вся тяжесть отвѣтственности. Справедливость требуетъ сказать, что люди либеральнаго направленія далеко не защищаютъ такого положенія вещей, и по этому поводу я могу привести очень характерныя слова одного изъ тѣхъ людей, которые безусловно наиболѣе уважаютъ свою страну, а именно графа Окумы, бывшаго президента совѣта министровъ. Разговаривая съ однимъ журналистомъ, явившимся его интервьюировать, этотъ замѣчательный государственный человѣкъ выразился такъ: «Всѣ тѣ, лозунгомъ которыхъ является про-

грессъ, встрѣчаютъ серіозное препятствіе со стороны ретрограднаго направленія воспитателей. Не подлежитъ, къ несчастью, сомнѣнію, что большинство учителей—шовинисты и противники иностранцевъ; поэтому, школьники, оскорбляя иностранцевъ, лишь отражаютъ чувства своихъ учителей».

«Непосредственную причину такого направленія воспитателей слѣдуетъ искать въ образованіи, получаемомъ ими въ учительскихъ семинаріяхъ, которыми завѣдуютъ преподаватели, преданные древне-китайской культурѣ и много говорящіе о Пяти Добродѣтеляхъ, но не подающіе примѣра красоты и силы этихъ добродѣтелей. Противорѣчіе между благородными порывами и дѣйствительными поступками встрѣчается всюду, но нигдѣ оно не выступаетъ съ такою силой, какъ въ Китаѣ, гдѣ существуютъ очень возвышенные политическіе принципы, но гдѣ ими никогда не руководствуются. И вотъ Японія переняла свою вражду къ иностранцамъ отъ Китая. Эта устарѣлая система воспитанія, основанная на преклоненіи передъ китайскими образцами, вырабатываетъ въ нашихъ дѣтяхъ тѣ узкіе и ограниченные взгляды, которые заставляютъ ихъ вѣрить въ свое превосходство надъ иностранцами. У насъ слишкомъ налегаютъ на изученіе исторіи Китая и Японіи, игнорируя великія событія Запада. Безусловно необходимо расширить поле преподаванія; отъ этого наша молодежь выиграетъ въ широтѣ взглядовъ и пойметъ, что въ ея же интересахъ лежитъ чувство терпимости ко всѣмъ безъ исключенія членамъ великой семьи человѣчества».

Въ іюлѣ 1899 года, когда вступилъ въ дѣйствіе новый режимъ, какъ слѣдствіе вновь пересмотрѣнныхъ договоровъ, самъ императоръ призналъ за благо издать знаменитый рескриптъ, въ которомъ приглашаетъ своихъ подданныхъ впредь относиться къ иностранцамъ немного лучше. Къ несчастью, даже по мнѣнію перваго государственнаго человѣка Японіи, маркиза Ито, не видно, чтобы японскій народъ признавалъ нужнымъ считаться съ этимъ высокимъ предписаніемъ ¹⁾).

¹⁾ См. рѣчь маркиза Ито, произнесенную имъ 9-го декабря 1899 года въ собраніи Кокка-Гако-Каі (Общество для изученія государственныхъ наукъ).

Въ заключеніе, приведу примѣръ характернаго проявленія настроенія умовъ, которое, повторяю, до сихъ поръ еще господствуетъ, особенно среди студентовъ и интеллигенціи.

Недавно кружкомъ вліятельныхъ людей былъ основанъ журналъ «Санъ-Ганъ» (Три Глаза) съ цѣлью защиты конфуціанства, буддизма и шинтоизма. Обложка этого журнала украшена изображеніемъ трехглазаго чудовища, которое съ саблей въ рукахъ обращаетъ въ бѣгство жалкаго маленькаго демона-христіанство. Въ первомъ же номерѣ этого журнала, между прочими перлами, встрѣчаемъ статью съ грубыми выходками противъ министра иностранныхъ дѣлъ Аоки за его женитьбу на нѣмкѣ, и очеркъ профессора военной академіи Шизо Наито, въ которомъ сказано, что одни только японцы имѣютъ право называться человѣческими существами, прочіе же народы если не животныя, то по крайней мѣрѣ, дикари.

Я указалъ уже, что этотъ ретроградный и шовинистскій строй мысли идетъ прямо въ разрѣзъ съ общегосударственными интересами, но онъ особенно губительно отзывается на народномъ образованіи, такъ какъ въ настоящее время тутъ все еще наиболѣе необходимо содѣйствіе иностранцевъ. Надо сказать, что японскіе преподаватели, особенно въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, абсолютно ниже своей задачи. Напрасно искали-бы мы между профессорами Токійскаго и Кіотскаго университетовъ хоть одного, который представлялъ бы собою ученаго, посвятившаго свою жизнь безкорыстнымъ поискамъ истины. Особенно характерной чертой японскихъ ученыхъ является, положительно, отсутствіе научной любознательности. Для нихъ нѣтъ ничего выше практическихъ познаній, которыя пріобрѣтаются съ большимъ или меньшимъ трудомъ, но являются всегда концомъ всякаго изученія, каково бы оно ни было. Эта узкая концепція безспорно и является причиной отрицательныхъ результатовъ, которые даетъ высшее образованіе въ Японіи, и, на мой взглядъ, нигдѣ лучше не подтверждается, чѣмъ здѣсь, глубокое изреченіе Абея Ремюзэ: «Восточные народы всегда бывають наказаны за презрѣніе, которое они питають къ познаніямъ европейцевъ, малою выгодой, благодаря этому презрѣнію, изъ нихъ извлекаемой».

Не хлопчите доказывать японскому профессору, что во всякой научной отрасли, какой бы онъ ни занимался, будь то области гуманитарныхъ или точныхъ наукъ, необходимо непрерывно работать, стараясь держаться au courant успѣховъ данной науки. Это будетъ потерянный трудъ.

Беру, для примѣра, профессора-юриста; ихъ я знаю лучше другихъ. Онъ былъ хорошимъ студентомъ (сейчасъ мы увидимъ, что это значить въ Японіи); по полученіи диплома, правительство отправило его для дальнѣйшаго усовершенствованія въ Европу или въ Америку. Молодой человѣкъ провелъ три или четыре года во Франціи, Англіи, Германіи или Соединенныхъ Штатахъ. Онъ прошелъ курсъ одного университетовъ, при этомъ выказалъ себя образцовымъ студентомъ: усидчивымъ, внимательнымъ, работающимъ и скромнымъ. Какъ только онъ возвратился на родину, въ немъ все перемѣняется какъ бы по волшебству. Онъ считаетъ себя обладателемъ свѣже дарованной науки; какой-то иностранный дипломъ поддерживаетъ эту фикцію въ глазахъ его соотечественниковъ, и ему весьма скоро даютъ каѳедру въ университетѣ. Тогда ему больше не надо учиться, и остается лишь, съ возможно меньшей затратой труда, извлекать изъ доставшагося ему положенія надлежащіе доходы и почетъ.

Для этой цѣли онъ, прежде всего, будетъ читать принятый имъ разъ на всегда одинъ и тотъ же курсъ, наслѣдіе годовъ, проведенныхъ имъ за границей, и безъ устали будетъ твердить его всю свою жизнь. Японскіе студенты въ Токио, весьма мало уважающіе своихъ японскихъ профессоровъ, говорятъ, на своемъ образномъ языкѣ, что эти господа «продаютъ въ розницу каѳедры иностранныхъ ученыхъ».

Этотъ способъ изготовленія мѣстныхъ профессоровъ иногда приводитъ къ самымъ неожиданнымъ послѣдствіямъ. Одинъ изъ нихъ, и притомъ не изъ мелкихъ, человѣкъ наиболѣе глупо-претенціозный и пустой, какихъ я когда-либо встрѣчалъ, заслуживаетъ здѣсь specialнаго упоминанія, тѣмъ болѣе, что знакомство съ этой личностью поможетъ лучше понять общее положеніе вещей. Однажды, мнѣ понадобилась точная справка относительно японскаго административнаго законодательства, и я попросилъ одного изъ своихъ студентовъ справиться въ

курсъ, который имъ читалъ указанный профессоръ-японецъ по этому предмету. Справки состояли въ выборкѣ статей японскаго законодательства по вопросу объ обязательномъ отчужденіи.

— Нашъ профессоръ,—отвѣтилъ мнѣ студентъ,—не занимался съ нами этимъ вопросомъ. Онъ сказалъ, что если въ будущемъ намъ придется встрѣтиться съ подобной задачей, намъ придется только прочесть соотвѣтствующія статьи закона.

— Но, въ такомъ случаѣ, что же вамъ читаетъ профессоръ государственнаго и полицейскаго права?

— Онъ критикуетъ Токвиля.

Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ господинъ когда-то слушалъ въ одномъ изъ захолустныхъ нѣмецкихъ университетовъ курсъ лекцій о Токвилѣ, читанный мѣстнымъ ограниченнымъ педантомъ. По возвращеніи изъ-за границы онъ получилъ каѳедру государственнаго и полицейскаго права и, въ продолженіе своей болѣе чѣмъ десятилѣтней профессорской дѣятельности, преспокойно проводилъ время за критикой Токвиля, и, очевидно, мои невинныя замѣтки не помѣшаютъ ему критиковать его до конца дней своихъ.

Эта неспособность къ усвоенію чистой и безкорыстной науки подтверждается массою мелкихъ фактовъ весьма знаменательныхъ. Напримѣръ, совѣтъ Токійскаго университета, когда я былъ тамъ профессоромъ, не задумался затратить тысячи долларовъ на то, чтобы послать на парижскую выставку великолѣпно иллюстрированные альбомы съ фотографическими портретами господъ профессоровъ во всевозможныхъ позахъ, и одновременно тотъ же совѣтъ отказалъ въ нѣсколькихъ сотняхъ іенъ, нужныхъ для напечатанія первокласснаго ученаго труда профессора Чемберлэна по вопросу о языкѣ жителей острововъ Ліу-Чиу.

Въ Японіи, когда пишутъ исторію, не затрудняются подтасовывать событія по своему усмотрѣнію, и одинъ офицеръ самымъ наивнымъ образомъ рассказывалъ мнѣ нѣчто совершенно невозможное о засѣданіяхъ комиссіи, назначенной для составленія исторіи войны съ Китаемъ 1894—1895 гг., которую японскій генеральный штабъ намѣревался издать во славу японскаго оружія.

Вышеизложеннымъ легко объясняется, почему профессора университета не теряютъ времени на составленіе ученыхъ курсовъ. Единственной ихъ идеей является личный заработокъ. Для достиженія этой цѣли они, при недостаточности окладовъ, обращаются къ другимъ источникамъ. Тѣ изъ нихъ, которымъ не удалось найти мѣста въ какомъ-нибудь министерствѣ, даютъ уроки въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Чтобы уяснить себѣ этотъ вопросъ, слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что въ Токійскомъ университетѣ число студентовъ ограничено, а между тѣмъ, этотъ университетъ пользуется весьма важной монополіей. А именно, ему принадлежитъ право производства экзаменовъ на право занятія высшихъ административныхъ должностей; экзаменъ этотъ открываетъ карьеру въ дипломатію, судъ, администрацію и пр. Изъ такого положенія вещей слѣдуетъ, что всѣ частныя школы находятся въ зависимости отъ университета, а потому администрація частныхъ школъ дѣлаетъ всевозможныя успія, чтобы имѣть въ составѣ своихъ преподавателей хотя бы одного профессора императорскаго университета. Я могъ бы назвать нѣсколько профессоровъ Токійскаго университета, которые имѣютъ до сорока пяти часовыхъ уроковъ въ недѣлю. Очевидно, что при подобномъ положеніи высшее образованіе развиваться не можетъ.

Мы видѣли, что такое японскіе профессора; переходимъ теперь къ студентамъ.

Несмотря на то, что они съ каждымъ днемъ постепенно теряютъ свою классическую учтивость прежнихъ временъ, несмотря на то, что въ настоящее время неповиновеніе и отсутствіе дисциплины становятся въ японскихъ школахъ обычнымъ явленіемъ, обратившимъ уже на себя вниманіе правительства и заставившимъ его серьезно вникнуть въ это опасное состояніе умовъ, студенты въ общемъ обладаютъ нѣкоторыми положительными качествами. Не подлежитъ, напр., сомнѣнію, что (я буду говорить о студентахъ, лично мнѣ извѣстныхъ) средняя норма работы студента Токійскаго университета значительно выше, чѣмъ норма работы ихъ товарищей во французскихъ университетахъ.

Японскій студентъ можетъ безъ принужденія слѣдить за большимъ количествомъ курсовъ, онъ очень прилеженъ и вни-

мателенъ, и цѣлыми часами можетъ записывать лекціи, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не понимаетъ ничего изъ того, что ему читаютъ, и онъ, безъ всякаго сомнѣнія, способенъ отвѣтить весь курсъ на экзаменъ наизустъ, безъ всякаго видимаго усилія. Однако, двѣ основныя причины безуспѣшности его работы сразу бросаются въ глаза: первая — безпорядочная спесь и вторая — совершенно исключительная память. Спесь, которая составляетъ отличительную черту японской расы, и о которой я неоднократно уже говорилъ, принимаетъ у японскаго студента самыя неожиданныя формы. Когда я читалъ свою вступительную лекцію права въ Токійскомъ университетѣ, я особенно настаивалъ на томъ, что я всегда къ услугамъ моихъ слушателей, которые найдутъ неясности въ моемъ курсѣ или просто пожелаютъ имѣть дополнительныя разъясненія. Пользуясь этимъ приглашеніемъ, студенты часто приходили со мной совѣтоваться, но ни одного раза эти совѣты не относились къ предмету моего курса. Оказывается, для самолюбія японскаго студента недопустимо сознаться профессору, что какая-либо часть его курса осталась имъ не понятой, и эти самыя молодые люди, которымъ, вѣроятно, было бы полезно пріобрѣсти дополнительныя свѣдѣнія о тайнахъ ипотеки или о другихъ тонкостяхъ гражданскаго права, находили болѣе цѣлесообразнымъ спрашивать меня, самымъ серіознымъ образомъ, что я думаю о божественности Іисуса Христа или о способѣ строить подводныя лодки.

Память японскихъ школьниковъ, достигающая положительно невѣроятнаго развитія, благодаря злоупотребленію этимъ драгоцѣннымъ орудіемъ работы — одна изъ причинъ незначительности результатовъ ученія въ имперіи микадо. Эта поразительная память является слѣдствіемъ того чрезвычайнаго напряженія, которому подвергается мозгъ японца при изученіи имъ своего языка или, правильнѣе, своихъ языковъ, потому что существуетъ два японскихъ языка съ двумя различными азбуками. Современный разговорный японскій языкъ такъ же мало похожъ на древній классическій языкъ, какъ современный итальянскій или греческій языки похожи на латинскій и греческій языки временъ Цицерона и Демосѣна. Кромѣ того, есть японскій письменный языкъ. Такъ что японскій ученикъ

долженъ сначала говорить по *yamato*, учиться писать по *Katakana*, и еще знать семь разныхъ формъ *Shirakana*. Затѣмъ, онъ долженъ выучиться читать и писать 4.000 китайскихъ знаковъ, что составляетъ минимумъ знанія китайскаго языка для средняго человѣка. Не надо забывать, что большинство этихъ 4.000 знаковъ могутъ читаться нѣсколькими способами и, кромѣ того, пишутся эти знаки тоже нѣсколькими способами, начиная отъ квадратнаго начертанія до самыхъ различныхъ формъ курсива. Японецъ долженъ выучиться произношеніямъ *yamato* и *kango*. Только послѣ всего этого, онъ будетъ немного знать свой языкъ, который, въ особенности письменный, какъ будто созданъ для того, чтобы уничтожать самыя настойчивыя стремленія къ его изученію; безъ большихъ буквъ, безъ знаковъ препинанія, слова слѣдуютъ одно за другимъ, причемъ, ничто не указываетъ ни на начало, ни на конецъ фразы; это ужасный языкъ, о которомъ одинъ іезуитскій миссіонеръ выразился, что онъ созданіе собора демоновъ. Понятно, что вся эта работа требуетъ громаднаго напряженія памяти въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, а тѣмъ временемъ инициатива, независимость характера и мышленіе совершенно атрофируются.

Дѣйствительно, это — трудъ, требующій только усилія памяти, вслѣдствіе чего ребенокъ совершенно естественно начинаетъ думать, что учить можно только на память. Начиненный китайщиной, словами и готовыми фразами, молодой человѣкъ, въ возрастѣ около двадцати лѣтъ, является въ университетъ, ни разу не обнаруживъ, что онъ мыслящее существо, и продолжаетъ въ томъ же духѣ.

Слѣдующій примѣръ, взятый изъ тысячи другихъ подобныхъ, даетъ понятіе объ этомъ явленіи. Юридическій факультетъ Токійскаго университета дѣлится на три отдѣленія: французское, англійское и нѣмецкое. Студенты каждаго отдѣленія, изучавшіе соотвѣтственный языкъ въ средней школѣ, должны понимать иностраннаго профессора, который читаетъ имъ законодательство своей страны. Въ дѣйствительности, за время моего преподаванія, изъ ста студентовъ французскаго отдѣленія только трое были способны поддержать по-французски простой разговоръ. Остальные, въ то время, какъ я читалъ свой курсъ, воспроизводили европейскими буквами звуки, которые они

слышали, не понимая ихъ; на первомъ же письменномъ третномъ экзаменѣ, большинство ихъ подали мнѣ цѣлыя страницы этой белиберды, которую они, безъ малѣйшаго отвращенія, просто выучили и запомнили наизусть. Мои нѣмецкіе и англійскіе коллеги обладали такимъ же контингентомъ слушателей, и по этому можно легко судить о достигнутыхъ результатахъ.

Японскій студентъ имѣетъ одинъ только идеалъ: какъ можно скорѣе получить дипломъ, чтобы пріобрѣсти возможность пользоваться благами жизни и удовлетворить честолюбіе. Для достиженія этой цѣли, онъ способенъ дѣлать громадныя усилія: онъ будетъ, если это нужно, слушать до тридцати часовыхъ лекцій въ недѣлю, на всѣхъ лекціяхъ будетъ старательно записывать и выучить эти записи наизусть; но не требуйте отъ него ни разсужденія, ни какого-либо интереса къ наукѣ, ибо вы вызовете на его устахъ лишь ироническую улыбку. Это относится не только къ массѣ студенчества, но и къ тѣмъ, кто поступилъ въ University Hall, куда принимаются лица, уже получившія дипломъ, и гдѣ, казалось бы, должны заниматься высшей научной работой. На самомъ же дѣлѣ, въ разрядъ этотъ одни идутъ для того, чтобы избавиться отъ воинской повинности, другіе проводятъ время въ томъ, что приспособляютъ (!) европейскія книги для надобности издателей самого низшаго разбора. Оставшіеся въ этомъ разрядѣ имѣютъ въ своемъ распоряженіи прекрасную европейскую библіотеку, которой, впрочемъ, никто не пользуется, такъ какъ большинство совершенно неспособно усваивать европейскіе ученые труды, которые для нихъ, по выраженію одного японца, представляютъ то же, что монета въ глазахъ кошки (Неко ні Кобан). Это отдѣленіе высшихъ курсовъ даетъ такіе же результаты, какъ и всѣ школьныя занятія. Напрасно было бы искать среди студентовъ этого разряда хотя одного, который когда-либо написалъ какой-либо трудъ или разработалъ тему, имѣющую какую-либо цѣнность. Впрочемъ, вышеуказанное явленіе вполне естественно, когда вспомнишь, что дѣлаютъ сами профессора.

На печальныя послѣдствія трудности изученія японскаго языка неоднократно указывалось самими японцами, и нѣсколько просвѣщенныхъ умовъ давно уже ищутъ способъ облегчить эти трудности. Единственный цѣлесообразный выходъ изъ

этого положенія состоялъ бы въ совершенномъ исключеніи изъ школьной программы китайскаго языка съ его іероглифами и въ принятіи системы западныхъ азбукъ. Это хотѣли сдѣлать нѣсколько человѣкъ большой инициативы, основавшіе въ 1875 году Romadji Kōpaī, или общество романизациі. Однако, всѣ ихъ усилія до сихъ поръ не привели ни къ чему и, по всему вѣроятію, еще долго ни къ чему не приведутъ по слѣдующимъ двумъ причинамъ: во-1-хъ, для того, чтобы изобрѣсти новое техническое слово, японцы пользуются китайскимъ языкомъ, какъ мы греческимъ или латинскимъ. Со времени европеизациі имперіи микадо большое количество этихъ китайскихъ словъ были введены для обозначенія новѣйшихъ открытій (пара, электричества, телеграфа, телефона и т. д.). Вторая и наиболѣе значительная причина заключается въ спесивствѣ національномъ самолюбіи. Японцы скорѣе согласились бы удесятерить трудность своего языка, чѣмъ унизиться до заимствованія средства выхода изъ затрудненія у Европы.

Кромѣ того, японскому языку нужно сдѣлать и гораздо болѣе серіозный упрекъ, заключающійся въ томъ, что этотъ языкъ совершенно невозможное орудіе для ученія. Словарь его исключительно реальный отличается абсолютной бѣдностью абстрактныхъ выраженій, необходимыхъ для объясненія идей. Слѣдствіемъ этого является то, что японцы очень легко усваиваютъ обычныя научныя знанія и въ особенности знанія техническія и, напротивъ, останавливаются предъ науками абстрактными, какъ высшая математика, теорія права, философія и т. д. Какъ только они сталкиваются съ абстрактными понятіями, ихъ несовершенный языкъ имъ измѣняетъ, и они не въ состояніи точно составить фразу. Изъ этого слѣдуетъ, что только при помощи европейскаго языка студенты могутъ съ пользою изучать науки, и вотъ почему правительство съ такимъ стараніемъ весьма давно дѣлаетъ усилія для распространенія знанія западныхъ языковъ.

Однако, дѣйствительность далеко не оправдала этихъ усилій правительства; съ годами количество занимающихся иностранными языками увеличивается, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, число людей, дѣйствительно знающихъ эти языки, постепенно сокращается. Изъ 2.476 студентовъ Токійскаго университета,

слушавшихъ лекціи въ 1900 году, можно было по пальцамъ пересчитать тѣхъ, которые знали французскій, нѣмецкій или англійскій языки настолько хорошо, чтобы ими практически пользоваться. Эти печальные результаты зависѣли, главнымъ образомъ, отъ національной спеси. Долгое время обученіе иностраннымъ языкамъ поручалось иностраннымъ преподавателямъ; въ настоящее же время считаютъ возможнымъ обходиться безъ нихъ. Въ странѣ осталось всего лишь нѣсколько плохо оплачиваемыхъ преподавателей-иностранцевъ, которыхъ совершенно затерли и лишили всякаго вліянія и престижа, такъ что они могутъ только присутствовать при необычайной педагогической дѣятельности своихъ японскихъ коллегъ.

Я поинтересовался осмотрѣть въ Токио спеціальную школу иностранныхъ языковъ. Во французскомъ отдѣленіи я узналъ, что преподавателемъ очень недовольны за то, что онъ въ качествѣ руководства для начинающихъ учениковъ предложилъ «*Livre de lectures courantes*», принятую во французскихъ начальныхъ школахъ. Студенты нашли, что такая книга унизительна для нихъ, и профессоръ-японецъ, директоръ школы, не нашелъ ничего лучшаго, какъ заставить преподавателя взять на первый годъ, въ качествѣ классическаго автора, «*Précis d'économie politique*» Леруа-Болье и на второй годъ переводъ Антигоны Мериса и Вакери! Но такъ какъ вторая изъ этихъ книгъ нашлась въ школѣ только въ двухъ экземплярахъ, то ее переписали съ ужасающими ошибками и издали очень неряшливо на гектографѣ.

Японскій профессоръ, сдѣлавшій этотъ здравый выборъ, однажды, коментируя географію Гонсін'а, съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства объяснялъ своимъ ученикамъ, что выраженіе «главная водная артерія» (*fleuve métropolitain*) обозначаетъ Ламаншъ или океанъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ обученіе по европейскому образцу стало обязательнымъ для японцевъ, выяснилось другое препятствіе, которое особенно затрудняетъ задачу учителя и дѣлаетъ результаты его трудовъ совершенно случайными. Это препятствіе зависитъ отъ коренной разницы въ мышленіи японцевъ и европейцевъ. Всѣ западныя націи имѣютъ въ общемъ одну и ту же мифологію, общій запасъ идей, полученный ими изъ Египта,

Греціи и Рима, христiанскую религію и общую политическую и соціальную эволюцію, пройденную всѣми народами Запада почти одинаково. Изъ этого слѣдуетъ, что малѣйшій намекъ объ этихъ вещахъ будетъ немедленно одинаково понятъ англичаниномъ, французомъ или итальянцемъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится японецъ, мозгъ котораго выработался подъ вліяніемъ совершенно иныхъ идей, и которому понадобится нѣсколько страницъ коментаріевъ для того, чтобы еле понять то, что европеецъ схватываетъ съ полуслова.

Какъ по изложеннымъ, такъ еще и по другимъ причинамъ, о которыхъ было бы слишкомъ долго распространяться, японскіе студенты, работая, въ общемъ, значительно больше своихъ европейскихъ товарищей, достигаютъ результатовъ несравненно менѣе значительныхъ. Напрасно искать среди нихъ особо выдающихся юношей. Всѣ они представляютъ однородную, тусклую, сѣрую массу, и если можно сказать, что университетъ прекрасный заводъ для выработки чиновниковъ и мелкихъ буржуа, слегка подкрашенныхъ культурой, то не менѣе справедливо будетъ утверждать, что до сихъ поръ изъ университета въ Токио не вышло ни ученыхъ, ни людей, жаждущихъ науки и истины. Совершенно вѣрно, что въ области моральныхъ идей, какъ и въ области матеріальнаго прогресса, японцы заимствуютъ извнѣ все болѣе и болѣе, но изъ моральныхъ идей они заимствуютъ или второстепенныя или прямо-таки дурныя. Молодежь, которая отвергаетъ національную религію, какъ пережитокъ варварскаго прошлаго, ничего не поставила на ея мѣсто. У нея нѣтъ больше никакого идеала, ни моральнаго, ни философскаго, ни религіознаго. Она имѣетъ одно только желаніе — пользоваться благами жизни, и это желаніе съ каждымъ днемъ усиливается. У нея полное отсутствіе того, что можно назвать сознаніемъ. Несомнѣнно, нѣсколько человѣкъ, бросившихъ національныя вѣрованія, обратились къ западной философіи, но они не могутъ найти въ ней ничего значительнаго, и въ этомъ движеніи они встрѣтили мало послѣдователей. Матеріализмъ доктора Като нашелъ немного послѣдователей, то же слѣдуетъ сказать и о мистическомъ буддизмѣ доктора Инуйе Энрію. Деморализація не щадитъ ни одного слоя общества. Идеи чести, преданности, безкорыстія, которыя прежде

были характернымъ признакомъ высшаго класса и которыя сдѣлали изъ самураевъ касту съ высокими, героическими, подъ часъ сверхъ-человѣческими чувствами, если судить по даннымъ исторіи, уступили мѣсто самымъ низменнымъ инстинктамъ. Уваженіе къ вождямъ пало, и императоръ, слишкомъ скоро сошедшій со сверхъестественнаго пьедестала, на который его вѣками ставила народная вѣра, нынѣ разсматривается, какъ обыкновенный человѣкъ. Все было уничтожено съ лихорадочной поспѣшностью. Старые идолы свергнуты, но ничѣмъ незамѣнены, и потому народъ остается безъ идеаловъ и безъ тѣхъ моральныхъ принциповъ, которые могли бы его направлять и сдерживать. Но, какъ правильно было замѣчено, когда народный социальный и моральный идеалъ сильно поколебленъ, добродѣтель уходитъ первая и замѣщается не безъ труда. Вмѣстѣ съ вѣжливостью растаяло также и старое понятіе о чести, и обиженные чиновники, которые прежде распарывали себѣ животъ, теперь становятся торговцами или банкирами и выставляютъ на показъ свою роскошь. Какая-то таинственная разлагающая сила охватила всѣ слои общества, и въ нихъ не осталось ни одной общей мысли и никакого связующаго ихъ звена.

Конечно, многіе замѣчаютъ опасность, но до сихъ поръ усилія помочь этому были тщетны, и, напримѣръ, преподаваніе морали колеблется между чрезвычайнымъ утилитаризмомъ (Фукузава) и устарѣлымъ традиціонализмомъ (императорскій рескриптъ). Этотъ послѣдній, какъ мы видѣли, предписанъ для низшей школы и сводится къ узкому идеализму, заключающему два понятія: экзальтаціи любви къ императору и ненависти къ иностранцамъ. Какъ выразился одинъ большой журналъ въ Токио, говоря о народныхъ учителяхъ, «консерватизмъ и реакція являются единственными догматами; вслѣдствіе этого, ученики выходятъ изъ школъ съ убѣжденіемъ, что ихъ первый долгъ лишить себя жизни по мановенію императора и что лучшее проявленіе патріотизма заключается въ бросаніи камней въ иностранцевъ».

X.

Религія.—Женскій вопросъ.—Искусство.

I.

Религія.

Японцы, въ сущности, народъ нерелигіозный, но только въ томъ смыслѣ, что они мало молятся, мало интересуются, такъ сказать, мистической или спиритуалистической стороною религіи и что, однимъ словомъ, ихъ отношеніе къ религіи не серьезно. Большинство ихъ могло бы согласиться съ однимъ изъ своихъ наиболѣе знаменитыхъ согражданъ, Фукузавой, который говоритъ: «Для меня разница между разными религіями, называются ли онѣ христіанствомъ, буддизмомъ или иначе, не болѣе, чѣмъ разница между зеленымъ и чернымъ чаемъ. Мало значенія имѣетъ то обстоятельство, употребляете ли вы тотъ или другой сортъ, суть состоитъ въ томъ, чтобы тотъ, кто никогда не пилъ чая, могъ выбрать тотъ или другой. То же и съ религіями. Священнослужители—тѣ же продавцы чая, но я не думаю, чтобы они имѣли право дискредитировать чужой товаръ для того, чтобы превозносить свой. Единственно, что они должны дѣлать, это держать хорошій товаръ и продавать его возможно дешевле». Поэтому, не спрашивайте у японца, къ какой религіи онъ принадлежитъ; онъ все равно васъ не пойметъ. Все, что онъ могъ бы отвѣтить, это — что онъ былъ по общепринятому обычаю крещенъ въ шинтоистскомъ храмѣ и что, вѣроятно, буддійскіе жрецы будутъ сопровождать его въ послѣднее жилище. Между этими крайними моментами онъ прекрасно можетъ быть, если найдетъ это выгоднымъ, самымъ ревностнымъ ученикомъ христіанскихъ миссіонеровъ.

Вышесказанное дѣлаетъ легко понятнымъ, что японцы отвѣдали понемножку всѣхъ религій. Единственная, дѣйствительно, собственная ихъ религія — «шинтоизмъ»; слѣдуетъ, однако, оговориться, что этотъ «голосъ боговъ» — скорѣе мифологія или неопредѣленный культъ природы и предковъ, чѣмъ религія. Въ

самомъ дѣлѣ, шинтоизмъ не имѣетъ ни догматовъ, ни священныхъ книгъ, ни морали. На вопросъ, почему отсутствуетъ система морали, японецъ немедленно отвѣтитъ, что японская раса, не имѣя прирожденной развращенности западныхъ народовъ, не имѣетъ и надобности въ моральномъ кодексѣ для руководства.

Исторія шинтоизма, доселѣ еще не написанная, одна изъ самыхъ интересныхъ сторонъ общей эволюціи японскаго народа. Слѣдуетъ прежде всего напомнить первый періодъ процвѣтанія шинтоизма, потомъ его упадокъ послѣ принятія буддизма въ VI столѣтія христіанской эры и, наконецъ, его воскресеніе въ XVIII столѣтіи въ зависимости отъ появленія трудовъ Мабуши, Мотоори и Хирата, которые стремятся къ возстановленію старинныхъ традицій преданности престолу и, распатывая устарѣвшее зданіе шогуната, мало по малу готовятъ реставрацію императорской власти въ 1868 году. Въ эту эпоху шинтоизмъ добился на время чести быть возведеннымъ на степень государственной религіи. Но такое положеніе не могло долго длиться: сухая доктрина безъ идеала, не допускающая ни мистицизма, ни грезъ, не могла удержаться и должна была снова уступить мѣсто буддизму, который въ настоящее время и удовлетворяетъ большей части религіозныхъ запросовъ подданныхъ микадо.

Буддизмъ проникъ въ Японію черезъ Корею около 500 г. по Рождествѣ Христовомъ. Какъ я уже говорилъ, его вліяніе было огромно во всѣхъ сферахъ мысли.

Эта сильная религія немедленно дала себя почувствовать въ искусствѣ, литературѣ, особенно въ драматической, и отозвалась даже на политикѣ. Надо обратить особенное вниманіе на то, что японскій буддизмъ мало похожъ на первоначальный индійскій буддизмъ. Безчисленныя секты, образовавшіяся въ имперіи микадо, такъ измѣнили первоначальную доктрину, что японскій буддизмъ слѣдуетъ разсматривать какъ новую религію. Чтобы создать себѣ правильное представленіе о состояніи религіи въ Японіи, нельзя также забывать, что съ весьма давнихъ временъ Японія уже считалась важнымъ полемъ дѣятельности для миссіонеровъ всѣхъ западныхъ народовъ. Въ 1549 году Францискъ Ксавье принесъ въ Японію проповѣдь католицизма, отношеніе къ которому здѣсь впослѣдствіи подвергалось зна-

чительнымъ колебаніямъ: она прошла всѣ стадіи отъ терпимой и даже поощряемой религіи до гоненія и признанія ея развратной сектой. Протестанты начали проповѣдь въ 1860, русскіе въ 1861, и все увѣнчалось появленіемъ Арміи Спасенія въ 1895 году. Самъ собою напрашивается вопросъ, какое же вліяніе оказало христіанство на японскую душу?

Если ограничиться разсмотрѣніемъ статистическихъ отчетовъ разныхъ миссій, то можно думать, что количество обращенныхъ очень велико. Но, въ дѣйствительности, даже небольшой опытъ личнаго ознакомленія съ положеніемъ вещей въ Японіи приводитъ васъ къ заключенію, что на этой почвѣ, въ особенности, нельзя увлекаться словами и принимать видимость за дѣйствительность. Очевидно, повторяю, западные миссіонеры имѣютъ обыкновеніе хвастать значительнымъ количествомъ вѣрующихъ, которые составляютъ ихъ паству. При этомъ забываютъ намъ сказать, что въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло не съ обращенными по убѣжденію, но съ настоящей комедіей, разыгрываемой заинтересованными японцами въ чисто коммерческихъ расчетахъ. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, японцы являются только подражателями другихъ восточныхъ народовъ, и если есть какое-нибудь различіе между японцами, корейцами и китайцами, то только въ мотивахъ, которые заставляютъ туземцевъ прислушиваться къ проповѣди миссіонеровъ. Если въ Китаѣ и Корее переходятъ въ христіанство съ цѣлью найти защиту христіанскихъ миссіонеровъ противъ лихоимства мандариновъ, то въ Японіи, гдѣ для подобныхъ мотивовъ нѣтъ почвы, въ миссіонерахъ цѣнятъ, главнымъ образомъ, учителей иностранныхъ языковъ. Впрочемъ, протестанскіе миссіонеры настолько хорошо поняли утилитарное значеніе вѣры для обращающихся въ христіанство японцевъ, что не теряютъ времени на чисто-религіозное просвѣщеніе и, вмѣсто того, чтобы втолковывать метафизику и теологію, предпочитаютъ учить англійскому языку, сверхъ же того ограничиваются только указаніемъ на нѣкоторыя проблемы практической морали, т.-е. говорятъ, напр., о воздержаніи, эмансипаціи женщины или воскресномъ отдыхѣ. Японецъ, повторяю, не придаетъ никакого значенія принадлежности къ какой бы то ни было религіи, и потому съ его стороны не встрѣчается возраженій, если

его будутъ называть христіаниномъ въ теченіе того времени пока онъ посѣщаетъ христіанскую школу; онъ будетъ при этомъ исполнять всѣ обряды, къ которымъ его пригласятъ, — молиться, пѣть псалмы и т. д., думая про себя, что, въ сущности, это — справедливая дань уступчивости и вѣжливости западнымъ народамъ за то, что они обучаютъ его своему языку.

Потомъ, когда придетъ время, что онъ будетъ считать себя достаточно окрѣпшимъ для примѣненія своихъ талантовъ въ другомъ мѣстѣ, онъ сброситъ съ себя съ такимъ же равнодушіемъ свои христіанскія лохмотья, съ какимъ передаетъ другому свой англійскій словарь и грамматику. Во всемъ этомъ, однако, было бы ошибочно видѣть какое-либо лицемѣріе. Студентъ, пріѣхавшій во Францію, Англію или Германію, чтобы провести нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ университетовъ, будетъ также католикомъ или протестантомъ, въ зависимости отъ вѣроисповѣданія страны, въ которую онъ попадетъ, и это происходитъ отъ того, что опытъ его предшественниковъ показалъ, что при такомъ образѣ дѣйствій онъ встрѣтитъ гораздо болѣе сочувствія къ своей маленькой экзотической особѣ. Наконецъ, не удивляйтесь, живучи въ Японіи, если всѣ пажи, куцера и повара, которые у васъ будутъ служить, окажутся искреннѣйшими послѣдователями религіи Іисуса Христа. Старшины соотвѣтственныхъ почтенныхъ корпорацій не преминутъ дать эту рекомендацію тѣмъ изъ своихъ собратій, которые добиваются чести приводить въ порядокъ домъ европейца. Такимъ образомъ, въ Японіи встрѣчаешь множество лицъ, считающихся христіанами въ опредѣленный періодъ своей жизни, встрѣчаешь и такихъ, которые дѣлаются христіанами ежегодно на нѣсколько недѣль. Это превращеніи наблюдается между іюлемъ и сентябремъ. Нигдѣ это болѣзненное, совершенно своеобразное явленіе не наблюдается такъ ярко, какъ въ мѣстности Карюизава. Карюизава — маленькая деревня, расположенная въ горномъ округѣ на склонахъ Асама-Яма, главнаго вулкана страны. Протестантскіе миссіонеры особенно оцѣнили здоровый климатъ этой мѣстности и пріѣзжаютъ сюда отдыхать отъ трудовъ своей апостольской проповѣди. Ихъ пріѣздъ производитъ на туземное населеніе самое любопытное воздѣйствіе, которое я наблюдалъ дважды.

Въ мой первый прїѣздъ въ Карюизава, весной, я былъ принятъ въ маленькой деревушкѣ очень дружественно; милый прїемъ, улыбающіяся веселыя лица скрашивали мое пребываніе въ японскомъ постояломъ домѣ. Каково же было мое удивленіе, когда на слѣдующее лѣто я увидѣлъ японскихъ «нечестивцевъ» превращенныхъ въ покорныхъ воспитанниковъ ихъ преподабій. Звуки священнаго гонга не раздавались больше среди спрятанныхъ въ густой зелени храмовъ; жрецы, сознавая, что денежныя выгоды общины должны итти впереди интересовъ религіи, удалились въ сосѣднія деревни; хорошенькія танцовщицы не оживляли болѣе безконечныхъ японскихъ обѣдовъ и даже маленькія трактирныя служанки не смѣялись, боясь оскорбить строгую добродѣтель господъ миссіонеровъ. Такимъ образомъ, особая благодать осѣняетъ жителей Карюисавы и дѣласть ихъ ежегодно на три мѣсяца христіанами. Нѣкоторые подданные микадо остаются христіанами всю жизнь, если это званіе имъ удастся обратить въ источникъ для заработка насущнаго хлѣба; другимъ, напротивъ, удастся эксплоатировать христіанство только въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Среди лицъ, пользующихся такой привилегіей, слѣдуетъ отмѣтить туземныхъ священниковъ. Вѣра ихъ показалаь настолько сильной ихъ западнымъ сотоварищамъ, что они не задумались сдѣлать ихъ своими помощниками. Результатами, впрочемъ, далеко не всегда можно похвастаться. Естественное, что непомѣрное врожденное самомнѣніе японцевъ дало себя почувствовать и въ области религіи, какъ и повсюду. Священникъ Козаки однажды написалъ, что «христіанская религія получитъ свое окончательное развитіе только въ Японіи», а многіе подданные микадо думаютъ подобно священнику Йокои, что японское неохристіанство настолько выше европейскаго, что скоро европейцы признаютъ это и присоединятся къ нему.

Одна изъ тысячи причинъ, дѣлающая безусловно тщетными усилія разныхъ миссіонеровъ, проповѣдующихъ христіанство въ Японіи, бросается въ глаза каждому наблюдавшему эту проповѣдь на мѣстѣ: эта—вражда и ожесточенная борьба христіанскихъ проповѣдниковъ между собой. Борьба идетъ не только между католиками, православными и протестантами, но особенно обостряется между безчисленными протестантскими

сектами. Англиканы, американскіе и шотландскіе пресвитеріаны, адепты Гейдельбергскаго катехизиса, канадскіе методисты, американскіе методисты, конгрегационисты и т. д. ведутъ непрерывную борьбу. Умные японцы смѣются и считаютъ удары.

Таково, съ общей точки зрѣнія, современное религіозное состояніе Японіи. Что же касается ежегодно увеличивающагося класса людей, воспитанныхъ подъ вліяніемъ европейской культуры, то съ ними дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Этотъ классъ, разбившій особенно спѣшно старыя предрасудки, какъ воспоминаніе о варварскихъ временахъ, не желаетъ имѣть никакой иной религіи, кромѣ науки, единственнымъ же руководителемъ хочетъ имѣть разумъ.

II.

Женскій вопросъ.

«Представьте себѣ лицо сестры милосердія, исполняющей свои святыя обязанности, улыбку молодой дѣвушки, ожидающей изъ-за моря возвращенія жениха, сердце ребенка, не испорченнаго матерью, соедините это все въ маленькомъ миломъ, и здоровомъ тѣлѣ, увѣнчанномъ волосами цвѣта воронова крыла и одѣтаго въ шумящій шелкъ, — и вы увидите японку». Существо, которое вырвало изъ-подъ пера англичанина столь горячее выраженіе энтузіазма, заслуживаетъ, чтобъ въ книгѣ о Японіи ему было отведено широкое мѣсто. Однако, спѣшу оговориться, что самый планъ этой книги заставляетъ меня предоставить другимъ право воспѣвать неоспоримую прелесть японскихъ мусмэ. Я же ограничусь здѣсь нѣсколькими словами о современном положеніи японской женщины въ отношеніяхъ ея къ обществу.

Женскій вопросъ очень извѣстенъ въ этой странѣ и занимаетъ значительную долю вниманія просвѣщенныхъ людей. На этой почвѣ, быть можетъ, сдѣланъ наибольшій шагъ прогресса, — по внѣшности, по крайней мѣрѣ, — потому что, какъ мы увидимъ, хотя законодатель пробовалъ значительно улучшить положеніе женщины, онъ былъ безсиленъ заставить нравы измѣниться въ желаемомъ направленіи, и нравы остались враждебными къ слабому полу.

Хотя положеніе японской женщины никогда не было такъ бѣдственно, какъ положеніе другихъ женщинъ Востока, тѣмъ не менѣе японская женщина какъ въ былое, такъ и въ настоящее время занимаетъ положеніе безусловно приниженное. Начало этого положенія вещей совпадаетъ съ появленіемъ въ Японіи буддизма, а также со вторженіемъ послѣдователей Конфуція, принесшихъ съ собой китайскія идеи.

Согласно принципамъ обѣихъ этихъ религій считалось, что сфера женщины должна ограничиваться домашнимъ очагомъ, и что, слѣдовательно, нѣтъ никакой нужды давать ей образованіе. Ея воспитаніе заключалось лишь во внушеніи ей правилъ морали, кодифицированныхъ въ *Onna Daï-Gako*, что значитъ «великая наука женщинъ», написанномъ въ XVII столѣтіи Каибара Эккеномъ, послѣдователемъ Конфуція; въ трудѣ этомъ резюмированы, сообразно ученію китайскихъ мудрецовъ, моральныя обязанности женщины. Въ главѣ Три Подчиненія, *Onna Daï-Gako* говоритъ, что «во время дѣтства женщина должна подчиняться отцу, по выходѣ замужъ — мужу, а когда она овдовѣетъ — сыну». Такимъ образомъ, въ сущности, положеніе японской женщины — вѣчное рабство. Революція 1868 года внесла нѣкоторое облегченіе въ ея несчастную долю. Въ области образованія, напримѣръ, сдѣлано много, особенно въ области низшей народной школы. Нѣсколько видныхъ лицъ, какъ-то графъ Окума, графъ Иджиката, баронъ Шибусава, капиталистъ Сумитомэ и др. недавно основали даже въ Токио женскій университетъ, называемый *Nippon Joshi Daï-Gako*. Этотъ университетъ торжественно открытъ 20 апрѣля 1901 года и съ тѣхъ поръ функціонируетъ подъ управленіемъ Н. Нарусэ. Но въ общемъ женскій вопросъ далеко не конченъ и разрѣшенъ далеко не вполне. Старое узкое образованіе находилось въ соотвѣтствіи съ узостью тогдашней жизни. Особенное вниманіе обращалось на этикетъ, на моральное усовершенствованіе, на укрѣпленіе глубокаго сознанія долга, порядочности и чести. Японка, получившая такое воспитаніе, хотя и была мало образована, но отличалась общительностью и полной моральной порядочностью. Изъ современныхъ задачъ женскаго образованія нѣтъ болѣе трудной и щепетильной, чѣмъ согласованіе красоты и утонченности ста-

рой системы образованія съ новыми запросами свободы мысли и дѣйствія, которые вытекаютъ изъ воспитанія интеллектуальныхъ способностей. Въ области матеріальныхъ интересовъ женщинъ произошло также значительное улучшеніе. До нашихъ дней въ экономическомъ отношеніи женщины всецѣло зависѣли отъ мужа или отца. Разводъ регулировался предписаніями Конфуція и давался по семи причинамъ: ослушанію жены, безплодію, ревности, дурному поведенію, заразной болѣзни, кражѣ, болтливости. Со стороны жены требованій развода никогда не возникало, потому что какова бы ни была причина развода, дѣти всегда оставались въ распоряженіи мужа. Уже революція 1868 года слегка измѣнила этотъ порядокъ вещей, но серіозное улучшеніе мы находимъ только съ 1898 года, съ появленіемъ новаго гражданскаго уложенія. По этому уложенію, на примѣръ, законъ уже не признаетъ болѣе наложницъ (sho), которыя ранѣе считались состоящими во второй степени родства, непосредственно рядомъ съ женою. Женщина теперь, на законномъ основаніи, можетъ имѣть собственность и можетъ быть легальной главой семьи, что прежде не допускалось. Слѣдуетъ также указать, что въ 1899 году изданъ новый законъ, по которому женщинамъ разрѣшается, если онѣ принадлежатъ къ числу плательщиковъ даннаго округа, уплачивающихъ налоги въ наибольшемъ размѣрѣ, участвовать въ сельскихъ и городскихъ выборахъ. Еще прибавлю, что годъ или два тому назадъ нѣсколько желѣзнодорожныхъ обществъ, Японскій Банкъ, Промышленный Банкъ и нѣкоторыя другія большія учрежденія пригласили женщинъ въ качествѣ служащихъ.

Женщины, впрочемъ, далеко не удовольствовались этими правами. Онѣ ставятъ въ упрекъ новому гражданскому уложенію, что онѣ допускаетъ разводъ по причинѣ прелюбодѣянія женщины, но не допускаетъ его за прелюбодѣяніе мужа. Онѣ бы могли еще вполне справедливо замѣтить, что практика японскихъ судовъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ духомъ закона, какъ только дѣло коснется женщинъ, такъ какъ японскій судья полонъ старыхъ предразсудковъ. Какъ и ихъ западныя сестры, японки протестуютъ противъ того принципа, согласно которому женщина наказуется за прелюбодѣяніе строже, чѣмъ

мужчина. Онѣ, наконецъ, сѣтуютъ, что имъ запрещено: быть адвокатами, устраивать публичныя собранія, говорить политическія рѣчи, завѣдывать газетами. Въ этой оппозиціи онѣ показали себя очень дѣятельными. «Женское общество умеренности», является наиболѣе значительной ассоціаціей, объединяющей эту оппозицію, и оно уже нѣсколько разъ доводило до свѣдѣнія правительства о своихъ желаніяхъ, подавая ему петиціи, покрытыя тысячами подписей. Изъ наиболѣе видныхъ пропагандистокъ слѣдуетъ отмѣтить m^{lle} Умэ Тсуда, учительницу въ школѣ благородныхъ дѣвицъ, которая проявила много ума и инициативы въ качествѣ представительницы своихъ соотечественницъ на разныхъ феминистскихъ конгрессахъ Европы и Америки.

Но, повторяю еще разъ: хотя въ области государственной и законодательной сдѣлано очень много, остается сдѣлать еще большій переворотъ въ нравахъ. Въ этомъ отношеніи, однако, никакого сколько-нибудь замѣтнаго улучшенія не произошло, такъ какъ японцы довольствуются заимствованіемъ нашихъ законовъ и учрежденій, не признавая нашихъ моральныхъ идей, которыми тѣ и другія только санкціонируются. Такимъ образомъ, большинство подданныхъ микадо совершенно не скрываетъ своего презрѣнія къ женщинамъ. Законодательство не признаетъ наложницъ, но это не мѣшаетъ признавать ихъ обществу. Одинъ уважаемый ученый, дѣлая недавно докладъ по этому вопросу, распредѣлилъ людей, признающихъ полигамію, на два класса: первый, весьма незначительный классъ беретъ наложницу для того, чтобы имѣть отъ нея дѣтей, такъ какъ старая китайская мораль осуждаетъ бездѣтныхъ, второй же классъ держитъ наложницъ исключительно по своей развращенности. Въ заключеніе, ораторъ высказалъ, что, судя по современному состоянію вещей, Японія будетъ моногамической не ранѣе, какъ черезъ пять столѣтій.

Вотъ маленькій фактъ, иллюстрирующий разладъ между искусственными реформами и дѣйствительнымъ настроеніемъ умовъ. Въ апрѣльскомъ номерѣ за 1900 г. журналъ «*Bungei Shimbun*» сообщалъ, что многіе журналы въ Токио и въ томъ числѣ «*Djidji Shimpō*» и «*Hotchi*», между прочимъ, имѣютъ въ числѣ редакторовъ женщинъ. Журналъ прибавлялъ, что если

бы читатель зналъ, какія именно статьи написаны женщинами, то онъ вѣкогда не счелъ бы ихъ достойными вниманія, какъ бы талантливо не были онѣ написаны.

Что наиболѣе необходимо въ Японіи — это реформа во взглядахъ мужчины на женщину. Между тѣмъ, японцы относятся съ большимъ подозрѣніемъ къ развитію идей, противорѣчащихъ традиціоннымъ нравамъ страны. Они вполне сознаютъ, что, эмансипируя женщину, они ей открываютъ глаза на ея подчиненное положеніе, и что, когда цѣлое поколѣніе женщинъ получитъ то же образованіе, какъ и мужчины, онѣ не захотятъ болѣе переносить тираннію мужей и не согласятся во всѣхъ случаяхъ жизни пассивно имъ повиноваться.

Нельзя кончить эти замѣтки о положеніи женщины въ Японіи, не сказавъ ни слова по вопросу о проституціи. Нигдѣ въ мірѣ послѣдняя, быть можетъ, не поставлена въ отношеніи ея несчастныхъ жертвъ въ столь тяжкія условія. Чтобы это хорошо понять, не надо забывать, что въ Японіи вообще свободной проституціи не существуетъ. За исключеніемъ тайной проституціи, которая представлена огромной корпораціей «гейшъ», или танцовщицъ и пѣвченокъ, встрѣчаются только дома терпимости. Дома терпимости имѣютъ значеніе настоящаго народнаго учрежденія, которое замѣняетъ наши кафе, трактиры и рестораны; посѣщеніе ихъ отнюдь не считается предосудительнымъ. Дома терпимости существуютъ болѣе, чѣмъ въ 600-хъ селахъ и городахъ, и имперія микадо насчитываетъ до 12.000 этихъ «джиро-йя», описаніе которыхъ въ продолженіе столѣтій непрерывно служило темой для поэтовъ, романистовъ, драматурговъ и вообще художниковъ всякихъ наименованій. Знаменитый кварталъ Yoshiwara, или Долина Счастья, въ Токио, имѣетъ болѣе 200 домовъ терпимости. Статистика показываетъ, что болѣе 60.000 несчастныхъ женщинъ занимаются этимъ ремесломъ. Для того, чтобы понять весь ужасъ ихъ положенія, надо знать, что между этимъ огромнымъ числомъ молодыхъ дѣвушекъ, ежедневно продающихся, вѣроятно, нѣтъ ни одной, которая попала бы въ домъ терпимости по собственному желанію. Способъ снабженія домовъ терпимости — безспорно одно изъ самыхъ постыдныхъ явленій современной Японіи. Весьма долгое время содержатели

домовъ терпимости просто покупали дѣвушекъ, пріобрѣтая ихъ отъ родителей путемъ формальнаго запродажнаго акта. Съ открытіемъ страны для иностранцевъ, послѣдніе попробовали дать понять подданнымъ микадо всю мерзость подобной торговли, убѣждая, что отецъ не имѣетъ права торговать дочерью, какъ какимъ-нибудь животнымъ. Рѣшившись наружно удовлетворить требованіямъ цивилизаціи, на принятіе которой японцы претендовали, но въ то же время желая сохранить столь существенный источникъ дохода, японскіе отцы семействъ въ 1875 году придумали остроумный способъ примирить противорѣчіе. А именно, они перестали открыто продавать дочерей, а начали отдавать ихъ на три года въ видѣ залога, якобы по долговымъ обязательствамъ; по прошествіи же трехлѣтняго срока нмимый долгъ не погашался и, такимъ образомъ, участь несчастныхъ оставалась прежняя. Фактически это положеніе сохранилось до сихъ поръ. Однако, по гражданскому уложенію 1898 года, молодая дѣвушка не можетъ служить предметомъ залога. Вслѣдъ за изданіемъ этого закона въ Японіи образовалась партія, которая поставила себѣ цѣлью объяснить проституткамъ ихъ новое положеніе и ихъ права. Подъ руководствомъ Арміи Спасенія и токійскаго журнала «Nigoku Shimoun» кампанія началась очень энергично въ 1900 году. Серіозные безпорядки, всыхнувшіе въ Yoshiwara, заставили властей вмѣшаться въ это дѣло, и вскорѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ изданъ декретъ, направленный къ удовлетворенію требованій. Конечно, намѣренія декрета прекрасны, но до сихъ поръ на практикѣ трудно примѣнимы, вслѣдствіе сильнаго сопротивленія всемогущей корпораціи содержателей домовъ терпимости и несочувствія полиціи, которое на этой почвѣ проявилось на столько ярко, что даже былъ случай отказа полиціи въ содѣйствіи къ исполненію судебного рѣшенія по такого рода дѣлу.

III.

Искусство.

Теперь скажу нѣсколько словъ объ искусствѣ. Одинъ изъ людей, наиболѣе подробно изучившихъ древнія формы японскаго искусства, такимъ образомъ выражается объ этомъ предметѣ:

«Остается еще сказать о японскомъ искусствѣ, которое занимаетъ такое обширное мѣсто въ японской цивилизаціи: о живописи, начиная съ великихъ буддійскихъ художниковъ IX вѣка до классиковъ - современниковъ итальянскаго Возрожденія и до вульгарной школы настоящаго столѣтія; объ архитектурѣ съ монументами такой простой формы и такой богатѣйшей орнаментацией; о скульптурѣ, съ ея богами и чудовищами; о металлическихъ издѣліяхъ, отъ колоссальныхъ бронзовыхъ Буддъ древности до прелестныхъ маленькихъ серебряныхъ современныхъ вещицъ; объ искусствѣ лакировки, съ его чудесными произведеніями, съ его сказочными пейзажами, покрытыми золотой глазурью; о керамикѣ съ ея вазами изящной формы и скромными или блестящими тонами; о вышивкахъ съ безконечными вереницами драконовъ и съ чудно набросанными цвѣтами; о гравировкѣ по дереву, со старыми эстампами въ краскахъ, нѣжныхъ тоновъ которыхъ у насъ никто не могъ бы подобрать. Затѣмъ, въ менѣе извѣстной области, слѣдовало бы изучить японскую музыку: музыку шинтоистскую съ ея античными флейтами; буддійскую музыку съ ея большими хорами; музыку народную съ ея лирами, дающими такой чистый звукъ; слѣдовало бы сравнить эту гармонію со старинными музыкальными системами Запада; въ особенности, слѣдовало бы прослѣдить это искусство въ его различныхъ общественныхъ примѣненіяхъ, въ храмѣ и театрѣ, равно какъ и въ частной жизни и обученіи. Наконецъ, нельзя ограничиться однимъ мимолетнымъ замѣчаніемъ объ искусствѣ танцевъ у народа, который, какъ и древніе греки, отвелъ танцамъ такое высокое мѣсто въ своей эстетической жизни, какъ религіозной, такъ и свѣтской. Но всѣмъ настолько извѣстно, что японцы были расой художниковъ, что совершенно излишне настаивать еще на этой блестящей сторонѣ ихъ цивилизаціи» (M. Revon, «La civilisation japonaise»).

Однако Revon забываетъ сказать, что въ этомъ отношеніи вотъ уже нѣсколько лѣтъ наблюдается упадокъ. Во всѣхъ отрасляхъ искусства европейскому вкусу приносятся жертвы, какъ золотому тельцу. Работаютъ прежде всего на вывозъ, производятъ много, но плохо. Приноровливаясь къ европейскому вкусу, Японія несомнѣнно потеряла уже большую часть своихъ несравненныхъ достоинствъ, которыя въ продолженіе вѣковъ при-

давали нѣжную прелесть произведеніямъ старой Японіи. Ея живопись тщетно старается обновиться; ея гончарныя издѣлія стали грубыми предметами для вывоза; а теперь и театръ видоизмѣняется въ свою очередь, и его эволюція — не болѣе, какъ пошлое воспроизведеніе нашихъ вульгарныхъ пьесокъ низшаго сорта. Вступивъ на этотъ новый путь подражанія театральнымъ приѣмамъ Запада, и въ особенности Франціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ не будучи способными оцѣнить всего того, что есть у насъ утонченнаго и художественнаго въ драматической литературѣ, японскіе драматическіе авторы фабрикують слезливыя и патетическія мелодрамы на манеръ тѣхъ, которыя такъ нравятся жителямъ парижскихъ предмѣстій. И эта эволюція драматическаго искусства тѣмъ печальнѣе, что театры, подчиняющіеся старымъ традиціямъ, къ счастью все-таки еще преобладающимъ, представляютъ собою одно изъ послѣднихъ и лучшихъ мѣстъ, гдѣ сохранилась возможность изучать прежнюю японскую жизнь, съ ея идеями, нравами и обычаями, такъ грубо изломанными за послѣдніе годы.

То же происходитъ и въ кругу писателей; а между тѣмъ, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ литература, казалось, стала сіять новымъ блескомъ. Этотъ упадокъ особенно ясно виденъ на романѣ. Не только ни одинъ изъ романистовъ не выдвинулся за послѣдніе годы, но даже такіе писатели, репутація коихъ было уже установилась, какъ Койо, Робанъ, Шойо и др., за это время стали производить вещи, значительно уступающія ихъ прежнимъ произведеніямъ.

Причину этого общаго упадка слѣдуетъ искать въ томъ существенномъ измѣненіи, которому за послѣднія тридцать пять лѣтъ подверглась японская жизнь и которое особенно рѣзко отразилось на нѣкоторыхъ отрасляхъ искусства. Вслѣдствіе паденія феодализма въ 1868 году, художественная промышленность въ Японіи потеряла наиболѣе просвѣщенныхъ и убѣжденных покровителей, какіе когда-либо встрѣчались въ какую угодно эпоху и въ какой угодно цивилизаціи. Если, дѣйствительно, въ древнюю эпоху значеніе князей измѣрялось величиной его отрядовъ, то послѣ Хидейоши ихъ цѣнили главнымъ образомъ по степени ихъ эстетическаго развитія. Всѣ князья имѣли обыкновеніе подносить въ опредѣленное время предметы искус-

ства императору и шогуну. Даже между дворянствомъ былъ постоянный обмѣнъ подобными подарками. Слѣдствіемъ такого положенія вещей было то, что каждый выдающійся художникъ немедленно находилъ покровителя, который его поддерживалъ и поощрялъ. Онъ поступалъ на жалованье къ князю и, освобожденный отъ всякихъ матеріальныхъ заботъ, могъ спокойно работать и давать свободный полетъ своей творческой способности. Съ паденіемъ феодальнаго режима кончился золотой вѣкъ художниковъ. Съ этихъ поръ художественная промышленность, ради поддержанія своего существованія, должна была обратиться къ иностраннымъ рынкамъ, вслѣдствіе чего и была вынуждена подчиниться требованіямъ европейскаго вкуса, мало отвѣчающаго стремленіямъ японскаго искусства. Вотъ причина появленія плохого товара, пошлый видъ котораго отнюдь не есть результатъ японскаго вкуса, а представляетъ лишь японское понятіе о вкусѣ европейскомъ. Впрочемъ, въ настоящее время, въ самой Японіи, подъ вліяніемъ утилитарныхъ запросовъ времени, почти вовсе исчезли старыя традиціи вкуса и чувство мѣры. Увеличеніе матеріальнаго благосостоянія и страстное стремленіе къ наживѣ преобладаютъ надъ всѣмъ. Между тѣмъ, какихъ бы отраслей искусства мы ни коснулись: музыки, поэзіи, живописи, керамики—вездѣ основами японскаго искусства являются простота, умѣренность, даже бѣдность. Вотъ откуда происходитъ его несовмѣстимость съ современными требованіями ⁽¹⁾.

XI.

Свободная Японія.—Пересмотръ трактатовъ.

1899 годъ, навѣрное, останется одной изъ наиболѣе славныхъ эпохъ въ воспоминаніяхъ cadaго добраго японца. Онъ вѣчно будетъ напоминать о томъ часѣ въ исторіи этой страны, котораго столь страстно ожидали въ продолженіе тридцати

(1) Слѣдующій случай покажетъ, до чего можетъ дойти нація, когда-то влюбленная въ искусство. На выставкѣ картинъ въ Токио въ іюнѣ 1901 года было куплено всего 128 картинъ, на общую сумму 1.392 іенъ. Императорская фамилія купила 41 картину за 827 іенъ, а остальные 87 картинъ куплены публикой за 565 іенъ, т.-е. около 5 рублей 50 коп. за экземпляръ.

лѣтъ, часѣ освобожденія отъ иностранной опеки и признанія Японіи въ глазахъ міра свободной и просвѣщенной. 4 августа 1899 года былъ введенъ въ дѣйствіе новый режимъ, созданный вступленіемъ въ силу пересмотрѣнныхъ договоровъ съ державами. Освобожденные отъ позорнаго клейма иностранной консульской юрисдикціи, отнынѣ свободные у себя и въ полномъ сознаніи своихъ силъ и своихъ правъ, японцы торжественно вступили въ концертъ великихъ націй. Съ этого времени прошло уже нѣсколько лѣтъ, и, кажется, было бы небезынтересно рассмотреть это событіе, чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, какимъ образомъ японцы отвѣтили на довѣріе, оказанное имъ такъ краснорѣчиво иностранными правительствами. Съ самаго начала хочу оговориться, что если не все шло совершенно гладко, если во многихъ случаяхъ произошли достойныя сожалѣнія столкновенія, то все-таки общее впечатлѣніе остается благопріятнымъ: время не оправдало тѣхъ опасеній, которыя высказывались многими. Прежде, чѣмъ перейти къ подробному рассмотрѣнію этого вопроса, необходимо, для ясности, въ нѣсколькихъ словахъ напомнить о тѣхъ усиліяхъ, которыя сдѣлала имперія микадо для окончательнаго освобожденія себя, какъ международной личности.

*
* * *

Громкія побѣды Японіи надъ Китаемъ — побѣды, которыя легко могъ предвидѣть всякій, кто хоть немного былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ — обратили удивленное и встревоженное вниманіе всего западнаго міра на Японію. Рѣшились, наконецъ, дать себѣ отчетъ въ томъ, что имперія Восходящаго Солнца можетъ намъ предложить и нѣчто иное, кромѣ артистическихъ бездѣлушекъ и мусмэ съ подведенными глазами, единственное представленіе, которое въ теченіе долгаго времени было основой всѣхъ нашихъ свѣдѣній о Японіи. Вслѣдъ за удостовѣреніемъ въ огромныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ японцами въ военномъ дѣлѣ, пришлось признать и въ томъ, что они сдѣлали неменьшія успѣхи и на мирномъ поприщѣ, и что, напримѣръ, работа надъ разрѣшеніемъ экономическихъ вопросовъ страны шла, если и не со всѣмъ потребнымъ благоразуміемъ и осторожностью, то все-

таки съ выдающейся энергіей. Но, чего къ сожалѣнію не узнали во-время и что было необходимо знать, чтобы понять положеніе, — единственную неотступную мысль, которая столько лѣтъ руководила и поддерживала всю японскую націю, отъ послѣдняго крестьянина до самаго высокаго чиновника, — это стремленіе сдѣлать Японію равной другимъ націямъ, поставить ее въ положеніе, дающее возможность договариваться съ другими державами на равныхъ правахъ и не оставаться болѣе въ положеніи народа полуцивилизованнаго, который держатъ въ опеку и котораго остерегаются. Для достиженія этого идеала, котораго японскій народъ добивался съ поразительною послядовательностью, онъ не задумался пожертвовать всѣмъ: своими наиболѣе дорогими обычаями, наиболѣе задушевными вѣрованіями и привычками, словомъ, весь народъ забылъ свою старую цивилизацію и пошелъ на выучку къ Европѣ.

Не надо отъ себя скрывать, что, съ момента реставраціи 1868 года, вопросъ о пересмотрѣ договоровъ сдѣлался основной задачей японской политики, и стремленіе къ международному равенству стало постоянной цѣлью токійскаго кабинета. Мысль эта все себѣ подчиняла. Она создавала и низлагала министерства; упуская ее, хотя бы на мгновеніе, изъ виду, даже въ вопросахъ, не имѣющихъ, казалось бы, къ ней никакого отношенія, вы рискуете составить самое невѣрное представленіе о японской исторіи послѣднихъ лѣтъ. Этотъ необыкновенный подъемъ не только объясняетъ результаты, столь неожиданно удивившіе европейское общественное мнѣніе, но и — какія бы оговорки ни пришлось сдѣлать въ дальнѣйшемъ — представляетъ великолѣпный примѣръ упорства и продуманной рѣшимости и вообще является фактомъ, достойнымъ навести на размышленіе всѣхъ, кто не желаетъ признать Японію тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности, т.-е. могущественной силой, съ которой прежде всего надо считаться при разрѣшеніи вопроса о Дальнемъ Востокѣ.

Первый договоръ, заключенный Японіею съ иностранной державой, былъ договоръ, вырванный у японцевъ въ мартѣ 1854 г. подъ впечатлѣніемъ страха предъ коуго фонэ, «черными кораблями», американскаго командора Перри. Японскій историкъ говоритъ: «На шестомъ мѣсяцѣ шестого года Кауей

(7-го іюля 1853 года) въ царствованіе императора Комеи Тенно, американскій уполномоченный Перри прибылъ въ Урага въ Сагами съ четырьмя кораблями и письменно предложилъ дружественный и комерческій договоръ. Обычай, существовавшій съ давнихъ временъ, запрещалъ иностраннымъ судамъ входъ въ какой-либо портъ, кромѣ Нагасаки. Уполномоченному объяснили законъ, но тотъ слышать ничего не хотѣлъ. О цѣли посѣщенія американской эскадры было сообщено въ Кіото, откуда тотчасъ послѣдовалъ императорскій указъ, предписавшій шинтоистскимъ священникамъ храма Изе молиться, чтобы варвары удалились». Но «варвары» оказались не уступчивыми. Они не удовольствовались отсрочками и обѣщаніями и ушли только послѣ того, какъ добились удовлетворенія своихъ требованій. Вслѣдствіе этого рушилась неприкосновенность «земли боговъ», и съ тѣхъ поръ японцы уже не переставали видѣть, какъ громадныя коуго бонне бороздили прибрежныя воды Японіи.

Договоръ 1854 года съ Соединенными Штатами былъ возобновленъ въ 1858 году. Начиная съ этого времени, Японія заключила подобные же договоры почти со всѣми европейскими державами, а именно: съ Голландіей, Россіей, Англіей, Франціей, Португаліей, Пруссіей, Швейцаріей, Бельгіей, Италіей, Даніей, Испаніей, Швеціей, Германіей и, наконецъ, послѣдній договоръ былъ подписанъ съ Австро-Венгріей въ 1869 году. По этимъ договорамъ были открыты для иностранцевъ порты: Іокогама, Кобе, Осака, Нагасаки, Ніигата и Хакодате, внѣ коихъ европейцы не могли торговать и путешествовать безъ паспорта. Договорами установлена была ничтожная пошлина на предметы, привозимые въ Японію, а главное, обезпечивалась иностранцамъ привилегія экстерриториальности, т.-е. право быть подсудными только своимъ консуламъ.

Пересмотръ указанныхъ договоровъ былъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, повторяю, единственной заботой японской дипломатіи. Правительство микадо начало переговоры въ этомъ смыслѣ въ 1872 году, и единственной причиной долгаго пребыванія князя Ивакура въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1872—1873 годахъ былъ тотъ же вопросъ. Вопросъ, впрочемъ, былъ однимъ изъ самыхъ сложныхъ. Дѣйствительно, со стороны иностранцевъ пересмотръ договоровъ долженъ былъ имѣть слѣд-

ствіемъ отказъ отъ законныхъ привилегій и торговыхъ льготъ, которыми они давно пользовались, и самъ собой возникъ вопросъ, будетъ ли достаточно благоразумно и осторожно допустить японцевъ въ великую семью цивилизованныхъ націй.

Японія, съ своей стороны, считала себя имѣющей всѣ права на эту милость, но вмѣстѣ съ тѣмъ пугалась мысли открыть иностранцамъ свободный доступъ въ страну. Таково было состояніе умовъ въ Токио, когда въ 1874 году начались предварительныя совѣщанія по этому предмету. Никогда переговоры, которыхъ ждали съ такимъ сильнымъ нетерпѣніемъ, не приводили къ столь жалкимъ результатамъ. Съ обѣихъ сторонъ ожидали, что лелѣянные каждымъ изъ договаривающихся контрагентовъ надежды сбудутся, и европейскіе посланники были настолько убѣждены въ благополучномъ для нихъ окончаніи переговоровъ, что не задумались, противно всѣмъ дипломатическимъ обычаямъ, упомянуть о своихъ желаніяхъ въ новогоднемъ адресѣ, который они представили императору 9 января 1874 года. «Наши государи,—писали они,—желаютъ, чтобы уничтоженіе всѣхъ препятствій для свободы сношеній внутри вашей имперіи, между ихъ подданными и подданными вашего величества, дало бы всѣ тѣ преимущества, которыя вытекаютъ изъ уже установившихся добрыхъ отношеній...». Микадо отвѣчалъ съ гораздо большей сдержанностью. Переговоры начались въ такомъ настроеніи: одни рѣшились ничего не уступать изъ права экстерриторіальности, другіе—не уступать по вопросу объ открытіи страны иностранцамъ, не обусловивъ это открытіе учрежденіемъ хотя бы смѣшанныхъ судовъ. Слѣдствіемъ было то, что страны не могли договориться ни до малѣйшаго измѣненія договоровъ, и несмотря на взаимное признаніе, что существующіе договоры никого не удовлетворяютъ, оставили ихъ тѣмъ не менѣе въ прежнемъ видѣ.

Только Соединенные Штаты, которые, впрочемъ, были всегда особенно расположены къ Японіи, подписали пересмотрѣнный договоръ въ 1876 году. Но этотъ дипломатическій актъ былъ совершенно платоническимъ, такъ какъ однимъ изъ пунктовъ его обуславливалось, что онъ вступаетъ въ силу не ранѣе того времени, когда другія державы, съ своей стороны, согласятся на пересмотръ договоровъ. Между тѣмъ, Японія, же-

лая по мѣрѣ возможности уничтожить возраженія иностранныхъ державъ, быстро реформировалась во всемъ на европейскій образецъ. Вскорѣ эта европеизація сдѣлала такіе успѣхи, что сами иностранныя державы признали, что было бы сироведливо сдѣлать что-нибудь въ пользу Японіи.

Въ 1882 году въ Токио происходило новое совѣщаніе представителей державъ съ цѣлью выработки основаній для пересмотра трактатовъ. Графъ Инуйе отъ имени японскаго правительства сдѣлалъ слѣдующія предложенія: отмѣнить право экстерриториальности внѣ иностранныхъ концессій, какъ только будетъ изданъ англійскій переводъ японскаго гражданскаго уложенія; отмѣнить то же право въ предѣлахъ иностранныхъ концессій черезъ три года; назначить не менѣе двадцати пяти иностранныхъ судей на срокъ не менѣе пятнадцати лѣтъ; эти судьи должны составлять большинство членовъ суда въ процессахъ, гдѣ будутъ замѣшаны иностранцы; и, наконецъ, примѣнять въ судахъ англійскій языкъ.

Это совѣщаніе, съ участіемъ представителей всѣхъ державъ, продолжалось до 1886 года, къ каковому времени и начали приходить къ соглашенію по главнѣйшимъ изъ намѣченныхъ пунктовъ, хотя нѣкоторыя изъ условій, а именно введеніе въ составъ суда иностранцевъ и обязательство представлять своды законовъ на утвержденіе иностранныхъ правительствъ, были отвергнуты японскимъ общественнымъ мнѣніемъ и подверглись ожесточеннымъ нападкамъ въ печати. Но вдругъ, въ іюнѣ 1887 года переговоры неожиданно были прерваны. Возвращеніе изъ Европы нѣсколькихъ шумливыхъ политикановъ, которые поспѣшили противодѣйствовать проекту соглашенія, имѣло слѣдствіемъ отказъ японскихъ представителей отъ ранѣе предложенныхъ ими условій, вслѣдствіе чего вопросъ остался въ прежнемъ положеніи. Не смущаясь безуспѣшностью попытокъ своихъ предшественниковъ, графъ Окума, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, возобновилъ переговоры въ 1888 году, но на совершенно иныхъ основаніяхъ. Вполнѣ понявъ, что неуспѣхъ предшествовавшихъ попытокъ добиться соглашенія происходилъ главнымъ образомъ отъ того, что переговоры велись одновременно и совмѣстно съ восемнадцатью державами, интересы которыхъ часто противоположны,

онъ обратился къ каждому изъ представителей державъ въ отдѣльности, предложивъ, вмѣсто назначенія иностранныхъ судей въ составъ судовъ, установить большинство иностранныхъ членовъ въ высшей судебной инстанціи, учрежденной для процессовъ, въ коихъ замѣшаны иностранцы. Однако, и отъ этого гр. Окума долженъ былъ отказаться подъ вліяніемъ вызваннаго въ Японіи этой мыслью общественнаго негодованія.

Сильное общественное движеніе въ принципъ было противъ допущенія иностранныхъ судей, которое считалось противнымъ конституціи, тогда только что введенной въ дѣйствіе (11 февраля 1889 года). Но истинная побудительная причина противодѣйствія общества заключалась совершенно въ другомъ: все это грозное движеніе основывалось на паническомъ страхѣ предъ мыслью открыть страну для торговли и свободнаго пребыванія иностранцевъ. Со всѣхъ сторонъ слышались крики, что имперія будетъ затоплена иностранной эмиграціей, что народные обычаи будутъ уничтожены, что рудники, заводы и желѣзныя дороги очутятся подъ исключительнымъ контролемъ иностранцевъ, что даже и земельная собственность перейдетъ въ ихъ руки и что японскій народъ попадетъ въ рабство къ западнымъ націямъ. Тѣмъ не менѣе, правительство рѣшило пренебречь негодованіемъ общества и, не обращая вниманія на народные вопли, продолжало переговоры. Въ это время состоялись первые выборы въ сеймъ, вызвавшіе большіе беспорядки. Обвиняемый въ уступчивости иностранцамъ, министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Окума сдѣлался жертвой покушенія посредствомъ динамита (окт. 1889 г.). Экзальтированный патріотъ бросилъ въ него бомбу, раздробившую ему ногу, и почтенный государственный дѣятель только чудомъ спасся отъ смерти.

Само собой разумѣется, переговоры были пріостановлены еще разъ, и подписанные уже трактаты съ Россією, Германіей и Соединенными Штатами не были ратификованы. Съ этихъ поръ, вслѣдствіе открытія сейма и все болѣе и болѣе растущаго возмущенія общественнаго мнѣнія, реакція противъ западныхъ народовъ все увеличивалась. Она выразилась въ частыхъ нападеніяхъ на иностранцевъ и, между прочимъ, въ покушеніи на жизнь Наслѣдника Цесаревича, нынѣ Императора Николая Второго, раненаго, какъ извѣстно, саблей въ Кіото (1891 годъ) полицей-

скимъ, который долженъ былъ Его охранять. Тѣмъ не менѣе въ 1890 году, виконтъ Аоки негласно возобновилъ переговоры, но на новыхъ основаніяхъ, безусловно благопріятныхъ для Японіи. Вопросъ о юридическихъ ограниченіяхъ не возбуждался. Множество мелкихъ причинъ препятствовало притти быстро къ соглашенію; между ними наиболѣе значительной было положеніе свода японскихъ законовъ, котораго все не успѣвалъ вотирировать постоянно распускаемый японскій сеймъ. Наконецъ, японцы увидѣли увѣнчаніе своихъ настойчивыхъ усилій; въ сущности, они, конечно, провели державы, сдѣлавшія ошибку допущеніемъ отдѣльныхъ переговоровъ. Въ августѣ 1894 года, Англія первая подписала пересмотрѣнный договоръ; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, за нею послѣдовали Соединенные Штаты, потомъ Россія въ 1895 г. и Германія въ 1896 году. Ратификаціей договоровъ съ Франціей и Австріей въ 1898 году закончились пересмотры договоровъ. Это была, повторяю, огромная побѣда японцевъ. Японцы побѣдили благодаря постоянной политикѣ выжиданія, умѣлому обращенію съ общественнымъ мнѣніемъ и руководству печатью, въ особенности же, благодаря ловкому переносу переговоровъ изъ Токио въ разныя министерства иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ въ Токио, знающіе положеніе дѣлъ на мѣстѣ дипломаты могли видоизмѣнить многіе пункты, а въ иностранныхъ министерствахъ могли быть мало освѣдомлены съ существомъ дѣла; побѣдили благодаря своему упорству и терпѣнію, проявленному въ продолженіе многихъ лѣтъ, однимъ словомъ, благодаря своей первоклассной дипломатіи ⁽¹⁾.

*

* *

(1) Вообще, надо замѣтить, что японцы всегда великолѣпно умѣли выгодно пользоваться иностранной печатью. При всякомъ удобномъ случаѣ они умѣютъ вызвать къ себѣ расположеніе (болѣе или менѣе небезкорыстное) вліятельныхъ журналистовъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, рѣшившись избавиться отъ англійскаго посланника, знаменитаго Гарри Парке, знанія и энергія котораго имъ сильно мѣшали, японцы не задумались послать американскаго журналиста въ Англію, съ цѣлью повести тамъ ожесточенную войну противъ этого дипломата. Чтобы не ходить за примѣрами далеко, достаточно указать наиболѣе вліятельнаго англійскаго журналиста въ Японіи, капитана Brinsley, состоящаго главнымъ редакторомъ «Japan Daily Mail» и въ то же время корреспондентомъ лондонскаго «Times»; близость его къ японскому правительству ни для кого не тайна.

Дѣйствительно, пересмотрѣнные договоры неблагопріятны для иностранцевъ и съ самаго же начала не предвѣщали ничего хорошаго.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, положеніе иностранцевъ въ Японіи, съ 1899 года, и, преимущественно, положеніе иностранныхъ купцовъ, составляющихъ наиболѣе значительную часть числа пребывающихъ въ Японіи иностранцевъ. Права иностранцевъ въ Японіи основываются: во-первыхъ, на предписаніяхъ японскихъ законовъ, и во-вторыхъ—на трактатахъ. Что касается законовъ, то можно ограничиться указаніемъ на статью 2-ю японскаго гражданскаго уложенія, въ которой указывается, что «иностранцы пользуются гражданскими правами, за исключеніемъ тѣхъ правъ, которыхъ они лишены на основаніи законовъ, указовъ или трактатовъ». Во всѣхъ трактатахъ входитъ статья о наиболѣе благопріятствуемой націи, на основаніи которой права, гарантированныя подданнымъ одной національности, распространяются и на подданныхъ другихъ державъ. Въ случаѣ противорѣчія между трактатомъ и закономъ, примѣняется трактатъ. Слѣдующія права гарантированы иностранцамъ на основаніи трактатовъ:

право передвиженія и пребыванія во всѣхъ частяхъ Японіи и пользованія полной гарантіей личности и имущества;

право пользованія судами на равныхъ основаніяхъ съ японцами;

полная религіозная свобода;

право платить только тѣ налоги, которыми обложены японцы;

иностранцы избавлены отъ воинской повинности, отъ военныхъ контрибуцій и принудительныхъ займовъ;

право производить и торговать всѣмъ, что разрѣшается закономъ. Къ этому французскій договоръ добавляетъ право занятія «всякаго рода промышленностью или ремесломъ». Понятно, всякій иностранецъ, который занимается какой бы то ни было торговлею или промышленностью, подчиняется тѣмъ же ограниченіямъ, которые установлены и для японцевъ. Напримѣръ, если японецъ долженъ имѣть спеціальное разрѣшеніе или выдержать экзаменъ, то этому условію подчиняются и иностранцы;

право вступать въ ассоціацію съ иностранцами или съ японцами, или право быть акціонеромъ въ акціонерномъ обществѣ; право посѣщенія со своими кораблями и грузами всѣхъ портовъ, которые открыты или будутъ открыты для иностранной торговли, съ уплатою въ этихъ портахъ пошлинъ, размѣрами не превышающихъ тѣхъ, коими обложены японцы; право транзита товаровъ и равенства съ японцами во всемъ, что касается складовъ, премій, льготъ и возврата пошлинъ. Постановлено, однако, что каботажъ между японскими портами предоставленъ исключительно японскимъ судамъ, иностранныя же суда могутъ перевозить только свои грузы между нынѣшними открытыми портами, за исключеніемъ Осака, Ниигата и Ебису-Минато;

право аренды земли и собственности на «поверхности» земли, т.-е. право собственности на дома и деревья, подъ условіемъ личнаго тамъ пребыванія и занятія своей профессіей; наконецъ, право принимать въ залогъ землю и постройки.

Таковы главные права, предоставленныя европейцамъ въ Японіи. Наиболѣе важнымъ вопросомъ является прежде всего вопросъ о невозможности для иностранцевъ пріобрѣтать землю въ собственность. Этотъ вопросъ служилъ и по настоящее время продолжаетъ служить предметомъ безконечныхъ споровъ.

Въ объяснительныхъ мотивахъ французскаго правительства при внесеніи проекта договора съ Японіей въ парламентъ, говорится, что «допущеніе иностранцевъ къ владѣнію земельной собственностью въ корнѣ противорѣчитъ всѣмъ традиціямъ Японіи», и что «французское правительство, какъ и другія государства, наткнулось въ этомъ отношеніи на безусловное сопротивленіе». Это совершенно вѣрно. Такое направленіе японской мысли зависѣло, главнымъ образомъ, отъ преувеличеннаго представленія о томъ положеніи, къ которому поведетъ заключеніе новыхъ договоровъ. Съ перваго же раза, какъ только заговорили въ Японіи о добровольномъ открытіи Японіи для иностранной торговли и пребыванія иностранцевъ, настоящая паника овладѣла націею и сейчасъ же создалась сильнѣйшая оппозиція. Какъ я сказалъ выше, предполагалось, что вся Японія перейдетъ въ собственность иностранцевъ и что японцы станутъ рабами европейцевъ. Слѣдствіемъ этого страннаго пред-

ставленія и явились ограниченія, до симъ поръ существующія, а именно: недопущеніе европейцевъ къ приобрѣтенію землю въ собственность, запрещеніе заниматься земледѣліемъ, эксплоатировать рудники, быть акціонерами въ некоторыхъ большихъ предпріятій, въ родѣ Японскаго Банка и Specie Bank'a, общества мореходства «Nippon Yusssen Kaisha» и т. д.

Среди всѣхъ этихъ изъятій наиболѣе важнымъ является лишеніе права на земельную собственность. Эта неправоиспособность существовала всегда. Въ первыхъ договорахъ, заключенныхъ Японіей съ иностранными державами, нѣкоторыя права были спеціально гарантированы иностранцамъ, но право приобрѣтенія земельной собственности этими договорами не было предоставлено. По заключеніи договоровъ, японское правительство, съ цѣлью выяснить свое отношеніе къ этому вопросу, издало спеціально законъ, которымъ безусловно воспрещалась передача земельной собственности иностранцамъ. Такимъ образомъ, передъ послѣднимъ пересмотромъ договоровъ этотъ вопросъ былъ уже совершенно ясенъ. И если новыми договорами нѣсколько даже увеличенъ списокъ правъ, предоставляемыхъ иностранцамъ, то все же въ нихъ не упоминается о правѣ приобрѣтенія земельной собственности. Иностранцы могутъ быть собственниками только другихъ недвижимыхъ имуществъ, какъ-то: строеній и зданій всякаго рода и т. п.

Взамѣнъ права собственности, въ которомъ имъ отказано, иностранцы, при новомъ режимѣ, могутъ приобрѣтать нѣкоторыя другія права на землю. Первое изъ нихъ — право «поверхности». Я употребляю слово «поверхность» потому, что оно общепринято для обозначенія особаго вида контракта, предусмотрѣннаго японскимъ законодательствомъ, но долженъ оговорить, что это не точно. Слово *tchidjoken* въ японскомъ гражданскомъ уложеніи не есть репродукція того, что во французскомъ законодательствѣ обозначается словомъ «поверхность» (*superficie*). Понятіе *tchidjoken* косвенно опредѣляется статьей 265-ой японскаго гражданскаго уложенія слѣдующимъ образомъ: «Владѣлецъ поверхности имѣетъ право пользоваться чужой землей для того, чтобы проявлять на ней право собственности на постройки, древесныя и бамбучныя насажденія». *Tchidjoken* обыкновенно возникаетъ путемъ письмен-

наго соглашенія сторонъ. Для полученія законной силы контрактъ о поверхности долженъ быть зарегистрированъ въ мѣстномъ судѣ (Кусаибанчо). Судъ имѣетъ два различныхъ регистра—одинъ для земель, другой—для строеній. Въ регистрѣ земель, для cadaго земельного участка, оставляется особая страница, на которой записываются всѣ обязательства, относящіяся къ данному участку. Въ регистрѣ строеній имѣется специальная страница для построекъ, которыя возводятся на каждомъ земельномъ участкѣ, внесенномъ въ регистрѣ земельныхъ участковъ. Поэтому, какъ только создана «поверхность», право на нее записывается въ регистрѣ земельныхъ участковъ, а сверхъ того, владѣлецъ «поверхности» вносится въ регистрѣ строеній въ качествѣ собственника построекъ, возведенныхъ на участкѣ. Эти формальности имѣютъ результатомъ то, что какъ собственникъ земли—съ одной стороны, такъ и собственникъ строеній—съ другой, могутъ располагать своими правами каждый независимо другъ отъ друга. Подробности этого права на поверхность тщательно опредѣлены въ статьяхъ 265—269 японскаго гражданскаго уложенія. Контрактъ подобнаго рода можетъ быть заключенъ на любой срокъ по желанію сторонъ. Лишь если стороны не обозначили срока, этотъ пунктъ регулируется закономъ.

Второе право на землю, которымъ могутъ пользоваться иностранцы, это—аренда, или *tchintaishakou*. Оно предусмотрено статьями 601—622 гражданскаго уложенія. Ст. 604 гласитъ: «Срокъ аренды не можетъ превышать двадцати лѣтъ, Если договоръ былъ заключенъ на болѣе долгій срокъ, послѣдній сокращается до двадцати лѣтъ. Предшествовавшій арендный договоръ можетъ быть возобновленъ, но возобновленный договоръ не можетъ быть продленъ на срокъ болѣе двадцати лѣтъ, считая съ момента возобновленія». Слѣдствіемъ краткости срока арендныхъ договоровъ является невозможность на практикѣ замѣнить ими права собственности на землю. Очевидно, что фабрикантъ не станетъ возводить дорогую фабрику на землѣ, пользованіе которой ему обезпечено всего на двадцать лѣтъ.

Хотя «эмфитеозъ», какъ мы сейчасъ увидимъ, не имѣетъ никакого практическаго интереса для иностранцевъ, тѣмъ не

менѣе о немъ необходимо упомянуть. Терминъ «эмфитеозъ» соотвѣтствуетъ японскому термину «ékosakouken». Право это объяснено въ 370 статьѣ гражданскаго уложенія слѣдующимъ образомъ: «За арендную плату эмфитеозъ имѣетъ право распахать землю, на которую онъ имѣетъ право, или заводить на ней пастбища». Въ сущности, это наемъ на долгій срокъ съ исключительной цѣлью обработки земли. Статья 278 устанавливаетъ максимальный срокъ дѣйствія такого договора въ пятьдесятъ лѣтъ съ правомъ возобновить его на такой же срокъ. Но иностранцы лишены права заниматься земледѣліемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ трактатахъ, гдѣ перечисляются возможные занятія иностранцевъ въ Японіи, не упоминается о земледѣліи. Правда, въ статьѣ 4-ой французскаго трактата и въ протоколѣ германскаго трактата упоминается, что иностранцы могутъ пріобрѣтать право эмфитеоза, но это пояснительное выраженіе, въ данныхъ случаяхъ относится къ пріобрѣтенію правъ на землю не для занятія земледѣліемъ, а для проживанія на ней и для производства на ней торговли.

Въ итогъ, если отбросить право аренды и эмфитеозъ, которыя, повторяю, не имѣютъ практическаго значенія, то останется только право поверхности. Но можно ли ожидать отъ права поверхности тѣхъ выгодъ, на которыя надѣялись составители уложенія? Пока примѣненіе этого права въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не покажетъ намъ его дѣйствительнаго практическаго значенія, до тѣхъ поръ мы позволимъ себѣ въ немъ сомнѣваться. Безспорно, что текстамъ, устанавливающимъ этотъ безусловно новый видъ права, не хватаетъ точности и опредѣленности; во всякомъ случаѣ, пока неизвѣстно, что сдѣлаетъ изъ примѣненія этого права высшая японская судебная инстанція, которая еще не имѣла случая о немъ высказаться. Таково впечатлѣніе всѣхъ трезво разсуждающихъ людей, и въ подтвержденіе этого лучше всего привести знаменательныя слова, сказанныя человѣкомъ, наиболѣе компетентнымъ въ качествѣ выразителя взглядовъ міра дѣльцовъ. 10-го января 1899 года, международный комитетъ, избранный иностранной торговой палатой въ Іокогамѣ для изученія вопросовъ, возникшихъ въ связи съ пересмотромъ трактатовъ, давалъ обѣдъ президенту совѣта министровъ, маркизу Ямагата, его това-

рищамъ по кабинету и наиболѣе вліятельнымъ членамъ японскихъ торговыхъ палатъ Іокогамы и Токио. Въ привѣтственной рѣчи, обращенной къ японскимъ министрамъ, президентъ международнаго комитета, мистеръ Р. Д. Робинсонъ, констатировалъ фактъ безусловной необходимости иностранныхъ капиталовъ для Японіи, и, развивая эту мысль, высказалъ слѣдующее: «Я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые думаютъ, что японское правительство сдѣлало много, чтобы дать иностранцамъ гарантію земельной собственности. Я думаю, что мы получили практически очень важную привилегію, добившись права нанимать на неограниченное время землю подъ именемъ «поверхности». Но при настоящемъ положеніи слово «поверхность» весьма мало говоритъ большинству англичанъ. Насколько мнѣ извѣстно, ни въ Англіи, ни въ Америки, на основаніи права поверхности, никогда не нанимаютъ земли. Мы совершенно не можемъ представить, каковы въ этомъ случаѣ будутъ наши права. Думаю, что они будутъ превосходны; все, вѣроятно, пойдетъ прекрасно, но пройдетъ нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ мы совершенно уяснимъ наше положеніе. Во всякомъ случаѣ, это положеніе всегда будетъ вопросительнымъ знакомъ для европейскихъ капиталовъ. Итакъ, если вы думаете такъ же, какъ и я, что привлеченіе иностранныхъ капиталовъ въ Японію необходимо для развитія природныхъ богатствъ страны, то я, со всѣмъ подобающимъ уваженіемъ, говорю: «въ интересахъ правильно понятыхъ нуждъ вашей страны, вы освободите насъ отъ сомнѣній, даровавъ иностранцамъ право владѣть землей».

Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, остается еще упомянуть, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ японскаго законодательства, неправопособность иностранцевъ къ приобрѣтенію земельной собственности не подлежитъ сомнѣнію лишь по отношенію къ частнымъ лицамъ, но она не относится къ нѣкоторымъ промышленнымъ обществамъ. «Въ самомъ дѣлѣ, — говорятъ они, — всякое общество, учрежденное въ Японіи на основаніи японскихъ законовъ и надлежащимъ образомъ зарегистрированное, становится юридическимъ японскимъ лицомъ, отличнымъ отъ его индивидуальныхъ членовъ, хотя бы всѣ они были иностранцы. Подобное общество иностранцевъ обладаетъ, въ качествѣ японскаго юридическаго лица, всѣми тѣми же пра-

вами, какія имѣтъ общество, состоящее исключительно изъ японцевъ, и, въ частности, правомъ пріобрѣтать земельную собственность... Вслѣдствіе этого, всякое иностранное общество, учрежденное въ Японіи на основаніи японскихъ законовъ, можетъ, какъ японскій подданный, пріобрѣтать землю, но общество, учрежденное за границей, на основаніи иностранныхъ законовъ, если бы даже оно открыло отдѣленіе въ Японіи, не будетъ имѣть права владѣнія землей».

Скажу прямо, что я не вѣрю этому остроумному разсужденію. Принципъ исключенія иностранцевъ изъ числа лицъ, могущихъ имѣть земельную собственность, для японца является капитальнымъ, и японскіе суды всегда найдутъ въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ статьи 2-ой гражданскаго уложенія средство осуществить пожеланія страны: «иностранцы пользуются всѣми частными правами, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ имъ отказано на основаніи законовъ по указамъ или въ силу трактатовъ», гласитъ эта 2-я статья. Владѣніе же землей, какъ мы видѣли, имъ формально воспрещается. Не подлежитъ сомнѣнія, что если бы японскій законодатель, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, хотѣлъ здѣсь поступиться принципомъ, который такъ близко лежитъ къ его сердцу, то онъ, конечно, ясно выразилъ бы свою мысль по этому предмету. Изъ сопоставленія текстовъ, на которые ссылаются для доказательства этой гипотезы, я не вижу, чтобы можно было, дѣйствительно, заключить, что законъ допускаетъ для коммерческаго общества то, въ чемъ онъ отказываетъ отдѣльнымъ лицамъ. Кромѣ того, если бы даже это толкованіе было вѣрно, то имѣла ли бы, спрошу я, эта новая правоспособность какое-нибудь реальное значеніе? Трудно допустить, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, чтобы многимъ иностраннымъ обществамъ пришла мысль формироваться въ Японіи, на основаніи законодательства, предписанія котораго имъ неизвѣстны.

*
* *

Мы сейчасъ видѣли важнѣйшее изъ ограниченій правъ иностранцевъ. Но есть еще нѣсколько другихъ изъятій. Иностранцы не имѣютъ права ни заниматься земледѣліемъ, ни эксплуати-

ровать рудниковъ ¹⁾). Эти ограниченія, существовавшія въ японскомъ законодательствѣ и раньше, не были отмѣнены при пересмотрѣ трактатовъ.

Затѣмъ, является вопросъ, могутъ ли иностранцы въ Японіи заниматься такъ называемыми свободными профессіями: быть докторами, аптекарями, профессорами, журналистами и т. п. Въ трактатахъ, при перечисленіи занятій, объ этомъ не упоминается: тамъ указаны: только торговля, промышленность и «ремесла». Японское правительство, однако, считаетъ, что иностранцы могутъ заниматься этими профессіями, съ нѣкоторыми, устанавливаемыми властями, ограниченіями. Что касается торговли и промышленности, то иностранцы могутъ учреждать въ Японіи общества, руководствуясь мѣстнымъ законодательствомъ, или открывать въ Японіи отдѣленія иностранныхъ обществъ. Въ первомъ случаѣ предстоитъ сдѣлать выборъ между четырьмя типами обществъ (Kaisha). Статья 43 японскаго торговаго устава гласитъ такъ:

«Допускается четыре вида торговыхъ товариществъ:

- «1) Коллективное товарищество (gemoikaisha),
- «2) Коммандитное товарищество (goshikaisha),
- «3) Акціонерное общество (kaboushikikaisha),
- «4) Акціонерная коммандитная компанія (kaboushikigoshikaisha»).

Когда иностранное общество открываетъ отдѣленіе въ Японіи, оно должно подчиниться той же регистраціи и тѣмъ же публикаціямъ, какъ и однородное или наиболѣе сходное съ нимъ японское общество. Крімъ того, иностранное общество, открывшее отдѣленіе въ Японіи, должно назначить представителя и зарегистрировать его имя и адресъ, эта регистрація должна быть сдѣлана одновременно съ регистраціей отдѣленія общества (ст. 255 торг. уст.). Иностранное общество, главное мѣстопробываніе коего находится въ Японіи и главное назначеніе коего производить торговые обороты въ Японіи, должно, даже если

¹⁾ Можно подумать, право, что мы живемъ еще въ тѣ времена когда одинъ старый японскій экономистъ писалъ: «Золото, какъ человѣческія кости, не возобновляется, между тѣмъ кровь и тѣло возобновляются, вотъ почему эксплуатація рудниковъ истощаетъ и дѣлаетъ страну бѣднѣе».

оно образовано за границей, подчиняться всѣмъ требованіямъ, обязательнымъ для обществъ, основанныхъ въ Японіи (ст. 258 торг. уст.). Кромѣ того, въ статьѣ 259-ой того же устава изложено слѣдующее куріозное требованіе: «Если представитель иностраннаго общества, имѣющаго отдѣленіе въ Японіи, допустить по отношенію къ дѣламъ общества дѣйствіе, противное общественному спокойствію или добрымъ нравамъ, то судъ, по требованію прокурорскаго надзора, издаетъ распоряженіе о закрытіи отдѣленія». Этотъ неопредѣленный текстъ даетъ судамъ дискреціонную власть, по моему мнѣнію, довольно опасную. Новый торговый уставъ не предусматриваетъ никакого другого способа наблюденія за обществами, какъ японскими, такъ и иностранными; исключеніе составляютъ лишь страховыя общества. Но требованія закона о провѣркѣ торговыхъ книгъ правительственными чиновниками, для установленія размѣра налога, конечно, относятся одинаково и къ японцамъ, и къ иностранцамъ.

Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о налогахъ, которые должны уплачиваться иностранцами наравнѣ съ подданными микадо. Существуетъ три разряда налоговъ: 1) національные налоги (Kokouzei), 2) областные (въ пользу кеновъ и фу) (Foukenzei) налоги и 3) муниципальные (shitchosonzei) налоги. Главными національными налогами являются: налогъ поземельный (djizo), налогъ подоходный (shotokouzei) и патенты (eiguozei). Подоходный налогъ—прогрессивный; но съ доходовъ менѣе 300 іенъ онъ не взимается.

Во всѣхъ указанныхъ ограниченіяхъ обращаетъ на себя особенное вниманіе вопросъ о правѣ собственности на землю. По этому вопросу японское законодательство, безспорно, не вполне откровенно и передъ нимъ будутъ всегда отступать западные капиталисты. Абсолютное равенство передъ закономъ, вотъ единственный, возможный принципъ, и нѣтъ сомнѣній, что, въ недалекомъ будущемъ, японцы по необходимости вынуждены будутъ въ этомъ убѣдиться и рѣшатся, наконецъ, даровать иностранцамъ право на владѣніе землей, въ которомъ они имъ теперь, изъ какихъ-то химерическихъ опасеній, отказываютъ. Съ 1899 года японцы могли убѣдиться, что они совершенно ошибочно представляли себѣ послѣдствія открытія страны для иностранцевъ. Въ

дѣйствительности, новый режимъ отнюдь не вызвалъ необычайнаго прилива иностранныхъ пришельцевъ; скорѣе даже напротивъ: съ трудомъ можно найти нѣсколько робкихъ европейскихъ начинаній внѣ черты прежде открытыхъ портовъ. Подъ вліяніемъ этихъ фактовъ японцы начинаютъ сознавать свои заблужденія. Въ виду безусловной потребности въ иностранныхъ капиталахъ, такъ какъ у себя найти ихъ они не могутъ, и будучи вполне увѣрены, что иностранцы дадутъ капиталы только при условіи личнаго надзора за ихъ употребленіемъ, въ просвѣщенныхъ кругахъ предвидятъ уже необходимость болѣе либеральной и разумной политики. Въ мартѣ 1900 года торговая палата въ Токио единогласно высказала пожеланіе, чтобы за иностранцами было признано право владѣнія землей и право эксплоатаціи рудниковъ ¹⁾. 5-го іюня 1900 года министръ внутреннихъ дѣлъ принялъ рѣшеніе, коимъ иностранцамъ разрѣшается пріобрѣтать желѣзнодорожныя акціи. Но въ общемъ мы имѣемъ дѣло съ очень незначительными уступками, и народъ сохраняетъ съ прежней силой свое предубѣжденіе противъ иностранцевъ.

Какова бы ни была важность этого вопроса, есть, однако, другой вопросъ, который въ моментъ введенія дѣйствія трактатовъ имѣлъ еще большее значеніе для иностранцевъ, а именно — подчиненіе иностранцевъ юрисдикціи японскихъ судовъ. Докладчикъ проекта трактата, во французской палатѣ депутатовъ, высказалъ по этому вопросу, «что новые японскіе кодексы изданы и обнародованы; что ихъ постановленія заимствованы изъ самыхъ новыхъ и совершенныхъ европейскихъ законовъ; что усердіе и настойчивость, съ которыми правительство микадо стремится къ детальному уподобленію Японіи западнымъ державамъ, являются гарантіей въ томъ, что кодексы будутъ примѣняться въ томъ же духѣ и что японское судопроизводство будетъ заимствовано изъ практики судовъ европейскихъ». Не безынтересно по этому поводу бросить, между прочимъ, взглядъ на эту часть преобразованій, произведен-

¹⁾ По вопросу о рудникахъ, въ концѣ 1899 году, палатами былъ вотированъ законъ, коимъ за «иностранными обществами» было признано право эксплоатаціи рудниковъ, но законъ отказываетъ въ этомъ правѣ единоличнымъ иностраннымъ предпринимателямъ.

ныхъ японцами надъ учрежденіями своей страны. Это лучшее средство составить себѣ точное представленіе о положеніи дѣлъ.

*
* *

Между происшедшими за послѣднія тридцать лѣтъ реформами въ Японіи нѣтъ болѣе полной и болѣе коренной, чѣмъ пересмотръ законодательства и преобразование судебныхъ учреждений страны. Просуществовавъ столѣтія съ системой правосудія, заимствованной изъ древняго китайскаго обычнаго права, Японія обладаетъ въ настоящее время цѣлымъ арсеналомъ положеній и законовъ, скопированныхъ съ самыхъ новѣйшихъ образцовъ Франціи и Германіи. Какія послѣдствія дастъ эта быстрая перемѣна? Сейчасъ предвидѣть что-нибудь трудно; тѣмъ не менѣе, можно вполне основательно усомниться въ томъ, чтобы японскій народъ извлекъ изъ этой насильственной пересадки принциповъ, совершенно чуждыхъ его исконнымъ правамъ, образу жизни и привычному мышленію, всю ожидаемую отъ этого пользу. Монтескьё сказалъ: «Есть два рода тиранніи: одна настоящая, которая выражается насиліемъ правительства, и другая — тираннія общественнаго мнѣнія. Послѣдняя даетъ себя чувствовать тогда, когда правители устанавливаютъ порядокъ вещей, не соотвѣтствующій образу мысли націи». Что касается Японіи, то какъ не предположить, напри- мѣръ, что въ странѣ, жившей до сихъ поръ на началахъ полного владычества семьи, не возникнетъ неизлѣчимыхъ конфликтовъ отъ введенія въ нее законодательства, превозглашающаго постоянно принципъ индивидуальной свободы! Но подобныя неудобства неизбежны у такого народа, какъ японцы, который, не имѣя серіознаго національнаго фонда и стремясь миновать стадіи прогресса, поставленъ въ необходимость заимствовать у иностранныхъ народовъ болѣе или менѣе разрозненные идеи и учрежденія.

Японская судебная реформа относится къ первымъ временамъ, послѣдовавшимъ за революціей 1868 года, возстановившей микадо во всей полнотѣ его власти, и въ особенности къ эпохѣ, послѣдовавшей за уничтоженіемъ феодализма въ 1871 году. Тогда въ самомъ дѣлѣ было необходимо установить единство законодательства и замѣнить обычное право, очень разнообразное

и часто неопредѣленное, совокупностью извѣстныхъ законовъ, которыми были бы гарантированы права частныхъ лицъ отъ произвола судей ¹⁾. Но это обширное движеніе, которое должно было закончиться надѣленіемъ страны собраніемъ кодексовъ, проникнутыхъ современнымъ правомъ и духомъ судебной организациіи, отвѣчающими потребностямъ страны, было, въ особенности, ускорено желаніемъ Японіи положить конецъ иностранной консульской юрисдикціи. Было очевидно, что европейскія націи согласятся предоставить японскому правосудію своихъ подданныхъ лишь послѣ того, какъ онѣ убѣдятся, что японскій судъ даетъ достаточныя гарантіи справедливости и нелицепріятія.

Японское правительство съ жаромъ принялось за работу и начало издавать однимъ за другимъ свои кодексы. Уложеніе о наказаніяхъ и уставъ уголовного судопроизводства опубликованы въ 1880 году и вошли въ силу уже въ 1882 году. Оба кодекса принадлежатъ М. Боасоннаду — почтенному профессору парижскаго юридическаго факультета, долго бывшему юрисконсульту японскаго правительства. Въ этихъ законодательныхъ актахъ японцы заимствовали принципы французскаго уголовного права, хотя слѣдуетъ оговориться, что институтъ присяжныхъ въ японскомъ судопроизводствѣ отсутствуетъ. Уставъ уголовного судопроизводства былъ пересмотрѣнъ въ 1890 году и въ ближайшемъ будущемъ предполагенъ уже новый его пересмотръ ²⁾. Уставъ гражданскаго судопроизводства вошелъ въ

¹⁾ По отношенію къ старому японскому праву можно замѣтить лишь то, что оно было совершенно не знакомо съ научными теоріями права. По замѣчанію одного изъ лучшихъ знатоковъ стараго японскаго права, Вигмора, «въ немъ такъ же трудно встрѣтить юридическое опредѣленіе, какъ найти гиней на большой дорогѣ». Не было никакихъ догматическихъ работъ, никакой юридической литературы, а имѣлись только случайные сборники обычаевъ, мѣстныхъ правилъ и судебныхъ прецедентовъ (saiban gei).

²⁾ Отличительной чертой японскаго законодателя является неувѣренность въ правильности и цѣлесообразности своихъ предначертаній. Едва лишь законъ вотируется, какъ уже, не выждавъ, пока практика его примѣненія позволитъ оцѣнить дѣйствительное его значеніе, начинаютъ говорить о его измѣненіи. Слѣдуетъ еще отмѣтить склонность японскихъ палатъ издавать законы по вопросамъ, которые по своему существу относятся къ области обычной морали и родительской власти. Напримѣръ, въ 1900 году былъ принятъ законъ, воспрещавшій дѣтямъ курить.

силу въ 1890 году, торговый уставъ вотиrowанъ въ мартѣ 1899 года и началъ примѣняться съ іюня того же года. Относительно этого послѣдняго устава прибавлю, что положеніе о банкротствѣ изъ него выдѣлено и входитъ въ составъ отдѣльнаго закона, примѣняемаго какъ въ порядкѣ гражданскаго, такъ и въ порядкѣ торговаго судопроизводства. Какъ извѣстно, это нѣмецкая система. Коммерческія дѣла въ Японіи подсудны обыкновеннымъ гражданскимъ судамъ; ничего подобнаго французской консульской юрисдикціи въ Японіи не существуетъ.

Капитальнымъ трудомъ японскаго законодательства является гражданское уложеніе, которое было обнародовано, въ пересмотрѣнномъ видѣ, 16 іюля 1899 года. Первоначальный проектъ гражданскаго уложенія принадлежитъ Боасоннаду. Проектъ этотъ не заключалъ узаконеній о личныхъ правахъ и о правѣ наслѣдованія, составленіе которыхъ было поручено японскимъ юристамъ. Обѣ части разсматривались въ совѣщаніи высшихъ чиновъ, называемомъ *Guengo-in* (1887—89 гг.). Окончательно онѣ были обработаны въ 1889 году и обнародованы въ 1890 году. Это уложеніе должно было войти въ дѣйствіе съ 1 января 1893 года. Но въ это время императоръ даровалъ своему народу конституцію, и собравшійся въ 1890 году сеймъ выразилъ желаніе пересмотрѣть гражданское уложеніе, вслѣдствіе чего введеніе его въ дѣйствіе было отложено до 31 декабря 1896 года. Для пересмотра уложенія была образована 15 марта 1893 года большая внѣпарламентская комиссія. Новый проектъ былъ выработанъ тремя членами комиссіи Озуми, barrister at law, и Умэ и Томіи, докторами правъ Ліонскаго университета; всѣ трое профессора Токійскаго университета. Названные три автора почти ничего не сохранили изъ проекта Боасоннада и, отбросивъ его образецъ, Наполеоновскій кодексъ 1804 года, приняли за таковой самоновѣйшую модель, новое германское гражданское уложеніе. Какъ и германскій кодексъ японское уложеніе дѣлится на пять отдѣловъ: 1-ый заключаетъ въ себѣ общія положенія, 2-ой вещное право, 3-й вексельный уставъ, 4-ый семейное право и 5-й право наслѣдственное. Первые три отдѣла были вотиrowаны и обнародованы въ 1896 году, послѣдніе два въ 1898 году. Редакторы уложенія, повторяю, положили въ основу общія начала германскаго за-

конодательства, потому что послѣднія казались имъ хорошими, но когда пришлось редактировать законъ, то они сочли слишкомъ труднымъ подчиняться во всемъ духу германскаго кодекса. При составленіи германскаго уложенія имѣлось въ виду, какъ извѣстно, все предвидѣть и все фиксировать, слѣдствіемъ чего явилось ужасное нагроможденіе. Японскіе законодатели проявили гораздо больше чувства мѣры. Статьи японскаго уложенія такъ же кратки, какъ и французскія, и стремятся дать только общія положенія.

*
* *

Размѣры настоящаго труда не позволяютъ останавливаться подробнѣе на затронутыхъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что они могутъ интересовать только специалистовъ. Перехожу, поэтому, къ японской судебной организаціи. Она основана на статьяхъ 57—61 конституціи, которая весьма ясно устанавливаетъ независимость суда и несмѣняемость судей. Подробности судоустройства переняты отъ соотвѣтственныхъ германскихъ и французскихъ учрежденій и утверждены закономъ 2 февраля 1890 года. Въ этомъ законѣ подробно изложены: организація и компетенція судовъ, правила назначенія на судебныя должности, указанъ принципъ большинства судей; словомъ, подробно опредѣленъ весь механизмъ судебного устройства. Въ Японіи въ настоящее время существуютъ: 1 кассационная инстанція, 7 инстанцій апелляціонныхъ, 49 окружныхъ судовъ, 298 общинныхъ судовъ и 1201 судебныхъ мѣстъ, выдѣленныхъ изъ этихъ послѣднихъ. Къ сожалѣнію, судейскія должности въ Японіи дурно оплачиваются, что вредно отзывается на качествѣ личнаго состава. Судьи получаютъ отъ 700 до 4.000 іенъ. Предсѣдатель высшей судебной инстанціи 5.500 іенъ, а генеральный прокуроръ 5.000 іенъ. Ясно, что, при отсутствіи традицій и чувства словной чести, судьямъ трудно противостоятъ какъ искушеніямъ, предлагаемымъ сторонами, желающими получить рѣшеніе въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ, такъ и давленію, производимому правительствомъ: вслѣдствіе этого, въ Японіи общепризнано, что судьи не всегда отличаются самостоятельностью и неподкупностью. Кандидаты на судебныя должности должны выдержать два экзамена; первый—для поступленія; онъ чисто

правовой, и студенты съ дипломомъ университета отъ него освобождаются; второй экзаменъ, по прошествіи опредѣленнаго времени посѣщенія суда, производится исключительно изъ юридической практики, и только послѣ этого второго испытанія кандидаты становятся судьями. Не хочу закончить этихъ бѣглыхъ замѣтокъ, не сказавъ ни слова объ адвокатурѣ. Она существуетъ на основаніи закона 3 марта 1893 года. Адвокатами могутъ быть только лица, выдержавшія экзаменъ по программѣ, утвержденной министерствомъ юстиціи, причемъ лица, имѣющія университетскій дипломъ отъ экзамена освобождаются; въ общемъ законодательство объ адвокатурѣ скопировано съ соотвѣтственнаго французскаго законодательства.

*
* *

Такова въ общихъ чертахъ картина современнаго японскаго законодательства и судебнаго устройства. Несмотря на вполне приличную внѣшность того и другого, иностранцы взирали не безъ страха на то время, когда они будутъ подсудны японскимъ судамъ. Говорили: «Все, что вы намъ показываете, очень хорошо, но какъ всѣ новыя явленія въ современной Японіи, эти прекрасныя орудія находятся въ рукахъ людей, недостаточно подготовленныхъ, чтобы ими пользоваться. Вы могли принять своды, составленные по образцу европейскихъ законовъ, но у васъ нѣтъ судей, которые могли бы ихъ осмысленно примѣнять. Вѣдь, нельзя создать, по волѣ закона, сословіе судей, способное ввести въ жизнь совершенно новое законодательство, принципы котораго въ корнѣ противорѣчатъ основнымъ началамъ всей жизни страны». Надо сознаться, что хотя эти мрачныя предположенія не вполне оправдались, и въ общемъ японскіе судьи сдѣлали все возможное, дабы оказаться на высотѣ своей задачи, однако, вполне справедливо и то, что сознательно или безсознательно, но японскіе суды далеко еще не удовлетворяютъ своихъ новыхъ кліентовъ. Въ особенности, требуется обратить вниманіе на два теченія среди японскаго судебного персонала, такъ какъ эти теченія угрожаютъ, если во время не будутъ остановлены, совершенно извратить духъ новой реформы. Первое теченіе заключается въ тенденціи считать мертвой буквой всѣ тѣ предписанія закона, которыя несоотвѣт-

ствуютъ унаслѣдованнымъ привычкамъ или старымъ національнымъ традиціямъ. Второе заключается въ нескрываемомъ пристрастіи судовъ къ своимъ согражданамъ во всякомъ процессѣ, гдѣ противной стороной является европеецъ. Явленіе это повторяется настолько часто, что оно много разъ уже отмѣчалось и даже клеймилось самими же японцами. Кромѣ этого, японскіе судьи либо слишкомъ стары, чтобы изучить и правильно примѣнять новое законодательство, либо слишкомъ молоды и неопытны; къ сожалѣнію, только время можетъ измѣнить такое положеніе. Этотъ недостатокъ хорошихъ судей зависитъ отъ того, что законодательная реформа была проведена слишкомъ поспѣшно, и вопросъ еще болѣе обострился, вслѣдствіе недостаточности получаемого судьями содержанія, въ силу чего наиболѣе способная и развитая часть выпускаемыхъ школами молодыхъ людей предпочитаетъ итти въ адвокатуру, или же поступаетъ на службу въ промышленныя предпріятія. Чтобы помочь этому, въ апрѣлѣ 1901 г. въ сеймъ былъ внесенъ проектъ прибавки содержанія судьямъ, но проектъ этотъ былъ отвергнутъ сеймомъ. Этотъ отказъ вызвалъ такое недовольство среди судебного персонала, что судьи не задумались устроить стачку. Такой фактъ самъ по себѣ наводитъ уже на размышленіе о настроеніи японскихъ судей.

*
* *
*

Болѣе всего поражаетъ, при изученіи этого важнаго эпизода въ исторіи Японіи, рѣзко выраженная разница между настроеніемъ правящихъ сферъ и настроеніемъ народа. За очень немногими исключеніями,—какъ на примѣръ, дѣло о земляхъ въ Іокогамѣ,—можно увѣренно сказать, что японскія власти дѣлаютъ все возможное, чтобы держать себя корректно по отношеніи къ европейцамъ. Далеко не то же отношеніе наблюдается въ народѣ, который теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, питаетъ предубѣжденіе противъ иностранцевъ. Къ сожалѣнію, это фактъ настолько общеизвѣстный, что 1-го іюля 1899 года, за нѣсколько недѣль до введенія новаго режима, императоръ счелъ нужнымъ обратиться къ своему народу съ рескриптомъ, составленнымъ въ выраженіяхъ совершенно необычной точности и опредѣленности. Приводимъ ниже этотъ документъ, который,

по своему значенію, достоинъ занять мѣсто среди наиболѣе замѣчательныхъ актовъ этого государя, наряду со знаменитымъ императорскимъ рескриптомъ о воспитаніи:

«Управляя нашей имперіей по ученію нашихъ предковъ, мы успѣли обезпечить внутреннее благосостояніе нашего народа и въ то же время установили отношенія тѣсной дружбы съ иностранными націями. Источникомъ радости для насъ является констатированіе того, что послѣ долгихъ переговоровъ мы, наконецъ, пришли къ соглашенію съ державами, и что скоро будутъ введены въ дѣйствіе пересмотрѣнные трактаты. Наши давнишнія надежды на-дняхъ должны осуществиться. Эта перемѣна режима увеличиваетъ ту отвѣтственность, которая падаетъ на насъ по управленію нашей имперіей, но она послужитъ къ укрѣпленію добрыхъ отношеній съ державами.

«Мы безусловно желаемъ, чтобы наши вѣрноподданные, рвеніе которыхъ къ исполненію своихъ обязанностей намъ извѣстно, точно сообразовались съ нашими взглядами на этотъ вопросъ. Такимъ образомъ, открытіе доступа въ страну всѣмъ иностранцамъ, которые должны быть дружественно встрѣчены, сдѣлаетъ честь нашему народу и увеличитъ славу нашей имперіи.

«Принимая во вниманіе ту отвѣтственность, которая на насъ падаетъ по введенію въ дѣйствіе новыхъ трактатовъ, мы желаемъ, чтобы наши министры, дѣйствуя нашимъ именемъ, дали чиновникамъ всѣхъ вѣдомствъ инструкцію, внушивъ имъ самымъ бдительнымъ образомъ заботиться о производствѣ дѣлъ, дабы какъ иностранцы, такъ и туземцы пользовались одинаковыми льготами и привилегіями, и дабы всякій источникъ распрей отнынѣ былъ уничтоженъ, и мирныя дружественныя отношенія отнынѣ покоились на ненарушимыхъ основахъ».

Этотъ весьма либеральный рескриптъ сопровождался рядомъ приказовъ различныхъ министровъ, составленныхъ въ томъ же духѣ. Но, несмотря на всѣ эти предосторожности, несмотря на тотъ громаднѣйшій престижъ, который императоръ сохраняетъ еще въ глазахъ народныхъ массъ, японская нація не смягчила своей завистливой ненависти по отношенію къ иностранцамъ. И это настроеніе констатировано не одними иностранцами, живущими въ Японіи, а на него обратилъ вниманіе также и первый государственный человѣкъ страны. Въ собра-

ніи Kokka-Gakko-Kouaï, или общества для изученія государственныхъ наукъ, 9-го декабря 1899 года, маркизь Ито произнесъ знаменитую рѣчь, существенное мѣсто которой заключается въ слѣдующихъ словахъ:

«Однимъ изъ наиболѣе значительныхъ результатовъ ряда реформъ и преобразованій, совершенныхъ въ странѣ, была возможность благополучно довести до конца дѣло пересмотра трактатовъ. Я не буду вамъ говорить о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя пришлось преодолѣть лицамъ, участвовавшимъ въ пересмотрѣ: они всѣ у васъ на памяти. Но необходимо вамъ сказать, что теперь, когда новое положеніе введено, намъ предстоитъ еще болѣе трудная задача — хорошо воспользоваться нашими правами и честно исполнить наши новыя обязательства. Надѣюсь, мнѣ не надо вамъ напоминать, что международное равенство, которое завоевано нашей страной, обязываетъ насъ подчиниться правиламъ вѣжливости, общепринятымъ между равными другу другу народами.

«Тѣ же замѣчанія напрашиваются и по отношенію къ личнымъ сношеніямъ японцевъ съ иностранцами. Пока между нашими согражданами и иностранцами не установится отношеній, основанныхъ на обоюдномъ довѣріи и дружбѣ, до тѣхъ поръ всегда будутъ происходить столкновенія при примѣненіи новыхъ договоровъ. Мнѣ очень больно сознаться, что наши соотечественники далеки, съ этой точки зрѣнія, отъ того, чтобы стоять внѣ упрека. Является ли это слѣдствіемъ нашихъ побѣдъ надъ Китаемъ, либо на то есть иная причина, но фактъ тотъ, что часть населенія настроена враждебно къ иностранцамъ. Такія чувства совершенно нераціональны и неумѣстны въ настоящее время. Они являются слѣдствіемъ глупости и невѣжественности, и обязанностью передовыхъ людей, какъ вы, является сдѣлать все возможное, чтобы положить конецъ этой болѣзни. *Вы знаете, что введеніе въ дѣйствіе новыхъ договоровъ было торжественно отмѣчено императорскимъ рескриптомъ; если основываться на моихъ наблюденіяхъ во время моей послѣдней поѣздки по странѣ, то, къ величайшему сожалѣнію, приходится сознаться, что народъ, въ общемъ, кажется, не придаетъ большого значенія этому документу. Слѣдуетъ опасаться, что если указанные въ ре-*

скриптѣ принципы не будутъ тщательно соблюдаться, то можетъ пострадать національный престижъ, потому что нельзя предположить, чтобы иностранныя державы насъ уважали, если мы будемъ подобнымъ образомъ къ нимъ относиться. Не обидно ли, что въ Токио — столицѣ имперіи, городѣ, въ которомъ насчитывается такое громадное число уважаемыхъ людей, сторонниковъ прогресса, могло случаться, что иностранныя дамы ежедневно служатъ предметомъ оскорбленій невоспитанныхъ молодыхъ людей, выставляющихъ на показъ свое нахальство и хвлящихся грубостью по отношенію къ иностранцамъ. Ничего нѣтъ болѣе постыднаго для націи, какъ этотъ патріотизмъ, разгуливающій въ *Неко обі*, съ нахально приподнятыми плечами¹⁾; и нельзя не осудить этихъ японцевъ, которые гордятся своимъ высокомеріемъ и грубостью передъ иностранцами, какъ будто на нихъ падаетъ обязанность спасти силою достоинство страны».

Констатированіе фактовъ въ устахъ такого человѣка, какъ маркизъ Ито, слишкомъ рѣшительно, чтобы къ нему нужно было еще что-либо прибавлять. Японцы, которые являются тутъ наиболѣе заинтересованной стороною, когда-нибудь отдадутъ себѣ отчетъ въ нелѣпости такого образа дѣйствій. Что же касается насъ, то мы, съ вышеуказанными оговорками, не можемъ все-таки не восторгаться предъ чрезвычайными усиліями, сдѣланными японской націей, и передъ стойкой волей, которая послѣдовательно, сквозь тысячи препятствій, двигала цѣлый народъ къ поставленной заранѣе цѣли. Насильственное вторженіе европейцевъ поставило Японію передъ жестокой альтернативой: или оставаться народомъ низшимъ и зависимымъ, подѣломъ болѣе или менѣе ложнымъ наименованіемъ, или въ нѣсколько лѣтъ стать равнымъ по силѣ, богатству и пріобрѣтеннымъ знаніямъ съ тѣми западными расами, которыя въ продолженіе столѣтій Японія изгоняла и презирала и которыхъ характеръ, философію, религію и мн. др. она, — этого не надо забывать, — продолжаетъ презирать и по сіе время.

¹⁾ *Неко обі* — небольшой бѣлый поясъ, который носятъ студенты и *soshi*. Эти послѣдніе — люди на все способные по приказанію вліятельныхъ политикановъ, у которыхъ они состоятъ на службѣ.

Въ общемъ, надо признать, что Японіи удалось разрѣшить значительную часть намѣченной ею себѣ задачи, и что отъ самихъ японцевъ зависитъ довершить это дѣло, умѣривъ несдержанную спесь сумасбродовъ и шовинистовъ.

ХІІ.

Внѣшняя политика.

«Японцы, видите-ли,—говорилъ мнѣ въ Сеулѣ представитель одной великой державы,—не имѣютъ въ Корей, какъ и нигдѣ, опредѣленнаго плана дѣйствій. У нихъ только одна идея: удивить міръ. Въ этомъ вся ихъ внѣшняя политика».

Не въ обиду будь сказано поттенному дипломату, вопросъ этотъ далеко не такъ простъ, и если подобная формула еще приложима къ извѣстному періоду внѣшней жизни Японіи, то ея нельзя характеризовать съ такимъ же успѣхомъ ту дѣятельность, которую проявило японское правительство въ послѣдніе годы. Внѣшняя политика Японіи нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, заслуживаетъ самаго точнаго изученія.

Въ связи съ трагическими событіями въ Китаѣ въ 1900 году, вопросъ о Дальнемъ Востокѣ вошелъ, дѣйствительно, въ новую фазу развитія и вылился окончательно въ форму самой страшной проблемы, которую когда-либо задавала исторія. Видано-ли было когда-нибудь, чтобы пробуждалось столько разнообразныхъ вождедѣній, чтобы великія европейскія державы, Соединенные Штаты и Японія, шли нога въ ногу, чтобы дѣло касалось такой заманчивой добычи, какъ Китайъ съ его 18-ю провинціями, изъ коихъ каждая величиной съ цѣлую имперію, или какъ Корея съ ея плодородной почвой?

Но изъ трехъ восточныхъ имперій, заинтересованныхъ здѣсь непосредственно, Японіи, Китая и Кореи, двѣ послѣднія, нужно замѣтить, не имѣютъ почти никакого значенія при рѣшеніи предстоящей задачи.

Что касается Китая, то можно было одно время думать, что сила вещей заставитъ его бросить свою пассивность и что, ухватившись за единственный шансъ сохранить свою независимость, онъ станетъ на путь воспринятія идей цивилизаціи и прогресса. Всѣ

помнить о мечтахъ молодого императора, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, относительно необходимыхъ преобразованій въ старой Китайской имперіи, находящейся въ вѣковомъ оцѣпенѣніи. Правда, нынѣ Китай больше, чѣмъ когда-либо, ушелъ въ скорлупу вѣковыхъ предразсудковъ и презрѣнія ко всякимъ новшествамъ, которыя силой навязываютъ ему піонеры цивилизаціи; не нужно, однако, забывать, что на тронѣ Пекина находился Сынъ Неба, идеологъ, мечтавшій о коренномъ возрожденіи своей страны и взявшійся за эту задачу съ умомъ и энергіей. Но эта попытка, какъ и слѣдовало ожидать, не удалась; она встрѣтила на своемъ пути массу предразсудковъ и угрожала слишкомъ многимъ интересамъ. Императоръ Куангъ-Ксу проигралъ игру: бразды правленія перешли въ руки враговъ прогресса, что привело, какъ извѣстно, къ грустнымъ послѣдствіямъ.

Очень вѣроятно, что, несмотря на тяжелый урокъ, данный державами Китаю, положеніе вещей въ немъ останется прежнее, и Китай не перестанетъ представлять великолѣпное зрѣлище 300 милліоннаго народа, который не въ состояніи заставить дѣйствительно уважать цѣлость своей территоріи.

Что касается Кореи, то эта страна безъ арміи, безъ флота и даже какъ будто безъ правительства, уже положительно не идетъ въ счетъ въ политическомъ отношеніи. Корея представляетъ собою нѣчто въ родѣ ставки въ игрѣ, результатовъ которой она пассивно ожидаетъ и на исходъ которой она не можетъ повліять.

Другое дѣло Японія.

Всѣ знаютъ усилія, съ которыми правительство микадо въ продолженіе 30-ти лѣтъ занималось кореннымъ реформированіемъ страны. Извѣстно, какимъ образомъ Японія справилась съ этой трудной задачей. Въ массѣ случаевъ заимствование реформъ было чисто внѣшнее, ибо нельзя же въ 30 лѣтъ обновить всецѣло націю, будь она даже такая гибкая и воспріимчивая, какъ японцы. Но есть область, въ которой Японія, повидимому, сравнялась съ западными образцами: это въ организаціи и развитіи своихъ военныхъ силъ. Вотъ въ этомъ отношеніи нѣтъ сомнѣній; армія и флотъ Японіи первоклассные, что доказывается послѣдними операціями японскихъ войскъ въ Китаѣ. Нельзя забывать, что имперія микадо всегда была страной, по

преимуществу военной; вѣдь вплоть до 1871 года строй ея былъ феодальный со всѣми идеями и нравами, присущими этому строю, съ его воинственнымъ духомъ. Поэтому, нисколько не удивительно, что японцы, при первомъ общеніи съ европейцами, прежде всего восприняли отъ нихъ именно усовершенствованія новѣйшаго времени въ области военного искусства. Разсматривая современное состояніе арміи и флота въ Японіи, приходится убѣдиться, что въ этой области болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, удивительная способность народа къ подражанію сдѣлала чудеса, и что, благодаря этой способности, Японія нынѣ въ состояніи выставить такія морскія и военныя силы, какихъ ни одна держава не въ состояніи имѣть на Дальнемъ Востокѣ.

Наконецъ, англо-японскій трактатъ 30-го января 1902 года еще болѣе укрѣпилъ положеніе Японіи. Этотъ договоръ былъ подписанъ въ Лондонѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ лордомъ Лансдоуномъ и г. Гаяши, чрезвычайнымъ и полномочнымъ посланникомъ Японіи въ Лондонѣ.

Вотъ текстъ этого важнаго документа.

«Правительства Великобританіи и Японіи, движимыя единственнымъ желаніемъ поддержать *statu quo* и всеобщій миръ на Дальнемъ Востокѣ и, сверхъ того, спеціально въ интересахъ сохраненія независимости Китайской и Корейской имперій, а также въ видахъ обезпеченія одинаковыхъ для всѣхъ націй удобствъ для торговли и промышленности въ этихъ странахъ, заключаютъ настоящее соглашеніе въ слѣдующемъ:

«Пунктъ 1.—Высокія договаривающіяся стороны, признавъ взаимно независимость Китая и Кореи, объявляютъ себя чуждыми какихъ бы то ни было агрессивныхъ стремленій по отношенію къ той или другой изъ этихъ двухъ странъ.

«Имѣя въ виду, однако, свои спеціальныя интересы, среди которыхъ интересы Великобританіи касаются, главнымъ образомъ, Китая, а Японія, кромѣ интересовъ, которые она имѣетъ въ Китаѣ, особенно заинтересована, съ точки зрѣнія, какъ политической, такъ и торгово-промышленной, Кореей, высокія договаривающіяся стороны признаютъ, что обѣ онѣ имѣютъ право принять мѣры, необходимыя для охраненія этихъ интересовъ, если имъ будутъ угрожать или агрессивныя дѣйствія

какой-либо другой державы или смуты въ Китаѣ или Корей, могущія вызвать вмѣшательство одной изъ высокихъ договаривающихся сторонъ въ видахъ огражденія жизни и достоянія своихъ подданныхъ.

«Пунктъ 2. — Если Великобританія или Японія, для защиты вышеупомянутыхъ интересовъ, была бы вовлечена въ войну съ какой-либо иной державой, другая высокая договаривающаяся сторона будетъ сохранять строжайшій нейтралитетъ и приметъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать другимъ державамъ принять участіе во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ своей союзницы.

«Пунктъ 3. — Если бы, въ вышеуказанномъ случаѣ, одна или нѣсколько державъ приняли участіе во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ одной изъ союзницъ, другая высокая договаривающаяся сторона придетъ ей на помощь и будетъ вести войну сообща и заключить миръ съ общаго съ нею согласія.

«Пунктъ 4. — Высокія договаривающіяся стороны даютъ взаимное обязательство въ томъ, что ни одна изъ нихъ не войдетъ въ какое-либо отдѣльное соглашеніе, безъ предварительнаго совѣта съ другой, съ какой-либо державой въ ущербъ вышеуказаннымъ интересамъ.

«Пунктъ 5. — Всякій разъ, какъ, по мнѣнію или Великобританіи или Японіи, изложеннымъ интересамъ будетъ угрожать опасность, оба правительства будутъ сообщаться между собою искренно и откровенно.

«Пунктъ 6. — Настоящій договоръ долженъ будетъ вступить въ силу тотчасъ послѣ дня его подписанія и оставаться дѣйствительнымъ пять лѣтъ, начиная съ означеннаго дня.

«Если ни одна изъ договаривающихся сторонъ не увѣдомитъ, за 12 мѣсяцевъ до истеченія этихъ пяти лѣтъ, о желаніи прекратить договоръ, таковой остается обязательнымъ до тѣхъ поръ, пока одна или другая изъ высокихъ договаривающихся сторонъ не откажется отъ договора. Но въ случаѣ, если при наступленіи срока истеченія договора, одна или другая союзница будетъ вовлечена въ войну, союзъ остается въ силѣ *ipso facto* до заключенія мира.

«Въ удостовѣреніе сего, нижеподписавшіеся надлежащимъ образомъ уполномоченные своихъ правительствъ подписали сей договоръ съ приложеніемъ къ нему своихъ печатей.

«Написано въ двухъ экземплярахъ въ Лондонѣ, 30-го января 1902 г.».

(Слѣдуютъ подписи).

Текстъ этого договора былъ препровожденъ маркизомъ Лансдоуномъ сэру Клоду Макъ-Дональду, англійскому посланнику въ Токио, вмѣстѣ съ письмомъ Foreign Office, отъ 30-го января 1902 г. Статсъ-секретарь въ этомъ письмѣ объяснялъ, что на этотъ договоръ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на результатъ событій, происходившихъ на Дальнемъ Востокѣ за послѣдніе два года, и той роли, которую приняли въ нихъ на себя Великобританія и Японія. Обѣ державы дѣйствовали съ одинаковыми цѣлями. При этомъ лордъ Лансдоунъ обращалъ специальное вниманіе посланника на пункты 2 и 3. Онъ прибавлялъ, что англійское правительство рѣшилось заключить этотъ договоръ въ полномъ убѣжденіи, что таковой не содержитъ ни одного пункта, который могъ бы разсматриваться, какъ намекъ на агрессивныя или эгоистическія стремленія по отношенію къ странамъ, относительно которыхъ заключенъ договоръ. Это есть лишь мѣра предосторожности для защиты важныхъ англійскихъ интересовъ, не угрожающая ничуть ни существующему положенію, ни законнымъ интересамъ другихъ державъ. Въ заключеніе онъ говорилъ: «Правительство его величества надѣется, что договоръ принесетъ взаимныя выгоды обѣимъ странамъ, будетъ способствовать поддержанію мира, а также, что въ случаѣ, если миръ къ несчастію будетъ нарушенъ, благодаря договору можно будетъ ограничить районъ военныхъ дѣйствій».

Нѣсколько недѣль спустя, какъ всѣмъ извѣстно, въ отвѣтъ на этотъ актъ, дипломатическіе представители Россіи и Франціи, 20-го марта, сообщили министрамъ иностранныхъ дѣлъ державъ, подписавшихъ пекинскій протоколъ (7-го сентября 1901 г.) слѣдующую декларацію.

«Союзныя правительства Россіи и Франціи, извѣстившись объ англо-японскомъ соглашеніи 30-го января 1902 года, за-

ключенномъ съ цѣлью обезпечить *statu quo* и миръ на Дальнемъ Востокѣ, а также въ видахъ сохраненія независимости Китая и Кореи, открытыхъ торговлѣ и промышленности всѣхъ націй, съ полнымъ удовлетвореніемъ усмотрѣли подтвержденіе въ этомъ соглашеніи тѣхъ принциповъ, о которыхъ Россія и Франція неоднократно заявляли и которыя составляютъ основу ихъ политики. Оба правительства полагаютъ, что уваженіе этихъ принциповъ одновременно заключаетъ въ себѣ гарантію для специальныхъ интересовъ ихъ обоихъ на Дальнемъ Востокѣ. Однако, считая необходимымъ имѣть въ виду случай, когда или агрессивныя дѣйствія другихъ державъ или новыя смуты въ Китаѣ, угрожающія цѣлости и свободному развитію этой державы, будутъ грозить также и ихъ собственнымъ интересамъ, оба союзныя правительства предоставляютъ себѣ обсудить мѣры къ охраненію этихъ интересовъ».

Въ Россіи «Правительственный Вѣстникъ» и «Journal de St. Pétersbourg» опубликовали, передъ этимъ дипломатическимъ объясненіемъ, правительственное сообщеніе, въ которомъ замѣчательны слѣдующія мѣста:

«Императорское правительство принимаетъ заключеніе англо-японскаго договора съ величайшимъ спокойствіемъ.

«Идеи, которыми руководствовалась русская политика со времени безпорядковъ въ Китаѣ, остаются нынѣ и впредь неизмѣнными.

«Русское правительство будетъ поддерживать независимость и цѣлость Китая, какъ сосѣдней и дружественной Россіи страны, равно какъ и независимость и цѣлость Кореи. Оно желаетъ сохраненія *statu quo* и общаго умиротворенія на Дальнемъ Востокѣ.

«Сооружая черезъ всю Сибирь желѣзнодорожный путь съ вѣтвью въ Манчжуріи, оканчивающійся незамерзающимъ портомъ, Россія способствуетъ расширенію сферы торговли и промышленности всего міра въ этихъ странахъ.

«Поэтому, въ интересахъ ли Россіи нынѣ создавать затрудненія въ этомъ отношеніи? Англія и Японія проявляютъ намѣреніе содѣйствовать достиженію именно того результата, къ которому Россія настойчиво стремится, и это намѣреніе Россійской Имперіей можетъ быть встрѣчено лишь съ симпатіей, несмотря

на имѣвшія мѣсто въ нѣкоторыхъ политическихъ сферахъ и въ печатныхъ заграничныхъ органахъ объясненія, которыя старались выставить совершенно въ другомъ свѣтѣ настоящее отношеніе Императорскаго правительства къ такому дипломатическому шагу, который, по его мнѣнію, не измѣняетъ никоимъ образомъ общаго политическаго положенія».

Что особенно слѣдуетъ отмѣтить по поводу этихъ двухъ документовъ, — важность которыхъ сильно преувеличивали, но которые, въ концѣ концовъ, лишь санкціонировали положеніе и существующій фактъ, — это престижъ, который они создали имперіи микадо. Въ самомъ дѣлѣ, впервые можно было видѣть, какъ великое европейское государство принимаетъ, на условіяхъ равенства, союзъ съ восточной націей. Отнынѣ не можетъ уже быть спора о томъ, что Японія представляетъ собою первостепенный факторъ въ урегулированіи дѣлъ Востока. Вслѣдствіе этого, въ высшей степени важно знать болѣе или менѣе точно, каковы взгляды Японіи на эти вопросы, каковы ея стремленія и намѣренія, и насколько энергично японцы могутъ взяться за ихъ осуществленіе. Подобная задача не легка, ибо по этому предмету не имѣется почти никакихъ источниковъ. Японскій кабинетъ въ вопросахъ иностранной политики проявляетъ величайшую скрытность.

И вотъ, въ виду полного отсутствія точныхъ свѣдѣній, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что публика въ Европѣ ничего не знаетъ о намѣреніяхъ Японіи, готова принимать на вѣру безъ контроля всякія сенсаціонныя рассказы, которыя пускаются иногда въ обращеніе даже серіозными журналами континента.

Однако, не взирая на отсутствіе официальныхъ данныхъ и несмотря на весьма сдержанную политику Японіи, представляется нѣкоторая возможность получить болѣе или менѣе правильное о ней представленіе путемъ внимательнаго наблюденія различныхъ проявленій просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія, а еще болѣе нѣкоторыхъ особенно характерныхъ протестовъ. Но нужно сознаться, что нѣсколько приподымая такими средствами таинственную завѣсу, добытымъ свѣдѣніямъ мы должны придавать лишь весьма относительное значеніе, ибо, въ виду переходнаго состоянія, переживаемаго японскимъ народомъ, его поли-

тическое воспитаніе все въ будущемъ, и даже у людей, стоящихъ у власти, при неустойчивости ихъ убѣжденій и при отсутствіи зрѣло составленнаго плана, случаются иногда внезапныя и поразительныя перемѣны мнѣній. Съ этой оговоркой, попытаемся уловить развитіе внѣшней политики Японіи съ того времени, какъ имперія микадо окончательно вступила въ концертъ великихъ державъ, т.-е. со времени войны съ Китаемъ 1894 г.

*
* *
*

Чѣмъ больше вникаешь въ дѣла Японіи, тѣмъ болѣе приходится убѣждаться, что ея походъ противъ Небесной Имперіи въ 1894—1895 гг. составляетъ рѣшительный моментъ въ исторіи страны Восходящаго Солнца, благодаря послѣдствіямъ, наступившимъ непосредственно за нимъ, и глубокаго вліянія его на всѣ событія. Непосредственно за войной послѣдовалъ періодъ самой необычайной дѣятельности. Буквально опьяненный своими легкими побѣдами, японскій народъ далъ волю своимъ инстинктамъ. Не было проекта, который японцы, въ своей непомѣрной гордости, не попытались бы осуществить, и именно въ это время пышно расцвѣла уже давно взлѣлѣнная идея, объ «Азіи для азіатовъ», т.-е. о пробужденіи всѣхъ народовъ желтой расы для того, чтобы стряхнуть иго «западныхъ варваровъ». Японцы прозрѣвали уже Азію освобожденной отъ всякой иностранной опеки и составляющей въ концертѣ націй могущественную, находящуюся подъ главенствомъ Японіи группу, съ которой надо будетъ считаться. Это было не что иное, какъ азіатская версія доктрины Монроэ. Непремѣннымъ условіемъ успѣха, — въ которомъ, впрочемъ, не сомнѣвались, — было вывести безотлагательно другіе желтые народы изъ ихъ жалкаго состоянія, цивилизовать ихъ, однимъ словомъ сдѣлать ихъ способными къ защитѣ противъ Запада. Такъ получилось любопытное зрѣлище, какъ одна нація, сама еще далеко не цивилизованная, беретъ за цивилизацію другихъ.

Эта грандіозная затѣя была предпринята японцами со свойственнымъ имъ необдуманнѣйшимъ жаромъ. Еще вчерашніе враги Кітая, японцы вдругъ объявляютъ себя лучшими его друзьями. Когда въ 1896 г. графъ Окума принялъ портфель

министра иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Матсуката, онъ высказалъ мысль, что единственный способъ для Китая сохранить независимость состоитъ въ принятіи политики прогресса; онъ прибавилъ, что только Японія въ состояніи руководить Небесной имперіей въ этомъ отношеніи, такъ какъ, независимо отъ историческаго родства обѣихъ націй, ихъ сосѣдства, ихъ общаго происхожденія, Японія нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ совершила тѣ самыя усилія, которыя выпадаютъ нынѣ на долю Китая. Съ этихъ поръ поведеніе Японіи становится особенно знаменательнымъ. Имперія микадо не только принимаетъ молодыхъ китайцевъ въ Токійскій университетъ, но самое содержаніе, обученіе и усовершенствованіе сыновъ Небесной имперіи производится за счетъ Японіи. Чтобы яснѣе показать тѣ чувства небезкорыстной симпатіи, которыя возникали тогда у японцевъ къ Китаю, не могу сдѣлать ничего лучше, какъ напомнить инцидентъ въ Шази. Весной 1898 г. японское консульство въ Шази, небольшомъ городкѣ на верхнемъ Янгъ-Тсе, было разграблено и разрушено шайкой китайскихъ фанатиковъ. Это весьма серіозное само по себѣ событіе вызвало, однако, со стороны Японіи лишь умѣренный протестъ. Вотъ весьма характерныя разъясненія, сдѣланныя редактору «Hochi Shimboun» графомъ Окумой, лидеромъ партіи прогрессистовъ, слова котораго задавали тонъ японской прессѣ.

«Этотъ инцидентъ доказываетъ лишній разъ, что Китай можно только жалѣть. Конечно, вполне возможно, что нѣкоторые японцы воспользуются этимъ случаемъ и потребуютъ отъ правительства понудить Китай дать компенсацию, аналогичную той, которую получила Германія, но сердценаціи не будетъ на ихъ сторонѣ. Японія не должна забывать, что она пионеръ цивилизаціи на Дальнемъ Востокѣ и что ея долгъ подавать примѣръ умѣренности и справедливости. Она должна также помнить о трудномъ положеніи, въ которое поставлено китайское правительство. Движеніе противъ иностранцевъ, одушевляющее населеніе Ноп-репъ, совершенно сходно съ тѣмъ, которое охватило большую часть японскаго народа 30 лѣтъ тому назадъ, и, подобно тому, какъ токійское правительство было не въ состояніи помѣшать поджогамъ посольствъ, убійствамъ иностранцевъ и всякаго рода насиліямъ, такъ нынѣ китайскія власти

безсильны гарантировать безопасность иностранцамъ, живущимъ въ отдаленныхъ провинціяхъ. Всѣ эти обстоятельства побуждаютъ насъ выказывать по отношенію къ нашимъ сосѣдямъ умѣренность и терпимость, которыхъ слишкомъ часто не достаетъ европейскимъ державамъ».

Наряду съ подобнымъ мирнымъ настроеніемъ правительства, интересно отмѣтить нѣкоторые факты изъ области частной инициативы. Въ эту приблизительно эпоху были основаны различныя общества съ цѣлью завязать болѣе близкія сношенія между обѣими странами. Прежде всего было основано общество То-а Добоун-каі, возникшее, какъ показываетъ его названіе, на почвѣ того факта, что японцы и китайцы имѣютъ до известной степени общую письменность. Немного времени спустя, въ Осакѣ было основано общество Nisshiou-Куowa каі съ цѣлью взаимнаго обмѣна идей между обѣими странами въ смыслѣ стремленія Японіи ограждать цѣлость Китайской имперіи. Самымъ же типичнымъ изъ подобныхъ обществъ было общество, носившее многообѣщающее имя Zenrin yakousho кан, или «Ассоціація переводовъ для прогресса сосѣдей», осуществленіе идеи, которую ранѣе возымѣлъ великій вице-король Chang-Chitong. Будучи пропитанъ прогрессивными идеями и придавая важное значеніе ознакомленію китайцевъ съ трудами Запада, Chang-Chitong думалъ перевести нѣкоторыя европейскія сочиненія. Японцы, признавая эту мысль превосходной, придумали остроумное средство осуществить ее съ выгодой для развитія своего престижа и вліянія въ Китаѣ. вмѣсто перевода европейскихъ книгъ непосредственно на китайскій языкъ, они сочли за лучшее сдѣлать переводъ ихъ на китайскій съ существующихъ уже японскихъ переводовъ. Такимъ образомъ, китайцы должны были перенести все свое удивленіе передъ подобной образованностью непосредственно на японцевъ. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что многіе японскіе капиталисты заинтересованы въ предпріятіи, основанномъ въ Іокогамѣ, по изданію китайскаго журнала «Seigi-Nippon», имѣющаго цѣлью сѣять добрыя сѣмена въ Небесной имперіи; во главѣ этого журнала одно время находился, въ качествѣ редактора, знаменитый сторонникъ реформъ Канъ-Ю-Вэй.

Къ Корей японцы проявили не меньшую дѣятельность. Въ этой странѣ для японцевъ, быть можетъ, еще больше дѣла, чѣмъ въ Китаѣ, и они тамъ имѣли возможность не только давать совѣты, но и перейти прямо къ дѣлу. Еще до войны, японцы орудовали въ Сеулѣ, устраивая заговоры и возмущенія, волнуя дворъ, выдвигая и свергая министровъ. Послѣ же побѣды надъ Китаемъ реформаторскій пылъ японцевъ не зналъ границъ; они перестраивали все и, подъ предлогомъ уничтоженія злоупотребленій, вводили безсчетное число постановленій, самыхъ неожиданныхъ и стѣснительныхъ. Все было опредѣлено, начиная съ общественной жизни и административной дѣятельности и вплоть до самыхъ интимныхъ подробностей туалета. Въ январѣ 1895 г., по совѣщаніи съ японскими министрами, король торжественно провозгласилъ новую конституцію въ видахъ наилучшаго управленія дѣлами. Затѣмъ одинъ за другимъ послѣдовали многочисленные приказы, которые были соединены въ декретъ министра внутреннихъ дѣлъ Пака, намѣчавшемъ 88 существенныхъ реформъ, всѣ болѣе или менѣе во вкусѣ японцевъ. Администрація, армія, почта, телеграфъ—все было преобразовано по послѣднимъ требованіямъ прогресса, какъ его понимаютъ въ Токио. Въ то же время корейцы получили приказъ замѣнить традиціонную бѣлую одежду черной (японскаго, конечно, приготовленія) и укоротить свои непомерно длинныя трубки до болѣе разумныхъ размѣровъ, на подобіе маленькихъ ниппонскихъ трубочекъ!

Но, увы! эти похвальные усилія были тщетны. Оба неопита противопоставили корыстнымъ стремленіямъ японскихъ апостоловъ цивилизаціи всю силу своей инертности. Утомленіе не замедлило сказаться въ Токио, когда замѣтили, что съ подобными закоснѣлыми реакціонерами, каковы сыны Небесной имперіи и ихъ достойные ученики корейцы, ничего не подѣлаешь. Въ настоящее время отъ этой величественной идеи о поднятіи азіатскихъ народовъ не осталось ничего или почти ничего. Что касается Китая, тамъ иллюзія исчезла быстро, и была сметена вмѣстѣ съ великими проектами преобразованій, которые стояли трона несчастному императору Куангъ-Ксу. Въ Корей истинное положеніе вещей обнаружилось не такъ рѣзко, однако, не съ меньшей силой. Эту несчастную страну,

пораженную въ корнѣ, истощаетъ слишкомъ много паразитовъ; слишкомъ уже много внутреннихъ раздоровъ безпрестанно потрясаютъ Корею для того, чтобы думать, что она можетъ выйти изъ того жалкаго состоянія, въ которомъ коснѣтъ.

Здѣсь скорѣе, чѣмъ въ Китаѣ, японцы замѣтили, что они ничего не достигнутъ. «Корея,—говорилъ тогда Asahi,—похожа на ветхое платье, починить которое невозможно: каждая попытка заштопать одну дыру обнажаетъ тотчасъ другую». Результатомъ предпринятыхъ въ Корей Японіей реформъ оказалось лишь то, что въ этой странѣ увеличился хаосъ и развилась анархія. Поистинѣ ничего нельзя себѣ представить болѣе плачевнаго, чѣмъ исторія Кореи. Ея политическая жизнь есть рядъ глупѣйшихъ траги-комедій, въ которыхъ потонули всѣ ресурсы страны. При ознакомленіи съ политикой Кореи, кажется, будто смотришь на непонятную драму, гдѣ дѣйствіе оканчивается попеременно самыми фантастическими и самыми неожиданными положеніями. Уже нѣсколько лѣтъ какой-то вихрь безумія вѣетъ надъ этой страной. Корея—страна Тихаго Утра и Спокойнаго Полудня,—какая жестокая иронія звучитъ въ названіи этой имперіи, такъ плохо управляемой! Ея повелитель, императоръ Ли-Хси, бѣдняга, лишенный энергіи и идей, склоняющійся то въ одну, то въ другую сторону, въ зависимости отъ колебанія партій; это безвольное существо, подчиняющееся сегодня одному вліянію, завтра другому, мечтаетъ лишь о мирѣ и спокойствіи, и проводитъ дни свои въ проклятіяхъ судьбѣ, съ тѣхъ поръ, какъ замѣтилъ, что она не внемлетъ его мольбамъ.

А дѣла идутъ все хуже и хуже: торговля остановилась, правосудіе—достояніе того, кто больше дастъ, разбойничество повсюду; возмущенія, беспорядки, возстанія, грабежи, пожары—обычное явленіе въ странѣ, даже у воротъ императорскаго дворца. На всѣхъ ступеняхъ власти царитъ полная анархія: въ одинъ мѣсяцъ въ Сеулѣ перемѣнилось не менѣе пяти губернаторовъ. Въ довершеніе всего корейское правительство опубликовало въ августѣ 1899 году документъ, который презабавно называетъ конституціей, но эта конституція, въ сущности, не что иное, какъ актъ предоставленія абсолютной власти императору. На самомъ дѣлѣ, этимъ актомъ возстановлялся ста-

рый порядокъ, заимствованный изъ Китая, существовавшій въ Корей до послѣдней войны и уничтоженный, какъ указано выше, введенной по настоянію японцевъ конституціей 1895 года. Конституція 1895 года проводила рѣзкую грань между дворомъ и правительствомъ, опредѣливъ въ отдѣльности каждому изъ нихъ свою особую сферу дѣйствія, причемъ ни дворецъ, ни правительство не имѣли права, въ теоріи, по крайней мѣрѣ, вторгаться въ чужую область. Актомъ-же 1899 года императоръ сбросилъ окончательно тѣ лохмотья, въ которые его вырядили японцы, и объявилъ своимъ подданнымъ, что настало время воротиться къ старому режиму неограниченной власти, освященному практикой многихъ вѣковъ. Однимъ словомъ, это было полное разрушеніе зданія, которое японцы пытались воздвигнуть, и окончательная гибель ихъ надеждъ. Любопытно отмѣтить, что хотя подданные микадо вполне уразумѣли невозможность пересоздать Корею по своему образцу, они, однако, не въ состояніи, повидимому, никоимъ образомъ понять истинную причину своей неудачи. Если даже признать, что японцы предприняли, дѣйствительно, особо трудную задачу, обратившись къ такому народу, какъ корейцы, не слѣдуетъ, однако, думать, что только въ трудности дѣла лежала причина неудачи японцевъ. Корея съ ея старой китайской культурой, очевидно, самое неподходящее поле для насажденія новой цивилизаціи, и корейцы никогда не проявляли никакого желанія вводить преобразованія, особенно при посредничествѣ японцевъ. Но надо также сказать, что повсюду, гдѣ бы японцы ни входили въ соприкосновеніе съ народами, равными имъ или низшими, будь то айносы съ Хоккаидо, туземцы острова Формозы, китайцы или корейцы, вездѣ подданные микадо тотчасъ сумѣютъ найти средство сдѣлать себя глубоко ненавидимыми.

Конечно, въ несчастной имперіи Тихаго Утра была и существуетъ масса значительныхъ злоупотребленій. Но при обращеніи съ націей, которая, по вкусамъ и традиціи, не можетъ терпѣть внезапныхъ перемѣнъ въ своемъ образѣ жизни, нужно было дѣйствовать съ безконечнымъ благоразуміемъ и тактомъ. А этого-то именно и не соблюдали японцы и ихъ смѣнявшіе другъ друга посланники въ Сеулѣ: Отари, Инуйе, Міуру-Гаро и

Камура. Нужно обратиться къ самымъ мрачнымъ періодамъ среднихъ вѣковъ, чтобы найти нѣчто, напоминающее ужасную драму дикаго убійства корейской королевы, и ничто, навѣрное не сравнится съ этимъ смѣшнымъ проектомъ реформъ, гдѣ въ одну кучу свалены конституціонныя измѣненія съ приказаніемъ укоротить трубки. Прибавьте къ этому ежедневныя мелкія придирки и нахальную спесь этихъ японскихъ кули, мелкихъ торговцевъ, выставляющихъ напоказъ свое грубое довольство на улицахъ Сеула, — и не будетъ ничего удивительнаго, что достигнуты были именно такіе результаты.

Оппозиція была сначала медленной и скорѣе пассивной; но затѣмъ, выйдя изъ своей апатіи, корейцы взяли за ножъ противъ японцевъ. Одинъ только человѣкъ въ Японіи имѣлъ мужество сказать своимъ соотечественникамъ хотя частицу правды по поводу этого положенія вещей. То былъ не кто иной, какъ графъ Инуѣ, тогдашній посланникъ въ Сеулъ, какъ извѣстно, одинъ изъ наиболѣе рьяныхъ приверженцевъ попытки введенія реформъ. Пріѣхавъ на нѣсколько дней въ Токио въ отпускъ, въ іюлѣ 1895 г., онъ высказалъ интервьюировавшему его редактору журнала «Nitchi-Nitchi Shimbun» слѣдующее.

«Тѣ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые живутъ въ Корей — эгоисты, преслѣдующіе только свою собственную выгоду. Они ведутъ себя съ корейцами грубо и нахально, третируя ихъ, какъ лакеевъ. Кромѣ того, они не отличаются тамъ, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, честностью въ дѣлахъ. Конечно, какъ представитель Японіи, я долженъ ограждать интересы нашей страны въ Корей, но я принужденъ сказать моимъ соотечественникамъ, что, пока они не перемѣнятся, моя защита ни къ чему имъ не послужитъ».

Вотъ какова первая фаза развитія иностранной политики Японіи. Убѣдившись окончательно въ крушеніи прекрасной мечты, для осуществленія которой они упорно, не позволяя себѣ ничѣмъ отвлекаться, работали въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, японцы вдругъ замѣтили, что они сыграли глупую роль. Все это время, затраченное на преслѣдованіе неосуществимой химеры, другія державы употребили болѣе практично, и такимъ образомъ, Японія, которая своими побѣдами арміи и

флота воочію доказала неоправимую безпомощность Китая, эта Японія одна не принимала участія въ дѣлѣ этого гигантскаго пирога, отъ котораго Россія, Германія, Англія и Франція отрѣзали лучшіе куски. Со свойственными этой расѣ быстротой перемѣны образа мыслей и дѣйствій и легкой приспособляемостью къ новому положенію, правительство и публика японскіе скоро однако оправились отъ своей ошибки. Вмѣсто реформъ, стали думать объ устройствѣ своихъ дѣлъ и, оставивъ идею о возрожденіи Китая, принялись за болѣе положительный проектъ созданія огромнаго Китайско-Японскаго банка, въ качествѣ связующаго звена между обѣими странами. Отличной иллюстраціей новаго положенія вещей можетъ служить недавно принятое крупнымъ Восточнымъ Обществомъ (ТохоКюо - Каі) рѣшеніе организовать полное обслѣдованіе при посредствѣ компетентныхъ органовъ (торговыхъ палатъ, корпорацій и т. п.) нуждъ и ресурсовъ Китая, съ цѣлью получить необходимыя данныя для развитія экономическихъ сношеній. Эта вторая фаза можетъ, въ свою очередь, быть раздѣлена на двѣ другихъ. Изъ нихъ первая, продолжавшаяся недолго, совпадаетъ съ шумнымъ путешествіемъ лорда Чарльза Бересфорда, котораго англійскія торговыя палаты послали на Дальній Востокъ для проповѣди принципа «открытыхъ дверей». Эта идея тотчасъ покорила японцевъ, въ связи съ грандіознымъ проектомъ союза подъ однимъ знаменемъ четырехъ державъ: Англіи, Соединенныхъ Штатовъ, Германіи и Японіи. И вотъ такимъ-то образомъ японцы перешли непосредственно отъ идеи объединенія желтыхъ расъ для общей защиты противъ Запада къ не менѣе химеричному проекту соглашенія великихъ державъ для правильной эксплуатаціи обширной Китайской имперіи. Что особенно прельщало Японію въ этомъ предпріятіи, это возможность помѣшать такимъ образомъ непрерывающимся успѣхамъ Россіи въ Восточной Азіи. Эта идея соотвѣтствовала сокровенному стремленію японской націи. Поэтому, съ чувствомъ глубокаго изумленія, Японія въ маѣ 1889 г. узнала, что, далекая отъ мысли помогать проекту лорда Бересфорда, Англія нашла, что выгоднѣе подписать соглашеніе съ Россіей для урегулированія взаимнаго положенія въ Китаѣ. Трудно представить

то волненіе, которое было результатомъ полученія въ Японіи извѣстій объ этомъ событіи; немногія происшествія за послѣдніе годы подвергались столькимъ комментаріямъ и столь страстной оцѣнкѣ. Это разочарованіе принесло, однако, нѣкоторые плоды, и вотъ теперь въ Японіи приходятъ мало-по-малу къ мысли, что передъ громадной проблемой будущности Китая самое лучшее—это предусмотрительное воздержаніе отъ активной политики, охраненіе достигнутыхъ результатовъ и выжиданіе событій. Съ тѣхъ поръ дѣло такъ и шло, въ чемъ можно убѣдиться изъ занятаго Японіей положенія со времени дѣйствій противъ Китая; тотъ же способъ дѣйствій преслѣдуется и заключеннымъ между Англіей и Японіей договоромъ.

*
* *

Мы только что прослѣдили шагъ за шагомъ развитіе внѣшней политики Японіи въ теченіе этихъ послѣднихъ лѣтъ. Мы видѣли, что эта политика радикально измѣнилась въ нѣсколько мѣсяцевъ по отношенію къ существеннымъ вопросамъ, производя такимъ образомъ впечатлѣніе, на первый взглядъ, чего-то непослѣдовательнаго. Такое представленіе, дѣйствительно, получается при поверхностномъ обзорѣ. Однако, болѣе детальное изученіе показываетъ, что сквозь всѣ эти измѣненія и колебанія проходитъ одно особое чувство, котрымъ придается нѣкоторое единство этой цѣпи событій, съ виду столь несвязныхъ. Это чувство, составляющее несомнѣнный фонъ воззрѣній японской націи на внѣшнюю политику, отъ послѣдняго кули до перваго сановника, *ненависть къ Россіи*. Упуская изъ вида хоть на одинъ моментъ эту идею, вы рискуете не понять самыхъ простыхъ, повидимому событій. Только ненависть къ Россіи заставила японцевъ пройти черезъ всѣ униженія и забыть эгоистическую безцеремонность великобританской дипломатіи; эта же ненависть толкнула Японію искать союза съ Англіей, самымъ страшнымъ соперникомъ для Японіи въ коммерческомъ отношеніи. Было бы странно, однако, предполагать, что это чувство родилось изъ образа дѣйствій Россіи, когда, послѣ войны съ Китаемъ, она совмѣстно съ Франціей и Германіей принудила Японію удалиться съ Ляодуна.

Это тоже значило бы слишком упрощать вопросъ. Дабы понять его во всей полнотѣ и составить себѣ такимъ образомъ точную идею о напряженности этого чувства и о степени его распространенія среди тѣхъ классовъ населенія, которые, и по темпераменту и образу жизни, не особенно интересуется общественными вопросами, надо заглянуть въ глубь вѣковъ и поискать отдаленныхъ историческихъ причинъ.

Россія, дѣйствительно, первая потревожила Японію въ ея затворнической жизни, которую та вела съ такихъ давнихъ поръ. Съ конца XVIII вѣка частыя посѣщенія русскими сѣверныхъ острововъ имперіи обратили на себя вниманіе японскихъ патріотовъ до такой степени, что извѣстный ученый Shihei Nayashi, изъ Сендаи, опубликовалъ въ эту эпоху два изслѣдованія, указывавшія на агрессивные планы великой Русской Имперіи, совѣтуя приготовиться къ защитѣ страны. Эти книги произвели такую сенсацію, что правительство шогуна въ Іедо сочло необходимымъ для сохраненія своего падавшего престижа сжечь эти мятежныя книги и посадить автора въ тюрьму. Нѣсколько позже, но всетаки еще задолго до появленія въ 1854 г. «черныхъ кораблей» американскаго коммодора Перри, произведшихъ такой ужасъ въ бухтѣ Іедо, появилась цѣлая литература, снова имѣвшая цѣлью предостеречь націю отъ агрессивныхъ стремленій Россіи. Эта идея была такъ тогда распространена, что великій писатель той эпохи Токо Фуджита посвятилъ нѣсколько томовъ ея развитію. Въ своей знаменитой книгѣ Kwai-ten-shi-shi, сборникѣ политическихъ поэмъ въ китайскомъ стилѣ, способствовавшей существенно паденію шогуната и возстановленію императорской власти, онъ объявлялъ, что одна Россія изъ всѣхъ европейскихъ народовъ угрожаетъ безопасности Японіи, такъ какъ только русскіе являются непосредственными сосѣдями имперіи и владѣютъ военной операціонной базой вблизи ея береговъ. Съ этого времени вліятельная группа японскихъ патріотовъ, среди нихъ Джузо Кандо и Ринзо Мамимія, предприняла научное путешествіе на Сахалинъ, который тогда составлялъ часть имперіи. По своемъ возвращеніи, эти лица сообщили о тѣхъ постоянныхъ успѣхахъ, которые пріобрѣтали русское вліяніе въ этомъ архипелагѣ, и предостерегали своихъ соотечественниковъ

объ опасностяхъ, которые изъ этого могли проистечь для страны. Чувство, которое овладѣло японцами съ тѣхъ поръ, еще болѣе укрѣпилось въ нихъ при изученіи исторіи Китая, на каждой страницѣ которой можно прочесть разсказъ все о новыхъ и новыхъ захватахъ Россіи на территоріи Небесной Имперіи. Грабежи, произведенные нѣсколькими подданными русскаго царя на островѣ Іезо, временная оккупация Цусимы и споръ, возникшій по поводу Сахалина, утвердили японцевъ въ убѣжденіи, что опасность существуетъ именно съ этой стороны.

Инцидентъ съ Сахалиномъ особенно характеренъ и стоитъ того, чтобы о немъ напомнить. Въ 1806 г. русскіе, укрѣпившіеся на сѣверѣ Сахалина, тогда какъ японцы владѣли югомъ, прибыли на двухъ судахъ просить разрѣшенія завязать торговые сношенія съ ними въ этой части ихъ имперіи, подъ угрозой опустошить страну въ случаѣ отказа. Японское правительство приготовилось немедленно къ отпору. Несмотря на его усилія, русскіе, явившись въ слѣдующемъ году, безъ большого труда осуществили свою угрозу. Извѣстно, какъ японцы отомстили, продержавъ въ теченіе трехъ лѣтъ плѣнникомъ адмирала Головина; но они чувствовали, что опасность съ этой стороны продолжается существовать; вотъ нѣсколько позже, когда прибытіе commodора Перри принудило японцевъ войти въ сношеніе съ европейцами, первой мыслью ихъ было отправить въ Петербургъ посольство для урегулированія пограничной линіи между владѣніями обоихъ государствъ на Сахалинѣ. Въ 1862 г. шогунъ послалъ уполномоченныхъ въ Россію. Японскіе делегаты объявили сѣверной границей 51-ю параллель. Но на такихъ основаніяхъ имъ не удалось столковаться съ русскими чиновниками, и было рѣшено оставить все по прежнему съ тѣмъ, чтобы оба правительства имѣли общія права на островъ. Это странное положеніе не могло долго длиться. Въ 1867 г. другое посольство не было успѣшнѣе, и подписанная тогда конвенція 18 марта не измѣнила почти ничего въ существовавшемъ положеніи. Въ 1875 году переговоры были возобновлены г. Эномото, посланнымъ въ Россію для окончательнаго рѣшенія вопроса. И тогда-то съ изумленіемъ узнали, что по приказанію японскаго правительства г. Эномото подписалъ соглаше-

ніе объ уступкѣ Россіи Японіей острова Сахалина полностью съ его богатыми каменноугольными копями и рыбными промыслами, въ обмѣнъ на необитаемые ни теперь, ни въ будущемъ, непроизводительные Курильскіе острова.

Наконецъ, чтобы составить себѣ совершенно точное понятіе объ этомъ положеніи, надо вспомнить, что въ то время, когда Японія стала открытой для иностранцевъ и когда начато было дѣло преобразованій, появился новый факторъ. Дѣйствительно, съ этого времени все болѣе и болѣе стало распространяться изученіе англійскаго языка и до такой степени, что японцы привыкли знакомиться съ Европой сквозь призму англійскихъ идей и предразсудковъ. А всѣмъ извѣстно, каковы чувства англичанъ по отношенію къ Россіи; ясно поэтому, что у японцевъ явились новые стимулы къ развитію прежнихъ предубѣжденій. Помимо другихъ соображеній, совокупность вышеизложенныхъ обстоятельствъ достаточно объясняетъ ту боязливую ненависть, которой охваченъ почти поголовно японскій народъ по отношенію къ такъ называемому «врагу съ Сѣвера». Какъ бы то ни было, подобное настроеніе умовъ, искусно разжигаемое англійской прессой Дальняго Востока, не преминуло создать непріятныя отношенія и во многихъ случаяхъ могло уже имѣть слѣдствіемъ самыя серіозныя осложненія. Если все до сего времени обходилось благополучно, если, особенно въ Корей, оба правительства умѣли придти къ кое-какому соглашенію и разграничить съ грѣхомъ пополамъ сферы своей дѣятельности при сеульскомъ дворѣ, то это слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что въ Японіи, одновременно съ сознаніемъ бесполезности и опасности вмѣшательства во внутреннія дѣла Кореи, слагается также убѣжденіе въ бессмысленности политики непримиримой вражды къ Россіи. Но эта мудрая мысль до послѣдняго времени оставалась, къ сожалѣнію, достояніемъ лишь правительственныхъ круговъ Японіи; масса же народная продолжаетъ хранить, нисколько этого не скрывая, вѣковое предубѣжденіе противъ Россіи. Такимъ образомъ, вообще, можно сказать, что отношенія между обоими имперіями составляютъ темное пятно въ политикѣ Японіи, и не нужно обольщаться періодомъ видимаго затишья въ Корей. Разомъ овладѣвъ тѣмъ, чего она издавна желала, Портъ-Артуромъ и Талиенваномъ, Россія остано-

вила свое поступательное движеніе передъ Кореей, дабы сосредоточить всѣ усилія на введеніи порядка и укрѣпленія своихъ новыхъ владѣній. Конвенція Ниши-Розена, подписанная въ Токио въ началѣ 1898 года, дополнила договоръ, заключенный ранѣе въ Петербургѣ княземъ Лобановымъ и маркизомъ Ямагата, который былъ представителемъ микадо при коронованіи Царя. Эта конвенція регулировала съ тѣхъ поръ взаимное положеніе обоихъ государствъ на Корейскомъ полуостровѣ: оба обязались не вмѣшиваться непосредственно въ дѣла сеульскаго правительства, свобода дѣйствій котораго была ими гарантирована.

Всѣмъ памятные событія, случившіяся вслѣдъ за отозваніемъ г. Алексѣева, финансоваго совѣтника при сеульскомъ правительствѣ, и отъѣздомъ русскихъ офицеровъ, инструкторовъ корейскихъ войскъ. И вотъ нѣкоторые въ тотъ моментъ считали себя въ правѣ заявлять, что это — результатъ совмѣстныхъ усилій Японіи и Англіи, которымъ удалось такимъ образомъ нанести ударъ петербургскому кабинету. Скоро, однако, пришлось нѣсколько сбавить побѣдный тонъ этихъ заявленій, такъ какъ выяснилось, что русская дипломатія только на время и вполнѣ сознательно оставила территорію Кореи, имѣя болѣе важные интересы въ другомъ мѣстѣ; Японія же, въ видѣ компенсаціи за то, что ее оставили одну въ Сеулѣ, не препятствовала полной свободѣ дѣятельности Россіи на Ляо-дунѣ. Но было бы неосновательно изъ этого временнаго удаленія заключать, какъ тогда дѣлали, что Россія окончательно отказалась отъ своихъ плановъ по отношенію къ Имперіи Тихаго Утра, и не придавала существеннаго значенія своимъ владѣніямъ на Амурѣ и во Владивостокѣ, на томъ основаніи, что она приобрѣла незамерзающій портъ и что Портъ-Артуръ представлялся ей, повидимому, болѣе подходящимъ въ качествѣ конечнаго пункта сибирской магистрали. Событія приносятъ ежедневно формальное опроверженіе этихъ странныхъ мнѣній. Прежде всего Россія не только не думаетъ объ оставленіи Владивостока, но въ іюнѣ 1899 года объявила о своемъ намѣреніи истратить 13 милл. рублей на улучшеніе порта въ цѣляхъ торговыхъ и стратегическихъ. Три громадныхъ дока для судовъ вмѣстимостью въ 12—15 тыс. тоннъ уже построены, равно какъ сооружена верфь

въ 2^{1/2} мили длиною и казармы. Кромѣ того, русское правительство устроило правильные пароходные рейсы между Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ.

Что касается собственно Кореи, то по окончаніи громад-ныхъ защитныхъ работъ и сооруженій на Ляодунѣ дѣятельность русскихъ въ ней опять вотобновилась. Знаменательна посылка русскимъ правительствомъ въ Сеулъ г. Павлова, энергичнаго дипломата, блестяще выказавшаго свои способности при веденіи русскихъ дѣлъ въ Пекинѣ въ 1898—1899 г. Цунгъ-ли-Ямень и англійскій посланникъ сэръ Клодъ Макдональдъ долго, навѣрно, его не забудутъ. Его пребываніе въ Сеулѣ ознаменовалось черезъ нѣсколько недѣль достопримѣчательными событіями: концессіей на китовый ловъ, пріобрѣтеніемъ территоріи на островѣ Ульнеунгъ и въ Фузанѣ, и, наконецъ, инцидентомъ съ Мазампо. Повидимому, Россія была не прочь занять этотъ прекрасный рейдъ для стоянки судовъ на пути изъ Владивостока въ Портъ-Артуръ. Но и японцы, конечно, не отказались бы отъ этого. Каково было бы положеніе Японіи при такой позиціи Россіи? Надо сознаться, что оно было бы серьезное, чѣмъ и объясняется особое значеніе, которое придаютъ корейскому вопросу въ Японіи. Безспорно, что, отбросивъ мечты о возрожденіи Кореи, Японія проявляетъ тамъ всетаки большую дѣятельность и что корейскій вопросъ по крайней мѣрѣ столько же важенъ для японцевъ, какъ и болѣе сложный вопросъ китайскій. Должно даже сказать, что первый вопросъ, повидомому, ближе ихъ сердцу, задѣвая непосредственные интересы Японіи. Подобная мысль можетъ показаться парадоксомъ, въ виду того, что въ судьбѣ Китая заинтересованъ весь Дальній Востокъ, тогда какъ значеніе корейскаго вопроса чисто мѣстное. Конечно, японцы понимаютъ это, но въ настоящее время корейскій вопросъ представляется японцамъ болѣе настоящимъ и болѣе близкимъ къ разрѣшенію, чѣмъ великая проблема судебъ Китая. И какъ ни серьезно современное положеніе Китая, японцы всетаки убѣждены, что нѣтъ основаній терять надежды на пробужденіе Небесной Имперіи, и что даже, если онъ не поднимется, преждевременно было бы ожидать быстраго перехода Китая въ распоряженіе западныхъ державъ. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, государство съ 300 милл. населенія,

съ такимъ прошлымъ и съ такой цивилизаціей, раздѣлить подобно тому, какъ раздѣлили Африку съ ея дикими племенами. Поэтому державы, прежде чѣмъ рѣшиться на такое опасное и сложное рѣшеніе вопроса, не одинъ разъ призадумаются. Въ случаѣ же, если, противъ всякаго вѣроятія, это произойдетъ, то у японцевъ всегда будетъ время принять участіе въ дележѣ.

Что же касается Кореи, то у японцевъ на этотъ счетъ есть опредѣленное и твердое рѣшеніе. Считая, что Корейскій полуостровъ, по преимуществу, входитъ въ сферу ихъ вліянія, въ отношеніи матеріальномъ и политическомъ, японцы имѣютъ тамъ предъ собой лишь русскихъ, которые одни мокутъ оспаривать это вліяніе. Поэтому, тутъ имъ придется считаться съ одними русскими, если, конечно, не вмѣшается третья держава. Вслѣдствіе этого японцы нынѣ стремятся лишь къ сохраненію *statu quo* въ Корей, ибо всякое его измѣненіе грозитъ покушеніемъ на права и тамошніе интересы Японіи.

Самымъ лучшимъ дополненіемъ къ изложенному могутъ служить объясненія, данныя въ январѣ 1900 года г. Гайяши Гонзуке, японскимъ посланникомъ въ Сеулѣ, редактору газеты «*Kokumin Shimbun*»:

«Наша политика въ Корей очень проста: она состоитъ въ воздержаніи отъ невмѣшательства во внутреннія дѣла страны и въ возможномъ развитіи нашихъ экономическихъ интересовъ. Эта политика раздѣляется большинствомъ нашихъ соотечественниковъ, и у насъ нѣтъ основаній ее мѣнять. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, мы стремились пріобрѣсти политическое вліяніе въ Корей, мы столкнулись бы съ интересами нѣкоторыхъ другихъ державъ, тогда какъ при той политикѣ, о которой я сказалъ, мы не рискуемъ задѣтъ никого. Объ усиліяхъ другихъ въ этомъ направленіи мы ничего не скажемъ, однако, мы, конечно, имѣли бы законное основаніе воспротивиться уступкѣ для военныхъ цѣлей территоріи Кореи какому бы то ни было государству. Въ области же предпріятій мирнаго характера мы допускаемъ всеобщую конкуренцію, не стремясь вовсе къ монополіи. Понятно, что, благодаря географическому положенію, Японія, если бы она захотѣла взять на себя этотъ трудъ, можетъ получить львиную долю въ корейской торговлѣ».

Вотъ каково нынѣшнее положеніе въ Корей, которое недавній англо-японскій договоръ лишь санкціонировалъ. Хотя рѣшеніе корейскаго вопроса, въ виду сложности урегулированія китайскихъ дѣлъ, стоитъ на второмъ планѣ, что даетъ этой несчастной странѣ нѣкоторую передышку, однако положеніе вещей остается прежнее. Все болѣе и болѣе сближаются два великихъ противника и ни одинъ не хочетъ поступиться своими притязаніями. Три года назадъ, корейское правительство, дабы отвратить ожидающую его участь, предложило рѣшеніе, долженствовавшее устранить всякія недоразумѣнія: *международное признаніе нейтралитета Кореи*. Но Россія и Японія безъ колебаній отвергли эту идею, имѣя, повидимому, въ виду каждая въ отдѣльности лучшія перспективы. Будущее покажетъ, кто изъ двухъ возьметъ верхъ.

По отношенію къ Японіи вопросъ ясенъ. Съ одной стороны, тамъ повидимому окончательно отказались отъ прямаго вмѣшательства въ дѣла страны, которую имѣется въ виду завоевать мирнымъ путемъ, при посредствѣ торговли и промышленности, но съ другой стороны, — и это особенно важно — рѣшено съ оружіемъ въ рукахъ противиться всякому территоріальному захвату или исключительной привилегіи одной какой-либо державы. И Японія серіозно призадумывается о непосредственной для себя опасности, если бы, напримѣръ, Россія осуществила проектъ, который ей предлагаютъ, и овладѣла бы портомъ Лазаревъ или Мазампо, въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ Японіи. Тутъ ужъ дѣло шло бы не только о Корей, которая была бы стиснута, какъ тисками, между Портъ-Артуромъ и Владивостокомъ и роковымъ образомъ подпадала бы подъ абсолютный контроль Россійскаго правительства. Нѣтъ, это обстоятельство угрожало бы цѣлости самой Японіи. Вотъ почему для японцевъ вопросомъ жизни или смерти является необходимость препятствовать подобному предпріятію, и нѣтъ сомнѣнія, что японцы приложатъ къ тому всѣ свои силы и средства безъ колебанія. Однако, для мало-мальски изучавшаго эти вопросы является не сомнѣннымъ, что Корея будетъ русской, и нужно, чтобы японцы съ этимъ примирились. Самая логика развитія русскаго вліянія въ Азіи ведетъ прямо къ этой цѣли. Будетъ ли, однако, это достигнуто войной или путемъ соглашенія обѣихъ націй?

Въ пользу послѣдняго способа рѣшенія недавно краснорѣчиво высказался одинъ изъ лучшихъ журналистовъ въ Токио, г. Шимада, который недавно написалъ изслѣдованіе по этому предмету, не нашедшее, впрочемъ, къ сожалѣнію, отклика. Констатируя натянутость отношеній между Россіей и Японіей, г. Шимада тѣмъ болѣе оплакиваетъ подобное положеніе вещей, что, по его убѣжденію, эти оба государства, вмѣсто того, чтобы ненавидѣть другъ друга, могли бы идти рука объ руку къ общей своей выгодѣ. Прежде всего онъ не видитъ ничего дурного для Японіи въ томъ что Россія пріобрѣла незамерзающій портъ въ китайскихъ моряхъ.

«Тотъ, кто полагаетъ, что дѣйствія Россіи въ этихъ моряхъ могутъ угрожать сохраненію мира на Дальнемъ Востокѣ, повторяетъ слова, пущенныя въ ходъ лицемерной Англіей. Намъ же это не можетъ беспокоить нисколько. Будущее нашей страны зависитъ отъ ея экономическаго развитія, а не отъ завоеваній. Идея о воинственномъ будущемъ могла зародиться лишь въ умахъ шовинистовъ, у которыхъ отъ нашихъ легкихъ побѣдъ вскружилась голова; но эта идея давно ужъ исчезла. Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые считаютъ, что вмѣсто увеличенія арміи надо ее довести лишь до размѣра, необходимаго для охраненія страны. Хорошій флотъ и небольшая хорошо организованная армія — вотъ все, что намъ нужно, для защиты нашихъ острововъ противъ поползновеній какой бы то ни было державы. Словомъ, я противникъ всякой политики внѣшнихъ захватовъ и, во всякомъ случаѣ, если обстоятельства принудятъ насъ основаться въ Китаѣ, то сфера нашихъ дѣйствій ясно намѣчена на югѣ Китая, гдѣ у насъ не будетъ никакихъ шансовъ къ возникновенію конфликта съ Россіей».

Разсматривая затѣмъ вопросъ съ экономической точки зрѣнія, г. Шимада доказываетъ, что согласіе съ Россіей дастъ только выгоду для Японіи. Японцы въ этой области должны бояться англичанъ и американцевъ, а отнюдь не русскихъ. Громадныя пространства Сибири могли бы быть обширнымъ рынкомъ сбыта для японской промышленности, и Японія, вмѣсто страха передъ великимъ Сибирскимъ путемъ, должна привѣтствовать это гигантское предпріятіе. «Вотъ каково теперь истинное положеніе Японіи по отношенію къ Россіи, и совер-

шенно непонятно поэтому, какъ можно вести такую опасную и непослѣдовательную политику, какъ союзъ съ Англіей противъ Россіи».

Какъ бы то ни было, въ случаѣ весьма вѣроятнаго конфликта между Россіей и Японіей, слѣдуетъ надѣяться, что дѣло ограничится двумя державами, и что Франція не приметъ участія въ дѣлѣ. Подобное вмѣшательство могло бы стоить Франціи очень дорого. Въ случаѣ успѣха, ей досталась бы, можетъ быть, Формоза; но стоитъ подумать и о томъ, что произойдетъ, если Японія возьметъ верхъ надъ соединенными эскадрами, а это отнюдь не невозможно при настоящемъ соотношеніи силъ. Вѣдь Японія содержитъ нынѣ армію сверхъ численности, необходимой для защиты страны; имѣя, кромѣ того, превосходный коммерческій флотъ, она можетъ въ двѣ-три недѣли перебросить въ Тонкинъ до 50.000 человекъ превосходнаго войска, гдѣ при нынѣшнихъ условіяхъ Франціи было бы весьма трудно ихъ остановить. Японцы не сдѣлаютъ вторично такого безумія, какъ походъ въ снѣга Манчжуріи и въ туманы Владивостока. Давно уже они смотрятъ съ вождельніемъ на наши владѣнія въ Индо-Китаѣ, и уже не разъ посылали миссіи въ Тонкинъ, которыя, подъ видомъ изученія условій колонизаціи, занимались тамъ совсѣмъ другимъ дѣломъ. Не даромъ за послѣднее время японское правительство интригуетъ при Бангкокскомъ дворѣ.

Надо признаться, что подобныя событія сами по себѣ должны бы привлечь вниманіе тѣхъ, кому выпало на долю блюсти интересы Франціи.

*
* * *

Такова, въ общихъ чертахъ, картина внѣшней политики Японіи. За исключеніемъ немногихъ оптимистовъ, такое положеніе не удовлетворяетъ націю, и даже самые дальновидные обнаруживаютъ упадокъ духа, отголоскомъ котораго нѣсколько разъ являлся журналъ «Nitchi-Nitchi-Shimboun»:

«Наши соотечественники то очень легко воспаляются, то проявляютъ полную индифферентность. Чуть они замѣтятъ, что какое-нибудь иностранное государство предпринимаетъ что-нибудь въ Китаѣ, какъ тотчасъ требуютъ, чтобы Японія

бросилась дѣлать то же самое, не задаваясь даже вопросомъ, имѣетъ ли предпріятіе шансы на успѣхъ. И безспорно, что всякій серіозный наблюдатель, слѣдящій за нашей внѣшней политикой послѣ китайской войны, получитъ объ этой политикѣ нелестное представленіе. Нѣкоторые иногда охотно называютъ Японію совсѣмъ неподходящимъ именемъ: «Англіей Дальняго Востока». У англичанъ руководящимъ началомъ служить не упускать удобнаго случая; идя куда-нибудь, они знаютъ, что надо дѣлать, и готовы къ этому. Не то у японцевъ. Живя въ двухъ шагахъ отъ Небесной Имперіи, не имѣя глубокихъ расовыхъ различій съ китайцами, въ противоположность европейцамъ, будучи, наоборотъ, весьма близкими китайцамъ, отъ которыхъ ведетъ свое начало наша литература и философія, у которыхъ они сдѣлали столько существенныхъ заимствованій, мы ничего, однако, не добились въ Китаѣ, въ то время, какъ европейцы завели тамъ массу весьма выгодныхъ предпріятій. Мы не осуществили даже своего извѣстнаго проекта о пресловутомъ китайско-японскомъ банкѣ, который могъ бы быть прекраснымъ орудіемъ для торговыхъ сношеній между обѣими странами.

«Въ Корей наша роль была не болѣе блестящей. Японія владѣетъ въ Корей желѣзной дорогой, но построена она американцами, которые уступили ее намъ законченной. Японія получила концессию на линію отъ Сеула до Фузана, но въ продолженіе цѣлаго года не дѣлала даже изысканій о направленіи линіи.

«Вообще, не отрицая, что Японія великая держава Дальняго Востока, слѣдуетъ, однако, констатировать, что японскій народъ не стоитъ на высотѣ выпавшихъ на его долю задачъ. Японія на практикѣ не воспользовалась выгодами, предоставленными ей по симонсекскому договору. Такъ пусть не возбуждается вопросъ о новыхъ концессіяхъ, такъ какъ то, что правительству удастся получить, народъ оставляетъ безъ употребленія».

И нужно сознаться, что эта суровая критика журнала «Nitchi» вполне основательна. Безъ сомнѣнія, Японія далеко не играетъ на Дальнемъ Востокѣ той роли, которая, повидимому, ей предстояла послѣ громкихъ побѣдъ надъ Китаемъ и которую обезпечивала ей находящіяся въ ея распоряженіи

очень реальные силы. Японія не дѣлала никакихъ попытокъ воспрепятствовать укрѣпленію въ Китаѣ тѣхъ именно державъ, которыя за шесть лѣтъ передъ тѣмъ не позволили ей до конца воспользоваться плодами ея побѣдъ. И нынѣ, уже въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, японцы ведутъ себя странно и двусмысленно. Къ этому, однако, я думаю, есть основанія, о которыхъ журналъ «Nitchi-Nitchi Shimboun» позабылъ упомянуть для объясненія той отрицательной политики, которой держится Японія. Прежде всего, извѣстное вмѣшательство трехъ державъ въ концѣ войны съ Китаемъ, безспорно, обдало какъ бы холоднымъ душемъ разгоряченную гордость японцевъ, не забывшихъ этого обстоятельства. Урокъ, данный самолюбію подданныхъ микадо, былъ суровъ, но онъ принесъ свои плоды; по крайней мѣрѣ, правительственные круги стали проявлять съ этого времени совершенно новыя свойства: осторожность и предусмотрительность. Финансовое положеніе также многое разъясняетъ. Конечно, никогда японцы не были такъ готовы, какъ теперь, къ рѣшительной борьбѣ: ихъ армія превосходна, равно какъ и ихъ флотъ, благодаря китайскому вознагражденію, находится въ полной готовности и обладаетъ такими усовершенствованіями, какихъ нѣтъ ни у одной державы. И все-таки японцы почему-то медлятъ и колеблются. Причина кроется въ томъ, что тутъ дѣло идетъ не столько о громадной ставкѣ съ военной точки зрѣнія, сколько объ ужасномъ финансовомъ крахѣ, послѣдствія какового трудно заранѣе исчислить, даже въ случаѣ побѣды.

Наконецъ, надо сознаться, что Японія играла относительно невидную роль во внѣшней политикѣ за эти послѣдніе годы, главнымъ образомъ по винѣ своихъ политическихъ дѣятелей, которые постоянно отвлекали вниманіе народа на жалкія партійныя препирательства, истощая въ нихъ ея силы. Главная опасность со стороны Японіи для европейцевъ заключается въ ея внутренней политикѣ. Нынѣ внутри Японіи такой хаосъ, разгорѣлось столько низменныхъ страстей, что долго такое положеніе вещей длиться не можетъ. Что выйдетъ изъ этого хаоса? Рѣшительный захватъ власти кучкой политикановъ новѣйшей формаціи, невѣжественныхъ, тщеславныхъ и продажныхъ, представляетъ серіозную опасность для будущаго страны.

То же самое можетъ случиться, если правительство попробуетъ, путемъ энергичной внѣшней политики, отвлечь вниманіе націи отъ этой безплодной борьбы партій. Если припомнить, что именно это было однимъ изъ поводовъ войны съ Китаемъ 1894 года, то станетъ понятной серіозность настоящаго положенія.

XIII.

Японія и Корея.

Всякій, кто сколько-нибудь слѣдилъ за политикой правительства микадо въ послѣдніе годы, долженъ былъ удивиться тому все возрастающему значенію, которое получала Корея въ глазахъ Японіи. Никогда это обстоятельство не выступало такъ рельефно, какъ во время китайскаго кризиса 1900 года. Въ то время, какъ большинство европейскихъ державъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ были какъ бы загипнотизированы событіями, совершавшимися въ Пекинѣ, японцы, хотя и слѣдили также внимательно за этими событіями, однако, не были ими поглощены всецѣло, а неусыпно имѣли въ виду вопросъ первостепенной, въ ихъ глазахъ, важности — вопросъ корейскій. Съ тѣхъ поръ не проходило недѣли, чтобы пресса въ Токио не посвятила обширныхъ статей малѣйшему инциденту на Корейскомъ полуостровѣ и не обсуждала неминуемыхъ послѣдствій для Имперіи Тихаго Утра того положенія, въ которое попалъ Китай.

Когда я въ концѣ августа 1900 г. покидалъ Японію, направляясь въ Сѣверный Китай, дабы слѣдить на мѣстѣ за развитіемъ одного изъ самыхъ необычайныхъ историческихъ событій, я рѣшилъ сдѣлать небольшой крюкъ и поѣхать въ Пекинъ черезъ Корею. При моемъ отъѣздѣ изъ Токио, въ мѣстной прессѣ много шумѣли по поводу инцидента съ сѣверо-американскимъ посланникомъ въ Сеулѣ. Этотъ дипломатъ, по слухамъ, угрожалъ высадкой войскъ въ Кореѣ, если правительствомъ не будутъ приняты мѣры къ огражденію американскихъ интересовъ, въ виду возмущеній въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Естественно, правительство микадо не могло не интересоваться

этимъ актомъ посторонней державы въ такой странѣ, которая считалась въ сферѣ исключительнаго вліянія Японіи. Когда же, нѣсколько дней спустя, я прибылъ въ Сеулъ, тамъ, оказалось, не было даже рѣчи о чемъ-либо подобномъ. Во всей имперіи царило полное спокойствіе; только незначительныя разбойничьи пайки объявились на кѣ, близъ Фузана. Что же касается американцевъ, занятыхъ обдѣльваніемъ своихъ дѣлишекъ, то они нисколько и не думали воспользоваться общимъ смятеніемъ, чтобы сдѣлать какой-нибудь рѣшительный шагъ въ Корей. Дѣло шло, повидимому, о посылкѣ корейскихъ отрядовъ для охраненія золотыхъ росышей близъ маньчжурской границы, на которыя американцы получили концессию и которымъ угрожали китайскіе разбойники. Вотъ каковъ былъ ничтожный, въ сущности, инцидентъ, который японская пресса раздула, по своей привычкѣ.

Въ столицѣ Кореи всѣ съ особымъ вниманіемъ слѣдили за развитіемъ событій въ Китаѣ. Императоръ самъ, не поддаваясь на этотъ разъ придворнымъ интригамъ и сознавая, что трагическія событія, совершавшіяся вблизи, могли произвести серіозныя потрясенія въ его имперіи, съ жадностью и безпокойствомъ ожидалъ извѣстій. Но находя, что окружающіе его люди не достаточно освѣдомляли его, онъ денешей просилъ одного француза, г. Мартеля, сообщать по телеграфу изъ Чифу подробныя свѣдѣнія о ходѣ событій. Кромѣ того, изъ опасенія, чтобы какой-либо ничтожный инцидентъ не далъ повода для вмѣшательства державъ, императоръ отозвалъ 13 губернаторовъ и замѣнилъ ихъ людьми, завѣдомо неподкупными. Такимъ образомъ впервые въ исторіи Кореи можно было видѣть чиновниковъ, которые не купили своихъ должностей. Въ Сеулѣ же всѣ съ испугомъ спрашивали другъ друга о томъ, что дало поводъ къ подобной выходящей изъ ряда вонъ мѣрѣ.

Я долженъ оговориться, что страхи императора Ли-Хси, хотя вполне законные, были, однако, преувеличены. Вѣдь различныя заинтересованныя въ китайскомъ вопросѣ державы столкнулись съ такими большими и сложными затрудненіями, увеличивавшимися со дня на день, что имъ не было никакой, конечно, охоты усложнять дѣло. Наоборотъ, тревожныя событія въ срединной Имперіи явились для Кореи періодомъ спокой-

ствія, которое, мнѣ кажется, еще долго не будетъ нарушено, ибо всѣ въ настоящее время, какъ я могъ убѣдиться на мѣстѣ, желаютъ просто сохраненія *statu quo*. И такъ какъ усилія всѣхъ направлены въ настоящее время въ другую сторону, положеніе собственно корейскаго вопроса остается прежнимъ. Его можно характеризовать нѣсколькими штрихами. Хотя весь корейскій вопросъ сводится къ тому, Россія или Японія возьметъ верхъ въ странѣ, однако полезно характеризовать также и относительное положеніе въ Корей остальныхъ державъ. Франція имѣетъ въ Корей очень ограниченные торговые интересы. Одна французская компанія получила, нѣсколько лѣтъ назадъ, концессию на постройку желѣзныхъ дорогъ, которая, однако, не осуществилась. Въ послѣднее время одинъ французъ получилъ право на эксплуатацію обширнаго участка руденосной земли. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что на службѣ у корейскаго правительства находятся два француза, въ качествѣ совѣтника-законовѣда и совѣтника по почтовой части.

Англія имѣетъ не больше интересовъ. Торговля ея въ Корей незначительна. Однако, я долженъ отмѣтить, что въ Корей, подобно Китаю, во главѣ важнаго таможеннаго вѣдомства стоитъ англичанинъ.

Что касается Германіи, то одно время можно было думать, что она имѣетъ серіозныя намѣренія относительно Кореи, и офиціозная пресса Японіи, озабоченная этимъ обстоятельствомъ, дошла до того, что начала утверждать, будто императоръ Вильгельмъ ждетъ только случая продѣлать въ Корей то же, что въ Кіао-Чау. Это было весной 1899 г., когда принцъ Генрихъ, во время своего шумнаго путешествія по Дальнему Востоку, посѣтилъ рудныя копи, эксплуатировавшіяся нѣмецкой компаніей. Но изъ этого ничего не вышло, и нѣмецкое вліяніе на Корейскомъ полуостровѣ ничтожно.

Иначе обстоитъ дѣло съ Соединенными Штатами. Американское вліяніе, которое утверждалось нѣскольکو разъ въ политической жизни страны за послѣдніе годы, нынѣ еще очень замѣтно въ дѣловой сферѣ. Въ отношеніи политическомъ, нужно прежде всего констатировать существованіе американской партіи. Существованіе этой партіи, значеніе которой было преувеличено рассказами японскихъ журналовъ, объясняется двумя

причинами. Первая причина — это пропаганда со стороны массы американских миссіонеровъ, которые, одновременно съ толкованіемъ Библіи, стараются привить новообращаемымъ демократическіе принципы. Вторая причина — это большое личное вліяніе, пріобрѣтенное г. Алленомъ, представителемъ Соединенныхъ Штатовъ въ Корей. Бывшій миссіонеръ, сдѣлавшійся секретаремъ, затѣмъ посланникомъ, г. Алленъ живетъ въ Корей уже 20 лѣтъ. Онъ говоритъ превосходно на языкъ страны и составилъ себѣ въ Сеулѣ массу связей. Упомянутая американская партія, два года назадъ, сочла своевременнымъ дѣйствовать и потребовать реформъ. Движеніе потерпѣло неудачу и руководившій имъ знаменитый Клубъ Независимости исчезъ послѣ оживленной борьбы. Съ этого времени, правительство Соединенныхъ Штатовъ, наученное опытомъ, воздерживается отъ всякаго вмѣшательства во внутреннюю политику страны и ограничивается поощреніемъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ американцевъ. И дѣйствительно, благодаря поддержкѣ своего представителя и собственной иніативѣ, американцы имѣютъ въ Корей массу предпріятій: желѣзная дорога отъ Чемульпо до Сеула (проданная затѣмъ японцамъ), электрическій трамвай въ Сеулѣ, богатые золотые росыши на Сѣверѣ и проч. Всѣ эти предпріятія, къ сожалѣнію, проведены въ духѣ необузданнаго ажіотажа и сопровождались маневрами, обращавшими ихъ въ настоящія мошенничества, жертвами которыхъ всегда становились корейцы. Американскій синдикатъ — «шайка негодяевъ», по опредѣленію посланника одной великой державы — дѣйствуютъ всегда одинаково. Синдикатъ получаетъ концессію, положимъ, на электрическій трамвай въ Сеулѣ, выполняетъ работы, доставляетъ подвижной составъ, затѣмъ производитъ фиктивное повышеніе акцій и славляетъ все дѣло, за хорошую цѣну, корейской компаніи. И такіе господа ухитряются послѣ всего этого еще, занимать въ своихъ бывшихъ предпріятіяхъ синекуры съ солидными окладами. Такъ какъ дѣло удавалось уже нѣсколько разъ, то американцы выдумываютъ все новыя предпріятія. Такъ, во время моего проѣзда черезъ Сеулъ, происходили переговоры съ властями относительно электрическаго освѣщенія города и устройства общаго стока нечистотъ. Это въ Сеулѣ-то! Надо надѣяться, что корейцы опѣняютъ,

наконецъ, по достоинству оригинальный способъ американцевъ прививать имъ западную цивилизацію.

Но, повторяю, различныя державы, не исключая и Соединенныхъ Штатовъ, не имѣютъ, по крайней мѣрѣ нынѣ, никакого реальнаго вліянія въ смыслѣ политическомъ. Повидимому, со всѣхъ сторонъ молчаливо признается, что Корея представляетъ собою страну, гдѣ существуютъ только два противника, Россія и Японія, и гдѣ нѣтъ мѣста для вмѣшательства другихъ. Мнѣ остается прибавить, каково теперешнее положеніе обоихъ соперниковъ. Спѣшу отмѣтить, что коммерческіе интересы Японіи въ Корей всетаки значительнѣе интересовъ Россіи. Это пунктъ безспорный, да его никто и не оспаривалъ. Не останавливаясь поэтому на экономическихъ интересахъ Россіи въ Корей, нынѣ почти не существующихъ, необходимо поговорить, наоборотъ, объ интересахъ Японіи, хотя бы только для того, чтобы опредѣлить ихъ нѣсколько точнѣе и показать истинное значеніе тѣхъ сенсаціонныхъ басенъ, которыя японскіе журналы періодически пускаютъ въ оборотъ, а англійская пресса радостно разноситъ по всему міру.

«Корея представляетъ сферу исключительнаго вліянія Японіи, ибо мы имѣемъ историческія права на эту страну. Только мы одни эксплуатируемъ и обогащаемъ Корею. Тысячи японскихъ гражданъ переселяются туда ежегодно, заводя тамъ торговлю и организуя промышленность. Наши политическіе и коммерческіе интересы на полуостровѣ громадны, что даетъ намъ неоспоримое право первенства. И мы не потерпимъ, чтобы кто-нибудь лишилъ насъ этого права». Вотъ обычная теорія токійской прессы, которой никто не возражаетъ.

Но лишь только скрылись изъ моихъ глазъ берега Японіи и я увидѣлъ корейскій портъ Фузанъ, какъ мнѣ стала очевидной преувеличенность приведенныхъ словъ.

Посѣтивъ затѣмъ другіе порты: Мокпо, Чемульпо, съ ихъ японскими концессіями, я все болѣе приходилъ къ убѣжденію, что, говоря о своихъ огромныхъ экономическихъ интересахъ на полуостровѣ, подданные микадо принимаютъ свои желанія за дѣйствительность. Вездѣ, въ Сеулѣ и въ названныхъ трехъ портахъ, японскій кварталъ представляетъ одно и то же зрѣлище: узкія улицы, довольно плохо содержимыя, съ мелочными

лавченками, но никакого благоустройства, никакого богатства. Много, наоборотъ, несчастнаго и жалкаго люда: кули и джинрикши. По моему, нѣтъ особой разницы между маленькимъ деревяннымъ домикомъ японца квартала Шинкокай въ Сеулѣ и землянкой корейца, развѣ только въ степени убожества, или между японскимъ джинрикшей и его собратомъ по профессіи корейцемъ, кромѣ нахальства и неограниченныхъ претензій перваго. Вообще, несмотря на клубъ, гдѣ нѣсколько японцевъ одѣтыхъ по-европейски играютъ на билліардѣ, они далеко не занимаютъ въ Корей положеніе народа высшаго по цивилизаціи и богатству, какимъ они стараются казаться въ глазахъ своихъ сосѣдей. Но что особенно слѣдуетъ отмѣтить, это то обстоятельство, что японцы въ Корей, особенно въ Сеулѣ, представляютъ подонки японскаго народа. Большинство ихъ люди, имѣвшіе дѣло съ правосудіемъ и прибывшіе въ Корею съ цѣлью возсоздать себѣ чистую репутацію. Правительство микадо поощряетъ выселеніе подобныхъ субъектовъ, ибо ему удобно имѣть въ корейской столицѣ всегда наготовѣ подобныхъ молодцовъ на всѣ руки, которые ни передъ чѣмъ не остановятся. Этимъ объясняется, что ни одно возмущеніе въ Сеулѣ не обходится безъ японцевъ. Показанія, собранныя мною на мѣстѣ, единодушно констатируютъ это плачевное положеніе вещей.

Монсиньоръ Муттель, католическій епископъ въ Сеулѣ, имѣвшій возможность въ теченіе многихъ лѣтъ оцѣнить японцевъ по достоинству, такъ какъ католическая миссія помѣщается въ японскомъ кварталѣ, говоритъ: «Это ужасные сосѣди, и нужно избѣгать имѣть съ ними какое бы то ни было дѣло. Жаловаться же властямъ бесполезно: ихъ посланникъ и консулъ ихъ боятся». Вотъ каковы первыя наблюденія, которыхъ не можетъ не сдѣлать всякій безпристрастный зритель. Для полученія точныхъ свѣдѣній объ экономическихъ интересахъ Японіи въ Корей я обратился къ японскому посланнику и къ главному директору корейскихъ таможенъ. Что касается таможенъ, то надо замѣтить, что до японо-китайской войны 1895 г., т.-е. до момента, когда Корея перестала быть въ зависимости отъ Китая, цифры, относящіяся до торговли полуострова, публиковались періодически вслѣдъ за данными, касавшимися Китая. Но съ 1895 г. никакихъ статистическихъ свѣдѣній не публикуется,

ибо корейское правительство считаетъ, что это расходъ совершенно бесполезный. Поэтому, приводимыя ниже цифры заимствованы, съ разрѣшенія г. Броуна, директора таможенъ, прямо изъ книгъ, что увеличиваетъ ихъ интересъ. Вотъ каковы за два послѣдніе извѣстные года эти цифры въ іенахъ.

		1899	1900
Китай	{ ввозъ . . .	4.923,433	3.471,313
	{ вывозъ . . .	1.129,770	1.854,599
	{ Всего . . .	6.059,453	5.156,772
Японія	{ ввозъ . . .	6.777,171	6.658,200
	{ вывозъ . . .	4.522,963	4.215,332
	{ Всего . . .	11.300,134	10.863,582
Русская Манчжурія	{ ввозъ . . .	110,908	97,827
	{ вывозъ . . .	56,556	107,004
	{ Всего . . .	167,464	204,831
Общій итогъ	{ ввозъ . . .	11.817,562	10.228,636
	{ вывозъ . . .	5.709,489	4.997,845
	{ Всего . . .	17.527,051	15.225,185

Такова внѣшняя торговля Кореи. Изъ поверхностнаго обзора этой статистики, повидимому, на первый взглядъ вытекаетъ, что высокопарныя заявленія Японія блестяще подтверждаются. Не принадлежатъ ли, въ самомъ дѣлѣ, подданнымъ микаго $\frac{2}{3}$ всей торговли Кореи? Но при ближайшемъ разсмотрѣніи положенія вещей, этотъ кажущійся фактъ теряетъ свое значеніе. Вѣдь, хотя японцы и имѣютъ въ своихъ рукахъ почти всю внѣшнюю торговлю Кореи, самъ по себѣ итогъ ввоза и вывоза, однако, очень ничтоженъ, всего 15 милл. іенъ; изъ этого итога на долю японцевъ приходится 10 милл. іенъ. И эта сама по себѣ ничтожная цифра теряетъ еще больше свое значеніе, если сопоставить ее съ количествомъ живущихъ въ Корей и ведущихъ дѣла японцевъ. Такъ, по даннымъ японскаго посланника въ Корей, — отъ котораго заимствованы приведенныя ниже данныя, — число японцевъ въ Корей въ концѣ декабря 1899 г. было:

	Мужчинъ	Женщинъ	Итого
Фузанъ	3229	2811	6040
Чемульпо	2418	1750	4168
Сеуль	1117	868	1985
Вѣнзанъ	969	671	1640
Мокпо	539	333	872

	Мужчинъ	Женщинъ	Итого
Чинапо	201	110	311
Пень-Янъ	78	41	119
Гензанъ	176	73	249
Мазампо	87	16	103
Итого .	8814	6673	15387

Для большей точности, нужно къ этимъ даннымъ прибавить японцевъ, живущихъ внутри страны. Количество ихъ опредѣляется, по наиболѣе достовѣрнымъ свѣдѣнiямъ, до 5,000 чел. Японскія власти умалчиваютъ о нихъ, такъ какъ пребыванiе японцевъ внутри страны противорѣчитъ трактатамъ, разрѣшающимъ иностранцамъ жить лишь въ опредѣленныхъ пунктахъ. Мимоходомъ слѣдуетъ замѣтить, что японцы, очень щепетильные къ привилегiямъ, которыя имъ предоставляются международными соглашенiями, нисколько не церемонятся, если дѣло идетъ о правахъ другихъ. Во всякомъ случаѣ, цифра японскаго населенiя въ Корей достигаетъ 20,000 чел., между которыми и должны быть распределены упомянутые 10 милл. iенъ. Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, если итогъ внѣшней торговли, производимой японцами, во всей совокупности, по каждому изъ 10 открытыхъ портовъ, не достигаетъ оборотовъ любого торговаго европейскаго дома въ Шанхаѣ или Иокогамѣ. Итакъ, вотъ каковы экономическiе интересы Японiи въ Корей, сведенные къ дѣйствительнымъ соотношенiямъ. Конечно, они значительнѣе интересовъ въ Корей другихъ нацiй, почти не имѣющихъ послѣднихъ, но это обстоятельство никоимъ образомъ не даетъ японцамъ права на привилегированное положенiе и на моральный протекторатъ надъ корейцами.

Переходя теперь къ политическому положенiю, усматриваемъ совершенно иное положенiе вещей. Не буду рѣшать вопроса, какое государство получить перевѣсъ, хотя бы только видимый. Нынѣ Россiя и Японiя въ Корей занимаютъ болѣе или менѣе одинаковое положенiе. Послѣ убiйства въ 1895 г. корейской королевы, отвѣтственность за которое падаетъ на агентовъ японскаго правительства, японцы потеряли почти всецѣло свое прежнее влiянiе, которое перешло къ русскимъ. Но дѣйствiя русской дипломатiи, отозвавшей изъ Сеула финансоваго совѣтника г. Алексѣева и военныхъ инструкторовъ,

уравняли шансы обоихъ государствъ. Съ тѣхъ поръ началось строгое соблюденіе соглашенія Лобанова и Ямагаты Ниши-Розенской конвенціей, т. е., это значитъ, что настоящее положеніе сложилось путемъ взаимныхъ уступокъ и что каждая сторона стремится къ сохраненію занятаго ею положенія, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла страны. Остается отмѣтить еще одну вещь, что японцы отчасти вслѣдствіе той роли, которую они играли въ убійствѣ корейской королевы, отчасти по причинѣ своего тщеславнаго высокомерія заслужили самую искреннюю ненависть въ Корей.

Вотъ каково положеніе вещей, повидимому, выжидательное, грозное и полное непредвидѣнныхъ опасностей. Очевидно, что ни одинъ изъ противниковъ не уступитъ; каждый, имѣя жизненные интересы въ Корей, не допуститъ другого овладѣть ей. Достаточно бросить взглядъ на карту, чтобы понять ужасъ японцевъ при мысли объ укрѣпленіи русскихъ на полуостровѣ, въ двухъ шагахъ отъ острова Цусима и въ нѣсколькихъ всего часахъ плаванія отъ береговъ Японіи. Русскіе же, съ своей стороны, отлично понимаютъ опасность для Манчжуріи и Восточной Сибири, если войска микадо займутъ Имперію Тихаго Утра. И вотъ дѣло дошло до безвыходнаго положенія, которое, повидимому, нельзя распутать удовлетворительно.

Корейское правительство, однако, болѣе всѣхъ заинтересованное непосредственно въ дѣлѣ и не имѣющее желанія быть поглощеннымъ ни тѣмъ, ни другимъ изъ противниковъ, предложило какъ будто удовлетворительное рѣшеніе для примиренія противоположныхъ интересовъ. Поставленъ былъ вопросъ о признаніи и охраненіи державами нейтралитета Кореи. Подобное мудрое рѣшеніе могло бы, повидимому, удовлетворить заинтересованныя стороны. Однако, съ трогательнымъ единодушіемъ всѣ кабинеты отвергли эту идею. При такихъ условіяхъ можно думать, что Россія и Японія имѣютъ иные взгляды на Корею, нежели сохраненіе *statu quo*. Германія, Франція и Соединенные Штаты высказались противъ предложенія на томъ простомъ основаніи, что наиболѣе заинтересованныя стороны его не приняли. Для объясненія же поведенія Англіи слѣдуетъ отмѣтить, что она и въ этомъ случаѣ осталась вѣрною той идеѣ, которая руководитъ ея политикой на Дальнемъ Востокѣ

за послѣднее время: всячески вызвать конфликтъ между Японіей и Россіей. Поэтому урегулировать корейскій вопросъ разъ навсегда, и притомъ мирнымъ образомъ, было бы, по мнѣнію Англіи, равносильно потерѣ окончательно случая вызвать ссору между Россіей и Японіей. Въ этомъ вопросѣ всего болѣе жаль Корею. Нѣсколько дней, проведенныхъ среди корейцевъ, вызвало во мнѣ такую симпатію къ нимъ, какой я не чувствовалъ къ японцамъ послѣ трехлѣтняго у нихъ пребыванія. Я увидалъ страну и народъ, которые представляются аномаліей на порогѣ XX столѣтія. Край въ общемъ очень богатый, прекрасный климатъ, народъ въ ней мирный и послушный и притомъ до такой степени, что вѣка притѣсненія и отчаяннаго правленія не могли заставить его возмутиться. Этотъ народъ не способенъ къ пробужденію или къ серьезнымъ усиліямъ; европейская цивилизація интересуется его лишь настолько, насколько онъ можетъ заимствовать изъ нея новыя наслажденія, не замѣчая грозящей опасности въ формѣ внѣшняго насилія и актовъ съ непоправимыми послѣдствіями!

Не для чего скрывать, что дѣла внутри страны, дѣйствительно, никогда не шли въ несчастной Имперіи Тихаго Утра такъ скверно, какъ нынче. Императоръ—славный человекъ, но лишенный энергіи, хотя и полонъ хорошихъ намѣреній. Совѣтуясь со всѣми, онъ, въ концѣ концовъ, всегда подпадаетъ подъ вліяніе окружающихъ интригановъ, которые сумѣютъ потакать его сумасбродствамъ. Всѣ вопросы у него путаются. Время наибольшаго своего просвѣтлѣнія онъ употребляетъ на разрѣшеніе нелѣпыхъ вопросовъ этикета, въ то время какъ подчиненные его орудуютъ, какъ хотятъ, важнѣйшими интересами государства. Достаточно одного факта, дабы дать понятіе, чѣмъ занимается этотъ властитель. Будучи пораженъ той ролью, которую играютъ на Дальнемъ Востокѣ государи Китая и Японіи, и вообразивъ, что это зависитъ отъ ихъ императорскаго титула, корейскій монархъ, три—четыре года тому назадъ, замѣнилъ свой королевскій титулъ болѣе громкимъ титуломъ императора. Но скоро и этого ему показалось недостаточно; сдѣлавшись равнымъ своимъ могущественнымъ сосѣдямъ, онъ захотѣлъ стать выше ихъ, и вотъ 20 февраля 1901 года официальная корейская газета возвѣстила, что императоръ Ли-Хси будетъ именоваться впредь «великимъ императоромъ».

Въ сущности, при дворѣ и въ высшей администраціи царить полная анархія. Одно время можно было думать, что начнется эра улучшеній, именно непосредственно вслѣдъ за японо-китайской войной. Въ это время всемогущіе тогда японцы ввели рядъ разнообразныхъ реформъ. Но это было непродолжительно. Возмущенные нахальствомъ своихъ непрошенныхъ цивилизаторовъ, корейцы отвергли цѣликомъ тѣ непріятныя новшества, которыя японцы такъ неумѣло имъ навязывали. Дворъ первый стряхнулъ иго, поспѣшивъ возвратиться къ прежнимъ обычаямъ, освященнымъ вѣками. Признавая, однако, по примѣру японцевъ, что писанная хартія—признакъ хорошаго тона, корейское правительство кодифицировало старинные обычаи, опубликовавъ въ іюлѣ 1899 г. новую конституцію. Этотъ единственный въ своемъ родѣ документъ заслуживаетъ, хотя бы бѣглаго, разбора. Въ то время, какъ всѣ конституціи, конечно, имѣютъ цѣлью обыкновенно раздѣлить власть между народомъ и его главой, корейская конституція оставляетъ всю власть за императоромъ. Въ ней 9 пунктовъ: первый возвѣщаетъ независимость страны; второй гласитъ, что Корея была въ продолженіе пяти вѣковъ абсолютной монархіей и что таковой она пребудетъ во вѣкъ; третій говоритъ, что императоръ имѣетъ неограниченную власть; четвертый указываетъ, что всякій подданный, посягающій на ограниченіе власти трона, считается внѣ закона; пятый говоритъ, что государь есть главнокомандующій морскихъ и сухопутныхъ силъ, и что онъ опредѣляетъ ихъ наборъ и организацію; шестой признаетъ за императоромъ неограниченную законодательную власть: онъ издаетъ, отмѣняетъ и разъясняетъ законы; восьмой признаетъ за императоромъ исключительное право назначать и увольнять чиновниковъ и раздавать награды и почести, и девятый объявляетъ, что императоръ имѣетъ неограниченное право заключать договоры, отправлять посланниковъ, объявлять войну и заключать миръ.

Но ко всему этому корейскій народъ остается совершенно равнодушнымъ. По натурѣ онъ лѣнивъ и апатиченъ ко всему; да и не даромъ: стоитъ, на примѣръ, кому-нибудь пріобрѣсти себѣ какое состояніе, и тотчасъ найдется чиновникъ, который все отнимаетъ. Надо оставить надежду на то, чтобы Корея сво-

ими силами вышла изъ того печальнаго положенія, въ которомъ она прозябаетъ уже такъ давно, ибо народъ корейскій совершенно неспособенъ ни на какое національное движеніе. Нужно бояться частичныхъ возмущеній, которыя, не будучи въ состояніи произвести серіозныхъ политическихъ измѣненій, представляютъ опасность въ томъ смыслѣ, что могутъ подать законный поводъ къ вмѣшательству иностранныхъ державъ. Вотъ на это-то именно и намекалъ посланникъ одной великой державы, говоря мнѣ въ Сеулѣ: «Если я захочу, сегодня вечеромъ въ столицѣ будетъ бунтъ, и такъ какъ японцы могутъ сдѣлать то же самое, то вы понимаете...»

И я, дѣйствительно, понимаю, что здѣсь кроется опасность, еще не близкая, я думаю, ибо ни одинъ изъ двухъ противниковъ не принялъ окончательнаго рѣшенія, но несомнѣнная опасность для будущаго. Китайскій вопросъ еще долго будетъ затруднять канцеляріи и еще много изведетъ бумаги и чернилъ. Но мало вѣроятно, чтобы онъ повлекъ за собою серьезный конфликтъ въ скоромъ будущемъ. Притомъ и добыча, вѣдь, достаточно велика, чтобы удовлетворить всѣхъ. Иное дѣло съ Кореей. По логикѣ вещей, Россія, въ своемъ историческомъ развитіи въ Азіи, будетъ поставлена въ недалекомъ будущемъ въ необходимость овладѣть Кореей; между тѣмъ инстинктъ самосохраненія не позволить Японіи допустить грознаго противника укрѣпиться такъ близко къ ея границамъ. При такихъ условіяхъ рѣшеніе этой задачи будетъ предоставлено, вѣроятно, оружію.

И вотъ откуда скорѣе, чѣмъ со стороны Небесной Имперіи, надвигается опасность. Этого достаточно, чтобы оберегающіе всеобщій миръ дипломаты соединили свои усилія для такого рѣшенія задачи, которое, удовлетворяя законныя притязанія заинтересованныхъ сторонъ, охранило бы верховныя права человечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

«Въ Японіи птицы безъ голоса, цвѣты безъ запаха, мужчины безъ чести, женщины безъ добродѣтели» — вотъ краткій афоризмъ, въ которомъ европейцы открытыхъ портовъ Японіи обыкновенно резюмируютъ свои наблюденія надъ жизнью страны Восходящаго Солнца. Приведу кстати остроумное словечко одного дипломата, сказанное имъ на вопросъ объ его мнѣніи относительно преобразованій въ современной Японіи: «Нынѣшняя Японія это плохо сдѣланный переводъ».

Участь всѣхъ лаконическихъ формулъ, претендующихъ на остроуміе, это — не всегда достаточно выражать то, что ими хотятъ сказать. Поэтому, я, желая резюмировать всѣ впечатлѣнія, которыя у меня остались отъ трехлѣтняго пребыванія въ Японіи и которыя составляютъ плодъ добросовѣстнаго изученія этой страны, позволю себѣ высказаться нѣсколько подробнѣе.

Одновременно съ очеркомъ исторіи матеріальнаго преобразованія Японіи въ эти послѣдніе годы мнѣ хотѣлось показать въ этой книгѣ, — и это, быть можетъ составитъ въ итогѣ главную ея заслугу, — каково вліяніе подобной эволюціи на общественную жизнь Японіи. Въ исторіи не часто встрѣчаются примѣры такихъ переходовъ великой націи, менѣе, чѣмъ въ 30 лѣтъ, отъ феодальнаго строя, который былъ удѣломъ Японіи въ теченіе многихъ вѣковъ, къ современному, созданному по послѣднимъ требованіямъ прогресса, а потому чрезвычайно любопытно ближе прослѣдить послѣдствія подобной перемѣны по отношенію къ жизни народа. Изъ предыдущаго видно, что послѣдняя кореннымъ образомъ измѣнилась: внесеніе новыхъ невѣдомыхъ идей, введеніе новаго государственнаго порядка и, особенно, новыя экономическія условія, все это оказало громадное вліяніе на повседневную жизнь. От-

сюда проистекають значительныя измѣненія въ нравахъ, въ образѣ мыслей и дѣйствій у разныхъ классовъ общества, находящія отраженіе во всѣхъ сферахъ дѣятельности, начиная съ области искусствъ, вплоть до политики, въ сложныхъ задачахъ воспитанія, положенія женщины, рабочихъ и т. д. Быть можетъ мой трудъ, при всемъ его несовершенствѣ, дастъ ключъ къ лучшему пониманію того, почему въ послѣдніе годы японская дипломатія проявляла нѣкоторую нерѣшительность. Уразумѣть хорошо вѣдущую политику страны, подобной Японіи, можно только представивъ себѣ, какіе трудности должны были преодолѣть государственные люди при урегулированіи внутренней жизни народа.

При вышеизложенномъ обзорѣ современной жизни Японіи, пришлось рѣдко, къ сожалѣнію, дѣлать положительные выводы. Пришлось отмѣтить, что, если японцы, при соприкосновеніи съ европейской цивилизаціей, восприняли нѣкоторыя практическія усовершенствованія, на примѣръ, въ области примѣненія пара и электричества, то во всякомъ случаѣ они много потеряли по отношенію къ своимъ прежнимъ положительнымъ душевнымъ качествамъ, заимствовавъ въ этомъ направленіи лишь самыя дурныя черты европейскаго общества. Это мнѣніе раздѣляется, по видимому, всѣми, кто изучалъ Японію не какъ *globetrotters*; такого же убѣжденія держатся и многіе добромыслящіе и вдумчивые японцы, которые сожалеютъ о столь печальномъ измѣненіи народнаго характера. Большая честь либеральной прессы, большимъ журналамъ Токио: «*Kokoumin Shimboun*», «*Djidji Shimpō*», «*Nitchi Nitchi Shimboun*», «*Keizai Zasshi*», «*Shogyo Shimpō*», «*Maïnitshi Shimboun*», «*Djimmin*» и пр., которые ведутъ упорную борьбу въ этомъ направленіи. Достойно замѣчанія по этому поводу, что лишь эти именно журналы и проповѣдуютъ либеральное и привѣтливое отношеніе къ иностранцамъ, предоставляя консерваторамъ и шовинистамъ презирать и ненавидѣть европейцевъ, которымъ между тѣмъ сами же они подражаютъ.

Небезполезно привести нѣкоторые примѣры того, какъ просвѣщенная пресса въ Японіи порицаетъ перемѣну въ народныхъ нравахъ. Эти примѣры я заимствую, понятно, у здравомыслящихъ органовъ печати, которые не преувеличиваютъ ничего изъ того, что сообщаютъ.

«Англичане, — напечатано было въ журналѣ «Mainitchi Shimboun», — говорятъ, что русскіе это татары, слегка покрытые цивилизаціей; это выраженіе примѣнимо вполне къ японцамъ съ замѣной слова «татары» словомъ «варвары» (yabandjin). Дѣйствительно, японцы напыщены и тщеславны, и совершенно утратили чувство скромности. Они смотрятъ на Японію, какъ на страну боговъ, думая, что японскому уму нѣтъ равнаго въ свѣтѣ. Подобно тому, какъ для нихъ гора Фуджи-яма самая высокая въ мірѣ, они убѣждены, что никакое другое искусство не можетъ сравняться съ японскимъ. Словомъ, они принимаютъ за чистую монету тѣ пошлые комплименты, которые имъ говорятъ разные globe-trotters. Не слѣдуетъ забывать, что прогрессъ, совершенный нашей страной въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, объясняется именно національной скромностью, которая позволила намъ приобрѣтать недостававшія намъ знанія. Съ нѣкоторыхъ поръ, однако, нація преисполнилась самодовольствомъ, и прогрессъ остановился. Самое грубое хвастовство рѣжетъ глаза повсюду. Табачный торговецъ на Ginza (одной изъ главныхъ улицъ Токио) написалъ на своей вывѣскѣ громадными буквами: «Народъ, не забывай, что мы платимъ 300000 іенъ табачнаго налога». Чрезмѣрные претензіи, выставляемыя большинствомъ японцевъ, суть такія же вывѣски ихъ спеси.

«А посмотрите на новые обычаи. Вездѣ балы и garden-parties на европейскій ладъ, но зрѣлище, которое вы на нихъ видите, напоминаетъ обезьянъ въ клѣткѣ. Многоженство — повсюду; нерѣдко можно слышать, какъ женщины хвастаются количествомъ любовницъ у своихъ мужей. Словомъ, невозможно перечесть всѣ проступки противъ здраваго смысла и логики. Если мы обратимся къ моральной сторонѣ, то всюду найдемъ ужасное отсутствіе искренности. Одинъ французскій писатель какъ-то сказалъ, что изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ японцамъ меньше всѣхъ можно довѣряться. И это совершенно вѣрно. Множество почтенныхъ японцевъ съ прекрасной репутаціей не задумаются обмануть иностранца, и можно указать массу японскихъ купцовъ, которые ведутъ дѣла самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. Бываютъ такіе, которые на деньги, полученные на открытіе христіанской школы, заводятъ себѣ магазинъ. Студенты, возвратившіе изъ Европы, хвастаются дипломами, ко-

торыхъ они не получали. Словомъ, мошенничество и чванство, плутовскія продѣлки и тщеславіе составляютъ ту язву, которая разъѣдаетъ японское общество и мѣшаетъ прогрессу».

Тотъ же журналъ такимъ образомъ характеризуетъ общее положеніе вещей въ странѣ: «Что сдѣлалъ для народа парламентъ, на который возлагались такія надежды? Будутъ ли когда-нибудь финансы поставлены на прочномъ основаніи? Можно ли, положя руку на сердце, сказать, что народное образованіе на вѣрномъ пути? Развѣ не видно признаковъ, что религія исчезаетъ въ вихрѣ политической борьбы? Развѣ тѣнь отъ этой борьбы не подбирается уже къ подножію трона? Развѣ каста военныхъ не забрала въ свои руки министерство? Развѣ не падаетъ народная нравственность и развѣ не распространяется проституція, появляясь тамъ, гдѣ ее уничтожили?»

Съ другой точки зрѣнія, журналъ «Кокушин по Томо» отмѣчаетъ упадокъ за послѣднее время хорошаго обращенія, теряющаго мало по малу прежнюю изысканность. «Какой-то иностранецъ однажды сказалъ, что въ Японіи ломовой извощикъ положительно джентльмэнъ и служанка въ чайномъ домикѣ барышня.. Теперь же правильнѣе было бы сказать, что джентльмэны превратились въ ломовыхъ извощиковъ, а барышни въ служанокъ». Авторъ приведенной замѣтки кончаетъ жалобой, что все опопляется: нравы, языкъ, искусство и т. д.

Я обращалъ главное вниманіе при своемъ изслѣдованіи на область политики и общественныхъ дѣлъ. Я могъ бы заняться далѣе разсмотрѣніемъ другихъ сторонъ соціальной жизни. Но и сказаннаго, мнѣ кажется, достаточно, чтобы показать, что японская цивилизація, выросшая съ неслыханной быстротой, обнаруживаетъ всѣ свойственныя слишкомъ быстрому росту качества хрупкость и отсутствіе связности. Близкое будущее, можетъ быть, покажетъ, что необычайные успѣхи Японіи, о которыхъ такъ многіе говорятъ, когда заходитъ рѣчь объ этой странѣ, похожи на роковое теченіе, по волѣ котораго подданные микадо безсознательно плывутъ, какъ игрушки. Какъ хорошо было замѣчено: «западные народы, греки, латиняне, кельты, германцы, славяне, угро-финны, нынѣ имѣютъ общіе принципы, къ которымъ прежде всего принадлежитъ христіанство, затѣмъ средиземноморская цивилизація, которая, произойдя изъ Ассиріи и Египта,

получила окончательную форму въ Греціи и Италіи, далѣе, административная организація римлянъ; германское уваженіе къ женщинѣ и равенство правъ у свободныхъ людей; феодальныя традиціи чести, искусство Возрожденія, общія идеи литературы временъ Людовиковъ XIV и XV, деклараціи о свободѣ и равенствѣ, формулированныя американскимъ актомъ о независимости и конституціей 1789 года, экономическія и парламентскія доктрины англо-саксовъ, философія и историческій методъ нѣмцевъ, и, наконецъ, наука, созданная великими людьми XIX вѣка. Все это въ совокупности опредѣляетъ моральную цивилизацію современной Европы, подобно тому, какъ прогрессъ и открытія въ области техники опредѣляютъ ея матеріальную культуру. Вмѣстѣ со второю должна ли Японія принять и первую, и принять ее во всей ея цѣлостности? Могутъ ли государственные люди Японіи дѣлать выборъ отдѣльныхъ принциповъ, которые намъ кажутся нераздѣльными? Принять, какъ они это сдѣлали, науку безъ философскихъ доктринъ, изъ которыхъ она беретъ начало? Мыслимо ли вводить въ Японіи наши законы и учрежденія, не признавая нашихъ нравственныхъ принциповъ; если мы считаемъ, согласно Гегелю, что наши законы и учрежденія вытекаютъ изъ формальнаго признанія тѣхъ самыхъ принциповъ, которыми въ началѣ люди руководствовались безсознательно?»

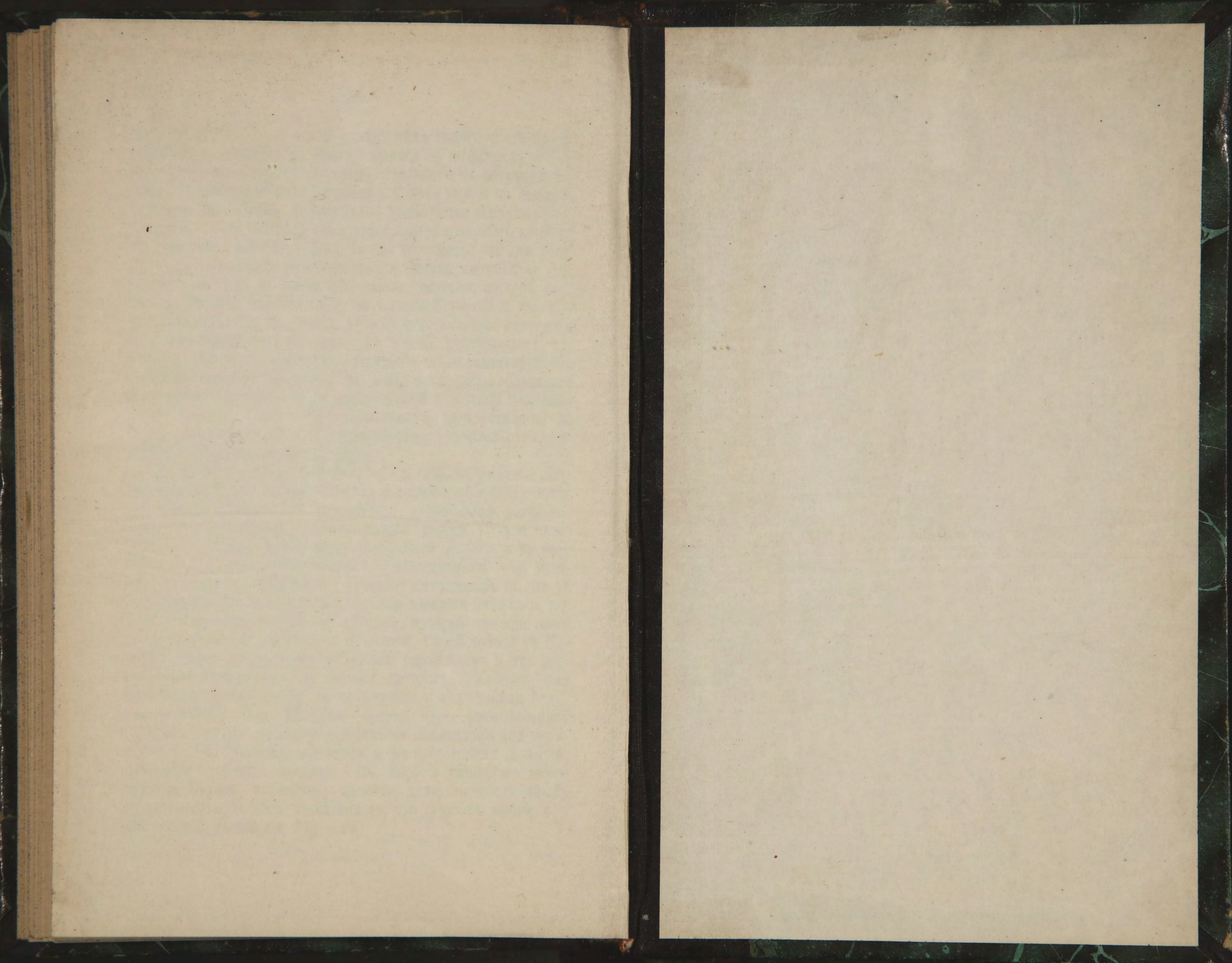
Къ несчастью, правителямъ Японіи мало до всего этого дѣла и, въ своей поспѣшности, они не понимаютъ, что, въ сущности, время самый надежный факторъ въ соціальныхъ преобразованіяхъ. Всякій поспѣшный образъ дѣйствій способенъ лишь сбить съ толку неприготовленную къ новымъ условіямъ массу. Юристы могутъ, конечно, составить для народа въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ законодательство, отдѣланное во всѣхъ мелочахъ; однако, пока эволюція въ нравахъ не пойдетъ слѣдомъ за нимъ, новыя предписанія, вмѣсто охраненія общественнаго порядка, могутъ нанести ему роковой ударъ. Монтескье сказалъ: «Существенно важно, чтобы слова закона порождали у всѣхъ людей однѣ и тѣ же идеи». И тотъ же Монтескье, ужѣ 150 лѣтъ тому назадъ, давалъ государственнымъ людямъ слѣдующій совѣтъ, которому японцамъ не худо было бы послѣдовать: «Когда вы беретесь за деликатную задачу преобразованія народа, слѣдуетъ болѣе всего остерегаться оказывать давленіе на народныя обычаи, дабы не подавить вмѣстѣ съ ними и его добродѣтелъ».

Если теперь, въ заключеніе, спросить себя: какіе же положительные и реальные результаты проистекли для японцевъ изъ громаднаго преобразованія, которое они предприняли и произвели, то трудно дать тотчасъ опредѣленный отвѣтъ. Одно достовѣрно, что низшіе классы народа, повидимому, не особенно цѣнятъ перемену въ своемъ положеніи. Японцы народъ по натурѣ беззаботный и любящій удовольствія. Они любятъ жить, какъ взрослые дѣти, и жили такъ давно. Зная, что въ общемъ жизнь пріятна и легка, они спокойно мирились съ небольшими житейскими невзгодами, утѣшая себя во всемъ съ добродушнымъ фатализмомъ. Если днемъ ихъ маленькій домикъ сгоралъ, то вечеромъ они, бродя по пожарищу, повидимому, не бывали особенно огорчены. «Столько-то домовъ должно сгорѣть въ годъ»—говорили они себѣ въ утѣшеніе. Сосѣдніе лавочники, сидя на корточкахъ на своихъ *tatami*, съ любезной улыбкой на устахъ, курили съ философскимъ видомъ свои крошечныя трубочки передъ своимъ *hibatchi* и чайникомъ, ожидая своей очереди. Нынче всѣ озабочены, всѣ думаютъ о возрастающихъ налогахъ. Театры меньше посѣщаются, и вмѣсто спора о достоинствахъ актера Данджуро или какого-нибудь знаменитаго борца, всѣ читаютъ газеты и говорятъ о политикѣ.

Все мною сказанное не лестно для японцевъ и сильно задѣнетъ ихъ самолюбіе. Но такъ какъ они претендуютъ на названіе цивилизованной націи, и такъ какъ большинство изъ нихъ глубоко презираетъ европейцевъ, которымъ, между тѣмъ, они столь многимъ обязаны, то всякій имѣетъ, конечно, право подвергать ихъ самой безпощадной критикѣ. Вѣдь, никому же не придетъ въ голову выполнить подобную работу по отношенію къ Китаю, а однако, несомнѣнно, что во многихъ отношеніяхъ жители Небесной Имперіи несравненно выше подданныхъ микадо. Я счастливъ, что могу въ этомъ отношеніи подкрѣпить свое, какъ будто парадоксальное, сужденіе свидѣтельствомъ прирожденнаго японца. Сравнивая Китай и Японію, съ точки зрѣнія консервативныхъ идей, редакторъ журнала «*Jogakou-Zasshi*» пришелъ къ заключенію, что хотя Японія съ виду кажется болѣе прогрессивной, чѣмъ Китай, но въ сущности Китай дальше ея ушелъ впередъ. «Въ Китаѣ,—говоритъ онъ,—народная масса выше въ промышленномъ и торговомъ отношеніи, чѣмъ въ Японіи. Вопреки новымъ законамъ, новой системѣ воспитанія и т. д. въ Японіи царитъ старый духъ. Торговые приемы

тамъ отжившіе. Ни въ одной странѣ нѣтъ такого числа подозрительныхъ предпріятій, провалившихся по недостатку искуснаго управленія или по отсутствію стойкости въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Китайцы же, хотя они и не любятъ, иностранцевъ, однако, не колеблясь, пользуются западными капиталами; въ то же время они лучшіе комерсанты, чѣмъ японцы. Хотя китайцы ничего не сдѣлали для пересмотра своихъ договоровъ и позволяютъ иностранцамъ занимать китайскую территорию, но въ то же время они нашли, всетаки, способъ сохранить для себя львиную долю во внѣшней торговлѣ страны, чего не замѣчается въ Японіи. Хотя съ виду китайцы находятся въ подчиненіи у проживающихъ въ Китаѣ иностранцевъ, однако, въ дѣйствительности, эти послѣдніе ими эксплуатируются. Во всемъ китайцы утилитаристы, и ихъ комерсанты обладаютъ талантомъ извлекать выгоду изъ скверной и дряблой политики своихъ властей. Въ Японіи правительство прогрессивное, но масса консервативная, а въ Китаѣ обратно, правительство консервативно, масса же прогрессивна».

На этомъ я кончаю. Мнѣ было бы неизмѣримо пріятнѣе анализировать природныя достоинства японцевъ, но я счёлъ болѣе полезнымъ освѣтить ихъ недостатки, являющіеся результатомъ того, что они находятся на плохой дорогѣ. Не моя вина, если, по ближайшемъ изученіи современной Японіи, я не могу восхищаться политикой Японіи и руководителями этой политики. Японцы заимствовали у западной цивилизаціи то, что въ ней похуже: крупные налоги и большія военныя издержки, походя въ данномъ случаѣ на дикарей, которые прежде всего упиваются нашей подмѣшанной водкой. Своей войной съ Китаемъ японцы открыли его нашествію европейцевъ и ихъ конкуренціи. Воспринявъ же систему крупныхъ налоговъ, они привлекли къ себѣ нашествіе пауперизма и подготовили будущія революціи. Они возбуждали сверхъ мѣры промышленное производство, не владѣя необходимыми капиталами для укрѣпленія его на прочномъ основаніи и не представляя гарантій, которыхъ требуетъ кредитъ. Въ Европѣ слишкомъ много льстили Японіи, и поэтому полезно, даже въ собственныхъ ея интересахъ, сказать японцамъ то, что думаютъ многіе объ ихъ способѣ пониманія прогресса.

21145

Дюжоланъ

Яковъ

М. Ф.